

Г.А. Хабургаев

ЭТНОНИМИЯ

«Повести временных лет»

*в связи с задачами реконструкции
восточнославянского глоттогенеза*

*Издательство
Московского университета
1979*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:
докт. филол. наук *К. В. Горшкова*,
канд. филол. наук *Е. Ф. Васеко*

Хабургаев Г. А.

Этнонимия «Повести временных лет». М.,
Изд-во Моск. ун-та, 1979. 232 с.

Монография посвящена процессу образования и взаимодействия древнерусских диалектов (до XIV в.), содержит обобщение новейших филологических и историко-археологических данных.

X $\frac{70102-012}{077(02)-79}$ 61—78 4602000000

© Издательство Московского университета, 1979 г.

1. О задачах и методах исследования

А. А. ШАХМАТОВ И ПРОБЛЕМЫ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ГЛОТТОГЕНЕЗА

Все специальные исследования и общие пособия по истории восточнославянских языков, изданные в последние десятилетия, начинаются с изложения гипотезы А. А. Шахматова, рассматривающей историю языка в теснейшей связи с историей говорящего на нем народа. Признавая, что «А. А. Шахматов был первым ученым, создавшим общую картину происхождения и развития восточнославянских народностей и их языков»¹, современные языковеды вместе с тем обращают внимание на схематичность шахматовской гипотезы, на ее «произвольность», на неприемлемость чуть ли не всех ее частных положений; критика шахматовского построения глоттогенеза восточных славян непременно сопровождается изложением самой гипотезы².

Подводя итоги полувековой критике шахматовской концепции восточнославянского глоттогенеза, Ф. П. Филин утверждает, что для исследовательского метода А. А. Шахматова характерен такой прием, когда «сначала вырабатывается общая схема, как бы теперь сказали, „модель“, а затем уже (в данном случае много лет спустя) отыскиваются факты, которые должны подкрепить эту „модель“»³. Видя в этом кардинальный недостаток концепции, критики А. А. Шахматова не считают нужным анализировать истоки и принципы построения «модели» восточнославянского глоттогенеза, а потому никогда не обращают внимания на то, что она создавалась не умозрительно, а на основании соотнесения собственно исторических данных с восточнославянским историко-диалектологическим материалом, накопленным к началу XX столетия.

Известно, что к вопросам восточнославянского глоттогенеза А. А. Шахматов обращался неоднократно на протяжении четверти века: первая его работа, посвященная происхождению восточ-

¹ Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972, с. 33.

² См.: там же, с. 33—83.

³ Там же, с. 35.

нославянских народов и их языков, датирована 1894 годом⁴, последняя, увидевшая свет за несколько месяцев до смерти ученого, — 1919 годом⁵. Известно и то, что на протяжении этого времени концепция А. А. Шахматова не оставалась неизменной, что от работы к работе ученый вносил в нее коррективы, с одной стороны, ощущая гипотетичность многих своих предположений, с другой — учитывая результаты конкретных историко-лингвистических исследований⁶. Подобное отношение автора к собственной «модели», безусловно, открывает возможности для ее критики современниками; но оно же создает такое положение, когда критика концепции А. А. Шахматова последующими исследователями становится некорректной, ибо по мере развития исторической диалектологии оказывается все более очевидным, что от гипотезы А. А. Шахматова можно отказаться, ее можно (и нужно) заменить иной, соответствующей современному уровню развития науки, но критиковать отдельные положения, выделяя то, что «сохраняет актуальность» и то, что «утратило свое значение», «не подтвердилось дальнейшими исследованиями» и т. п., — значит не понимать ни духа этой концепции, ни сущности методических приемов А. А. Шахматова как исследователя проблем глоттогенеза.

Одна из особенностей А. А. Шахматова как ученого заключалась в его поразительной способности к синтезу внешне разрозненных фактов и процессов, выстраивавшихся под его пером в стройную гипотетическую систему, на что в свое время обратил внимание Д. С. Лихачев, оценивая шахматовскую концепцию русского летописания⁷. Создавая «модель», А. А. Шахматов прекрасно представлял себе всю сложность языковых и собственно исторических явлений и взаимоотношений — и тех, о которых он писал, в различных местах своих исследований, и тех, что оставались «за кадром», специально не оговаривались, но имплицитно учитывались ученым. Именно поэтому его построения оказывались столь «глобальными» и притягательными, несмотря на их критику, а подчас — и непонимание их перспективности. Именно поэтому многие шахматовские «допущения», казалось бы, чисто умозрительные, впоследствии получали принципиальное и даже фактическое подтверждение⁸. Главное же в построениях А. А. Шахматова — это не сами конкретные предположения и

⁴ См.: Шахматов А. А. К вопросу об образовании русских наречий. — «Русский филологический вестник», 1894, № 3.

⁵ См.: Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.

⁶ См. первые разделы работы: Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах. — ВМУ, 1947, № 9.

⁷ См.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. — Л., 1947, с. 14—16 и далее.

⁸ См., например, о шахматовской концепции возникновения аканья-яканья: Хабургаев Г. А. О фонологических условиях развития русского аканья. — ВЯ, 1965, № 6; ср. то же о русских летописях: Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. Обзор советской литературы. М., 1975, с. 14.

допущения; главное — в поисках источников и методов реконструкции ушедших в прошлое состояний и отношений, определивших последующее развитие. Это и должно быть на первом месте при оценке той или иной шахматовской «модели», в том числе и «модели» восточнославянского этно- и глоттогенеза.

Суть гипотезы А. А. Шахматова о происхождении восточнославянских народов и их языков нельзя сводить к конкретным предположениям относительно судеб отдельных восточнославянских «племен» и их диалектов, как это обычно делается. А. А. Шахматов работал в период, когда русское языкознание уже определило необходимость использования письменных памятников для реконструкции живой речи прошлых эпох и по достоинству оценило богатейшие возможности диалектологического материала как источника исторического изучения языка, хотя в основной своей массе этот материал оставался еще неизученным и даже (сейчас мы уже можем так сказать) еще несобраным. Учитывая принципиальные возможности этих важнейших источников глоттогонической реконструкции, А. А. Шахматов понял, что при решении вопросов древнего диалектного членения и диалектного взаимодействия материал памятников письменности, при всей его важности, никогда не даст более или менее полной картины (как при решении вопросов истории письменно-литературного языка, при реконструкции истории отдельных языковых особенностей, при уточнении места и времени их развития), что эта картина может быть написана только при широком использовании данных диалектологии. Он же понял и то, что диалектологический материал при решении проблем глоттогенеза нуждается в исторической интерпретации, которая, в частности, требует внимательного изучения процессов, определяющих само языковое развитие и взаимодействие, т. е. процессов взаимодействия диалектно-этнографических групп древнего населения. А. А. Шахматов не только понял это, но и первым попытался осуществить реконструкцию восточнославянского глоттогенеза, основываясь на данных истории восточных славян (как она представлялась в его время).

Что же касается конкретных построений А. А. Шахматова, то они целиком определяются развитием гуманитарных наук конца XIX — начала XX в. и не могут квалифицироваться как «ошибки» или «недосмотры» самого исследователя. С одной стороны, А. А. Шахматов еще не располагал исчерпывающими данными восточнославянской лингвистической географии (хотя его метод реконструкции восточнославянского глоттогенеза предполагает именно лингвогеографическую основу построения!); с другой стороны, в распоряжении ученого был по существу лишь один источник по древней восточнославянской истории — «Повесть временных лет», из которой он сумел извлечь максимум содержащихся в ней исторических сведений, соотнесенных с отрывочными свидетельствами средневековых иностранных путешественников и

географов. Данными славяно-русской археологии, исторической этнографии, палеоантропологии, которых накопилось немало к последней четверти XX столетия, А. А. Шахматов оперировать не мог. Но каждый, кто понял сущность шахматовского подхода к построению историко-лингвистических «моделей», не может не учитывать, что появление нового «внелингвистического» материала, равно как и достижения восточнославянской лингвистической географии, было бы воспринято нашим крупнейшим языковедом как необходимость пересмотра прежней концепции при сохранении ее принципиальных основ, заключающихся в требовании не отрывать историю языка от истории народа, не принимать тех собственно лингвистических концепций, которые не соответствуют общ историческим процессам. Для А. А. Шахматова это не только методологическая декларация, но и основа методики реконструкции глоттогенеза; и именно в этом он опередил свое время, предугадал основное направление историко-лингвистических исследований.

Неизменные (иногда — с оттенком иронии) замечания критиков о том, что А. А. Шахматов «легко» отказывался от прежних предположений, даже не считая нужным оговаривать изменений, вносимых в прежнюю схему, по существу констатируют тот факт, что великий ученый считал главным в своей концепции не то, какими именно особенностями характеризовался диалект *кривичей* или *дреговичей*, какое именно восточнославянское племя развило аканье и т. п., а то, что взаимодействие древних племенных диалектов можно объяснить только самой историей соответствующих племен; что те или иные племенные диалекты, развившись на праславянской основе, впоследствии по-разному взаимодействовали друг с другом; что образование современных восточнославянских лингво-этнических общностей — результат относительно поздних исторических процессов, приведших к распаду более ранних общностей и сложению новых, легших в основу современных народов и определивших неодинаковые отношения между ними и внутри каждого из них, и что объяснить все эти процессы могут только факты истории народа, а не особенности языковой структуры, которые в историческом плане сами требуют объяснения.

Новейшие достижения русского языкознания, истории, археологии, этнографии, фольклористики, палеоантропологии не опровергли, а полностью подтвердили правильность и перспективность методологических основ гипотезы А. А. Шахматова. Современный исследователь восточнославянского глоттогенеза не может отказаться от них, как и не может настаивать на частных предположениях А. А. Шахматова. Задача наших дней: опираясь на принципиальные основы гипотезы А. А. Шахматова и учитывая результаты новейших историко-археологических, этнографических и лингвогеографических открытий, разработать новую концепцию восточнославянского глоттогенеза.

Последовательно настаивая в своих историко-диалектологических исследованиях на том, что историю языка нельзя ни понять, ни объяснить вне связи с историей его носителя — народа⁹, и утверждая тем самым коммуникативное единство языка народа, А. А. Шахматов тем не менее свой курс, посвященный «обзору звуков и форм современного нам русского литературного языка», т. е. посвященный, как мы сказали бы теперь, синхроническому описанию структуры языка, начинал типично младограмматическим тезисом: «Реальное бытие имеет язык каждого индивидуума; язык села, города, области, народа оказывается известною научною фикцией, ибо он складывается из фактов языка, входящих в состав тех или иных территориальных или племенных индивидуумов»¹⁰. Это утверждение принято связывать с буржуазной концепцией общества как механической суммы индивидуумов¹¹. Между тем в действительности дело обстоит значительно сложнее, ибо в основе указанных представлений лежит механистическое восприятие реальных (а не надуманных!) фактов действительности, отражающих диалектическую сущность языка как специфического общественного явления.

Известно, что современное описательное языкознание рассматривает язык как систему социально обусловленных знаков, находящихся в определенной взаимной связи. Но в этом случае оказывается, что знаковая система, находящаяся в распоряжении каждого отдельного коллектива регулярно общающихся и даже каждого индивидуума, в чем-то (в каких-то своих элементах) отлична от знаковой системы, используемой соседним коллективом регулярно общающихся, другим индивидуумом. Эмпирически это было замечено уже младограмматиками¹², а затем и их противниками, например И. А. Бодуэном де Куртенэ, который, подобно младограмматикам, провозгласил: «Конечно, так называемый русский язык представляет из себя чистейшую фикцию <...> Существуют ...одни только индивидуальные языки... Племенной же или национальный язык представляет из себя средний вывод из известного количества индивидуальных языков»¹³. Факт территориального или социального членения языка на первый взгляд кажется подтверждением этого тезиса и вместе с тем противоре-

⁹ См.: Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка, с. 9; Он же. Курс истории русского языка, ч. I, изд. 2. Спб., 1910—1911, с. 11—13 и др.

¹⁰ Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка, изд. 4. М., 1941, с. 59.

¹¹ См.: Бернштейн С. И. Предисловие. — В кн.: Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка, с. 15—16.

¹² См.: Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960, с. 58—68.

¹³ Бодуэн де Куртене И. А. Введение в языковедение, изд. 5 (литограф). Пг., 1917, с. 41.

нием идее единства языка народа (народности, нации), который при последовательно структурном подходе к языку интерпретируется как метасистема, моделируемая на основе структурной близости частных функциональных (например, диалектных) систем¹⁴. И хотя эмпирически язык народа как «система систем», действительно, объединяет множество структурно близких частных функциональных систем (включая диалекты, просторечие, систему литературного языка), исторически в основе этого объединения лежит отнюдь не факт структурной близости, а потому при отвлечении от социально-исторического аспекта проблемы «в качестве системы систем могут быть интерпретированы не только диалекты одного языка, но и диалекты родственных языков: эти диалекты структурно сходны и обладают потенциальной возможностью быть использованными в качестве средства общения между носителями родственных языков»¹⁵.

Итак, очевидно, что структурная близость не определяет коммуникативного единства языка, являющегося средством общения определенной социально-этнической общности (народности, нации) и не тождественного в структурном отношении самому себе на всей территории функционирования. Коммуникативное единство языка народа определяется тем, что составляющие его частные функциональные системы, являющиеся его частными функциональными разновидностями, которые обслуживают отдельные социальные или территориальные группы народности или нации, находятся в отношении тесного взаимодействия как между собой, так и с системой общего для всего народа кодифицированного литературного языка¹⁶. Состав и взаимоотношения этих частных функциональных систем, обслуживающих народность или нацию во всем ее объеме, определяются социально-историческими факторами, а потому это социально обусловленное единство можно назвать *социальной системой языка* как средства общения¹⁷. Иными словами, «единство языка и его дробление на диалекты связаны прежде всего с ролью языка как

¹⁴ См. новейшие опыты: Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972; Калынин Л. Э. Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. Фонологическая система. М., 1973.

¹⁵ Калынин Л. Э. Опыт моделирования системы украинского диалектного языка, с. 9.

¹⁶ См.: Хабургаев Г. А. Основные диалектологические понятия в свете данных лингвистической географии (на материале русского языка). — «Славянская филология. Сборник статей», вып. 9. Изд-во МГУ, 1973.

¹⁷ См.: Хабургаев Г. А. О принципах построения программы курса «Историческая грамматика русского языка» для педагогических институтов. — РЯШ, 1971, № 3, с. 102. По своему объему понятие *социальной системы языка* совпадает с понятием *язык народности* или *язык нации*; что же касается предлагаемого термина, то, несмотря на его очевидную условность, им приходится пользоваться во всех случаях, когда необходимо подчеркнуть социально-историческую обусловленность коммуникативного единства языка народности или нации.

«средства общения»¹⁸ и лишь отражаются в структурной близости (но не тождественности!) его частных функциональных систем.

А. А. Шахматов едва ли не первый понял это эмпирически, а потому тезисы о социальной сущности языка и о реальности лишь «языка индивидуума» в его работах никогда не соседствуют! Обращаясь к описанию отдельных языковых особенностей как элементов системы языка, он не мог не заметить варьирования этих особенностей не только в территориальном или социальном плане, но даже в речи отдельных носителей языка. Обращаясь же к проблеме происхождения языка как средства общения народа, он не мог не заметить, что ее решение связано с необходимостью анализа социально-исторических условий объединения родственных функциональных систем (диалектов) в единую «систему систем» — социальную систему языка, а потому и подчеркивал невозможность решения этой проблемы без учета самой истории народа, а точнее — условий образования соответствующей социально-этнической общности. А это значит, что проблема восточнославянского глоттогенеза не может быть сведена к решению вопросов о том, когда и как развились те или иные языковые особенности, характеризующие, скажем, русский, белорусский или украинский язык (зачастую — не все говоры каждого из этих языков и вместе с тем объединяющие отдельные говоры разных языков). На первый план здесь выдвигаются вопросы о том, почему наиболее близкие друг другу в структурном отношении говоры оказались в составе разных языков (например, русского и белорусского), а менее близкие — в составе одного языка, одной «системы систем» (например, южно- и северновеликорусские говоры). Совершенно очевидно, что история отдельных структурно-языковых особенностей не дает ответа на эти вопросы; тем более, что сама она зачастую является лишь отражением взаимодействия или, напротив, разобщения диалектов, но ни в коем случае не определяет этого взаимодействия или разобщения. Так оформляется понимание двух направлений историко-лингвистических разысканий, одно из которых выдвигается на первый план при освещении проблемы происхождения восточнославянских языков. И оба эти направления представлены в исследованиях самого А. А. Шахматова.

С одной стороны, история языка — это история его звуков и форм, превосходно разработанная в «Очерке древнейшего периода истории русского языка» (1915 г.), в «Курсе истории русского языка» (1910—1911 гг.) и многочисленных частных исследованиях А. А. Шахматова. Эти исследования, опирающиеся на показания памятников письменности, интерпретированные с помощью диалектологического материала, позволяют

¹⁸ Жирмунский В. М. О некоторых проблемах лингвистической географии. — ВЯ, 1954, № 4, с. 3.

осветить развитие структурно-языковых особенностей русского и других славянских языков, т. е. констатировать, какие особенности, отличая друг от друга современные восточнославянские языки и не являясь общедревнерусским (общевосточнославянским) наследием, восходят к древним диалектным особенностям древнерусского языка, какие — развились в период обособления новых восточнославянских языковых ареалов и т. д. Но эти исследования не могут осветить ни причин, ни условий обособления этих ареалов, не могут вскрыть причинно-следственных отношений в языковом развитии, ибо отношения эти определяются не качеством тех или иных звуков и не соотношением форм, а условиями функционирования систем, характеризовавшихся описанными (синхронически и исторически) звуками и формами.

Для вскрытия причинно-следственных отношений требуется иной план исследования, при котором история языка — это история образования и взаимодействия родственных (и неродственных) функциональных систем (диалектов) в связи с историей их носителей, что и разрабатывалось в трудах А. А. Шахматова, посвященных вопросам образования восточнославянских языков как самостоятельных коммуникативных единств, обслуживающих исторически сложившиеся разные восточнославянские народности (позднее — нации). Как было сказано, история звуков и форм отражает, а не определяет историю диалектного взаимодействия. Поэтому в работах этого направления А. А. Шахматов прежде всего пытался проследить историю носителей восточнославянских диалектов и, обращаясь к собственно языковым данным, опирался лишь на те немногие, которые позволяют выделить в рамках восточнославянского языкового ареала достаточно компактные диалектные массивы и вместе с тем могут быть приурочены по времени развития и распространения к периоду, предшествующему распаду древнерусского (восточнославянского) языкового единства. Во времена А. А. Шахматова — это немногие фонетические особенности ($z \sim \gamma$, цоканье \sim различие аффрикат, «оканье» \sim «аканье» и некоторые другие), на ареалы которых он и мог опереться в поисках языкового отражения древних диалектных массивов и диалектного взаимодействия, ибо достоверными лингвогеографическими характеристиками других диалектных (или по крайней мере общевосточнославянских) особенностей достаточно древнего происхождения А. А. Шахматов еще не располагал. Между тем для указанного направления исследований языковой материал, отражающий процессы образования и взаимодействия древних диалектов, может использоваться только в лингвогеографической интерпретации, а потому «великий знаток древней письменности» А. А. Шахматов «строил свои гипотезы главным образом на основе современных говоров и ставил на второй план возможность

установления диалектных областей по данным древних письменных памятников»¹⁹.

Создавая свою «модель» восточнославянского этно- и глоттогенеза, А. А. Шахматов опирался на две основные предпосылки, которые для русского исторического языкознания конца XIX — начала XX в. следует оценивать как знания, а не предположения:

1. Современные восточнославянские народы и их языки сформировались на базе славянских диалектно-этнографических групп, сложившихся к концу древнерусского периода — ко времени распада древнерусской народности.

2. Позднерусские диалектно-этнографические группы, в свою очередь, оформились в результате объединения славяноязычных племен Восточной Европы, охарактеризованных «Повестью временных лет», следовательно, их диалектные особенности обусловлены особенностями диалектов тех племен, которые вошли в соответствующие объединения.

Именно этими исходными положениями и определены направления историко-диалектологических разысканий ученого. В самом деле, хорошо известно, что современные восточнославянские диалекты могут быть объединены в четыре противопоставленных друг другу группы (ибо северно- и южновеликорусы в языковом отношении, как и в этнографическом, противопостоят друг другу не в меньшей степени, чем каждое из этих объединений — белорусам и украинцам). Но коль скоро современные восточнославянские народы и их языки сложились на базе диалектно-этнографических групп позднерусского периода (первое из исходных положений), то следует считать, что именно таков был состав и примерные географические границы позднерусских диалектно-этнографических групп, которые характеризовались соответственно украинскими, белорусскими, южно- и северновеликорусскими языковыми особенностями, развившимися не позднее рассматриваемого времени, т. е. не позднее XIII—XIV вв. Из числа таких особенностей во времена А. А. Шахматова, как указывалось, мог быть выделен фрикативный [γ], характеризовавший ареалы будущих украинских, белорусских и южновеликорусских говоров и противопоставлявший их ареалу будущих северновеликорусских говоров со смычным [г]. Последний характеризовался также цоканьем, противопоставлявшим его остальным ареалам — с сохранением двух глухих аффрикат. К числу «опорных» признаков, лежащих в основе диалектного членения, отнесено и такое своеобразное восточнославянское явление, как аканье-яканье, объединявшее ареалы будущих белорусских и южновеликорусских говоров и противопоставлявшее их двум остальным ареалам. Во всех случаях речь идет о противо-

¹⁹ Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков, с. 92.

поставлениях типа «инновация ~ архаизм», поэтому возникает необходимость локализовать развитие инновации и объяснить ее распространение, если ее изоглосса охватывает более одной позднерусской диалектной зоны.

Из числа классифицирующих инноваций лишь одна не выходит за пределы зоны ее первоначального распространения: это — цоканье. И именно эта древняя инновация отражена в старейших из дошедших до нас письменных памятниках, а потому бесспорно может быть отнесена к дописьменному периоду. Остальные «опорные» восточнославянские инновации в дошедших до нас собственно древнерусских текстах отражения не нашли; но это не означает, что они развились после распада древнерусской народности и ее языка: отсутствие фактов отражения [y] объясняется особенностями кириллической графики²⁰, а аканье-яканье развилось в говорах территорий, письменные памятники которых дошли до нас от более поздних времен, следовательно, и эта черта может рассматриваться как инновация дописьменного (по отношению к данным территориям) периода. Это означает, что локализация и хронологизация соответствующих особенностей требуют сравнительно-исторической интерпретации (в плане так называемой внутренней реконструкции). Поскольку в обоих случаях речь идет об инновациях, охватывающих более одной позднерусской диалектно-этнографической зоны, то возникает возможность предполагать, что обе они развились до распада древнерусского языка, т. е. до XIV столетия. А так как языковые особенности позднерусских диалектно-этнографических групп определены особенностями диалектов составивших их племен (второе из исходных положений), то возникает предположение, что и [y], и аканье-яканье до рассматриваемого времени были особенностями каких-то восточнославянских племенных диалектов или по крайней мере диалектов каких-то племенных объединений, вошедших затем в состав разных диалектно-этнографических групп, легших в основу соответствующих восточнославянских народностей.

Логическая обоснованность изложенных рассуждений не вызывает сомнений, следовательно, не может оспариваться и вытекающий из них вывод, если верны исходные положения, которые, кстати сказать, до сих пор не подвергались критике ни со стороны лингвистов, ни со стороны историков.

Возражения А. А. Шахматову возникают тогда, когда он выходит за пределы сформулированного выше вывода и приступает к выяснению частных вопросов проблемы: когда именно развились инновации, противопоставившие друг другу предполагаемые

²⁰ Ср.: Хабургаев Г. А. Заметки по исторической фонетике южно-великорусского наречия (Консонантизм). — «Учен. зап. [МОПИ им. Н. К. Крупской]», т. 204. Русский язык, вып. 14. М., 1967, с. 167—169.

позднедревнерусские диалектно-этнографические зоны? В диалектах каких именно племен или племенных объединений эти инновации развились первоначально? Чем обусловлено их последующее распространение на соседние диалекты? Отсутствие безупречного фактического материала, отнесенного к дописьменному периоду, не позволяет ответить на эти вопросы с необходимой убедительностью, поэтому в работах разных лет А. А. Шахматов и отвечал на них по-разному, неизменно сохраняя лишь принципиальные основы своей концепции и те общие выводы, которые логически вытекают из принятых им исходных положений. А то, что, понимая преждевременность постановки частных вопросов восточнославянского глоттогенеза, А. А. Шахматов все же настойчиво обращался к ним на протяжении всей своей деятельности, обуславливалось необходимостью поисков путей и методов реконструкции диалектного членения древнего восточнославянского языкового ареала. Поиски эти и сейчас еще не утратили своей актуальности, тем более, что уже накоплен достаточно обширный и разнообразный материал, позволяющий с большей уверенностью, чем прежде, заглядывать в прошлое восточнославянской языковой истории²¹. Однако, обращаясь к этому материалу, в первую очередь — прежде чем ставить частные вопросы рассматриваемой проблемы — следует проверить реальность тех представлений о языковой преемственности в глоттогенезе восточных славян, которые и для А. А. Шахматова, и для всех последующих исследователей оставались исходными. Иными словами, опираясь на обобщенный лингвогеографический материал и накопленные историко-археологические данные, необходимо проверить (см. выше):

1. Действительно ли ко времени распада древнерусской народности сложились именно такие диалектно-этнографические группы, которые предопределили границы и состав формирующихся после XIV в. восточнославянских народов (т. е. по существу «праукраинская», «прабелорусская» и т. д. группы)?

2. Действительно ли позднедревнерусские диалектно-этнографические группы населения (независимо от того, каким окажется их состав и границы) непосредственно связаны с племенами, названными «Повестью временных лет»? Или иначе: кто были летописные «поляне», «деревяне», «северяне» и т. д., когда они существовали и каково их отношение к тем или иным местным группам собственно древнерусского населения?

Анализу материала, необходимого для ответа на поставленные вопросы, и посвящена эта книга.

²¹ См.: Хабургаев Г. А. Возможности «лингво-археологической» реконструкции восточнославянского глоттогенеза (К постановке вопроса). — ВМУ. Сер. 10. Филология, 1974, № 2.

**ПОНЯТИЯ ДИАЛЕКТА
И ДИАЛЕКТНОЙ ЗОНЫ
В СВЕТЕ ДАННЫХ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ**

Реконструкция диалектного членения прошлых эпох, основанная на лингвогеографических данных, требует уточнения традиционных историко-диалектологических понятий, и прежде всего понятия «диалект», являющегося центральным в глоттогонических исследованиях.

Известно, что термин «диалект» используется в языкознании как для обозначения языковой системы, обслуживающей племя (или племенной союз), которое представляло относительно самостоятельную этническую единицу, не связанную регулярным общением с родственными по происхождению этническими группами²², так и для обозначения частной функциональной разновидности языка, обслуживающей территориальную или социальную группу развитой народности или даже нации, когда процессы языковой нивелировки достаточно заметны и за столетия сводят к минимуму различия между частными функциональными системами, вошедшими в социальную систему одного языка.

Взаимодействие диалектов, обусловленное процессами формирования народности, а затем — нации, ведет к изменению первоначальных границ языковых особенностей (изоглосс), которые отражают результаты этого взаимодействия не однозначно. На лингвистических картах это обнаруживается в несовпадении изоглосс даже структурно близких диалектных явлений, что и создает впечатление «языковой непрерывности», при которой пучки изоглосс «не покрывают друг друга, так что понятие общего диалектного ядра на территории близких друг другу говоров (каковыми являются, например, говоры русского языка) оказывается довольно условным»²³. А поскольку сложное переплетение изоглосс отражает результаты длительного взаимодействия, обусловленного социально-историческими процессами, возникает идея интерпретации диалекта как категории исключительно исторической. В самом деле, «в истории языков древние границы диалектов, унаследованные от эпохи расселения племенных объединений,

²² Ср. формулировки Ф. Энгельса при описании процесса образования диалектов североамериканских индейских племен (по материалам исследования Л. Моргана): на обширных малозаселенных территориях прерывается регулярное общение между племенными группами, складывается ситуация, когда «племя и диалект по существу совпадают», а со временем в этих условиях диалекты могут превращаться в самостоятельные языки, «утрачивая почти всякий след первоначального единства» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 93—97 и др.).

²³ Филин Ф. П. Некоторые проблемы реконструкции древнерусских диалектов. — СЯ. М., 1968, с. 383; Он же. Происхождение русского, украинского и белорусского языков, с. 88.

сохраняются во взаимодействии с диалектными образованиями более позднего времени. Границы новых диалектных членений могут как наслаиваться на старые рубежи (если для этого существуют основания социально-исторического характера), так и пересекать их новыми пучками изоглосс. Старые диалектные ареалы могли быть расколотыми в результате новых обособлений... С другой стороны, диалектные признаки исторического характера могли, распространяясь, выходить за пределы своих первоначальных ареалов, если соответствующий диалектный тип приобретал определенный социальный престиж... Многообразие и сложность процессов диалектообразования и соотношения их с противоположными тенденциями в развитии языков определяют в основном причинами экстралингвистического характера. Поэтому постановка вопроса об историческом содержании понятия „диалект“ теоретически оправдана и необходима»²⁴. Такое понимание диалекта неизбежно при объяснении современного распределения изоглосс, ибо действительно «несовпадение между собою изоглоссы и изоглоссных пучков обычно обуславливается их возникновением в разные исторические эпохи»²⁵ и, следовательно, их распространением в неодинаковых исторических условиях. Но этот подход приводит и к фактическому исключению соответствующего понятия из синхронических диалектологических описаний, если признается, что на лингвистической карте невозможно обнаружить более или менее заметные языковые границы между диалектами.

Разделяя указанную точку зрения, Ф. П. Филин считает, что в современных исследованиях по лингвистической географии, использующих понятие диалекта, «при определении диалекта и его границ общее подменяется частным, т. е. границы распространения отдельных диалектных явлений выдаются за границы всего диалекта (как будто диалекты противопоставляются друг другу не отдельными явлениями! — Г. Х.) и диалект при таком подходе оказывается не лингвистическим, а географическим понятием»²⁶. Между тем лингвогеографические данные, по мнению того же автора, предоставляют возможность иного решения вопроса: «Большим достижением лингвистической географии является открытие, что каких-то общих границ диалекта (наподобие границ между княжествами, губерниями, областями и т. д.) не существует»²⁷. Реальны лишь изоглоссы отдельных явлений... Некоторые

²⁴ Десницкая А. В. Об историческом содержании понятия «диалект». — В кн.: Лениннизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970, с. 366.

²⁵ Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков, с. 88.

²⁶ Там же, с. 87.

²⁷ Аналогия явно неудачна, ибо и «между княжествами, губерниями, областями и т. д.», как и между диалектами, не существует никаких «общих границ»: речь может идти лишь об условных политических или административных границах, которые исторически изменяются, что, между прочим, и находит отра-

изоглоссы более или менее близки друг к другу, составляя пучки изоглосс. Пучки изоглосс составляют диалектные зоны, которые можно называть диалектами»²⁸, представляющими собою «своеобразную систему сочетания общенародных и локальных языковых элементов»²⁹. Совершенно очевидно, что такое решение вопроса не может быть признано удовлетворительным, ибо последовательный подход к диалекту как категории исторической не позволяет сводить его к понятию диалектной зоны: логика рассуждений требует от сторонников такого подхода видеть в пучках изоглосс, очерчивающих изоглоссные области (см. ниже), не современные диалекты, а лишь «размытое» отражение прежних границ диалекта, постепенно разрушающегося под действием процессов, «противоположных» диалектообразованию. Между тем диалект — это синхроническая реальность (а не условное обозначение изоглоссной области!), которая обнаруживается в историко-диалектологических реконструкциях, касающихся различных эпох развития социальной системы языка. И это диктует необходимость уточнения как самого понятия «диалект», так и его отношения к понятиям говора и диалектной зоны, которые в работах последних лет употребляются рядом с понятием диалекта.

* *
*

В ряду основных единиц диалектного членения языка собственно структурно-лингвистическим является понятие говора. Говор — это географически неделимая (минимальная) частная функциональная система, характеризующаяся особенностями, которые повторяются во множестве других частных функциональных систем — в других говорах данного языка. С точки зрения функциональной говор можно охарактеризовать как языковую

жение в несовпадении изоглосс диалектных явлений, распространявшихся в разное время. Вместе с тем отнюдь не лингвистическая география открыла, «что каких-то общих границ диалекта... не существует»: это понятие с самого начала его появления в этнографической и лингвистической литературе употреблялось только в значении 'местная разновидность' более общей коммуникативной единицы, именуемой языком (независимо от того, как понимались взаимоотношения между языком и его диалектами в разные периоды развития науки), а потому никогда не считалось, будто диалекты одного языка могут отделяться друг от друга «какими-то общими границами»! Лингвистическая география не опровергла, а уточнила прежние представления, в частности заставила по-новому подойти к решению вопроса о соотношении диалектных границ и «границ между княжествами, губерниями, областями и т. д.», ибо предоставила в распоряжение диалектологов достоверные факты, сопоставимые с собственно историческими данными (о чем см. ниже).

²⁸ Ф и л и н Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков, с. 87—88.

²⁹ Там же, с. 87.

систему, обслуживающую коллектив регулярно общающихся, практически — жителей одного населенного пункта или даже его части³⁰.

Как обозначение частной функциональной единицы термин *говор* включается в ряд наименований функционально-языковой иерархии. Так, совокупность структурно близких говоров может быть объединена в группу говоров [русского и т. д.] языка, которая проецируется на географическую карту. Это значит, что *группа говоров* — понятие функционально-географическое, ибо оно объединяет слабо дифференцированные частные функциональные системы, входящие в социальную структуру языка и обрисовываемые на географической карте серией изоглосс (пучком изоглосс)³¹. «Различия между отдельными говорами, входящими в состав той или иной группы, носят, как правило, частный характер»³². Несколько групп говоров, объединяемых набором существенных для данного языка признаков, в соответствии с диалектологической традицией, составляют наречие, которое противопоставляется иному наречию — как ряду групп говоров, входящих в социальную структуру того же языка и объединяемых набором общих для них признаков. Очевидно, что при функционально-географической характеристике того или иного языка введение понятия *наречие* является факультативным; необходимость в нем возникает лишь в тех случаях, когда обнаруживается несколько отчетливо противопоставленных друг другу объединений групп говоров (как это наблюдается на территории распространения русского языка).

Таким образом, в иерархическом ряду *язык* — [*наречие*] — *группа говоров* — *говор* не только функциональным, но и структурно-лингвистическим является лишь последнее понятие, в то время как первое оказывается понятием лингво-этническим (если речь идет о языке как средстве общения племенной конфедерации, народности или нации, т. е. лингво-этнической общности) и одновременно — функционально-географическим (поскольку язык как коммуникативная единица обслуживает население определенной территории). Остальные единицы намеченного ряда оказываются понятиями только функционально-географическими, отра-

³⁰ Ср.: «Точечной территориальной единицей языка является говор одного или нескольких населенных пунктов. В системно-структурных особенностях говора нет отличий в его территориальном функционировании, т. е. не отмечается ареальных различий его элементов. Говор функционирует в качестве единой структурно-системной общности» (Жилко Ф. Т. Ареальные единицы украинского языка. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970. М., 1972, с. 8).

³¹ По мнению В. Г. Орловой, группы говоров являются реальными местными «разновидностями диалектного языка» («Общие проблемы диалектологии и истории языка. Ответы на вопросник [Научного совета по диалектологии и истории языка АН СССР]». М., 1969, с. 25).

³² Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970, с. 25.

жающими территориальное распределение частных функциональных систем социальной структуры одного языка в синхроническом плане.

Термин *диалект* выпадает из намеченного иерархического ряда. В соответствии с традицией его употребления он может обозначать те же явления действительности, что и «говор», «группа говоров» и даже «язык», но характеризует эти явления с иной стороны, ибо связан с лингво-этнографическим членением более широкой лингво-этнической общности и является одним из признаков (одним из составляющих) этнографической характеристики населения (подобно тому, как язык является важнейшим признаком этноса). При этом сложившаяся традиция употребления термина *диалект* позволяет придавать ему как историческое, так и синхроническое содержание³³.

Если в плане историческом диалект — это группа говоров, на протяжении определенного исторического периода развивавшихся в тесном взаимодействии, обусловленном внеязыковыми факторами, то в плане синхроническом диалект — это средство общения своеобразной этнографической группы или населения исторически сложившегося района внутри народности или нации. Оба определения означают, что на географической карте диалект (в отличие от группы говоров), подобно языку как средству общения народности или нации, очерчивается прежде всего культурно-этнографическими границами, которым в той или иной степени могут соответствовать границы отдельных языковых явлений. Вот почему перед исследователем, опирающимся при изучении проблем глоттогенеза на диалектные зоны, очерчиваемые на лингвистической карте пучком изоглосс, стоит предварительная задача — «выбрать для выделения диалектов такие различительные черты, которые в наибольшей степени соответствовали бы различиям в материальной и духовной культуре, различиям этническим и социально-историческим, различиям в истории народа, в пройденном им историческом пути на разных территориях»³⁴.

Таким образом, диалект — это ограниченная «социальная система», которая объединяет группу структурно близких; но, как правило, не тождественных говоров и по мере развития народности оказывается частью социальной структуры ее языка³⁵. За пределами любого данного диалекта, в частности, могут оказать-

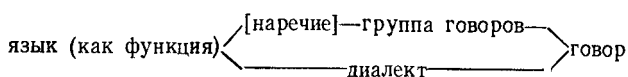
³³ См.: Хабургаев Г. А. Основные диалектологические понятия в свете данных лингвистической географии, с. 9 и далее.

³⁴ «Вопросы теории лингвистической географии», под ред. Р. И. Аванесова М., 1962, с. 27.

³⁵ Ср. характеристику диалекта как макросистемы говоров и одновременно микросистемы по отношению к языку как средству общения нации, в целом (см.: Аванесов Р. И. Описательная диалектология и история языка. — СЯЗ М., 1963; ср. также: «Русская диалектология», под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1965, с. 15). Следует отметить, что в эпоху родо-племенных

ся говоры, структурно очень близкие, но по причинам экстралингвистического (культурно-этнографического, социального) порядка входящие (или включаемые) в системы разных диалектов³⁶.

Итак, диалект как единица территориально-лингвистического членения, объединяя группу структурно близких говоров и являясь частью социальной системы языка, включается в иерархический ряд, параллельный тому, который требует введения понятий *наречие* и *группа говоров*: последний ряд понятий связан с функционально-географическим членением языка как средства общения, в то время как понятие диалекта связано с лингво-этническим членением:

Что же касается широко используемых в современном языкознании понятий *диалектная зона* и *изоглоссная область*, то они не могут быть включены ни в один из намеченных иерархических рядов, поскольку отражают не географию частных функциональных систем, а территориальное распределение отдельных особенностей языка как знаковой структуры. Вместе с тем конкретные задачи описательной и исторической диалектологии требуют дифференциации этих двух терминов, которые в большинстве современных исследований используются как синонимы. Видимо, было бы целесообразным закрепить за одним из них понятие синхроническое (чаще всего в этом плане используется термин *изоглоссная область*), за другим — диахроническое (*диалектная зона*). Иными словами, изоглоссная область — это регион, очерчиваемый пучком изоглосс на лингвистической карте. Термин же *диалектная зона* в этом случае будет обозначать изоглоссную область, в границах которой в определенный исторический период осуществлялись общие языковые переживания. Предложенная дефиниция терминов означает, что о диалектной зоне можно говорить лишь в том случае, если имеются основания предполагать, что рассматриваемый пучок изоглосс отражает

отношений возможно такое положение, когда диалект теряет право на родовое определение — перестает быть *диалектом* [такого-то] *языка*, если его носители (скажем, племя) обособляются и не входят в состав более широкой лингво-этнической общности. Так, например, вряд ли диалекты славянских племен, вполне и окончательно обособившихся к VI в. н. э., можно называть диалектами *славянского* (или *праславянского*) *языка*, коль скоро единого славянского (пра-славянского) культурно-этнического комплекса к этому времени уже не существовало. Это и есть та ситуация, когда «племя и диалект по существу совпадают» (см. выше, примеч. 22), а термин *диалект* в функциональном плане по своему содержанию оказывается равнозначным термину *язык*.

³⁶ Ср.: Леч Р. О соотношении категорий «язык» и «диалект». — В кн.: Русское и славянское языкознание. К 70-летию чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1972, с. 162—166 и далее.

диалектные особенности, оформлявшиеся и распространявшиеся на протяжении одного относительно ограниченного периода и связанные с одним и тем же комплексом внеязыковых (социально-исторических) условий, но не представляет собой случайного совпадения изоглосс.

* *

*

Лингвистическая география, как известно, обнаружила несовпадение границ диалектных особенностей (изоглосс), характеризующих структуры одних и тех же групп говоров (диалектов), что и послужило причиной либо полного отказа от понятия диалекта, либо сведения его к группе говоров, охватываемых пучком изоглосс. Между тем то обстоятельство, что на лингвистической карте границы диалектов отражены пучками изоглосс, не должно служить основанием для утверждений, будто «более правомерным представляется выделение не диалектов как противопоставленных друг другу систем, но диалектных областей или диалектных зон»³⁷. Ставить знак равенства между двумя этими понятиями («Пучки изоглосс составляют диалектные зоны, которые можно называть диалектами»³⁸) — значит не видеть разных аспектов в лингво-этнографических и историко-диалектологических исследований.

Понятие изоглоссной области (или диалектной зоны) необходимо при характеристике реального диалектного членения развитого национального языка, когда только пучки изоглосс могут напоминать о бывших языковых взаимоотношениях; необходимо оно и в историко-диалектологических реконструкциях, прослеживающих развитие и распространение отдельных языковых особенностей. Но коль скоро исследователь обращается к изучению процессов глоттогенеза, которые требуют анализа условий и направлений взаимодействия носителей родственных и неродственных языковых систем, понятие диалектной зоны не может заменить ему понятия диалекта, ибо оно связано с отражением результатов этого взаимодействия на географической карте в виде изоглосс отдельных языковых явлений. Взаимодействуют же диалектные системы (диалекты объединяющихся или, напротив, обособляющихся групп населения), но не отдельные диалектные явления. Так, например, проблема образования родственных языков (которая и решается при реконструкции восточнославянского глоттогенеза) — это проблема обособления и взаимодействия диалектов (а не диалектных зон!) в связи с обособлением и консолидацией их носителей, что и отражается на карте

³⁷ Десницкая А. В. Об историческом содержании понятия «диалект», с. 361—362.

³⁸ Филін Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков, с. 87—88.

в изменении конфигурации изоглосс и переоформлении диалектных зон при переходе от одного синхронического среза к другому.

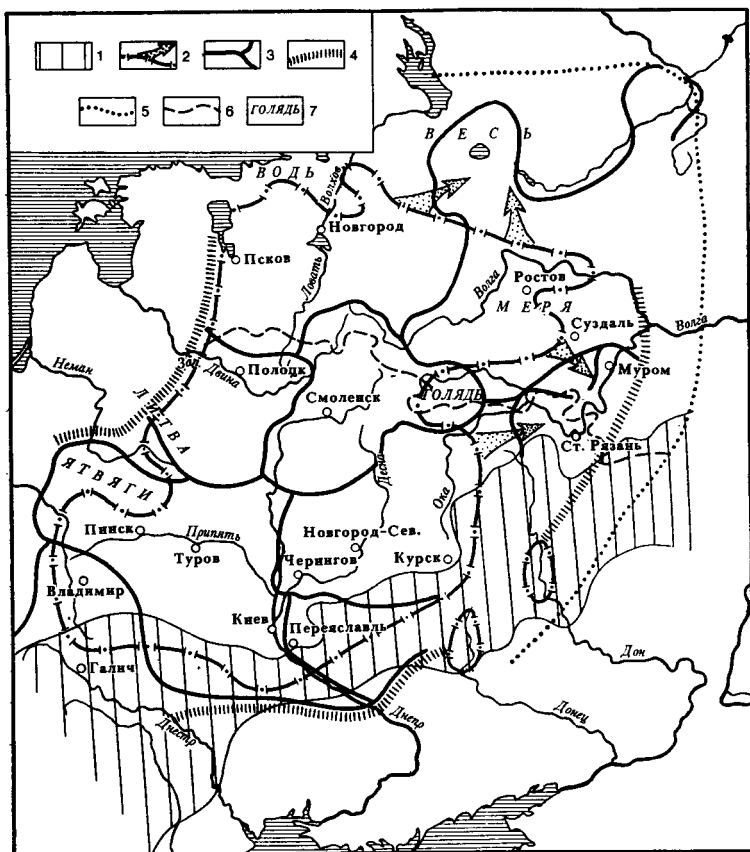
Автор, интересующийся распределением и историей отдельных структурно-языковых особенностей, может в своем исследовании не обращаться к понятию диалекта. Но практическая ненужность понятия в связи с задачами конкретного историко-диалектологического исследования не означает отсутствия необходимости в этом понятии вообще, например, при изучении проблем этно- или глоттогенеза. Исследователь может говорить о «неуловимости» или неопределенности собственно языковых границ диалекта; но он должен при этом учитывать, что не только носители сходных (исторически родственных) культурно-этнографических комплексов, но и этнически заметно отличающиеся друг от друга группы населения не живут изолированно, следовательно, находятся в постоянном процессе языкового взаимодействия, ведущего к взаимопроникновению отдельных (!) структурно-лингвистических особенностей вдоль границ смежных языковых ареалов. Сейчас, кажется, уже никем не оспаривается тот факт, что «чисто лингвистическое понятие языка (при определении места языка в группе родственных языков и диалектов) — фикция»³⁹, поскольку очертить его границы исключительно по структурно-языковым признакам невозможно: «Этническое и национальное самосознание, историко-культурная ориентация, для которых наряду с другими признаками имеет значение и признак общности и различий в языке, обслуживание данной территории единым литературным языком или разными литературными языками — вот что в целом определяет выделение родственных языков и внутри них — больших территориально-языковых массивов (диалектов)»⁴⁰.

ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ГЛОТТОГЕНЕЗА

Факты социальной и этнической истории восточнославянских народов не оставляют сомнений в том, что тенденции и направления диалектного взаимодействия, определившие современные контуры изоглосс на территории старейших восточнославянских поселений (карта 1), должны были наметиться в тот период, когда после распада древнерусской народности определились условия формирования новых восточнославянских народностей: украинской, белорусской и великорусской. Этому общему предположению соответствуют и выводы, вытекающие из уже накопленного опыта

³⁹ Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М. — Л., 1962, с. 166.

⁴⁰ «Вопросы теории лингвистической географии», с. 26.

Карта 1
Территория распространения древнерусских диалектов
(домонгольского времени):

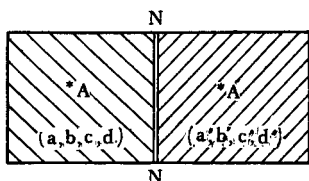
1 — зона лесостепи (между зонами леса и степи) в Восточной Европе (по разным источникам); 2 — ареал восточнославянских курганов с трупосожжениями IX—X вв. (по В. В. Седову) и основные направления славянских колонизационных потоков X—XI вв.; 3 — границы основных феодальных земель домонгольской Руси (по А. Н. Насонову); 4 — границы регулярных древнерусских поселений домонгольского времени, выделяющие основную территорию распространения древнерусских диалектов; 5 — восточная и северная границы территории картографирования диалектных явлений в «Атласе русских народных говоров»; 6 — современная граница противопоставления [г ~ ɣ]; 7 — поселения некоторых балто- и финноязычных племен на территории древней Руси

исторической интерпретации изоглосс, который убеждает, что «границы распространения важнейших соответственных явлений русского языка наиболее определенно соотносятся с границами объединений поздней части феодального периода (XIV в.). Отражение более раннего членения диалектных групп, связанного в известной мере с древнейшими землями XI—XII вв., может быть выявлено в отдельных случаях лишь в результате снятия более поздних напластований»⁴¹. Вывод этот и обеспечивает возможность решения первой из поставленных задач — восстановить общие контуры и состав диалектных зон (и соответственно — диалектно-этнографических групп древнерусского населения), непосредственно предшествовавших образованию трех восточнославянских народностей и их языков (см. выше, с. 13).

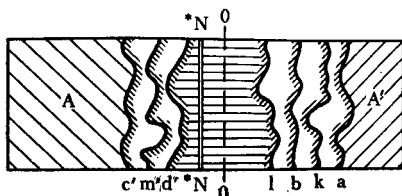
Дело в том, что контактное развитие смежных диалектов, вошедших в социальную систему языка народности, как известно, обычно ведет не к полному поглощению одного соседнего диалекта другим, а к постепенному «размыванию» прежних диалектных границ. Это отражается в распространении отдельных диалектных особенностей (в том числе и инноваций) за пределы первоначальной территории их функционирования (или образования). При этом периоды и интенсивность распространения разных языковых особенностей не совпадают, чем и обуславливается несовпадение их границ, даже если соответствующие явления распространялись из одного центра и в одном направлении. Само же направление «изоглоссных миграций» не бывает последовательным: в ходе взаимодействия двух смежных диалектов (скажем, *А и *А') в одних случаях более широкое распространение получают структурные особенности диалекта *А, в других — особенности диалекта *А', вторгающиеся на территорию первоначального диалекта *А. Это и приводит к сложному взаимопроникновению изоглосс (известному в лингвистической литературе под названием «теории волн» И. Шмидта), при котором диалектные границы более раннего периода «не только затемнены последующими процессами, но, можно сказать, почти полностью перекрыты ими и не оставили после себя достаточно ощутимых следов»⁴². Именно поэтому определение первоначального района распространения каждой отдельной изоглоссы, следовательно, восстановление древних диалектных зон оказывается весьма затруднительным без учета результатов относительно-хронологической реконструкции языковых изменений и культурно-этнических и социально-исторических процессов, которые подсказывают основные направления «изоглоссных миграций» в исследуемый период диалектного взаимодействия:

⁴¹ Орлова В. Г. Типы изоглосс по их значению для разработки вопросов исторической диалектологии. — В кн.: Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964, с. 78—79.

⁴² Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах, с. 124.

„Период 1”
(реконструируемый)

„Период 2”
(исследуемый)

Схематически можно представить, что к началу исследуемого периода (период 1) противопоставленные диалектные особенности $a \sim a'$, $b \sim b'$, $c \sim c'$, $d \sim d'$ не пересекали междиалектной границы NN , достаточно определенно ограничивая диалект $*A$ (с особенностями a, b, c, d ; на схеме — диагональная штриховка слева вниз направо) от близкородственного в структурном отношении диалекта $*A'$ (с особенностями a', b', c', d' ; на схеме — диагональная штриховка слева вверх направо)⁴³. «Размывание» междиалектной границы (разумеется, никогда не представлявшей собою некоей глухой стены) выразилось в том, что к концу исследуемого периода (период 2) изогlossen сохранившихся противопоставленных явлений $a \sim a'$, $b \sim b'$, $c \sim c'$ и $d \sim d'$ заметно расходятся в противоположных направлениях. Так, ареал особенности a в пределах исследуемого региона вторгается на давнюю территорию диалекта $*A'$, оттесняя противопоставленное явление a' , в то время как особенность b , которая также оттесняет противопоставленное ей явление b' , охватывает лишь часть нового ареала a , следовательно, в регионе $a-b$ особенность a совмещается с особенностью b' и т. д. Ареалы же совмещения особенностей a, b, c, d (изоглоссная область A) и особенностей a', b', c', d' (изоглоссная область A' — на схеме «периода 2» те же диагональные штриховки, что и на схеме «периода 1») разделяются теперь широкой полосой междиалектного взаимодействия, которая и соответствует области соприкосновения реконструируемых диалектов $*A$ и $*A'$ ⁴⁴, некогда располагавшейся, видимо, где-то между минимальными расхождениями современных (исследуемых) изоглосс (период 2, поперечная штриховка).

Совершенно очевидно, что при опоре исключительно на лингво-географические данные реконструкция древних диалектных зон, или, по выражению Ф. П. Филина, «общего диалектного ядра на территории близких друг другу говоров (каковыми являются, например, говоры русского языка)»⁴⁵ оказывается довольно приблизительной. Этот недостаток можно преодолеть, обратившись к фактам социально-этнической истории, которые, например, подсказывают, что в ходе образования народности наибольший со-

⁴³ Рассматривая предлагаемую схему, следует учитывать, что диалекты $*A$ и $*A'$ характеризовались также комплексом общих для них особенностей, которые в плане задач диалектного членения не представляют интереса, а также могли противопоставляться какими-то диалектными особенностями, впоследствии нивелированными и потому оставшимися неизвестными.

⁴⁴ Положение может осложняться распространением изоглосс новых явлений, развившихся после «периода 1» (скажем, особенностей k, l, m' , продолжающих тенденции реконструируемых диалектов $*A$ или $*A'$), границы которых также не совпадают.

⁴⁵ Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков, с. 88.

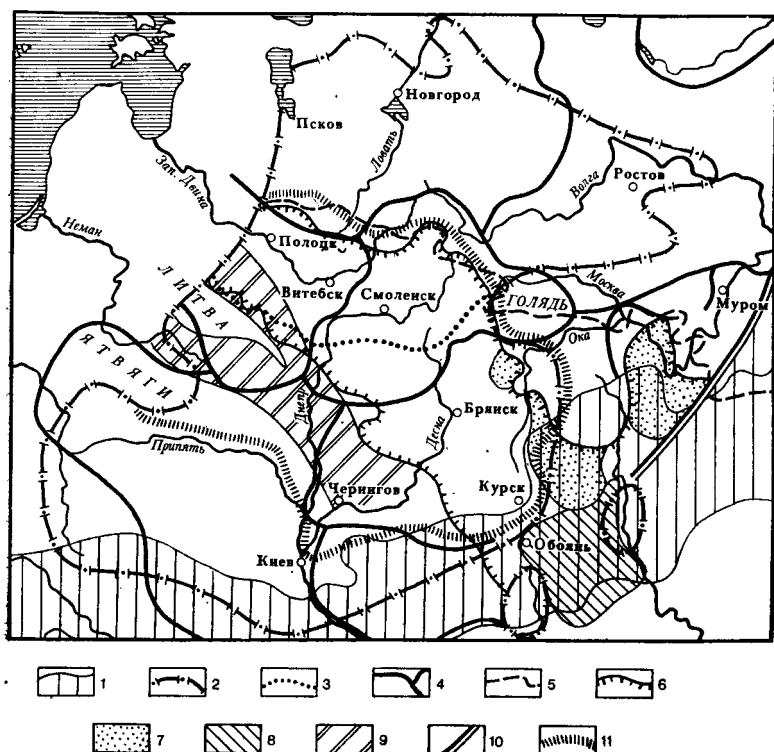
диальный престиж приобретает область распространения диалекта А. В этом случае естественно предположение о более интенсивном распространении за пределы прежних диалектных границ особенностей *a*, *b* и т. д., исторически связанных с диалектом *А, и менее интенсивном распространении особенностей *a'*, *b'* и т. д., исторически связанных с диалектом *А'. На современных лингвистических картах в этих случаях и сами расстояния между изоглоссами *a*, *b* и т. д. оказываются более значительными, чем расстояние между изоглоссами *a'*, *b'* и т. д. (см. карты в след. главе). В плане реконструкции древних диалектных зон это означает, что реальная диалектная граница реконструируемого периода (на схеме «периода 2» — линия *N — *N) должна была проходить вблизи того края полосы междиалектного взаимодействия, который прилегал к территории центра формирования народности или к иной территории, сыгравшей более важную роль в процессе консолидации населения, определившей взаимодействие диалектов в связи с формированием социальной системы языка новой народности.

Рассмотренная выше ситуация подсказывает, что при «волнообразном» распространении диалектных особенностей на современной карте должны тем не менее выделяться области скопления изоглосс, очерчивающие основные диалектные массивы предшествующего периода. В современной диалектологической литературе подобные скопления языковых границ получили название пучков изоглосс.

Согласно традиционному взгляду пучки изоглосс могут соответствовать политическим границам земель периода феодальной раздробленности⁴⁶; между тем в действительности такие совпадения лишь частные случаи, хотя и не столь редкие, как иногда считают⁴⁷. Для восточнославянского языкового ареала это естественно уже потому, что в Восточной Европе период феодальной раздробленности, т. е. относительно независимого развития феодальных княжеств, по существу оказался кратковременным и уже в XIII в. прерывается тюрко-монгольским нашествием, после чего определяются новые тенденции в политическом и этническом развитии земель, начинается формирование новых политических объединений, границы которых лишь в отдельных случаях совпали с прежними. И если, например, западная часть границы противопоставления *z* ~ *y*, как и целого ряда других изоглосс, очень близка политической границе бывшей Полоцкой земли (см., на-

⁴⁶ См.: Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936, с. 33 и др.; Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. ч. I. М., 1949, с. 24—26; Орлова В. Г. Типы изоглосс по их значению для разработки вопросов исторической диалектологии, с. 78—79 и другие работы; ср. обзор: Десницкая А. В. Об историческом содержании понятия «диалект», с. 354—356 и далее.

⁴⁷ См.: Десницкая А. В. Указ. соч., с. 357—363 и др.; ср. Филин Ф. П. Древнерусские диалектные зоны и происхождение восточнославянских языков. — ВЯ, 1970, № 5, с. 4.

Карта 2

Ареал типов аканья—яканья, «связанных с диссимилативностью», на территории древнерусских говоров:

1 — зона лесостепи (см. карту 1); 2 — ареал восточнославянских курганов IX—X вв. (по В. В. Седову); 3 — южная граница археологических «кривичей» (по В. В. Седову), принимаемая за первоначальную границу между говорами северно- и южно-восточнославянского происхождения; 4 — границы основных феодальных земель домонгольской Руси (по А. Н. Насонову); 5 — граница противопоставления [г~в]; 6 — ареал типов аканья—яканья, связанных с диссимилативной зависимостью гласных предударного и ударного слогов; 7 — районы распространения ассимилятивно-диссимилативного яканья (в ареале разновидностей аканья—яканья, «связанных с диссимилативностью»); 8 — основной район распространения диссимилативного яканья архаического типа; 9 — скопление изоглосс внутрибелорусских диалектных противопоставлений, отражающее южную границу позднерусской центральной диалектной зоны; 10 — восточная граница распространения древнерусских говоров (домонгольского времени — см. карту 1); 11 — ареал раннедревнерусской (IX—XI вв.) славянизации балтов (см. карты 11, 18).

пример, карту 2), то это наблюдается прежде всего потому, что после XIII в. на протяжении ряда столетий примерно так же проходила северная граница Литовского государства. Но те же изоглоссы «отсекают» от территории бывшей Смоленской земли (времен Полоцкого княжества) ее северную часть, ибо после потрясений XIII в. новые политические границы здесь уже складывались иначе и не совпали с прежними.

Вместе с тем если обратиться к этнографической карте Восточной Европы позднего древнерусского периода, то можно заметить, что наиболее компактные пучки изоглосс, не совпадая с политическими границами периода феодальной раздробленности, очерчивают внутри территории Древней Руси (см. карту 1) районы длительного сохранения впоследствии славянизированного иноязычного населения⁴⁸. Так, например, скопление изоглосс в районе между верховьями Москвы-реки и слиянием рек Угры и Оки (ср. карты 3 и 4) обрисовывает с запада (северо- и юго-запада) область поселений летописной *голяди*, упоминаемой в исторических источниках еще в XII в. А юго-западная граница диссимильативного аканья-яканья, положенная авторами диалектологической карты МДК в основу диалектного членения белорусского языка, проходит вдоль широкой полосы границ многочисленных внутрибелорусских диалектных противопоставлений (см. карту 2), огибающих территорию, где еще в XII—XIII вв., согласно летописи, селилась балтоязычная *литва*⁴⁹, окончательно славянизированная значительно позже и долгое время «встававшая на пути» распространения языковых новообразований на территории нынешней Белоруссии.

Уже эти общие наблюдения подсказывают пути реконструкции диалектно-этнографических ареалов, сложившихся ко времени новых тенденций языкового и этнического развития восточных славян, указывая при этом на возможности сопоставления лингвогеографических и историко-археологических данных при изучении проблем глоттогенеза.

Идея комплексного (лингвистического, исторического, археологического) изучения проблем этно- и глоттогенеза все чаще формулируется в исследованиях последних десятилетий. В славистике она наиболее решительно реализована в трудах Т. Лера-Сплавин-

⁴⁸ См.: Хабургаев Г. А. Этнический состав Древнерусского государства и образование трех восточнославянских народностей (Логические и лингвистические замечания к обсуждению «первопричины» образования белорусской народности). — СЭ, 1972, № 1, в частности карты 1 (на с. 88) и 4 (на с. 95).

⁴⁹ См.: там же.

ского⁵⁰, а в последнее время — в интересной монографии Б. В. Горнунга, который убежден, что «только обобщенные археологические данные могут быть критерием проверки исторически реальной возможности тех или иных лингвистических гипотез, выдвигаемых при попытках реконструкции доисторических этапов образования, развития и распада языковых групп»⁵¹. Нельзя, однако, не заметить, что в работах названных авторов обращение к археологическому материалу носит чисто гипотетический характер — с целью лингвистической интерпретации «неопознанных» археологических культур II—I тысячелетий до н. э., в то время как достоверные письменные свидетельства о славянах относятся лишь к VI в. н. э., и потому в археологии «до сих пор окончательно не установлено, какие древности этого периода — а следовательно, и всех предшествовавших столетий — должны быть связаны со славянами. Вопрос о славянах до VI—VII вв. — это область гипотез и споров, в которых археологические источники обычно отступают на второй план по сравнению с более богатыми и разнообразными данными, выявленными лингвистикой»⁵². При таком положении дел попытки «славянизации» памятников дохристианской эры пока остаются субъективными и не могут быть доказаны какими-либо положительными данными (что, между прочим, понимал и сам Т. Лер-Сплавинский). Но принципиально комплексное исследование проблем этно- и глоттогенеза, провозглашенное еще А. А. Шахматовым, ни в коем случае не должно отвергаться, если начинается оно с сопоставления лингвогеографических данных с достоверными историко-археологическими материалами и может дать выводы, которые служили бы основой постепенного ретроспективного продвижения в глубь веков. Именно поэтому один из крупнейших археологов середины XX в. покойный А. Я. Брюсов, признавая, что при «этногенетических исследованиях... многие выводы лингвистов должны находиться на первом плане», в одном из своих последних выступлений выдвинул требование, сводящееся к тому, что при решении проблем этно- и глоттогенеза «совместная работа археолога и лингвиста весьма желательна»⁵³.

И все же до сих пор в лингвистической литературе изредка встречаются возражения против комплексного исследования проб-

⁵⁰ Lehr-Splawinski T. Prasłowiane.— «Początki słowian», ser. B, N 1. Kraków, 1946, а также ряд последующих публикаций того же автора.

⁵¹ Горнунг Б. В. Из предистории образования общеславянского языкового единства. М., 1963, с. 12 (разрядка автора).

⁵² Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, с. 190—191; ср.: Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. МИА, № 152. Л., 1968, с. 16—17, 28—29 и др.

⁵³ Брюсов А. Я. Что надо понимать под этническими общностями и их значение для проблемы происхождения древних и современных народов. М., 1964, с. 3.

лем глоттогенеза, хотя декларативно необходимость такого изучения и не оспаривается. Наиболее характерны здесь критические замечания Ф. П. Филина, который считает, что только «отсутствие достаточных фактов вынуждало исследователей реконструировать древние диалекты или диалектные ареалы не столько на основании лингвистических материалов, сколько на основании исторических сведений и географических признаков. Конечно, — продолжает автор, — история языка теснейшим образом связана с историей народа... Однако нельзя подменять один объект исследования другим. От такой подмены и история, и языкознание ничего не выиграют»⁵⁴. Совершенно очевидно, что здесь обнаруживаются непонимание возможностей собственно лингвистических приемов исследования и недооценка социально-исторической обусловленности языкового развития.

Дело в том, что собственно лингвистические методы историко-диалектологического исследования (сравнительно-исторический, «внутренней реконструкции» и др.), позволяя выходить (ретроспективно) за хронологические рамки существования письменной культуры или исторически достоверных языковых контактов, принципиально не могут дать абсолютно-хронологических и конкретных географических характеристик и предлагают лишь выводы (хотя и весьма достоверные!) на уровне относительной хронологии и ареальных отношений. Перевод относительно-хронологических и ареальных характеристик в абсолютно-хронологические и конкретно-географические возможен лишь при обращении к материалу, обладающему такими характеристиками и вместе с тем сопоставимому с реконструируемым языковым. Это и обуславливает необходимость привлечения историко-археологических данных к решению вопросов языковой истории дописьменного периода или не представленных письменностью районов.

Обращаясь к культурно-этнографическим ареалам древности, вполне достоверно датируемым и обрисовываемым на географической карте в результате археологических открытий, следует исходить из того, что установление самого факта существования относительно самостоятельных этнических образований (например, племен) уже означает, что мы имеем дело с носителями разных диалектов (хотя и не знаем еще, чем конкретно и в какой степени эти диалекты отличались друг от друга) или даже разных языков (хотя и не знаем, были эти языки родственными или неродственными). Это отнюдь не значит, что один объект исследования здесь «подменяется» другим: объект остается тот же — средство общения относительно обо-

⁵⁴ Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков, с. 87.

собленной культурно-этнографической общности, время и территория обитания которой восстановлены вполне достоверно! И если мы найдем хорошо обоснованные приемы, позволяющие соотносить с такой общностью те или иные добытые лингвистическими методами языковые особенности периода ее существования, то мы тем самым и решим вопросы, от освещения которых, перефразируя слова Ф. П. Филина, и история, и языкознание выиграют!. Иными словами, исследователь, понимающий характер связи истории языка с историей народа, должен не распускать о «подмене одного объекта исследования другим», а искать научно обоснованные пути и методы сопоставления результатов лингвистических реконструкций с историко-археологическими данными. А констатируя «отсутствие достаточных фактов», которые позволяли бы реконструировать диалектные особенности, например, восточнославянских племен, объединившихся в древнерусскую народность, необходимо учитывать, что таких фактов мы никогда не будем иметь, пока не добудем их сами, точнее — пока не установим древнюю диалектную отнесенность уже известных нам (добытых собственно лингвистическими методами!) языковых данных.

* *
*

Принципиальная возможность привлечения историко-археологических (собственно исторических, археологических, историко-этнографических, антропологических) данных к решению историко-лингвистических задач обусловлена социальной сущностью языка, который, будучи средством общения, именно поэтому является важнейшим показателем этнической принадлежности древних племен и народностей⁵⁵, следовательно, является одним из существеннейших признаков этноса. Для историка языка (исследователя истории взаимодействия диалектов) это означает, что любое взаимодействие культур, прослеживаемое археологически, т. е. взаимодействие этнических (или этнографических) групп древнего населения, сопровождалось и языковым (или диалектным) взаимодействием носителей этих культур. Это положение, кажущееся бесспорным и вряд ли нуждающимся в доказательствах, не имеет собственно методической ценности; но именно оно обуславливает возможность и необходимость разработки специальных методов комплексной реконструкции глоттогенеза, которые условно можно назвать лингво-археологическими.

⁵⁵ См.: Монгайт А. Л. Археология в СССР. М., 1955, с. 15; Мавродин В. В. Древнейшие сведения о славянах (К вопросу о происхождении славян). — ВЛУ, № 20. Сер. истории, языка и литературы, вып. 4, 1956, с. 25; Филин Ф. П. Некоторые проблемы славянского этно- и глоттогенеза. — ВЯ, 1967, № 3, с. 40; Он же. Происхождение русского, украинского и белорусского языков, с. 25.

При разработке методов лингво-археологической реконструкции необходимо учитывать, что результаты взаимодействия археологических культур не являются прямым отражением результатов языкового взаимодействия их носителей. Если археология устанавливает, что в определенном географическом регионе некая культура *A* в определенный исторический период поглотила культуру *B*, то мы можем быть уверены, что в это время в указанном регионе происходило взаимодействие диалектов (или языков) *a* и *b*; но это не значит, что диалект носителей культуры *A* непременно поглотил диалект носителей культуры *B*: восприняв культуру, например, пришельцев, аборигены могли со временем воспринять и их язык, но могли и сохранить свое языковое своеобразие или оформить новый, «смешанный» диалект (язык) с различным соотношением особенностей диалектов *a* и *b*; могли в одних районах нового культурно-этнографического ареала сохранить свой прежний диалект (язык), а в других усвоить диалект (или язык) пришельцев и т. д. Короче говоря, при одном и том же результате взаимодействия двух культур, прослеживаемом археологически, взаимодействие диалектов (или языков) носителей этих культур могло иметь самые различные последствия. Достоверным во всех случаях остается сам факт диалектного (языкового) взаимодействия в определенный исторический период и в определенном географическом регионе, устанавливаемом на основании историко-археологических данных. Вот почему для историка языка не представляют интереса частные особенности культурно-этнографического взаимодействия и их собственно археологическая интерпретация (соотношение особенностей разных культур в сложении нового культурно-этнического комплекса, культурно-этнографические традиции нового комплекса и т. д.): для историко-диалектологической реконструкции важны обобщенные археологические данные, указывающие на направления этнических миграций, время и условия культурно-этнографического взаимодействия и т. п.

Исследования последних десятилетий показали, что одним из эффективных путей этно-языковой интерпретации древних культурно-этнографических комплексов является обращение к ономастическим данным. Наибольшие успехи здесь связаны с исследованиями восточноевропейской гидронимии⁵⁶; в частности, именно путем соотнесения, результатов лингвистического анализа гидронимов с историко-археологическими данными установлено, что

⁵⁶ См.: Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; также: Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968 (см. в этих изданиях историю и обширную библиографию вопроса).

область центральной лесной зоны Восточной Европы в дославянское время была заселена балтоязычными племенами, поселения которых простирались от Прибалтики вплоть до верхнего течения Оки. Массовость и географическая компактность материала обеспечивают высокую степень достоверности выводов, так что в настоящее время они могут считаться общепризнанными⁵⁷, а поэтому служат убедительной иллюстрацией перспективности лингво-археологических приемов реконструкции⁵⁸. В самом деле, если лингвистическая интерпретация гидронимов обнаруживает, что в обширном географическом регионе, занятом в последние тысячелетия восточнославянскими говорами, названия многих водоемов оказываются неславянскими по происхождению, то очевидно, что носители реконструируемой неславянской речи здесь предшествовали славяноязычному населению. А коль скоро оказывается, что на территории центральной лесной полосы Восточной Европы такой дославянской речью является восточнобалтийская, причем балтийская по своей языковой принадлежности гидронимия здесь является по существу «сплошной», то и вывод о балтоязычных предшественниках славян на этой территории кажется вполне убедительным. И если затем выясняется, что на той же территории особенности культуры, генетически предшествующей древнерусской великокняжеского периода, появляются на протяжении VII—IX вв., вытесняя или насаждаясь на заметно отличающуюся от нее иную культуру, без существенных изменений прослеживаемую здесь же на протяжении ряда столетий (подробнее см. в следующих главах), то возникает возможность настаивать на том, что эта предшествующая культура принадлежала балтоязычным племенам, а время (VII—IX вв.) и условия ее исчезновения — это время и условия проникновения и закрепления славянских племен и соответственно славянских диалектов в центральной лесной полосе Восточной Европы, где они постепенно полностью ассимилируют балтийские говоры (коль скоро с начала исторического периода и до настоящего времени здесь распространена только славянская речь). Иными словами, оказывается, что именно археологические данные позволяют предложить абсолютную хронологию древнейшего балто-восточнославянского языкового взаимодействия.

⁵⁷ См.: Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков, с. 12—14.

⁵⁸ Знаменательно авторское предисловие к одному из указанных выше изданий (Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, с. 2), где подчеркивается, что лингвистическое исследование гидронимов Верхнего Поднепровья предпринято по инициативе известного археолога П. Н. Третьякова, «который в течение ряда лет интересовался изучением Верхнего Поднепровья в археологическом плане. Одним из намерений П. Н. Третьякова было создание комплексного исследования этой территории, включающее как археологический, так и лингвистический анализ».

Указанные сопоставления топонимических данных с культурно-археологическими возможны потому, что и те и другие обладают одним и тем же общим показателем — географической определенностью. Это обстоятельство позволяет надеяться на возможность получения в будущем аналогичных результатов при сопоставлении с культурно-этнографическими лингвогеографическими данными — изоглосс фонетических, морфологических, лексических явлений, обладающих той же географической определенностью. При отсутствии лингвистических (в частности, ареальных и относительно-хронологических) возражений против сопоставления лингвогеографических и культурно-этнографических ареалов в этом случае также создается возможность предполагать, что совпадение района возникновения изоглоссы (дописьменного происхождения) с районом взаимодействия археологических культур может указывать на хронологическое совпадение развития соответствующей языковой особенности с установленным культурно-этнографическим взаимодействием.

Разрабатывая приемы и методы лингво-археологической реконструкции, необходимо считать как с достигнутым уровнем языковедческих исследований, так и с запасом накопленных историко-археологических знаний. Только в этом случае можно избежать необоснованных предположений и «подмены одного объекта исследования другим». Речь, в частности, идет о том, что если археологически не удастся проследить связей между культурами, которые могли бы быть соотнесены (например, хронологически) с теми или иными изоглоссами, то абсолютно-хронологическая и конкретно-географическая проекции таких изоглосс в прошлое недопустимы. Существующие опыты использования историко-археологических данных при решении, например, проблемы славянской прародины, диалектного членения праславянского языка и некоторых других (см. выше, с. 27—28) нарушают именно это требование, когда используют археологические данные, не имеющие более или менее определенной этнической характеристики. А это, в свою очередь, поддерживает скептическое отношение отдельных лингвистов (и археологов) к возможностям лингво-археологической реконструкции.

Нельзя, наконец, забывать и того, что лингво-археологическая реконструкция (как и вообще любая реконструкция) не может дать исчерпывающей языковой картины далекого прошлого, поскольку в любой исторический период развития языка возможно существование изоглосс, впоследствии «стертых» нивелирующими процессами, неизбежными при формировании территориальных диалектов, социальной системы языка народности и нации. В частности, безусловно, справедливо утверждение, что, «по-видимо-

му, многие диалектные явления древнерусской эпохи никогда не удастся обнаружить, следовательно, наши знания в этой области не всегда будут полными и свободными от субъективных оценок»⁵⁹. Ретроспективная реконструкция языкового развития и взаимодействия в известном смысле является одновременно и «перспективной», ибо она прослеживает историю только тех языковых явлений, которые дожили до наших дней (или получили отражение в сохранившихся текстах), и, как правило, не в состоянии восстановить особенностей, стертых нивелирующими процессами и не оставивших после себя «достаточно ощутимых следов». Это и определяет известный схематизм любой ретроспективной реконструкции, который неизбежен и неустраним, так как дальнейшее совершенствование методов исследования будет повышать достоверность только принципиально восстанавливаемых изоглосс, следовательно, позволит уточнять лишь основные моменты древнего диалектного (или межъязыкового) взаимодействия. Живая же картина языкового и этнического развития всегда многообразнее и сложнее, чем она может быть изображена даже в самой совершенной реконструкции. И это следует учитывать при оценке результатов предлагаемого ниже исследования.

⁵⁹ Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков, с. 89.

II. Позднедревнерусские диалектные зоны

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ЗОНА И СРЕДНЕОКСКИЕ ГОВОРЫ

Если современные контуры изоглосс на территории старейших восточнославянских поселений связаны с теми тенденциями диалектного взаимодействия, которые определены условиями социально-исторического развития восточных славян в послемонгольский период (см. выше, с. 21 и далее), то на первом этапе реконструкции они могут быть положены в основу диалектного членения, сложившегося к началу формирования современных восточнославянских языков. Иначе говоря, современную лингвистическую карту можно рассматривать как трансформированное (в той или иной степени) отражение основных диалектных зон, оформившихся в период феодальной раздробленности — примерно в XII—XIII вв. (позднедревнерусский период). Опыт исторической интерпретации изоглосс, отраженный в капитальной коллективной монографии «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров»¹, позволяет отобрать для характеристики этих зон наиболее типичные языковые особенности, развитие и распространение которых относится ко времени до XIV столетия.

* *
*

Изоглоссы «Атласа русских народных говоров» обнаруживают, что языковые новообразования, распространявшиеся в XII (возможно, с конца XI) — XIII вв. по всей территории Руси, не проникали в это время на ее северо-восточную окраину — Ростово-Суздальскую землю и среднюю Оку. Авторы монографии «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров», называя такие особенности «явлениями общезападного распространения» (поскольку они охватывают

¹ «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии». М., 1970.

западную часть восточнославянского языкового ареала в пределах старейших поселений), подчеркивают, что здесь «выделяется особая, перекрывающая границы современного диалектного членения, сфера распространения, хотя бы в виде разорванных ареалов, некоторых диалектных явлений, одновременно представленных в украинском и белорусском (или только в белорусском) языках, во всех западных (или только юго-западных) говорах русского языка и в той или иной степени — в говорах северного наречия, преимущественно отсутствуя на юго-восточной части его территории»² (ср. карты 3 и 4). Таким образом, например, выясняется, что исторически «единство новгородского диалекта с другими говорами западных территорий сложилось на основе общности языковых переживаний, характерных для говоров западных земель в отличие от говоров Ростово-Суздальской земли, а позднее Великого княжества Московского»³.

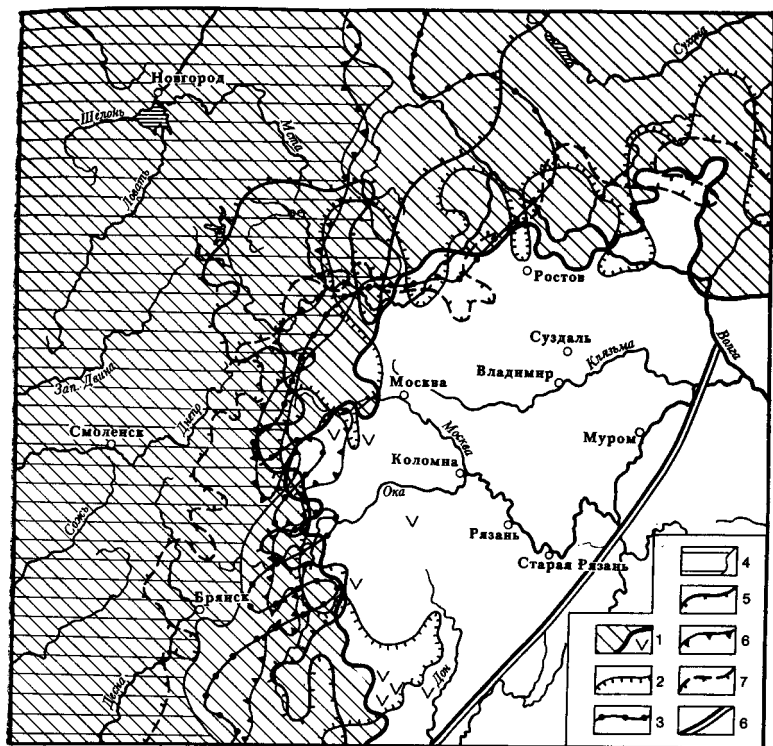
При характеристике позднерусских диалектных зон изоглоссы «явлений общезападного распространения» должны быть соотнесены с границами языковых явлений, указывающих на то, что новообразование росто-суздальских говоров до начала консолидации княжеств Великой Руси (т. е. до XIV в.), в свою очередь, не распространялись на остальные диалекты (ср. карты 3, 4 и 5, где указаны изоглоссы типичных явлений обеих групп), охваченные в древнерусский период общими языковыми переживаниями. Обе группы изоглосс подсказывают, что древнерусское население Ростово-Суздальской земли, оформившееся, как известно, в процессе славянизации летописной *мери* (см. ниже), составляло относительно обособленную диалектно-этнографическую общность, на протяжении XII—XIII столетий остававшуюся в стороне от общедревнерусских языковых переживаний.

Из числа своеобразных особенностей росто-суздальского диалекта, очерчиваемого комплексом изоглосс «явлений общезападного распространения» и противопоставленных росто-суздальских инноваций, наиболее яркой является согласный *в* губно-зубного образования, явно оформившийся здесь до падения редуцированных гласных⁴ и последовательно распространявшийся затем (после XIV в.) в западном направлении — по мере роста территории Московской Руси и включения в социальную систему великорусского языка (формировавшуюся на базе росто-суздальской группы говоров) новых и новых диалектных

² «Образование севернорусского наречия и средиерусских говоров», с. 210.

³ Там же, с. 211.

⁴ См.: Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах. — ВМУ, 1947, № 9, с. 125; ср.: Горшкова К. В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси (по данным исторической фонологии). Изд-во МГУ, 1968, с. 76 (табл. 3); «Образование севернорусского наречия...», с. 41.

Карта 3

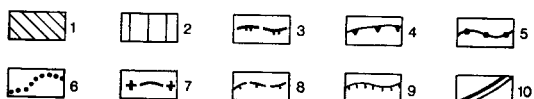
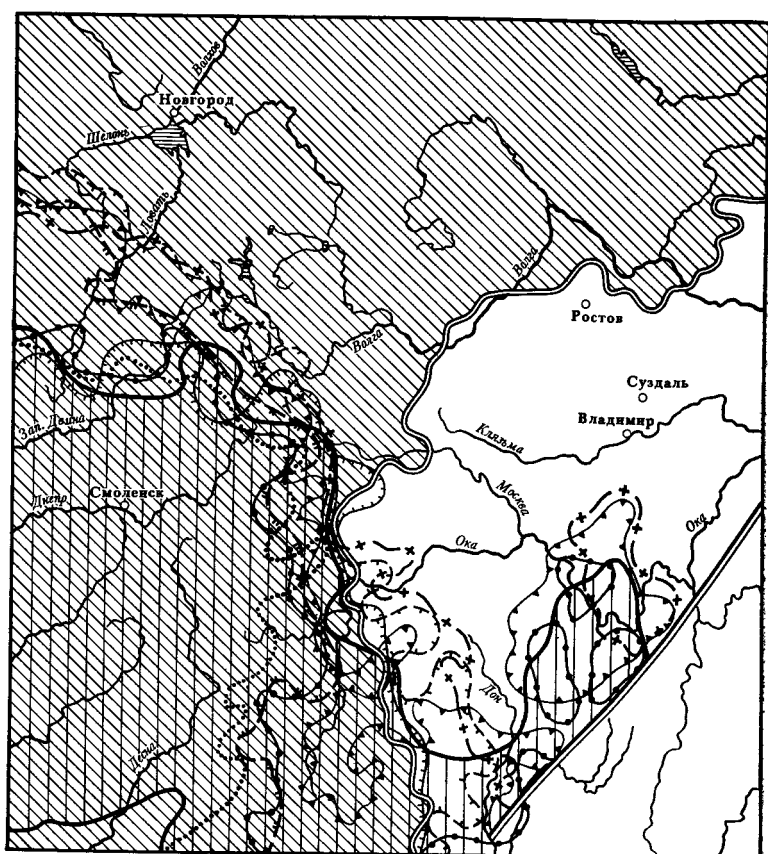
Изоглоссы «явлений общезападного распространения»:

1 — ареал последовательного отверждения конечных губных;
2 — восточная граница утраты [j] после согласных в случаях типа *сви* [н'а] или *сви* [н'а] < *сви* [н'ја] (хотя бы в виде реликтовых явлений); 3 — восточная граница «нового перфекта»; 4 — ареал форм указательного местоимения *таја* — *тоја*; 5 — восточная граница форм им. падежа местоимения 3-го лица *јон*, *јона*; 6 — восточная граница распространения формы *онѣ*; 7 — восточная граница употребления суффикса *-иц-а* в названиях ягод (*черница*, *земляница* и др.); 8 — северо-восточная граница устойчивых древнерусских поселений домонгольского времени (см. карту 1)

систем⁵. На остальной территории «в прошлом ареал губно-губного [w] был сплошным на всем своем протяжении и охватывавшим западные говоры безотносительно к их внутреннему членению»⁶; это обнаруживается в различных отражениях [w] на всей территории, кроме региона бывшей Ростово-Суздальской

⁵ «Образование севернорусского наречия...», карта 6 на с. 36.

⁶ Там же, с. 40; ср.: Хабургаев Г. А. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия (Консонантизм). — «Учен. зап. МПН им. Н. К. Крупской», т. 204. Русский язык, вып. 14. М., 1967, с. 169—173.

Карта 4

Комплекс русско-белорусских изоглосс:

1 — северо-восточная часть ареала последовательного отвердения конечных губных согласных, символизирующая зону максимального продвижения на восток «явлений общезападного распространения» (см. карты 3 и 5); 2 — ареал типов аканья—яканья, связанных с диссимилятивной зависимостью гласных первого предударенного и ударенного слогов; 3 — северо-восточная граница форм типа *мыю*, *рыю*; 4 — восточная часть ареала распространения личных окончаний глаголов I спряжения *нес[ёт]*, *ид[ёт]* и т. д. (без отражения перехода *e>[o]*); 5 — северо-восточная часть ареала распространения окончания род. падежа ед. числа неженского рода местоимений и прилагательных *-оуо*; 6 — северо-восточная граница форм *ник[бѹ]о*, *нич[бѹ]о*; 7 — северо-восточная граница ареала протетического *в* период *о*, *у*; 8 — северо-восточная граница ареала *у* (*ѡ*) в конце слова и слога; 9 — северо-восточная граница форм типа *у одинѣй*; 10 — восточная граница древнерусских поселений (см. карту 1)

земли: как в произношении [ÿ] (или [w]) в позициях перед согласными и в конце слова (см. карту 4)⁷, так и в заменах согласного *ф* (иноязычных заимствований), который не усваивался говорами с билабиальным [w], следовательно, не знавшими [ф] в качестве результата оглушения звонкого зубного спиранта⁸.

В ростово-суздальских говорах оформилось и произношение мягких долгих шипящих на месте сложных шипящих, утративших смычный элемент (т. е. [ш'ш'], [ж'ж']). В говорах смежных районов в это время сохранялось произношение сложных согласных, вытеснение которых долгими фрикативными шипящими (которые здесь обычно усваивались как твердые, видимо, потому, что краткие фрикативные шипящие к этому времени уже отвердели) явно связано с воздействием центральных говоров в период образования и развития социальной структуры великорусского языка. На современной карте это отражено в «резком преобладании» произношения долгого твердого глухого шипящего «на всей территории, окружающей ареал исключительного произношения долгого мягкого глухого шипящего»⁹.

Современные изоглоссы как будто указывают и на то, что именно ростово-суздальский диалект после падения редуцированных (не позднее XII—XIII вв.) развил последовательное фонетическое изменение [e > o] перед твердыми согласными (после любого мягкого, следовательно, в связи с последовательной фонологизацией противопоставления твердых ~ мягких согласных¹⁰), отражающееся, в частности, в «ёканье» (см. карту 5), которое в районах к юго-западу от современного ареала этого явления уступило место яканью (возможно, отразившись в его умеренном типе¹¹). Только в говорах б. Ростово-Суздальской земли отмечается аналогическое сохранение мягких губных в конце словоформ (*се[м']* — под влиянием *се[м'и]* и т. д.)¹²: зона распространения этой особенности очерчивается изоглоссой последовательного отвердения конечных губных (см. карту 3).

⁷ В ряде юго-западных великорусских говоров [w] встречается и перед гласными (см.: Хабургаев Г. А. Заметки... (Консонантизм), с. 171).

⁸ Ср. там же, с. 174—175; см. изоглоссу замен *ф* на карте 6 в «Образовании севернорусского наречия...» (с. 36).

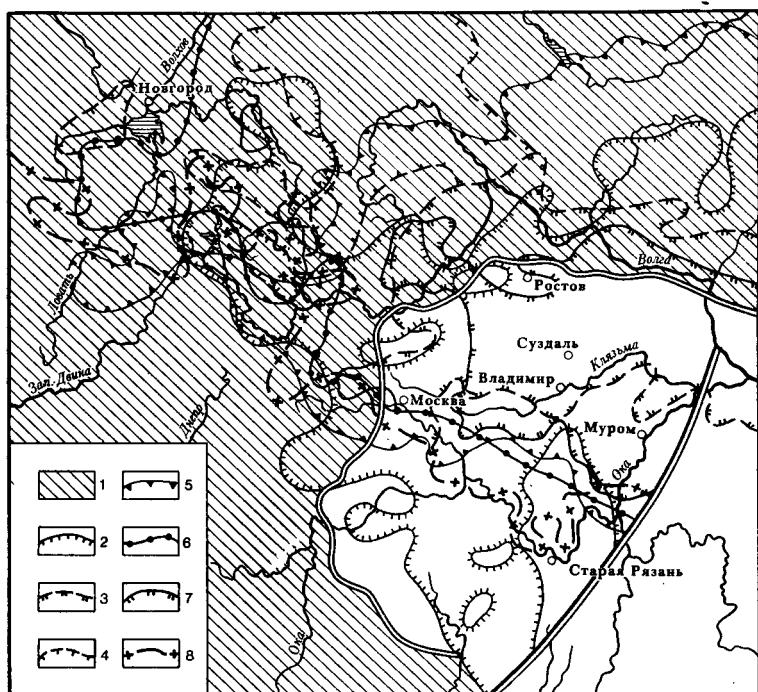
⁹ «Образование севернорусского наречия...», с. 30; см. там же карту 5 на с. 31.

¹⁰ См.: Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972, с. 82—84 и далее.

¹¹ См. известную гипотезу: Сидоров В. Н. О происхождении умеренного яканья в среднерусских говорах. — ИАН ОЛЯ, 1951, вып. 2; Умеренное ёканье в среднерусских говорах и северно-русское ёканье. — В кн.: Из истории звуков русского языка. М., 1966; Два пути образования умеренного яканья из ёканья. — В кн.: Из русской исторической фонетики. М., 1969.

¹² См. интерпретацию этой особенности: Хабургаев Г. А. [Рец. на кн.:] Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. — РЯШ, 1973, № 2, с. 116.

Здесь же, видимо, раньше, чем в других районах, оформился окончательный отрыв возвратной частицы от соответствующего местоимения, что выразилось в ее прочном слиянии с глаголом и имело следствием отвердение согласного в частице в любой позиции ([-са, -с], в то время как на всей остальной территории старейших восточнославянских говоров известно [-с'и] или [-с'а, -с'])¹³.

Карта 5
Изоглоссы диалектных явлений ростово-суздальского происхождения:

1 — зона максимального продвижения на восток «явлений общезападного распространения» (обобщение изоглосс, данных на карте 3); 2 — отсутствие рефлексов былабиального [w] (в том числе и в виде реликтовых явлений); 3 — ареал последовательного отвердения согласного в возвратной частице (-са, -с); 4 — отвердение согласного в частице только после л (-лса); 5 — ареал исключительного распространения слова *свекрѡвь* (за его пределами — *свекрѡвка, свекрѡва, свекрѡвьѧ, свекрѧ, свекрѣ*); 6 — юго-западная граница распространения глагольных форм типа *варѣшь, варѣт* и т. д.; 7 — ареал последовательного ёканья; 8 — южная граница форм личных местоимений: род.-вин. *меня, тебя*; дат.-предл. *мне, тебе*.

¹³ Ср.: «Образование севернорусского наречия...», в частности с. 111—112, где высказывается предположение, что рассматриваемый процесс мог начаться в говорах Ростово-Суздальской земли до XIV в.

В том же ареале могли оформиться и другие черты, остававшиеся до образования социальной системы великорусского языка локальными особенностями говоров Ростово-Суздальской земли¹⁴ и впоследствии отраженные говором Москвы (см. карту 5).

Вполне определены и изоглоссы целого комплекса новообразований, характеризующих, как указывалось, не только все остальные русские (за пределами восточнославянского Северо-Востока), но и белорусские и украинские говоры, следовательно, оформившиеся в древнерусский период, охватив всю территорию Руси, кроме ростово-суздальского региона (см. карту 3).

Среди инноваций этой группы необходимо отметить особенности, явно оформившиеся после падения редуцированных (после XI в.¹⁵). Таковы утрата [j] после согласных в случаях типа *сви[н'ja] < сви[н'ija]*¹⁶, последовательное отверждение губных согласных, оказавшихся после падения редуцированных в абсолютном конце словоформ (см. выше), и некоторые другие (см. карту 3). Совпадение с изоглоссами этих явлений ареалов распространения ряда морфологических инноваций, видимо, должно указывать на развитие последних в период между X—XI и XIV вв. — до того, как начался процесс нивелировки диалектов Великой Руси.

Наиболее выразительны по характеру территориального распределения результаты аналогических обобщений местоименных форм: указательного местоимения *таја, тоје* и т. д. — как *моја, моје* и под., перенесение начального j- из косвенных падежей на формы им. падежа местоимения 3-го л. (*јон* — как *јего, јему* и т. д.), а также изменения в формах именного склонения. Не проник в ростово-суздальские говоры и «новый перфект»¹⁷ — употребление деепричастия прошедшего времени в функции сказуемого со значением прежнего перфекта, превратившегося в унифицированную форму прошедшего времени, — особенность, распространившаяся по всей территории Древней Руси и фиксируемая в говорах от Ладоги до Сейма (см. карту 3).

¹⁴ Ср.: «Образование севернорусского наречия...», с. 202 и далее.

¹⁵ См.: Хабургаев Г. А. «Изогlossная стратиграфия» — основа локализации и хронологизации языковых изменений. — В кн.: Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинев, 1973, с. 197.

¹⁶ Во всех древнерусских говорах, кроме ростово-суздальских, новые сочетания согласных с [j] в конце основ изменились в долгие мягкие согласные (сохраняющиеся и сейчас в украинских, белорусских, западных и юго-западных великорусских говорах в формах типа *сви[н'н'a]*), которые в ряде говоров впоследствии сократились (*сви[н'a]*), что хорошо отражается на лингвистической карте (см. карту 9 на с. 47 в «Образовании севернорусского наречия...»).

¹⁷ См.: Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Изд-во МГУ, 1953, с. 246—247.

В настоящее время изоглоссы языковых явлений, позволяющих выделять ростово-суздальский ареал среди других диалектных зон позднерусского периода, естественно, полностью не совпадают, и ни одна из них не может в точности соответствовать географическим границам этого ареала в рассматриваемый период. И тем не менее указанные изоглоссы дают основания для предположений о том, как примерно могли располагаться эти границы на территории старейших восточнославянских поселений.

При реконструкции границ рассматриваемой диалектной зоны необходимо исходить из следующих соображений.

1. Искомые границы не могли быть замкнутыми на востоке, а также на севере, ибо в этих направлениях в древнерусский период непрерывно продолжалась славянская колонизация (или во всяком случае — славянизация автохтонов). Иными словами, границами северо-восточной диалектной зоны на востоке (и юго-востоке) и на севере были границы славянских поселений домонгольского периода.

Впрочем, после XII в., когда в Заволжье сталкиваются колонизационные потоки из Ростово-Суздальской и Новгородской земель¹⁸, намечается «внутренняя» граница между диалектными зонами на восточноевропейском Севере, отделяющая его от первоначальной территории распространения ростово-суздальских говоров. При этом естественно предполагать, что полоса инфильтрации славяноязычных колонистов из разных зон, расселившихся среди автохтонного (чуждого им по языку) финно-угорского населения, могла быть достаточно широкой. На диалектологической карте изоглоссы в этом случае должны ложиться менее компактно, чем вдоль западных границ раннего ростово-суздальского ареала, отделяющих его от смежных зон в пределах территории старейших восточнославянских поселений.

2. На юге условной границей ростово-суздальской группы говоров следует считать изоглоссу противопоставления $z \sim y$ (см. карту 6), в основном соответствующую границе соприкосновения ранних колонизационных потоков с северо-запада (из области археологических «кривичей» — см. след. главы) и с юга (археологически — из области «вятичей»). Вдоль этой границы и происходило взаимодействие говоров с более древними по происхождению (додревнерусскими) языковыми противопоставлениями, в частности с [r] смычным (назовем эти говоры генетически северо-восточнославянскими) и [y] (или [h]) фрикативным (генетически южно-восточнославянскими).

¹⁸ Ср.: «Образование севернорусского наречия...», с. 225—226, а также с. 230.

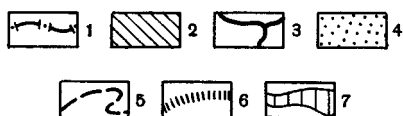
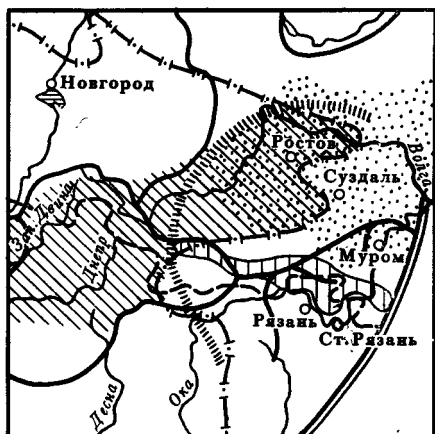
ми)¹⁹: совпадение границы [г] ~ [γ] с южными границами ростово-суздальских инноваций позднего древнерусского периода (см. карты 5 и 6) вряд ли является случайным.

Таким образом, в историко-диалектологическом плане проблемой является реконструкция западной границы северо-восточной диалектной зоны, являвшейся «внутренней» в пределах территории, занятой говорами древнерусского языка (до XIV в.).

Карта 6

Северо-восточная диалектная зона
и среднеокские говоры
домонгольского времени
(XII—XIII вв.):

1 — северо-восточная граница восточнославянских курганов IX—X вв. (по В. В. Седову); 2 — ареал археологических «кривичей» (по В. В. Седову); 3 — границы основных древнерусских феодальных земель домонгольского времени (по А. Н. Насонову); 4 — ареал мерянских гидронимов (по М. Фасмеру и В. В. Седову); 5 — современная граница противопоставления [г ~ γ]; 6 — обобщенная граница максимального продвижения на восток «явлений общезападного распространения» (реконструкция), очерчивающая с севера и запада древнерусскую северо-восточную диалектную зону и среднеокские говоры («внутренняя» граница реконструируемых зон XII—XIII вв.); 7 — комплекс южных границ ростово-суздальских инноваций (см. карту 5), отделяющий среднеокские говоры от северо-восточных

3. При взгляде на карту современных изоглосс, очерчивающих западную окраину ростово-суздальского диалектного ареала (см. карты 3 и 5), можно заметить, что в основном они проходят довольно определенной, хотя и достаточно широкой полосой, за пределы которой, главным образом в сторону от Москвы, вырываются (в виде «полуостровов») изоглоссы лишь отдельных явлений. Очевидно также, что в рассматриваемой полосе изоглосс сосредоточены границы противопоставлений типа «архаизм ~ инновация», что обуславливает «неравноправность» членов каждого противопоставления, так как обычно закрепившаяся в речи инновация имеет тенденцию распространяться за счет вытеснения архаизма, но не наоборот. Если учесть, что часть современных изоглосс вдоль полосы противопоставления бывшего ростово-суздальского диалекта остальным говорам Древней Руси

¹⁹ Ср.: Хабургаев Г. А. Этнический состав Древнерусского государства и образование трех восточнославянских народностей. — СЭ, 1972, № 1, с. 86–87.

отражает северо-восточные инновации, а часть — инновации, которым на северо-востоке противопоставлены архаизмы (ср. изоглоссы на картах 3 и 5), то а priori можно предположить, что западная граница искомой диалектной зоны проходила где-то между современными изоглоссами обеих групп (см. выше схему диалектного взаимодействия, с. 24).

4. Реконструируя древнюю диалектную границу, в данном случае следует, наконец, учесть особую судьбу северо-восточных говоров в дальнейшей лингво-этнической истории Руси: именно на их базе с XIV в. начинается формирование социальной системы языка великорусской народности (великорусского диалектного объединения). Это означает, что, достигнув территории северо-восточной диалектной зоны, общедревнерусские инновации с XIV в. испытывали «сопротивление» со стороны противопоставленных явлений, поддерживавшихся мощными внеязыковыми факторами, которые, напротив, должны были способствовать более широкому распространению местных инноваций по мере присоединения к Москве новых районов и включения в социальную систему формирующегося великорусского языка новых говоров. Степень «рассеянности» изоглосс явлений различного происхождения, отмеченных на картах 3 и 5 (большая — ростово-суздальских, меньшая — «явлений общезападного распространения»), вполне убедительно говорит о том, что высказанные выше замечания полностью соответствуют реальным историко-диалектологическим процессам.

Итак, вероятнее всего предположить, что граница искомого диалектного ареала позднерусского периода (до активизации новых тенденций диалектного взаимодействия) на западе и северо-западе должна была проходить вдоль изоглосс, сосредоточенных на карте 3 — в далеком «тылу» изоглосс явлений северо-восточного происхождения, воспроизводимых на карте 5. «Средняя составляющая» изоглосс «явлений общезападного распространения» указана на карте 6 в качестве предполагаемой «внутренней» границы северо-восточной диалектной зоны, отделяющей ее от смежных диалектных ареалов позднерусского периода.

* *

*

Сопоставляя реконструируемую диалектную границу с политическими и археологическими (культурно-этнографическими) границами домонгольской Руси, нельзя не заметить, что на северо-западе (в центральной своей части) она близка политической границе Ростово-Суздальского княжества XII в. и одновременно — границе археологического ареала так называемых «тверских (или верхневолжских) кривичей» X в., которую она огибает также и с севера, отделяя область славянских курганов IX—

X вв. от районов последующей ростово-суздальской колонизации (см. карту 6). На юго-западе реконструируемая диалектная граница охватывает присоединенный в 1058 г. к Смоленскому княжеству район летописной *голяди*, окончательно славянизированной позднее и явно переходившей на славянскую речь ростово-суздальского типа (что соответствует известиям о поздней славянизации *голяди*, упоминаемой в летописи еще в XII в.).

Юго-западная и особенно северная части реконструируемой диалектной границы, подтверждая сомнения относительно непрерывного совпадения пучков изоглосс с политическими границами периода феодальной раздробленности (см. с. 25—26), вместе с тем убеждают в справедливости предположения, что основные феодальные земли Древней Руси должны были формироваться как политические объединения реально существовавших в то время диалектно-этнографических групп населения²⁰ и впоследствии расширяли свою территорию главным образом за счет новокolonизованных районов.

Своеобразие северо-восточной диалектной зоны, географически совпадающей с основной (исторически первоначальной) территорией Ростово-Суздальской земли²¹, заключается в том, что для нее характерны общевосточнославянские языковые особенности, связанные с процессами, осуществлявшимися не позднее IX—XI вв. и более ранними (полногласные сочетания, шипящие на месте праславянских сочетаний смычных зубных с *j и т. д.); но ей чужды древнерусские явления, распространявшиеся после XI в., которые впоследствии были кодифицированы как нормы белорусского или украинского языка, но в великорусском оказались особенностями окранных диалектов. Карты «Атласа русских народных говоров» указывают на это как на факт, который может быть объяснен тем, что носители местных славянских говоров, закрепившись в Волго-Окском междуречье (примерно с рубежа XI—XII вв.), оказались в стороне от основной трассы культурного и экономического обмена, соединявшей Новгород с Киевом и проходившей через Смоленск²². Ко времени падения

²⁰ Ср.: Хабургаев Г. А. *Лошадь — конь* и судьба восточнославянских племенных диалектов. — «Учен. зап. [МОПИ им. Н. К. Крупской]», т. 197. Русский язык, вып. 13, М., 1967, с. 293—299.

²¹ См.: Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. М., 1929, в частности с. 8.

²² В этой связи нельзя не вспомнить исторической основы былинного цикла об Илье Муромце, где отразился факт периферийного положения Северо-Востока по отношению к Киеву как центру культурной и политической жизни домонгольской Руси: один из важнейших подвигов этого древнерусского Геракла как раз и заключается в том, что он, игнорируя «окольный путь» (через Смоленск?), прокладывает «дорогу прямоезжую» между Волго-Окским междуречьем и Киевом, преодолевая «леса дремучие» и сокрушая враждебные силы (*Соловья-разбойника*, в котором, видимо, обобщены неславянские поселения — *голяди* и *мордвы*, — отделившие рассматриваемый регион от Среднего Поднепровья), стоявшие на пути культурного и экономического обмена между Киевом и Ростово-Суздальской землей (ср.: Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930, с. 154—155).

Киевской власти и перемещения политического центра Руси на северо-восток здесь уже вполне оформилась и развивалась своеобразная диалектно-этнографическая группа древнерусского населения.

* *
*

Лингвогеографический материал со всей очевидностью указывает на известную общность судьбы северо-восточной диалектной зоны с говорами средней Оки, оформившимися в процессе колонизации Среднего Поочья носителями южно-восточнославянских (по происхождению) говоров. На диалектологической карте обе зоны обрисовываются изоглоссами позднерусских инноваций «общезападного» происхождения, которые достаточно плотным пучком отделяют их от всей остальной территории старейших восточнославянских поселений (см. карту 3), что, безусловно, «не свидетельствует об общности языкового развития восточных говоров» в древнерусский период²³, но убедительно говорит о том, что население Среднего Поочья в это время было так же оторвано от остальных районов Древней Руси, как и носители ростово-суздальского диалекта.

Диалектологические данные — в полном соответствии с археологическим материалом (см. далее) — свидетельствуют о том, что бассейн Оки осваивался носителями разных древнерусских говоров — северно-восточнославянских (с [г] — район Муром) и южно-восточнославянских (с фрикativным [у] — район Рязани). Но если Начальная летопись постоянно называет Муром среди административных центров Древней Руси (см. под 862 г.: «...А первѣи насельници в Новѣгородѣ словѣне, [въ] Полотьски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣлѣозерѣ весь, в *Муромѣ* мурома»; под 988 г.: «Посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба *Муромѣ*...» и т. д.), то о Рязани или каком-либо ином административном центре на территории будущей Рязанщины летопись долгое время не упоминает. Этот район в ранний древнерусский период обрисовывается как глухой лесной край, отделяющий Северо-восток от основной территории Древней Руси²⁴,

²³ «Образование севернорусского наречия...», с. 229.

²⁴ Ср. описание этого края накануне периода феодальной раздробленности: Арциховский В. А. Курганы вятичей, с. 154—156.

Замечательно, что изоглоссы инноваций позднего древнерусского периода, отделяющие Рязанщину от остальной древнерусской территории, проходят вдоль восточной границы давних балтийских поселений, которая близка границе восточнославянских курганов с трупосожжениями IX—X вв. (ср. карты 3, 4 и 8). Случайность такого совпадения результатов исследований, полученных вне зависимости друг от друга, маловероятна; и это позволяет думать, что перед нами отражение каких-то природных (?) условий, сдерживавших сначала продвижение балтоязычного населения в восточном направлении, затем (до конца X в.) — славяноязычного, а позднее обусловивших отрыв древнерусского населения,

и лишь со второй четверти XII в., когда Рязанское княжество выделяется в самостоятельную территориально-политическую единицу на окраине обширной Черниговской земли, оно начинает фигурировать в летописных сообщениях, где в административном отношении оказывается связанным с Муромом («Мурома-Рязанская земля») — юго-восточной окраиной ростово-суздальского диалектного ареала.

Регулярные связи Северо-востока с Рязанщиной укрепляются в период тюрко-монгольского нашествия, т. е. с XIII в.²⁵ В частности, именно к югу от Москвы, в Среднем Поочье, расположены земли, с присоединения которых начинается процесс роста Московского государства и консолидации великорусской народности (с начала XIV в.) и соответственно — процесс распространения северо-восточных новообразований за пределы этой зоны. Условия этих связей таковы, что они в силу внеязыковых (социальных) причин в первую очередь должны были отразиться в последовательном распространении ростово-суздальских инноваций на юг. И именно такое направление языкового взаимодействия определило современные контуры изоглосс северо-восточных новообразований, которые «вторгаются» из Волго-Клязьминского междуречья в Поочье «волнами», располагаясь вдоль течения средней Оки и отделяя Северо-восток (вместе с Муромом) от территории собственно Рязанщины (см. карты 5 и 6). Совершенно очевидно, здесь перед нами результаты распространения на юг ростово-суздальских языковых особенностей, а не результаты общих языковых переживаний, начинающихся позднее, когда формируется зона средневеликорусских говоров, усвоивших из говоров Среднего Поочья такую яркую их особенность, как аканье-яканье, которое, как замечено, последовательно распространяется за счет «оканья» в ходе междиалектного взаимодействия²⁶.

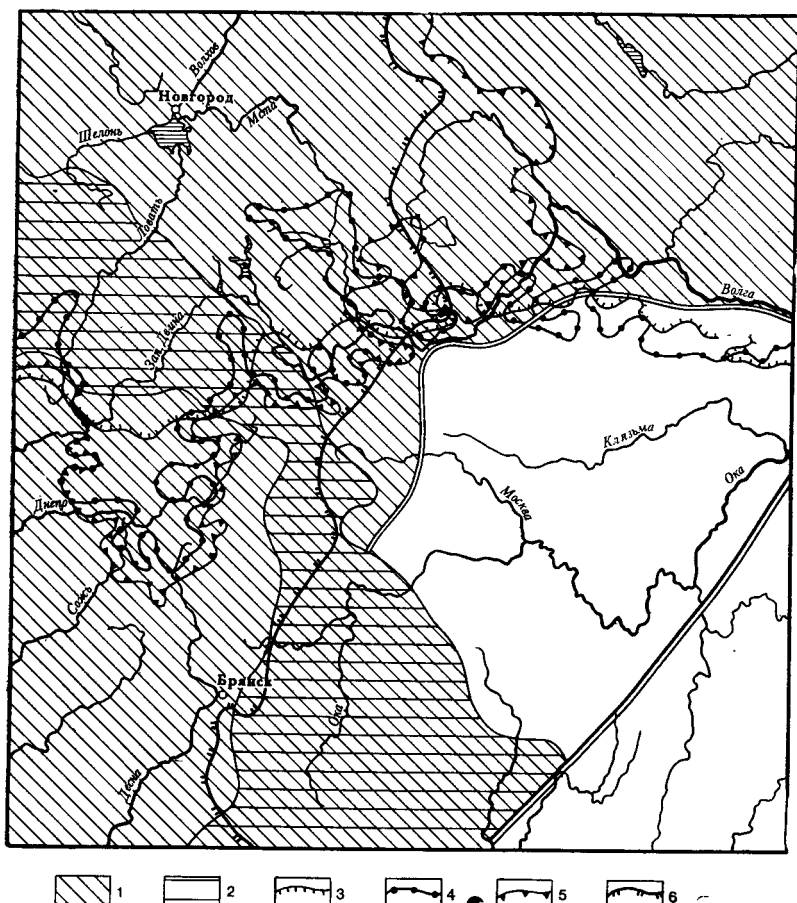
СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ЗОНА

Анализируя «общезападные» диалектные явления, авторы монографии «Образование севернорусского наречия...» обращают внимание на то, что «при распространении новообразований в

обосновавшегося восточнее этой границы, от основного восточнославянского массива. В этой связи очень спорным выглядит предположение авторов монографии «Образование севернорусского наречия...», будто в древнерусский период в бассейне Оки «население западных и восточных территорий не было оторванным друг от друга» (Указ. соч., с. 229).

²⁵ См.: «Образование севернорусского наречия...», с. 229—230, 326—328, 334—337 и др.

²⁶ См.: Хабургаев Г. А. О фонологических условиях развитого русского аканья. — ВЯ, 1965, № 6, с. 63.

Карта 7

Характерные изоглоссы древненовгородских инноваций:

1 — зона максимального продвижения на восток «явлений общезападного распространения» (см. карты 3 и 5); 2 — пучок русско-белорусских изоглосс (обобщение материала карты 4); 3 — южная граница ареала совпадения форм дат. и твор. множ. числа (типа *к — за новым домам*); 4 — южная граница ареала произношения [мм] в соответствии с бм (типа *о [мм] аи, о [мм] ери* и т. п.); 5 — ареал произношения [нн] в соответствии с дн (типа *о[нн]а, ро[нн]ой* и т. п.); 6 — восточная граница распространения форм *ta[já]* — *to[já]* как характерная изоглосса собственно «общезападных» явлений (ср. карту 3).

пределах самих западных территорий в описываемый период XII—XIII вв. преобладало распространение, шедшее из более южных очагов к северу, на территорию Смоленской и Новгородской земель, в то время как новообразования, очагом которых являлась Новгородская земля, не имели столь интенсивного распространения в южном направлении, ограничиваясь преимущественно территорией Смоленской земли или даже только ее более северной части»²⁷ (см. карты 4 и 7). Собственно новгородские инновации этого времени, как правило, распространялись не в южном, а в восточном направлении — на территории новгородских колоний²⁸, указывая, что в поздний древнерусский период говоры Новгородской земли (с колониями) объединялись общими языковыми переживаниями, не распространявшимися на диалекты смежных областей. Это и заставляет ставить вопрос о выделении на севере ареала «явлений общезападного распространения» северо-западной диалектной зоны, восточные и южные границы которой подлежат определению (на севере и западе границами зоны были границы распространения древнерусских диалектов, соприкасавшихся здесь с прибалтийско-финскими).

Диалектные особенности северо-западной зоны — как архаические, так и инновации позднего древнерусского периода — подробно описаны в монографии «Образование севернорусского наречия...», где им дана обстоятельная пространственная и временная характеристика, которая на современном этапе развития русской исторической диалектологии может считаться исчерпывающей²⁹. В связи с этим нет необходимости в специальном историко-диалектологическом анализе соответствующих явлений; достаточно лишь заметить, что их происхождение и последующее распространение дают основания для проведения восточной границы северо-западной зоны примерно по 36-му меридиану, ибо «территории, расположенные к востоку от 36° в. д. <...>, хотя и входили в состав Новгородской земли, так как были охвачены новгородской данью, не могут быть включены для данного периода в ареал новгородского диалекта в связи с тем, что процесс формирования устойчивого русского населения этих территорий был еще далек от завершения»³⁰. Типичными изоглоссами, отражающими характер и направления распространения инноваций северо-западной зоны, являются границы таких явлений, как дат.-твор. множ. числа типа (к — за) *новым домам*, ассимиляция *бл>мм* (типа о[мм]ан<обман) и *дн>нн* (типа ро[нн]ой<родной), которые, как нетрудно заметить, в общих чертах совпа-

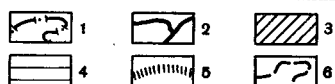
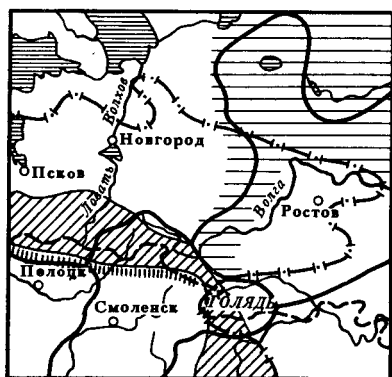
²⁷ «Образование севернорусского наречия...», с. 228.

²⁸ Там же; анализу этих явлений специально посвящена 4-я глава II раздела монографии.

²⁹ «Образование севернорусского наречия...», с. 223—237.

³⁰ Там же, с. 225.

дают с восточными (северо-восточными) границами «общезападных» явлений и так же, как и они, очерчивают в северном За-волжье ареал взаимопроникновения особенностей росто-во-суздальского и новгородского происхождения (ср. карты 3, 4, 7 и 8), который становится областью формирования будущих вологодско-вятских (по терминологии МДК) говоров.

Карта 8
Северо-западная
диалектная зона
(обобщение):

1 — северная часть ареала восточнославянских курганов IX—X вв. (по В. В. Седову); 2 — границы основных древнерусских феодальных земель домонгольского времени (по А. Н. Насонову); 3 — пучок русско-белорусских изоглосс (см. карты 4 и 7); 4 — район взаимодействия древненовгородских и росто-во-суздальских говоров (зона «рассеивания» изоглосс «общезападных» и древненовгородских явлений — ср. карты 3 и 7); 5 — южная граница позднерусской (XII—XIII вв.) северо-западной диалектной зоны (обобщение южных границ древненовгородских инноваций — см. карту 7); 6 — граница противопоставления [г~γ]

Относительная обособленность северо-западной диалектной зоны отражается не только в характере распространения собственно новгородских инноваций XII—XIII вв., но и в том, что далеко не все новообразования южного происхождения («общезападные») проникали на ее территорию. Примерно вдоль 56-й параллели, пересекая верховья рек Великой, Ловати и Западной Двины, вплоть до истоков р. Москвы — до меридиональной границы северо-восточной зоны — тянется полоса целой серии изоглосс (преимущественно новообразований XI—XIII вв.), отделяющих новгородско-псковские говоры от современных белорусских, центральных среднерусских и западных южновеликорусских и в отдельных случаях вторгающихся на территорию Псковщины и юго-западной Новгородчины (см. карту 4), что может быть связано с более широким распространением соответствующих явлений в прошлом. Этот мощный комплекс русско-белорусских изоглосс, тянущихся вдоль южного пучка изоглосс собственно новгородских новообразований, следует считать южной границей северо-западной позднерусской диалектной зоны (см. карты 4, 7 и 8); а расширяющаяся к западу полоса «рассеивания» этой серии изоглосс отражает русско-белорусское диалектное взаимодействие (вспомним, что Псков в XIV в. находился в зависимости от Литовского государства).

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЗОНА

Северная часть региона, очерчиваемого изоглоссами русско-белорусских диалектных противопоставлений, как известно, является областью распространения разновидностей аканья-яканья, отражающих диссимилиативную зависимость *ѡ* (унифицированной гласной фонемы первого предударного слога)³¹ от качества (степени подъема) ударенного гласного. Поскольку речь идет едва ли не о самом ярком новообразовании позднего древнерусского периода³², охватывающем ареал еще целого ряда своеобразных диалектных явлений локального распространения (см. ниже), возникает необходимость в выделении особой позднедревнерусской диалектной зоны, которую, учитывая ее географическое расположение в границах древнерусских поселений, можно назвать *центральной*.

Говорам на территории позднедревнерусской центральной зоны свойствен целый комплекс языковых явлений, изоглоссы которых совпадают с северной и восточной границами распространения типов аканья-яканья, связанных с диссимилиативной зависимостью *ѡ* от качества ударенного гласного (по терминологии авторов «Образования севернорусского наречия...» — типов аканья, «связанных с диссимилиативностью»); наиболее характерные из них (преимущественно собственно фонетические, а также морфологизованные) показаны на карте 4 (ср. также изоглоссы «явлений общезападного распространения» на карте 3).

Значительная часть картографированных явлений отражает давние особенности южно-восточнославянского происхождения, которые в отношении позднего древнерусского периода должны оцениваться как архаизмы: фрикативный [ɣ], флексия род. ед. местоимений и прилагательных неженского рода о[ɣ]о, сохранение [e] в глагольных флексиях настоящего времени, [y] или [w] в конце слога и слова (на месте билабиального [w] после падения редуцированных) и др. Подобные черты, как известно, не являются указанием на общие языковые переживания (ср. выше, с. 46) и в данном случае говорят лишь о том, что северные инновации позднедревнерусского периода на территорию центральной зоны не проникали: новообразования этого времени, как пра-

³¹ См.: Хабургаев Г. А. О фонологических условиях развития русского аканья, в частности с. 56.

³² Известные колебания в хронологизации развития восточнославянского аканья-яканья, с моей точки зрения, в значительной степени обусловлены тем, что это явление в своем развитии прошло две стадии: стадию унификации безударных гласных неверхнего подъема, которая завершается не позднее чем к XII в, и стадию различной фонетической реализации *ѡ* в зависимости от качества ударенного гласного, которая в ареале разновидностей диссимилиативного (или ассимилятивно-диссимилиативного) аканья-яканья протекала в период, обычно считающийся временем оформления аканья, т. е. в XII—XIV вв. (см.: «О фонологических условиях развития русского аканья»).

вило, объединяют современные западные южновеликорусские говоры с белорусскими и украинскими (протетический *в* перед *у* и *о* — типа *вутка, вотчим*, формы типа *мыю, шйя* — с [ы] и [и] на месте сильных и напряженных редуцированных, формы *ник[óу]о, нич[óу]о* и др.); причем эти черты, подобно синхронным им по образованию явлениям более широкого распространения («обще-западным»), явно шли с юга — из городов Среднего Поднепровья (см. выше, с. 49), чему, безусловно, способствовали факторы экстралингвистического порядка — авторитет киевской речи, которая на протяжении всего древнерусского периода продолжала оставаться образцом для нивелирующих процессов, распространяя свои новообразования на говоры соседних зон.

Таким образом, вопрос о выделении центральной диалектной зоны в ареале распространения древнерусской речи — это проблема ее южных границ, ибо северная и восточная границы надежно очерчиваются мощными пучками указанных выше изоглосс (ср. карты 3, 4 и 7). Иными словами, необходимо решить вопрос о том, можно ли считать южной границей зоны изоглоссу диссимильтивного аканья-яканья (коль скоро именно эта черта заставляет ставить вопрос о позднерусской центральной диалектной зоне!) или эта изоглосса не отражает зоны локализации языковых переживаний рассматриваемого исторического периода и очерчивает лишь ареал данного (единичного) явления? Ответ на этот вопрос может дать лишь атлас белорусских говоров, поскольку в ареале старейших (домонгольских) восточнославянских поселений южная граница указанных типов аканья-яканья проходит по территории нынешней Белоруссии.

Карты белорусского атласа³³ обнаружили, что изоглосса диссимильтивного аканья-яканья, в свое время положенная авторами карты Московской диалектологической комиссии в основу диалектного членения белорусского языка, включается в широкую полосу изоглосс внутрибелорусских диалектных противопоставлений³⁴. Начинаясь близ границы леса и лесостепи, этот мощный пучок изоглосс к северо-западу рассеивается, огибая территорию, где, согласно летописи и современным археологическим данным, еще в XII—XIII вв. были сосредоточены поселения *литвы*³⁵, окончательно славянизированной после XIV в. и в течение длительного времени, видимо, являвшейся «естественным препятствием» на пути распространения инноваций из рассмат-

³³ «Дыялекталогічны атлас беларускай мовы», под ред. Р. И. Аванесова, ч. I. Минск, 1963.

³⁴ См.: Мацкевич Ю. Ф., Мурашко А. Г., Орешонкова А. В. Об итогах работы по составлению атласа белорусских народных говоров. — В кн.: Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964, в частности карты 1, 3, 4 и 6.

³⁵ Сводку исторического и археологического материала, обзор предшествующих исследований и карту см.: Ермолович Н. И. Где была летописная *Литва*? — Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, с. 293—298.

риваемого региона, который по отношению к основным древнерусским культурным центрам (Киеву, Новгороду, а также начавшим выдвигаться в это время Ростову и Суздалью) оказывался периферийным. Эти скопления изоглосс (см. карту 2, где на территории нынешней Белоруссии заштриховано пространство между крайними изоглоссами указанного комплекса) и следует считать южной границей позднерусской диалектной зоны, а точнее — ее юго-западной границей, ибо на юго-востоке (как и на востоке) граница оставалась «открытой», так как позднерусские новообразования местного происхождения доходили здесь до соприкосновения восточнославянских поселений со степью (см. карту 2), куда носители говоров центрального типа последовательно проникают в послемонгольское время.

* *
*

Судя по археологическим данным, славянское население центральной зоны не было однородным по происхождению (см. след. главы). Ее северо-западная часть была колонизована носителями культурно-этнографических особенностей, фиксируемых для более раннего времени к северу от верховьев Западной Двины, что позволяет предполагать в колонистах Западного Подвинья и Верхнего Поднепровья носителей северо-восточнославянских говоров — с [г] смычным, цоканьем и т. д.; юго-восточные районы зоны должны были быть колонизованы носителями говоров южно-восточнославянского происхождения — с фрикативным [ʏ] и различием аффрикат³⁶. Этим предположениям, вытекающим из свидетельств культурно-этнографических связей местного населения³⁷, не противоречат и показания дошедших до нас памятников письменности, представляющих северо-запад рассматриваемого ареала.

Известно, что говорам Смоленщины и Полоцкой земли в древности было известно цоканье³⁸, которое не могло развиваться «спонтанно» в ареале славянизации балтов³⁹. Эта типично северо-восточнославянская особенность зафиксирована в договорных грамотах Смоленска XIII—XIV вв.⁴⁰ и открытых в последние де-

³⁶ См.: Хабургаев Г. А. Этнический состав Древнерусского государства..., с. 86—87 и карта 1.

³⁷ См.: Алексеев Л. В. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII вв. М., 1966, с. 31—34 и далее, в частности рис. 9 на с. 51.

³⁸ См.: Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков, с. 263.

³⁹ См.: Хабургаев Г. А. Возможности «лингво-археологической» реконструкции восточнославянского глоттогенеза (К постановке вопроса). — ВМУ, 1974, № 2, с. 42.

⁴⁰ См.: Усачева Л. В. Язык смоленских грамот XIII—XIV вв. (Фонетика). АКД. М., 1954, с. 11—12; Расторгуев П. А. Говоры на территории Смоленщины. М., 1960, с. 84—86.

сятилетия смоленско-полоцких памятниках бытового письма, в которых буква *ч* отсутствует. См. написания: *целомы* («челомь») — в смоленской берестяной грамоте № 5, стратиграфически датируемой концом XII или началом XIII в.⁴¹, *цего* («чего») и *лицеме* («лицемь») — в витебской берестяной грамоте, датируемой рубежом XII—XIV вв.⁴². То же и в настенной надписи XII в. из Софии Киевской: *Вошнегъ Ѡль Жураговиць полоцанинъ*⁴³. Реликты цоканья, вытесненного здесь в процессе взаимодействия с говорами, различавшими аффрикаты *ч* и *ц*, отмечаются на территории Смоленщины современными диалектологами⁴⁴.

По мнению исследователей, первоначально смоленский говор характеризовался смычным [г], который затем вытесняется фрикативным⁴⁵, что опять-таки нельзя не поставить в связь с воздействием говоров юго-востока, вошедших вместе с говорами Верхнего Поднепровья в единую зону языковых переживаний. Во всяком случае продвижение [γ] на север в ареале центральной лесной полосы происходило до начала нивелировки диалектов в связи с формированием социальной системы белорусского языка, т. е. до XIV столетия. К известным свидетельствам смоленских договорных грамот, отразивших наличие [γ] в местном говоре в XIV в.⁴⁶, можно присоединить раннее написание смоленской берестяной грамоты № 7, найденной в том же культурном слое, что и грамота № 5 (см. выше), следовательно, относящейся ко времени не позднее начала XIII в.: *Гереме*⁴⁷; то же написание встречается и в двух поздних списках (D и E) Договорной грамоты Смоленска с Ригию⁴⁸, что не оставляет сомнений в передаче здесь имени *Еремей*: именно так оно начертано (как имя того же лица!) во всех остальных списках грамоты, включая и знаменитый список А 1229 г.⁴⁹. Обозначение буквой *г* начального [j] возможно лишь под пером носителей фрикативного [γ], который перед гласными переднего ряда,

⁴¹ См.: Авдусин Д. А. Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1966 и 1967 гг. — СА, 1969, № 3, с. 187.

⁴² См.: Дроченина Н. Н., Рыбаков Б. А. Берестяная грамота из Витебска. — СА, 1960, № 1 (фотография и прорись грамоты даны на вкладке между с. 282—283).

⁴³ См.: Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. вып. 1. XI—XIV вв. Киев, 1966, с. 59 (фотография и прорись надписи даны в табл. XXVI «Приложения»).

⁴⁴ См.: Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке в связи с историей образования русских народных говоров. М., 1959, с. 105—106.

⁴⁵ См.: Усачева Л. В. Указ. соч., с. 10—11.

⁴⁶ См.: там же.

⁴⁷ Грамота представляет собой отрывок, видимо, синодика с именами собственными в род. падеже: *...ме ѿ Смеопа Овдогити Олексѣ Оули ѿ ны Настасы Олисе ѿ Луки Гереме ѿ...* (см.: Авдусин Д. А. Указ. соч., с. 190).

⁴⁸ «Смоленские грамоты XIII—XIV вв.». М., 1963, с. 35, 40.

⁴⁹ Там же, с. 20, 25, 30, 45.

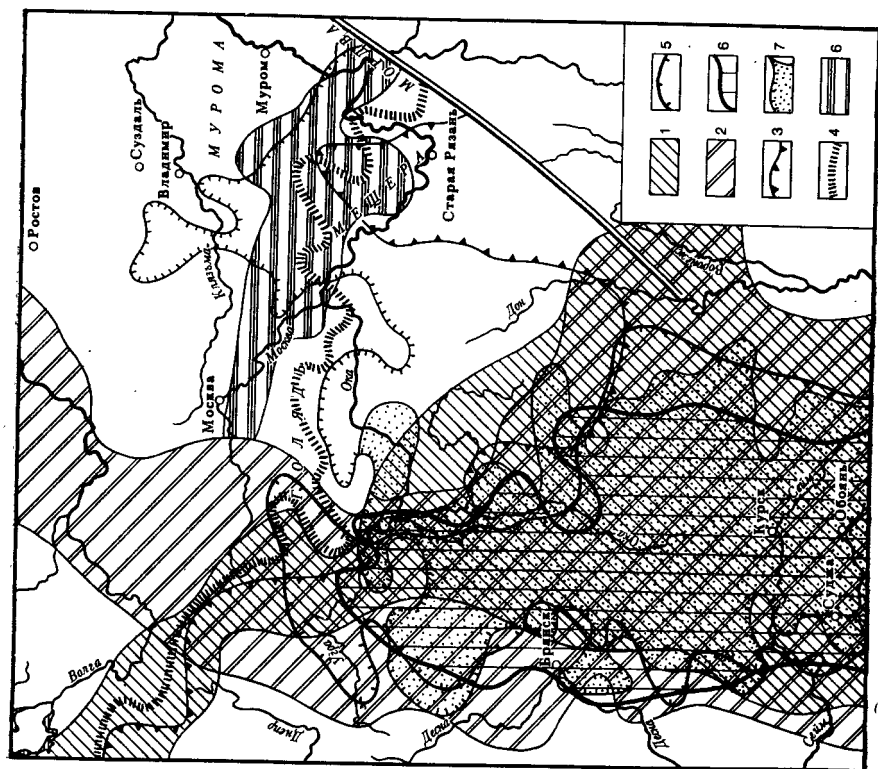
смягчаясь, артикуляционно и акустически совпадает с [j] ⁵⁰, в связи с чем сочетания обоих согласных с гласными переднего ряда, например [ʏ'e] и [je], носителями соответствующих говоров на письме могут передаваться одинаково: как *e* и *ge* ⁵¹.

Таким образом, северо-западные говоры центральной лесной полосы Восточной Европы, представленные памятниками письменности XIII—XIV вв., в области консонантизма обнаруживают совмещение особенностей северно- и южно-восточнославянского происхождения — цоканья с ффрикативным [ɣ], что и отражает их формирование в результате взаимодействия в составе единой зоны языковых переживаний говоров северного и южного происхождения. Нивелировка окончательного соответствия (распространение [ɣ] при вытеснении [r]), естественно, осуществлялась интенсивнее, чем унификация консонантных систем с одной и двумя аффрикатами, а потому и получает отражение уже в текстах позднерусского периода. Утрата же цоканья под влиянием говоров, сохранявших обе аффрикаты, т. е. характеризовавшихся более сложной системой фонологических противопоставлений, оказалась процессом более длительным и, как можно предполагать на основании позднейших отражений (в текстах следующего исторического периода и в современных говорах), имела следствием развитие консонантной системы с двумя отвердевшими аффрикатами. Хорошо известно, что эта система свойственна современным белорусским говорам (продолжающим западные говоры позднерусской центральной зоны); можно предполагать, что в прошлом она была известна и современным юго-западным великорусским говорам, исторически продолжающим традиции восточных говоров той же зоны.

Данные современной диалектологии заставляют обратить внимание на такую характерную фонетическую черту западных южновеликорусских говоров, как [ш'], развившийся в результате утраты затвора аффрикатой *ч* (изоглоссу [ш'] < *ч* см. на карте 9). Одно из наиболее распространенных объяснений этого явления связывает его с процессом усвоения мягкого [ч'] говорами, в которых эта аффриката в период окончательного присоединения Верхнего Поочья и Посемья к Московской Руси (XV в.) и включения местных говоров в развивающуюся социальную систему языка великорусской народности произносилась как твер-

⁵⁰ См.: Аванесов Р. И. О качестве заднеязычного ффрикативного согласного перед гласными переднего ряда в русском языке. — «Доклады и сообщения [Института языкознания АН СССР]», П. М., 1952, с. 38—39 и далее.

⁵¹ Ср. обычные для более поздних южновеликорусских текстов (авторы которых, несомненно, были носителями ффрикативного [ɣ]) написания: с одной стороны, *Еоргиевской, Архан(ь)ел(ь)ской*, т. е. [ʏ'e]оргиевский, архан[ʏ'e]льский, с другой — *генвора, гевго*, т. е. [je]нваря (с отражением редукции предударного гласного), [je]го (см.: Хабургаев Г. А. Заметки... (Консонантизм), с. 169).

Карта 9

Район «отстутления» русско-белорусских изоглосс на востоке позднерусской центральной зоны:

1 — пучок русско-белорусских изоглосс (обобщение — см. карты 4 и 7); 2 — пучок изоглосс «явлений» общезападного распространения (обобщение — см. карты 3 и 5); 3 — северо-восточная граница разнородностей аканья — «связанных с диссимилативностью»; 4 — граница противопоставления $[r \sim \gamma]$; 5 — ареал утраты затвора аффрикатами ($\chi > [ш]$, $\chi > c$); 6 — ареал реализации заударного $и$ в звуке $[a]$ (гипа $бро [с a] л, ба [p'a] н т. п.$); 7 — изоглосса прогрессивного ассимилятивного смягчения $к$, внутри которой заштрихован ареал сохранения твердого $к$ после $[ш] < \chi$ (по Л. Л. Касаткину); 8 — полоса южных границ явлений ротово-судального происхождения (обобщение — см. карты 5 и 6), отделяющая говоры древнерусского северо-востока от среднеокских

да я⁵². В. Г. Орлова считает, что отверждение *ч* в говорах великорусского юго-запада оформилось к XIV в., что связывает этот процесс с периодом предполагаемых общих языковых переживаний, охватывавших будущие белорусские и юго-западные великорусские говоры, а потому может быть признано вполне вероятным.

Возражая против отнесения процесса отверждения *ч* ко времени до XIV в., С. И. Котков ссылается, в частности, на факты старобелорусских памятников, якобы отражающих этот процесс (!) на протяжении двух столетий и еще в XVI в. знающих написания *чя, чю*⁵³. В этой связи необходимо заметить, что такие написания в текстах XV—XVI вв. вряд ли указывают на произношение в это время мягкого [ч'] в повседневной старобелорусской речи, если с ними в тех же текстах соседствует *чы*: они могут быть традиционными, возможно, опиравшимися на особенности книжного чтения, что, между прочим, учитывал еще Е. Ф. Карский, когда писал о длительной правописной неустойчивости, «пока наконец написания с «мягкими» гласными, поддерживаемые традициями письма, не исчезли окончательно»⁵⁴. Опираясь на показания памятников при хронологизации языковых изменений, необходимо учитывать, что проникновение той или иной новой черты в письмо старых книжников отнюдь не означает, будто эта черта в живой речи едва только «нарождается»⁵⁵: если старобелорусские писцы, вопреки традиции, в XV в. допускали написание *чы*, явно указывающее на твердый [ч], то это значит, что к этому времени (а не с этого времени!) такое произношение шипящей аффрикаты не только охватило большинство старобелорусских говоров (а в данном случае реалистичность такой интерпретации подчеркивается отражением цоканья (!) в более ранних текстах той же территории!), но и прочно утвердилось в речи грамотной части населения городов и монастырей.

Предположение о распространении твердого [ч] в связи с последовательным отверждением шипящих и *ц* в период общих языковых переживаний диалектов позднедревнерусской центральной зоны⁵⁶ подкрепляется судьбой заднебного *к* в западных южновеликорусских говорах. Дело в том, что в регионе бывших восточных говоров позднедревнерусской центральной зоны *к* пос-

⁵² См.: Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке, с. 171—173 и др. Мысль о том, что в западных южновеликорусских говорах *ч* к началу старорусского периода мог быть твердым, высказывалась также Н. Н. Дурново (Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка. М. — Л., 1924, с. 218).

Гипотеза, связывающая утрату этой черты с влиянием восточных южновеликорусских говоров (после присоединения Верхнего Поочья и Посемья в конце XV в. к Москве), вопреки опасениям С. И. Коткова («Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология)». М., 1963, с. 119), отнюдь не предполагает перемещения южновеликорусского населения с востока на запад: как и в других случаях, здесь отражен результат взаимодействия диалектов в границах нового диалектного объединения, включенного в ареал формирования великорусской народности.

⁵³ См.: Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии, с. 119.

⁵⁴ Карский Е. Ф. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. I. М., 1955, с. 379; аналогичную интерпретацию смоленских написаний с *чю* в текстах, знающих *чы*, см.: Расторгуев П. А. Указ. соч., с. 81.

⁵⁵ См.: Хабургаев Г. А. Проблемы образования и взаимодействия древнерусских диалектов. АДГ. Изд-во МГУ, 1972, с. 8.

⁵⁶ Ср. предположение В. Г. Орловой об отверждении *ч* «во многих говорах западнорусского типа» сразу же вслед за отверждением *ц*, пережитым здесь «в довольно раннее время» (см.: Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке, с. 172).

ле шипящих, включая мягкий [ш'] из *ч*, остался твердым⁵⁷ (см. карту 9), между тем как прогрессивное смягчение *к* (>[к']) в этих говорах довольно уверенно датируется периодом не позднее XIV в.⁵⁸ Очевидно, что отвердение шипящих, включая *ч*, после которых задненебный *к* в юго-западных великорусских говорах (в отличие от юго-восточных, исторически не связанных с диалектами позднерусской центральной зоны) остался твердым, должно было (по крайней мере на востоке ареала) завершиться до этого времени.

* *

*

Об активации в позднерусский период общих языковых переживаний, охватывавших говоры центральной лесной полосы Восточной Европы на всем протяжении от верховьев Западной Двины до Сейма, свидетельствуют также и результаты изменений в области вокализма, по-разному отраженных на западе и на востоке рассматриваемого ареала. Речь идет о распространении здесь принципиально единой системы соотношения гласных ударенных и предударенных слогов, конкретная реализация которой опять-таки отражает неоднородность говоров ко времени оформления центральной зоны общих языковых переживаний.

Широко распространено мнение о раннем совпадении в говорах Белоруссии и Смоленщины *ѣ* (> *е*: на основании диалектологических данных и показаний памятников письменности оно датируется XII — началом XIII в., если не ранее⁵⁹. И это вполне соответствует распространению в местных говорах системы фонетических реализаций *ѣ* так называемого жиздринского (или белорусского) типа, при которой ударенные *ѣ* и *е* (равно как *ѓ* и *о*) не различаются⁶⁰, и требует предположения, что на протяжении

⁵⁷ См.: Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке, с. 172—173.

⁵⁸ См.: Касаткин Л. Л. Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных в русских говорах. М., 1968, с. 111—120; ср.: Хабургаев Г. А. Заметки... (Консонантизм), с. 177—180.

⁵⁹ См.: Аванесов Р. И. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности. — ВЯ, 1955, № 5, с. 27—28. Смоленские тексты указывают на отсутствие здесь особой фонемы *ѣ*, совпавшей с *е* до XIII в. (см.: Усачева Л. В. Указ. соч., с. 8—9; Горшкова К. В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси, с. 138); см. сводку материала: Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков, с. 167—169.

⁶⁰ Замечательно, что именно при жиздринском типе диссимилятивного яканья, охватывающем говоры большей части б. центральной зоны, так же как и при архаическом, наблюдается полный параллелизм в реализации *ѣ* после твердых и мягких согласных (см.: Аванесов Р. И. О соотношении предударного вокализма после твердых и мягких согласных в русском языке. — ИАН СЛЯ, т. XXIX, 1970, вып. 6, с. 475—478), что является одним из аргументов в пользу хронологического единства и первичности развития аканья-яканья в говорах центральной позднерусской зоны, вдоль юго-восточных границ которой и располагаются говоры с архаическим типом аканья-яканья.

позднего древнерусского периода процесс совпадения $\hat{e} > e$ постепенно распространялся на другие говоры зоны в восточном направлении. В пользу такого предположения можно выдвинуть ряд соображений, связанных с развитием в восточнославянских диалектах гласного средне-верхнего подъема \hat{o} (или y) и его дальнейшей судьбой в связи с судьбой \hat{e} .

Развитие \hat{o} из старого o под восходящей интонацией, несомненно, обусловлено структурными причинами: оно было неизбежно в говорах, сохранявших в составе гласных \hat{e} (или \hat{ue}), не имевший бемольного противопоставления средне-верхнего подъема. Такие отношения должны были сложиться в древнерусских диалектах после денализации Q :

$$\left[\begin{array}{c} \hat{e} \sim \hat{q} \\ e \sim o \end{array} \right]^{61} > \left[\begin{array}{c} \hat{e} \\ e \sim o \end{array} \right] \text{ (ибо } \hat{q} > y \text{)}$$

В этих условиях стремление к восстановлению «симметрии» в системе вокализма имело две возможности:

- а) $\hat{e} > e$ или $\hat{e} > u$, следовательно, только $e \sim o$;
- б) $\hat{o} < \hat{o}$, следовательно, $\hat{e} \sim \hat{o}$, как $e \sim o$.

В восточнославянских говорах, как известно, были реализованы обе возможности, а потому после завершения перехода к динамическому ударению (в ареале аканья — накануне оформления различных фонетических реализаций \hat{Q} в зависимости от качества ударенного гласного) в древнерусских диалектах сложились две системы ударенных гласных неверхнего подъема:

Система А:	Система Б: $\hat{e} \sim \hat{o}$
$e \sim o$	$e \sim o$
a	a

При таких фонологических отношениях «самостоятельная» утрата \hat{e} или \hat{o} в говорах с системой Б, очевидно, так же невозможна, как и развитие \hat{o} (или \hat{e}) в говорах с системой А. Иными словами, наличие в говоре \hat{o} должно указывать на то, что ко времени акцентной перестройки данный диалект различал гласные $\hat{e} \sim e$, так же как длительное сохранение в говоре \hat{e} (отличного от e) должно свидетельствовать о том, что данный диалект некогда характеризовался различием $\hat{o} \sim o$, поддерживавшим сохранение оппозиции $\hat{e} \sim e$ ⁶².

Данные историко-диалектологических исследований позволяют предполагать, что к позднему древнерусскому периоду вокалическая система Б характеризовала говоры обеих северных зон и

⁶¹ См.: Хабургаев Г. А. Проблемы образования и взаимодействия древнерусских диалектов, с. 19—21.

⁶² Ср. аналогичные рассуждения: Горшкова К. В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси, с. 137—138.

Среднего Поочья⁶³, а вокалическая система *А* (не развившая *б* ввиду раннего изменения $\acute{e} > e$) — западные говоры центральной зоны. Что же касается восточных говоров той же зоны, то они к началу позднего древнерусского периода, безусловно, характеризовались вокалической системой *Б*; и это доказывается системами фонетических реализаций *Ѧ* в говорах Посемья и верхней Оки — не только архаического, но и щигровского и суджанского типов.

Наиболее распространенным в юго-западных великорусских говорах (исторически — восточных говорах центральной зоны) является, как известно, суджанский тип диссимилятивного яканья, распространенный к северо-западу от границы леса и лесостепи — вдоль восточной границы старейших славянских поселений⁶⁴. Характерная особенность этого типа — разная реакция *Ѧ* на ударные *е* и *о* (которые в настоящее время произносятся как гласные среднего подъема):

Фонетическая реализация <i>Ѧ</i>	Под ударением
<i>'а</i>	<i>а ѡ у</i> <i>о</i>
<i>'и (< 'е? < 'ѡ)⁶⁵</i>	<i>е а</i>

Можно заметить, что реакция *Ѧ* на ударенный *о* отражает наличие в вокалической системе *б* в период оформления суджанского типа диссимилятивного яканья⁶⁶, в то время как реакция *Ѧ* на ударенный *е* свидетельствует, что говоры, оформившие суджанский тип яканья, гласного \acute{e} в этот период не знали. Иными словами, основная масса восточных говоров центральной

⁶³ Р. И. Аванесов считает, что ростово-суздальскому диалекту XII—XIII вв. также было свойственно « \acute{e} на месте \acute{b} и \acute{d} (*yo*) на месте *о* под восходящим ударением», как и новгородскому и диалектам средней Оки (см.: Аванесов Р. И. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности, с. 30; ср.: Горшкова К. В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси, с. 138).

⁶⁴ См.: «Русская диалектология», под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, изд. 2. М., 1965, с. 51.

⁶⁵ См.: Хабургаев Г. А. Заметки по исторической фонетике южно-великорусского наречия (Введение. Вокализм). — «Учен. зап. [МОПИ им. Н. К. Крупской]», т. 163. Русский язык, вып. 12. М., 1966, с. 301—303.

⁶⁶ То, что реакция *Ѧ* на ударенный *о* различного происхождения в говорах с суджанским типом диссимилятивного яканья, будучи одинаковой, соответствует рефлексам *Ѧ* перед *б*, легко объясняется позднейшим обобщением, ибо в словоформах, имеющих предударный слог с гласным неверхнего подъема, *о* из \acute{o} или старого *о* под нисходящей интонацией в ударенном слоге встречается значительно реже, чем *о* из $\acute{o} < \acute{b}$ (см.: Хабургаев Г. А. Заметки... (Введение. Вокализм), с. 292—298).

диалектной зоны в период усвоения фонетических реализаций œ , «связанных с диссимилиативностью», т. е. до XIV в. (см. выше, прим. 32 на с. 51), уже характеризовалась системой ударенных гласных неверхнего подъема (помимо a): $e \sim o$, δ ⁶⁷. Но коль скоро δ мог развиться лишь в вокалической системе, включавшей \acute{e} (см. выше), то можно утверждать, что ко времени формирования центральной зоны ее восточные диалекты имели фонему $[\acute{e}]$ (или $[\widehat{ue}]$), а ее последующая утрата связана с воздействием западных говоров зоны в период общих языковых переживаний.

Если изложенные предположения верны, то рефлексy или даже реликты \acute{e} (фонологически — противопоставления $\acute{e} \sim e$) следует искать только вдоль восточной и юго-восточной окраины ареала диссимилиативного аканья-яканья — вблизи границ компактных домонгольских восточнославянских поселений⁶⁸. И действительно, именно здесь сосредоточены говоры, характеризующиеся системами фонетических реализаций œ архаического и щигровского типов⁶⁹ (ср. карту 2), отражающими былую оппозицию $\acute{e} \sim e$ и $\delta \sim o$ под ударением⁷⁰. И именно здесь, на окраинах ареала, в отдельных калужских и воронежских (задонских и землянских) говорах в настоящее время, как известно, отмечаются случаи сохранения или реликты $\acute{e} \sim \delta$ ⁷¹; а с запада к ним примыкают говоры, не обнаруживающие следов \acute{e} , но знающие δ (\widehat{uo}), что отражено и местными текстами начала XVII в.⁷²

Итак, возникает возможность высказать предположения об основных направлениях диалектного взаимодействия в пределах позднерусской центральной зоны: распространение фонетической реализации œ в зависимости от качества ударенного гласного (т. е. распростране-

⁶⁷ Любопытно, что в южной части ареала диссимилиативного яканья суджанского типа мне приходилось наблюдать говоры, знающие $[\widehat{uo}]$ (в качестве фонетического варианта $/o/$ в словоформах со старым δ), но не отражающие никаких следов \acute{e} или \widehat{ue} (см.: Хабургаев Г. А. Заметки... (Введение. Вокализм), с. 280).

⁶⁸ Ср. наблюдения авторов монографии «Образование севернорусского наречия...», отмечающих, что «черты новгородского диалекта древнерусского периода (иначе — северо-западной диалектной зоны. — Г. Х.) лучше сохраняются <...> на территории колонизации, шедшей из центральной и наиболее древней территории Новгородской земли, но отсутствуют в современных говорах этой территории» (с. 211).

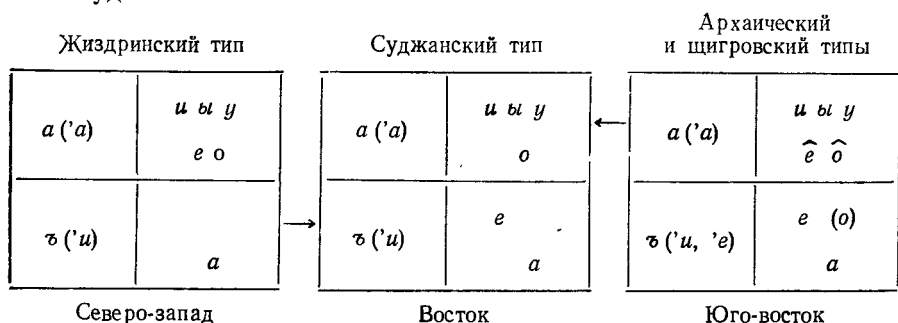
⁶⁹ См.: «Русская диалектология», под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, с. 282.

⁷⁰ То, что в современных говорах с диссимилиативным яканьем щигровского типа œ одинаково реагирует на ударенный o любого происхождения, объясняется так же, как и в отношении говоров с суджанским типом (см. примеч. 66).

⁷¹ «Русская диалектология», под ред. П. С. Кузнецова. М., 1973, с. 38—39; ср.: Хабургаев Г. А. Заметки... (Введение. Вокализм), с. 289.

⁷² См.: Хабургаев Г. А. Заметки... (Введение. Вокализм), с. 280—289.

ние диссимилятивного аканья-яканья) шло с востока; распространение нейтрализации $\acute{e} \sim e$ — с запада. Если принять это предложение, то развитие аканья-яканья жиздринского типа в западной части рассматриваемого ареала оказывается единственно возможным: поскольку в словоформах, содержащих предупреденный гласный неверхнего подъема, \acute{e} и \acute{o} в ударенном слоге, как указывалось, встречаются значительно чаще, чем e и o (открытые), то говоры, не знавшие оппозиций $\acute{e} \sim e$ и $\acute{o} \sim o$ ко времени усвоения «диссимилятивной» системы реализации Φ , должны были перед ударенными e и o обобщить вариант $a('a)$, выступающий в более ранних типах диссимилятивного аканья-яканья перед гласными средне-верхнего подъема. А между ними и говорами, отражающими разную реакцию Φ на $\acute{e} \sim \acute{o}$ и $e \sim o$ (современные архаический и щигровский типы диссимилятивного аканья-яканья), должна находиться полоса диалектов, ко времени распространения диссимилятивного аканья-яканья еще сохранявших \acute{o} , но уже не знавших под ударением \acute{e} , следовательно, отразивших разную реакцию Φ на ударенные o и e , что впоследствии было обобщено в так называемом суджанском типе:

Данные современной диалектологии, как известно, фиксируют именно такое географическое распределение типов диссимилятивного аканья-яканья!

ЮЖНАЯ И ЮГО-ЗАПАДНАЯ ЗОНЫ

Возможности реконструкции позднерусских диалектных зон для разных районов распространения восточнославянских языков неодинаковы. Если завершение атласов белорусских и великорусских говоров (на территории старейших поселений) дает достаточно богатый материал для характеристики диалектных массивов лесной зоны Восточной Европы (к северу от рек Припяти и Сейма), то охарактеризовать диалектное членение древнерусского времени на территории Украины значительно сложнее: полный атлас украинских говоров еще не опубликован,

а региональные атласы не позволяют с уверенностью выделить в ареале украинского языка скопления изоглосс достаточно древних явлений, которые соответствовали бы зонам локальных языковых переживаний периода феодальной раздробленности. Можно лишь высказать предварительные предположения, опирающиеся на общие сведения о распространении языковых особенностей древнерусского происхождения в восточнославянских говорах.

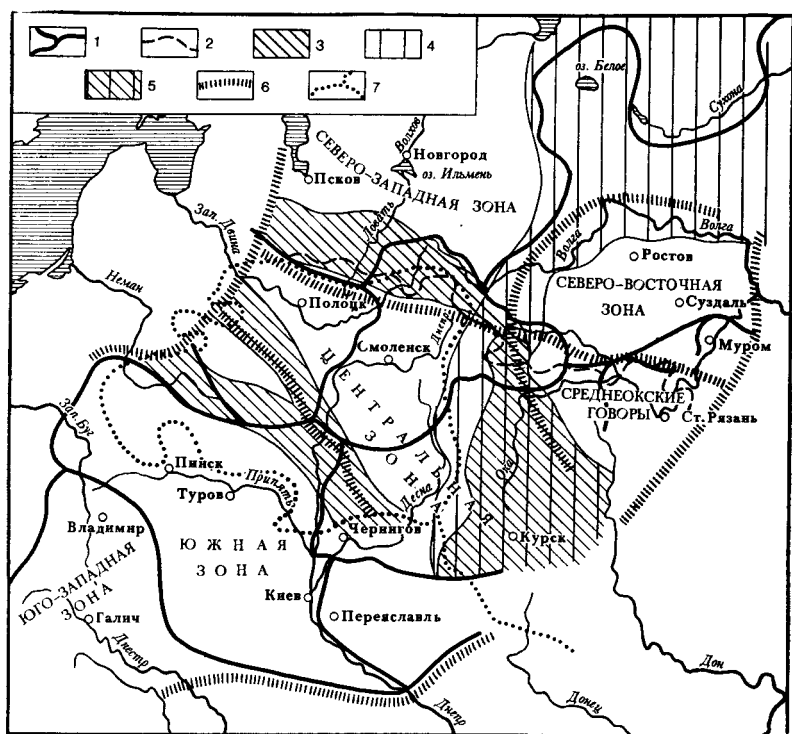
Вряд ли можно сомневаться, что диалекты Правобережной Украины (включая Южное Полесье) в поздний древнерусский период составляли единую зону языковых переживаний вместе с говорами Южной Белоруссии, где Турово-Пинское княжество выделяется из состава Киевской земли лишь после XII в., продолжая сохранять в домонгольское время связи с Киевом (что и определило наличие в бассейне Припяти широкой полосы переходных украинско-белорусских говоров). Эту зону общих языковых переживаний рассматриваемого периода условно можно назвать южной; а ее северной границей следует считать упоминавшийся выше пучок изоглосс на территории Белоруссии, отделяющий от южной центральную диалектную зону (см. карты 2 и 10), говоры которой, как указывалось, во многих случаях усваивали языковые инновации южного происхождения, нередко доходившие и до Новгорода. Это последнее обстоятельство не позволяет дать более определенной характеристики южной зоне: до составления сводного атласа восточнославянских диалектов, который показал бы особенности расположения изоглосс, охватывающих территории распространения разных восточнославянских языков, южная зона может быть обрисована лишь «негативно» — как ареал говоров, на которые в древнерусский период, как правило, не распространялись инновации смежных диалектных зон.

Видимо, есть основания говорить и о юго-западной диалектной зоне на территории домонгольской Украины; условно ее можно связать с регионом, очерчиваемым на карте политическими границами Галицко-Волынской земли (см. карту 10). Предположение о целесообразности выделения юго-западной зоны поддается свидетельствам местных памятников письменности XII—XIV вв.: как показал еще А. И. Соболевский, характерные черты украинского языка, по времени развития относящиеся к позднерусскому периоду и отличающие его не только от русского, но и белорусского (например, «новый *ѣ*», т. е. удлинение краткого *e*, а также *o* перед слогом с утратившимся «слабым» редуцированным; утрата начального *i* < **jь* и некоторые другие особенности), впервые фиксируются не в киевских, а юго-западных — галицко-волыньских текстах⁷³.

Отмеченное обстоятельство заставило в свое время А. И. Со-

⁷³ См. сводку материала: Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков, с. 224—226, 234—236 и др.

болевского присоединиться к антиисторической характеристике диалекта древнего Киева как якобы «великорусского» по своему облику⁷⁴. Такая характеристика, основанная на механистическом соотношении показаний древнерусских письменных памятников разных районов с современным распространением отдельных диалектных особенностей древнего происхождения, не учитывает

Карта 10
Позднедревнерусские (XII—XIV вв.) диалектные зоны
(реконструкция):

1 — границы основных древнерусских (домонгольского времени) феодальных земель (по А. Н. Насонову); 2 — граница противопоставления [г~у]; 3 — пучки русско-белорусских и внутрибелорусских изоглосс (обобщение); 4 — пучок изоглосс «явлений общезападного распространения» (обобщение — см. карту 3 и др.), очерчивающий на северо-востоке регион взаимодействия древненовгородских и ростово-суздальских говоров; 5 — регион «отступлений» русско-белорусских изоглосс (см. карту 9), отражающий дифференциацию говоров позднедревнерусской центральной зоны в послемонгольское время; 6 — примерные границы позднедревнерусских диалектных зон (реконструкция — см. карты 1—9); 7 — современный ареал белорусских говоров (по Е. Ф. Карскому) и граница между украинскими и южно-великорусскими говорами

⁷⁴ См. критический обзор: Филли Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков, с. 31—32.

социально-исторических условий культурного и политического развития Древней Руси, в силу которых собственно киевские инновации не ограничивались зоной узколокальных языковых переживаний, а приобретали, как на это неоднократно указывалось выше, общедревнерусское распространение (не проникая в поздний древнерусский период лишь на северо-восток и среднюю Оку — см. с. 35 и далее). А это значит, что собственно киевские инновации древнерусского времени (как и особенности более раннего происхождения), если они впоследствии (в период образования социальной системы украинского языка) на территории Украины не были «стерты» нивелирующими процессами и вошли в состав норм украинского языка, как правило, оказываются известными также белорусским и великорусским говорам⁷⁵ — как «явления общезападного распространения», а потому и не являются специфически украинскими языковыми особенностями. Напротив, инновации галицко-волынских диалектов вряд ли до тюрко-монгольского нашествия проникали в говоры собственно Киевской земли, а потому оставались в это время специфически местными. Лишь после трагических событий XIII в., когда на восточнославянском Юге в борьбе с польско-литовской экспансией начинается консолидация местных земель (среди которых на первых порах заметную роль играло сильное Галицко-Волынское княжество⁷⁶, а не разгромленный татаро-монголами Киев), намечается эпоха общих языковых переживаний диалектов на территории нынешней Украины, включая Киевщину, в ходе которых юго-западные по происхождению языковые особенности выходят за пределы первоначальных границ своего распространения, охватывая большую часть говоров формирующейся украинской народности. Естественно, что в тех случаях, когда такие особенности впоследствии приобретали характер национальной языковой нормы, они оказывались специфически украинскими (в отличие от особенностей древнерусского времени собственно киевского происхождения!), не свойственными диалектам других восточнославянских языков.

ПОЗДНЕДРЕВНЕРУССКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ЗОНЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

Реальность диалектных зон, сложившихся ко времени распада древнерусского языка и очерчиваемых на лингвистической карте четко выраженными пучками изоглосс (см. карту 10, где заштри-

⁷⁵ Ср.: Орлова В. Г. О некоторых связях между диалектами восточнославянских языков. — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сб. статей к 70-летию В. И. Борковского. М., 1971, с. 209—211.

⁷⁶ См.: Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. АН СССР (без места изд.), 1950, с. 220 и далее.

ховано пространство между крайними изоглоссами рассмотренных ранее диалектных явлений) подчеркивается тем, что нет такой изоглоссы фонетического или морфологического явления, развившегося не позднее собственно древнерусского периода, которая пересекла бы две смежные зоны, лишь однажды пройдя через межзональную границу (в ареале домонгольских восточнославянских поселений).

Очерченные на карте 10 диалектные зоны к XIV в. уже характеризовались многими языковыми особенностями, впоследствии оказавшимися украинскими, белорусскими или великорусскими; но они, как это совершенно очевидно, ни в коем случае не соответствовали ареалам будущих восточнославянских народностей и их языков⁷⁷ и содержали потенциальные возможности для образования иных лингвоэтнических единиц (как в территориально-географическом, так и в количественном отношении), чем те, которые в действительности сложились в Восточной Европе к новому времени. Иными словами, границы и диалектно-этнографический состав современных восточнославянских народов не предопределены тенденциями лингво-этнического развития древнерусского периода и связаны с оформлением новых тенденций, обусловленных социально-историческими условиями развития народов Восточной Европы в послемонгольское время. Совершенно справедливо, что «этно-языковая картина восточного славянства была бы иной, если бы не грозные события XIII—XV вв.»⁷⁸. Ни о каких «украинцах», «белорусах» или «праукраинцах», «прабелорусах», а тем более — «правеликорусах» по отношению к домонгольскому времени не может быть и речи: в древнерусский период могут проецироваться лишь отдельные языковые (и этнографические) особенности будущих украинцев, белорусов или великорусов — то, что было усвоено ими как древнерусское наследие, подчеркивающее общность происхождения восточнославянских народов и их языков.

Особенности, специфические лишь для одного из восточнославянских языков и противопоставляющие его двум остальным, либо развились после распада древнерусской народности и ее языка, либо (если они более раннего происхождения) связаны с той древнерусской зоной, говоры которой вошли в социальную систему лишь одного восточнославянского языка. Именно так, например, специфически великорусские особенности, распро-

⁷⁷ О соответствии древнерусских диалектных ареалов этнографическим см.: Хабургаев Г. А. Этнический состав Древнерусского государства и образование трех восточнославянских народностей. — СЭ, 1972, № 1.

⁷⁸ Филин Ф. П. Древнерусские диалектные зоны и происхождение восточнославянских языков. — ВЯ, 1970, № 5, с. 13. О социально-исторической обусловленности процессов образования современных восточнославянских народов см.: Хабургаев Г. А. Этнический состав Древнерусского государства, с. 96—98.

странявшиеся из ареала бывших северо-восточных говоров (см. характерную конфигурацию изоглосс явлений северо-восточного происхождения на карте 5), или специфически украинские особенности, распространявшиеся из ареала бывших юго-западных говоров (см. с. 63—65). Во всех остальных случаях языковые особенности (даже если они вошли в систему норм лишь одного восточнославянского языка) охватывают говоры по крайней мере двух, а то и всех трех восточнославянских языков.

Районы межзонального диалектного взаимодействия (заштрихованные на карте 10) вполне определенно отражают процессы «размывания» границ позднерусских диалектных зон в связи с формированием новых диалектных (культурно-этнографических) объединений, включавших говоры разных объединений предшествующего времени. Особенно наглядно результаты такого взаимодействия, разобщившего говоры некогда единой диалектной зоны, отражены в ареале формирования великорусских юго-западных (так называемых курско-орловских) говоров, где наблюдается последовательное «отступление» восточных границ «явлений общезападного распространения» в связи с включением районов верхней Оки и Посемья в состав Московского государства и, следовательно, воздействием на местные говоры среднеокских (см. карту 9). Замечательно, что диалектные новообразования, оформившиеся в период этого взаимодействия (XIV—XVI вв.), не выходят за пределы ареала «отступления» русско-белорусских изоглосс (см. на карте 9 изоглоссы [ш'] < ч и [с] < ц, заударенного «яканья» на месте ц, сохранения твердого к после ч), отражая последовательную дифференциацию некогда единого диалектного ареала в новых социально-исторических условиях языкового развития⁷⁹. Когда появится возможность «сложить» атласы трех восточнославянских языков, особенности подобного распространения могут быть обнаружены и в других районах (например, в бассейне Припяти).

Итак, на первый из вопросов, поставленных в начале книги (см. с. 13), дан отрицательный ответ: современные восточнославянские народы не являются прямым продолжением диалектно-этнографических групп, сложившихся к концу древнерусского периода; следовательно, и история современных восточнославянских языков как средства общения соответствующих народов (а не как история отдельных структурно-языковых особенностей!) — это история переоформления древнерусских диалектных зон, а не история их сложения.

⁷⁹ Ср.: Орлова В. Г. Классификация южновеликорусских говоров в свете современных диалектных данных. — ВЯ, 1955, № 6, с. 16—18.

Что же касается языкового развития на протяжении собственно древнерусского периода (IX—XIV вв.), то его история может быть реалистически представлена лишь после ответа на второй вопрос (см. с. 13): действительно ли, как это принято считать, состав и границы древнерусских диалектных зон непосредственно связаны с областями расселения племен (или племенных объединений), названных «Повестью временных лет»? Многочисленные попытки соотнесения современных изоглосс с диалектами летописных «племен»⁸⁰ подчеркивают актуальность решения поставленной задачи.

⁸⁰ См., например: Дзензелевский И. А. Лингвистический атлас украинских народных говоров Закарпатской области УССР. АДД. Л., 1961; Жилко Ф. Т. Особенности диалектных групп украинского языка. — В кн.: Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964; Мельниченко Г. Г. К вопросу об этническом составе русского населения на территории Владимиро-Суздальского княжества XII — начала XIII в. (на материале современных говоров). — ВЯ, 1970, № 5; Савченко А. Н. Изменение *о, е* в закрытых слогах в украинском языке. — ФН, 1973, № 4 (с. 63) и другие исследования.

III. Некоторые вопросы предистории восточных славян

НОСИТЕЛИ ПРАСЛАВЯНСКОЙ РЕЧИ ДО НАЧАЛА НОВОЙ ЭРЫ

Проблема восточнославянских «племен», объединившихся в конце I тысячелетия н. э. в древнерусскую народность, — это проблема их этнического и диалектного происхождения, взаимных отношений и связей с соседними неславяноязычными народами. Решение этих вопросов требует обращения к периоду восточнославянской предистории — ко времени сложения, развития и распада праславянского языка как средства общения определенного лингво-этнического комплекса, условно именуемого «праславянами» и считающегося историческим предком славянских народов, следовательно, также и предком летописных «полян», «деревлян», «кривичей» и т. д., составивших со временем древнерусскую народность и определивших особенности ее языка. Последнее особенно существенно, ибо, по общепринятому мнению, «именно язык, а не культура и не расовый тип является важнейшим, определяющим признаком этнической общности»¹. Это значит, что, говоря о праславянах как общих предках славян, мы всегда (независимо от степени сознательности!) имеем в виду не древних носителей культурно-этнических особенностей современных славянских народов, а население, пользовавшееся системой реконструированного праславянского языка (независимо от антропологических и культурно-этнографических особенностей этого населения!), если признаем, что именно «язык продолжает оставаться единствен-

¹ Мавродин В. В. Древнейшие сведения о славянах (К вопросу о происхождении славян). — ВЛУ, № 20. Серия истории, языка и литературы, вып. 4, 1956, с. 25; ср.: «Важнейшим признаком племени, народа является язык, на котором он говорил» (Монгайт А. Л. Археология в СССР. М., 1955, с. 15).

ным бесспорным признаком определения этнической принадлежности древних племен и народностей»².

Поскольку, однако, лингвистические приемы исследования без привлечения внеязыкового материала, как подчеркивалось, не позволяют делать абсолютно-хронологических и конкретно-географических выводов (см. с. 29), то при решении проблемы формирования и распада праславян естественно обращение к древним историческим и археологическим свидетельствам. При этом нельзя не отметить, что возможности исторических и археологических данных в этих случаях не равноценны: новых исторических сведений о древних славянах за последнее столетие по существу не прибавилось, и различия в концепциях разных авторов в конечном счете сводятся к различиям в интерпретации одних и тех же исторических свидетельств, сопоставляемых с современными археологическими данными, которые, в отличие от исторических, непрерывно пополняются, а в последние десятилетия накапливаются с поразительной быстротой, заставляя буквально ежегодно отказываться от когда-то казавшихся бесспорными представлений³.

* *

*

Наиболее ранним историческим памятником, составленным в период, когда праславяне (а точнее — носители праславянской речи!) уже должны были существовать, является известное сочинение Геродота, излагающее, в частности, накопленные античными историками и географами к середине I тысячелетия до н. э. сведения о населении Центральной и Юго-Восточной Европы⁴. Исходя из того, что «среди перечисленных Геродотом племен должны находиться и предки славян»⁵, лингвисты, историки и археологи в разное время пытались найти славян и в *неврах*⁶, и в *будинах*, и в *меланхленах*, и в *скифах-пахарях*, и в других

² Филин Ф. П. Некоторые проблемы славянского этно- и глоттогенеза. — ВЯ, 1967, № 3, с. 40.

³ См.: Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. МИА, № 179. Л., 1970, с. 12—13.

⁴ Карту Средней и Восточной Европы скифского времени, по Геродоту, см.: Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, с. 225.

⁵ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена, изд. 2. М., 1953, с. 59.

⁶ В среде археологов распространено мнение, что геродотовы *невры* — это носители хорошо известной среднеднепровской милоградской культуры I тыс. до н. э., которая приписывается одной из древнебалтийских этнических групп (см.: Мельниковская О. Н. Могильник милоградской культуры в дер. Горошков в Южной Белоруссии. — СА, 1962, № 1, с. 172; ср.: Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Две археологические культуры в Скифии Геродота. — СА, XVIII, 1959, с. 126; Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, МИА, N 163. М., 1970, с. 36—38).

упоминаемых Геродотом народах. Новые археологические материалы заставляют последовательно отказываться от славянской принадлежности различных этнических групп, названных в сочинении Геродота. По существу археология подтверждает лишь политическую реальность геродотовой Скифии: древности середины I тысячелетия до н. э. указывают, что юго-восток Европы в это время был занят населением, оставившим относительно однородную культуру (с локальными разновидностями), которая прослеживается на протяжении ряда столетий и по традиции продолжает именоваться «скифской»⁷. Вместе с тем скифский археологический ареал (как и позднейший «скифообразный») обнаруживает заметные локальные разновидности культуры, видимо, принадлежавшие племенам не ираноязычным (к которым принято относить собственно *скифов*⁸), входившим в состав Скифской державы и воспринявшим основные черты более высокой скифской культуры⁹. И хотя «очень вероятна точка зрения... о протославянской принадлежности части населения лесостепной Скифии»¹⁰, тем не менее отнесение к протославянским (потенциально славянским), а тем более — праславянским конкретных «скифских» племен, названных Геродотом, пока оказывается невозможным хотя бы уже потому, что геродотовы «скифы» не могли быть прямыми предками каких-либо исторически известных народов, а могли послужить лишь компонентами позднейших этнических образований, в том числе и праславян.

Археологический материал лесной полосы (к северу от рек Припяти и Сейма) также обнаруживает устойчивые культуры, начиная с предгеродотовского времени (примерно с VIII—VII вв. до н. э.) и до первых столетий новой эры, заметно отличающиеся от «скифской». Сейчас ни у кого нет сомнений в том, что эти

⁷ См. новейшие обзоры и карты: Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время. «Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.)» (без места и года изд.); Тереножкин А. И. Указ. соч., с. 200—227; см. также: Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М. — Л., 1966, с. 8 и далее; Ильинская В. А. Скифы Днепровского и лесостепного Левобережья (Курганы Посулья). Киев, 1968.

⁸ См.: Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. I. М., 1949, с. 36—41; Миллер В. Ф. Язык осетин. М. — Л., 1962, с. 16—21; см. библиографию вопроса: Седов В. В. Балто-иранский контакт в Днепровском Левобережье. — СА, 1965, № 4, с. 52.

⁹ Эта мысль была впервые обоснована А. А. Спицыным, который отнес население западной части «Скифии» к фракийцам (см.: Спицын А. А. Скифы и Галыштан. — Сборник в честь А. Бобринского. Спб., 1911, с. 156 и далее); ср. еще: Артамонов М. И. Этнический состав населения Скифии. — «Доклады VI научной конференции Института археологии». Киев, 1953, с. 177, 185—186, 192 и др.; Тереножкин А. И. Указ. соч., с. 224—226 и др.; Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, с. 8, 218—219.

¹⁰ Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Две археологические культуры в Скифии Геродота. — СА, XVIII, 1959, с. 126.

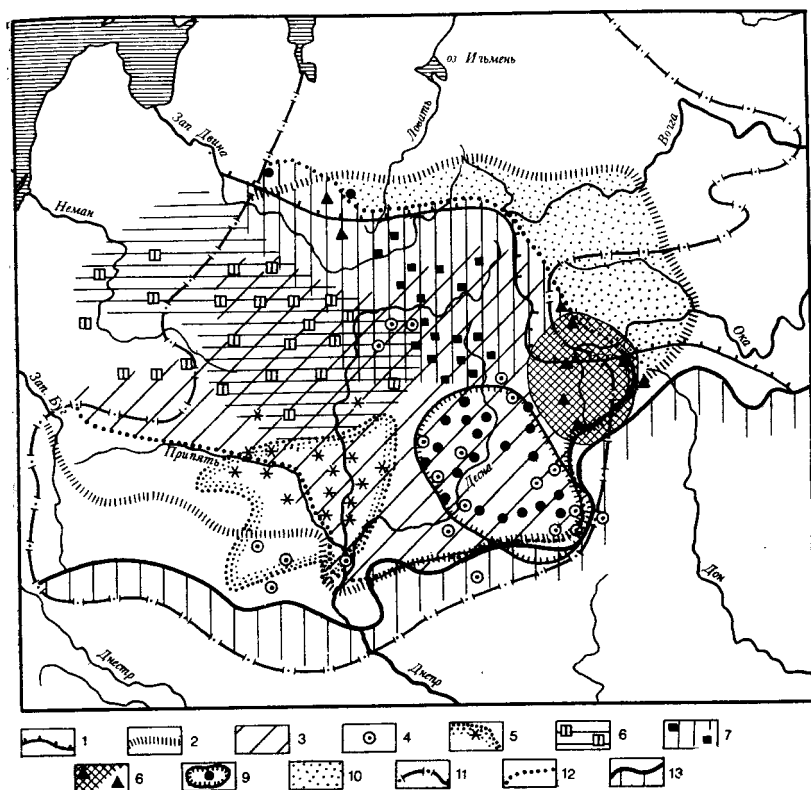
культуры (штрихованной керамики, смоленских городищ, или днепродвинская, верхнеокская и даже юхновская, которая одно время приписывалась славянам — геродотовым *меланхленам*), как и несколько своеобразная (и на их фоне более высокая) милоградская культура, охватывающие полностью ареал балтийской гидронимии, принадлежали балтоязычным племенам (см. карту 11), занимавшим районы распространения этих культур непрерывно на протяжении почти тысячелетия — вплоть до славянской колонизации Среднего и Верхнего Поднепровья и смежных областей¹¹ (подробнее см. ниже).

Вряд ли могут что-то дать и попытки «найти» славян путем этимологического анализа племенных названий в сочинении Геродота. Такие попытки заранее предполагают, что среди этнонимов Геродота должны быть славянские (или неславянские) самоназвания: только в этом случае можно надеяться найти в них славянский (или иной) источник. Между тем почти невероятно существование до середины I тысячелетия до н. э. (когда праславяне, может быть, только формировались) известных в историческое время славянских этнонимов; к тому же у Геродота названия отдаленных от Средиземноморья варварских племен нередко представляют сильные искажения, прошедшие через многие «руки» (уста) разноязычных народов, прежде чем они попали на страницы Геродотовой «Истории»¹², а в отдельных случаях попросту являются греческими наименованиями, а не передачей самоназваний (например, *меланхлены* и др.). Все это заставляет соглашаться с заключением, что «попытки многих ученых найти в описаниях Геродота славян под другими названиями, несмотря на массу потраченного труда и остроумия, не дали и не могли дать каких-либо положительных результатов (кроме догадок и сомнительных гипотез)»¹³.

¹¹ См.: Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, с. 236; Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М. — Л., 1963, с. 25—27; Ляпушкин И. И. Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—IX вв.). — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 127, 134; Седов В. В. Балто-иранский контакт в Днепровском Левобережье, с. 55 и др.; Он же. К происхождению белорусов (Проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов). — СЭ, 1967, № 2, с. 115—116 и далее; Он же. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья МИА, № 163. М., 1970; Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, с. 124 и далее, 184—189; Он же. Восточные славяне и балтийский субстрат. — СЭ, 1967, № 4, с. 110—111. То, что центр европейской части СССР до появления здесь славян (а точнее — славяноязычного населения!) был заселен на протяжении длительного времени древнебалтийскими (балтоязычными!) племенами, сейчас является общепризнанным (см.: Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков, с. 12—13).

¹² Ср.: Аб аев В. И. Указ. соч., примеч. на с. 242; достаточно напомнить, что даже самый заметный в сочинении Геродота этноним *скифы* до сих пор не имеет достоверной этимологии (см.: там же, с. 243—244).

¹³ Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М. — Л., 1962, с. 50.

Карта 11

Лесная зона Восточной Европы к началу нашей эры:

Топонзогlossы лесной зоны (по М. Фасмеру, К. Буге, В. Н. Топорову, О. Н. Трубачеву и другим авторам): 1 — юго-западная граница распространения финно-угорских гидронимов; 2 — ареал балтийской гидронимии; 3 — ареал «сплошной» балтийской гидронимии в бассейне Днепра; 4 — иранские гидронимы в зоне леса.

Ареалы археологических культур центральной лесной полосы (по В. В. Седову) и отдельные местные археологические памятники «эпохи железа» (по П. Н. Третьякову): 5 — милоградская культура и основные милоградские городища; 6 — культура штрихованной керамики и основные городища; 7 — днепро-двинская культура и основные городища смоленского типа; 8 — верхнеокская культура и основные городища верхнеокского типа (с нижним смоленским и верхним юхновским слоями); 9 — юхновская культура и основные юхновские городища; 10 — регион смешанных балто-финских поселений (по В. В. Седову — ареал верхневолжских и московских городищ); 11 — ареал славянских курганов с трупосожжениями IX—X вв.; 12 — границы территории раннедревнерусской (IX—X вв.) славянизации балтоязычного населения (реконструкция — см. стр. 125); 13 — южная граница сплошных лесов в Восточной Европе

Бурное развитие археологических исследований и индоевропейской ареальной лингвистической географии обусловило попытки реконструкции этногенеза славян на основе соотнесения археологических культур II—I тысячелетий до н. э. с индоевропейскими изоглоссными областями. Однако такие попытки, как бы логично они ни были изложены, фантастичны по своей сути, поскольку нереалистично видеть в носителях той или иной «неопознанной» археологической культуры лингвистических предков современных народов. Никогда нельзя забывать, что языковые процессы не соответствуют культурно-этнографическим и антропологическим, а потому и не могут быть прослежены ни по памятникам материальной культуры, ни по черепным показателям (см. выше, с. 30 и далее). Безусловно, «следует разграничивать вопрос о физических предках славян и вопрос о создателях и носителях древнейшей славянской речи», ибо совершенно очевидно, что «часть физических предков современных славян с какой-то древней протославянской речью с течением времени стала носителем неславянских языков (ср. в более позднее время этно-языковую историю Молдавии, Венгрии, Австрии, восточной Германии. — Г. Х.), и в то же время какая-то часть..., будучи на определенном этапе своего исторического развития не связанной с прямыми предками славян узлами кровного родства и являясь носителями неславянских народов, с течением времени восприняла славянский язык и стала составной частью славянства»¹⁴ (ср. в историческое время судьбу *голяди*, *мери* или *муромы*, исчезнувших с этнической карты Восточной Европы отнюдь не по причине физического уничтожения!).

В языковедческих исследованиях, посвященных происхождению славян и праславянского языка, большое место занимает проблема «прародины»¹⁵. Споры современных авторов вокруг этой проблемы (подчас принимающие весьма резкие формы)¹⁶ отражают невнимание к тому, что как появление протославянского (потенциально праславянского) объединения, так и окончательное оформление праславянского единства происходили до образования государственных объединений и даже до перехода славян к земледелию, следовательно, не могли быть связаны с одной и той же относительно ограниченной территорией. А потому аргументация, которую приводят разные авторы в пользу того или иного решения проблемы «прародины», — это зачастую указания не на район «прародины» в традиционном понимании этого термина — как территории формирования и развития праславянского лингво-этнического комплекса вплоть до его окончательного распада, — а выделение плацдарма широкой славянской

¹⁴ Мавродин В. В. Древнейшие сведения о славянах, с. 27.

¹⁵ Подробное изложение истории постановки этой проблемы см.: Филин Ф. П. Образование языка восточных славян, с. 11—49.

¹⁶ См.: там же, с. 83—151.

экспансии, приведшей к распаду праславянской лингво-этнической общности и оформлению исторических славян.

Собственно лингвистическое решение проблемы, основанное на убеждении, что «прародину» славян следует искать в центре Европы, связано с привлечением лексического и топонимического материала. Здесь обращается внимание на хорошо разработанную общеславянскую терминологию, связанную с названиями птиц умеренной лесной полосы, речных (не морских) рыб, разновидностей озер, болот и лесов, и на отсутствие общеславянских наименований специфических особенностей гор, степи и моря. Из этого делается вывод, что «прародина славян (границы которой, разумеется, существенно изменялись не однажды) находилась где-то между Эльбой — Одером и Десной»¹⁷. А исследования названий деревьев позволили высказать предположение, что территория праславянского языка находилась вне пределов распространения бука, пихты, явора, лиственницы, тиса¹⁸, следовательно, «общеславянские (праславянские? — Г. Х.) племена во второй половине I тысячелетия до н. э. занимали лесную равнинную территорию от верховьев Западного Буга до среднего течения Днепра»¹⁹. Этому выводу как будто соответствуют и данные топонимических исследований, обнаруживающих именно в этом районе комплекс архаических славянских гидронимов, благодаря чему он «выглядит как бы основным плацдармом местного славянства»²⁰ (см. карту 12).

Совпадения лингвистических данных (био- и гидронимических) и в самом деле выглядят очень соблазнительно; однако делать на этом основании заключения о границе славянской «прародины» не следует. Уже неоднократно разъяснялось, что лексический материал крайне ненадежен для исторических выводов. Даже если удастся доказать общеславянское распространение того или иного слова, никогда нет уверенности в том, что известное нам значение развилось в период формирования (!) праславянского единства, а не позднее, в новых условиях обитания, в которых оказались праславяне в процессе миграции²¹.

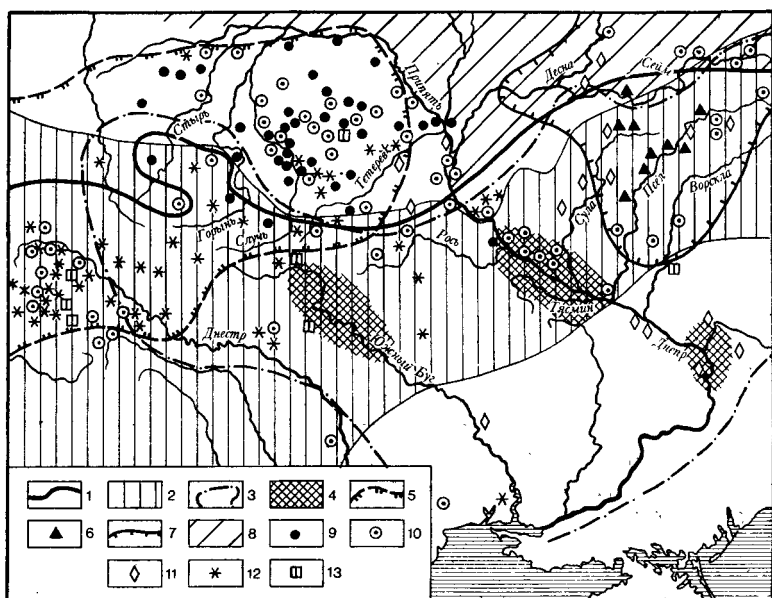
¹⁷ Филин Ф. П. Образование языка восточных славян, с. 123.

¹⁸ Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław — Kraków, 1957, s. 59.

¹⁹ Филин Ф. П. Образование языка восточных славян, с. 147; ср.: Горнунг Б. В. Из предистории образования общеславянского языкового единства. М., 1963, с. 47; Бериштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков, I. М., 1961, с. 65.

²⁰ Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины (Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация). М., 1968, с. 272.

²¹ На возможные изменения первоначальных значений слов и на появление не всегда объяснимых замен указывал еще Г. А. Ильинский (см.: Ильинский Г. А. Проблема праславянской прародины в научном освещении А. А. Шахматова. — ИОРЯС, т. XXV (1920 г.). Пг., 1922, с. 428—432); в возможности использования названий деревьев для определения славянской «прародины» сомневался Т. Лер-Сплавинский (см.: Лер-Сплавинский Т.

Карта 12

Среднее и южное Поднепровье в I тысячелетии н. э.:

1 — северная граница черноземов; 2 — зона лесостепи (по разным источникам); 3 — ареал черняховской археологической культуры II—IV в. (по Э. А. Сымоновичу); 4 — районы скопления тясминско-побухских раннеславянских древностей VI—VII вв. с керамикой типа Пеньковки; 5 — ареал раннеславянских памятников VI—VII вв. пражского типа с керамикой типа Корчак (по И. П. Русановой, 1970 г.); 6 — новые открытые поселения V—VII вв. в Днепровском левобережье (по В. А. Ильинской, 1968 г.); 7 — юго-западная граница роменско-боршевских городищ VIII—IX вв.; 8 — южная часть ареала «сплошной» балтийской гидронимии; 9 — отдельные балтийские гидронимы южнее этого ареала; 10 — архаические славянские и 11 — иранские гидронимы в бассейне Днепра (по В. Н. Топорову и О. Н. Трубачеву); 12 — балканские (илирийские и дако-фракийские) и 13 — германские по происхождению гидронимы на территории Украины (по О. Н. Трубачеву)

Именно поэтому «наименее перспективным в качестве метода этногенетических исследований оказывается анализ ботанических и зоологических названий»²².

Относительно же результатов гидронимических исследований следует заметить, что они могут иметь значение при этногонических разысканиях лишь в том случае, если термины, поддающие-

Польский язык. М., 1954, с. 14); ср. еще разъяснения С. Б. Бернштейна (см.: Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков, I, с. 55—58).

²² Мартынов В. В. Проблема славянского этногенеза и методы лингво-географического изучения Припятского Полесья. — «Советское славяноведение», 1965, № 4, с. 72.

ся этимологизации на базе какого-либо языка, обнаруживаются на территории, где носители этого языка отсутствуют: возникает возможность предполагать, что они некогда здесь были (таковы, например, балтийские гидронимы на территории, в последнее тысячелетие населенной славянами). Но если архаическая гидрономия фиксируется на территории, где носители языка-этимона находятся на протяжении по крайней мере 1,5, а то и 2 тысяч лет, то она отнюдь не является указанием на то, что их предки населяли ту же территорию и ранее этого времени (равно как и не исключает этого). Между тем основной комплекс архаических славянских гидронимов, как нетрудно заметить (см. карту 12), связан с территорией, где пребывание славян фиксируется не позднее чем с VI—VII столетий, а потому может указывать как на район их формирования в качестве самостоятельной и обособленной лингво-этнической единицы, так и на район их расселения после окончательного распада праславянского единства, когда часть отделившихся от основного массива племен, пользовавшихся еще системой позднего праславянского языка, вторгается на Волинь и южное Припятское Полесье²³, ассимилируя более раннее местное население²⁴. Во всяком случае в рассматриваемом ареале, как убедительно показал О. Н. Трубачев, гидронимы иллирийского, дакофракийского и балтийского происхождения, которые не могли появиться здесь после VI в. (!), не менее многочисленны, чем славянские²⁵. Поэтому «неверным представляется в настоящее время положение о том, что районы наибольшего сосредоточения гидронимов определенной языковой принадлежности являются областью первоначальной локализации соответствующей этнической группы, т. е. что районы сосредоточения бесспорных славянских гидронимов совпадают будто бы с прародиной славян»²⁶. Большого внимания в этом плане заслуживают стратиграфическая характеристика гидронимии и соотношение наименований разной языковой принадлежности в границах одного топонимического ареала.

Итак, длительность процесса образования и развития праславянского языка не оставляет сомнений в том, что его создатели и носители в течение всего этого времени не могли занимать

²³ За пределы ареала старейшей достоверно славянской культуры архангелские славянские гидронимы, как показано на карте 12, выходят в Левобережье, где к VIII в. складывается так называемая роменско-боршеская культура, носителями которой были прямые предки летописных *северян* (см. след. главы).

²⁴ Кажется естественной и не вызывающей возражений идея о том, что, закрепившись в районе «прародины» (где бы она ни находилась), «предки славян застали здесь более древнее население, которое было ими ассимилировано» (Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков, I, с. 65 и далее).

²⁵ См.: Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины, с. 276—288.

²⁶ Мартынов В. В. Проблема славянского этногенеза и методы лингво-географического изучения Припятского Полесья, с. 80.

одну и ту же относительно ограниченную область. Сейчас уже, несомненно, устарело мнение тех исследователей, которые «полагают, что общность культуры славянских племен второй половины I тысячелетия н. э., занимавших обширные пространства в Центральной и Восточной Европе, якобы свидетельствует не о чем ином, как о расселении их в это время из пределов небольшой территории — мифического центра, где славяне пережили будто бы всю свою первобытную историю»²⁷. Проследить же географию перемещения праславянского объединения племен по языковым отражениям можно лишь с того времени, когда известные по реконструкциям особенности праславянского языка уже вполне оформились и появляется возможность отделять собственно славянские образования (включая топонимические) от других индоевропейских.

* *

*

Если признается, что «в основе объединения людей в коллективы — род, племя, народность — лежит прежде всего язык, то, следовательно, и решать задачу поисков предков современных народов, в том числе и славянских, должно прежде всего языкознание, ибо в конечном счете проблема этнического развития современных народов есть в первую очередь проблема развития их языков, а не восстановление, по поколениям и коленам, их физических предков ранних расовых типов»²⁸. Индоевропейское языкознание добилось немалых успехов в решении этой задачи, выявив древнейшие связи праславянского языка с другими индоевропейскими. В частности, осуществленное в последние годы обобщение индоевропейских изоглосс позволило обнаружить, что по наиболее древним особенностям «арийский, славянский, балтийский, фрако-фригийский, греческий и армянский составляют... объединенную многообразными взаимными связями группу»²⁹, которая традиционно именуется «восточной» и которую Б. В. Горнунг называет «древнейшей юго-восточной зоной»³⁰.

Следующий комплекс изоглосс связывает славян (и балтов) с германцами, на что в последние годы обращается особое внимание; «древнее соседство германской, балтийской и славянской областей и языковой обмен между ними можно считать твердо установленными»³¹. Этому комплексу близки изоглоссы, объеди-

²⁷ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, с. 12.

²⁸ Мавродин В. В. Древнейшие сведения о славянах, с. 28.

²⁹ Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, с. 257.

³⁰ Горнунг Б. В. Из предьстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963, с. 16 и др.

³¹ Порциг В. Указ. соч., с. 219—220; ср.: Горнунг Б. В. Указ. соч., с. 36—37.

няющие славян с предками албанцев и иллирийцами, причем, по мнению В. Порцига, «основные соответствия, которые объединяют албанский язык с балтийским и славянским и которые сравнительно часто разделяет с этими языками иллирийский, не выходят за рамки очень примитивных условий жизни», т. е. являются достаточно древними³². К более позднему времени принято относить довольно многочисленные изоглоссы, объединяющие славян с балтами и языковыми предками индоиранцев («арийцами») ³³, причем «связи арийского языка с балтийским и славянским почти во всех случаях распространяются на балтийский и славянский одновременно»³⁴.

Наконец, очень характерны изоглоссы, которые объединяют славян только с балтами, и изоглоссы, объединяющие славян (но не балтов!) с иранцами (но не «арийцами» в целом). Распространено мнение, что «слова, общие только иранскому и славянскому языкам и не представленные в индийском и балтийском, восходят к тому времени, когда оба народа соприкасались друг с другом в Южной России, а они вошли в соприкосновение в первой половине I тысячелетия до н. э.»³⁵, т. е. в предгеродотово время — в эпоху формирования в Северном Причерноморье «Скифской» державы. Славяно-балтийские изоглоссы, видимо, непосредственно предшествуют этому периоду, отражая тесную связь языковых предков указанных двух групп накануне образования протославянского объединения.

Выявляемая индоевропеистикой стратиграфия внутрииндоевропейских языковых связей заставляет обратить внимание на вывод о том, что можно «считать модель, установленную для славянского, результатом преобразования модели, установленной для древнейшего балтийского состояния»³⁶. Вывод этот означает,

³² Порциг В. Указ. соч., с. 261; ср.: «...Нельзя пройти мимо некоторых существенных сходств между иллирийским и балто-славянским, хотя они обычно извлечены из топонимического материала» (Топоров В. Н. Новейшие работы в области изучения балто-славянских языковых отношений (Библиографический обзор). — ВСЯ, вып. 3. М., 1958, с. 137).

³³ См.: Горнунг Б. В. Указ. соч., с. 37; см. еще там же, с. 73.

³⁴ Порциг В. Указ. соч., с. 250.

³⁵ Порциг В. Указ. соч., с. 240. К этому же времени относят оформление славяно-иранских языковых соответствий и многие другие исследователи (см. обзор: Зализняк А. А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнего периода. — ВСЯ, вып. 6, М., 1962, с. 31—32).

³⁶ Иванов В. В., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958, с. 39 (разрядка авторов). Позднее второй из авторов более определенно формулирует свою мысль «о происхождении общеславянского праязыка из периферийных диалектов балтийского типа» (Топоров В. Н. К проблеме балто-славянских языковых отношений. — КСИС, вып. 33—34. Актуальные проблемы славяноведения. М., 1961, с. 213). К этому же выводу склонялся и Т. Лер-Сплавинский (см.: Лер-Сплавинский Т. О северо-восточных окраинах праславянского языка. — ВЯ, 1964, № 1, с. 136).

что основная часть языковых (!) предков праславян — это группа племен, в силу каких-то причин (в результате объединения с племенами иной языковой группы) отделившихся от той обширной группировки, которая на протяжении столетий распространялась по центральным (лесным) районам Восточной Европы, ассимилируя аборигенов (в основном финноязычных), продолжала здесь жить и развиваться после отделения непосредственных предков праславян, а со второй половины I тысячелетия н. э. была, в свою очередь, ассимилирована восточными славянами, оставив сравнительно немногочисленные народы, условно именуемые балтийскими.

Учитывая, что именно балтийские языки являются результатом последовательной эволюционного развития языкового комплекса, от которого некогда отделилась основная часть протославянских диалектов, указанную древнюю общность целесообразнее было бы именовать раннебалтийской (или, как в работах Т. Лера-Сплавинского, «протобалтийской»), а не балто-славянской. Что же касается давних споров по поводу так называемого «балто-славянского праязыка»³⁷, то разъяснения противников его реальности, сводящиеся к тому, что языковое единство балтов и славян сложилось «не в результате их общего происхождения от индоевропейского праязыка, а вследствие длительного контакта, наступившего гораздо позже индоевропейской эпохи и закончившегося задолго до нашей эры»³⁸, не оставляют сомнений, что и в этом случае балто-славянские языковые соответствия по существу возводятся к праязыку, но только сформировавшемуся (в процессе языковой интеграции), а не выделившемуся «в готовом виде» из «индоевропейского праязыка».

Последнее положение сохраняет силу даже для праславянского языка, реальность которого ни у кого сомнений не вызывает. В наше время вряд ли можно сомневаться в том, что протославянский языковой союз (в процессе языковой эволюции развившийся в собственно праславянский) сложился на базе диалектов, в предпротославянское время входивших в состав разных языковых общностей, т. е. из гетерогенных компонентов³⁹. Следует безоговорочно принять тезис, что «на протяжении II тысячелетия до н. э. постепенно образуются более или менее замкнутые диалектные группы, которые принято именовать «ветвями» и.е. языковой семьи и из которых ни одна не выделилась, так сказать, «в готовом виде» из [индоевропейской языковой общности]»⁴⁰. В этом случае отпадает необходимость отказываться от понятия праязыка, очень удобного в качестве рабочего обозначения языка-предка, коль скоро это понятие утрачивает однозвучный оттенок связи с шлейхеровским «родословным деревом».

³⁷ См. обзор: Топоров В. Н. Новейшие работы в области изучения балто-славянских языковых отношений. — ВСЯ, вып. 3, М., 1958.

³⁸ Бернштейн С. Б. Балто-славянская языковая общность. — В кн.: Славянская филология. Сборник статей, I, М., 1958, с. 45.

³⁹ Ср.: Горнунг Б. В. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности («Протоиндоевропейские» компоненты или иноязычные субстраты?). М., 1964 (расширенный литогр. вариант), с. 7; ср.: «Общеславянский комплекс сложился в результате многовекового взаимного наложения ряда индоевропейских этническо-культурных и языковых элементов» (Лер-Сплавинский Т. К. современному состоянию проблемы происхождения славян. — ВЯ, 1960, № 4, с. 23).

⁴⁰ Горнунг Б. В. Из предистории образования общеславянского языкового единства, с. 76.

Таким образом, обзор внутриевропейских изоглосс, охватывающих славянские языки, позволяет предполагать, что основу протославянского (будущего праславянского) объединения должны были составить племена, ранее входившие в обширный раннебалтийский («балто-славянский») ареал, развивавшийся на стыке восточной (юго-восточной) и западной (северо-западной) индоевропейских областей⁴¹, а потому уже характеризовавшийся языковыми чертами, нашедшими отражение, в частности, в балто-славяно-арийских и в германо- и иллирийско-балто-славянских соответствиях. Рассматривая «генезис праславян как результат отсечения западного, меньшего ареала от восточной части давнего протобалтийского (балто-славянского) комплекса», Т. Лер-Сплавинский связывал это «отсечение» с захватом юго-западной части раннебалтийского комплекса носителями «южноиндоевропейских» языковых элементов, «которые, будучи в целом ассимилированы исконным протобалтийским языковым базисом, способствовали формированию... нового языкового комплекса», вышедшего «на путь самостоятельного развития как праславянский язык»⁴². Это предположение заставляет считать, что формирование протославянского объединения, со временем развившегося в праславянское языковое единство, должно было наметиться где-то на южной или юго-западной периферии древнебалтийского ареала, географически — к западу от слияния Припяти и Днепра⁴³. В этой связи представляют большой интерес наблюдения О. Н. Трубачева, который заметил, что именно здесь, на юго-западной периферии верхнеднепровского ареала «сплошной» балтийской гидронимии и вдоль восточных границ ареала иранской гидронимии, архаические славянские гидронимы тесно переплетаются с балтийскими (более редкими, чем к северу от Припяти) и балканскими, преимущественно — иллирийскими (а также дакофракийскими), так что имеются даже «случаи двусмысленных по генезису названий» — как «балто-славянских», так и «балто-иллирийских»⁴⁴.

Поскольку, как указывалось, «сепаратные» славяно-иранские изоглоссы могли оформиться лишь после отделения протославян от раннебалтийского комплекса, то можно с большой уверенностью предполагать, что к началу славяно-иранских языковых контактов,

⁴¹ Ср. уверенный вывод антрополога о том, что славяне (праславяне) как своеобразная этническая единица с определенным антропологическим обликом должны были сформироваться на стыке северно- и южноевропейской рас (см.: Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. Изд-во МГУ, 1973, с. 248—252).

⁴² Лер-Сплавинский Т. О северо-восточных окраинах праславянского языка, с. 136.

⁴³ Ср.: Оссовский Л. Западное Полесье — прародина славян. — ВЯ, 1971, № 1, с. 112—116.

⁴⁴ См.: Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины, с. 176 и далее, особенно с. 284.

т. е. к середине I тысячелетия до н. э., система праславянского языка уже пережила серию своеобразных языковых процессов, обусловивших ее характерные особенности, которые определили языковую особенность праславян среди других индоевропейцев, в том числе и ираноязычных племен, в то время еще вряд ли резко отличавшихся от славян в языковом отношении⁴⁵.

В Центральной Европе праславяне (уже не протославяне), а точнее — носители праславянской языковой системы, распространяются во второй половине I тысячелетия до н. э. — в то время, когда развитие местных варварских народов начинает переживать период упадка. В результате языковой ассимиляции аборигенов происходит значительный рост славяноязычного населения, позволивший ему в начале нашей эры стать достаточно заметным для соседей «народом» и обусловивший распад праславянской общности и оформление целого ряда своеобразных славяноязычных группировок, что и зафиксировано старейшими историческими свидетельствами, относящимися ко времени, непосредственно предшествующему летописным сообщениям о племенах Восточной Европы.

ПОИСКИ ПРАСЛАВЯН НА РУБЕЖЕ ДВУХ ЭР

Древнейшие достоверные исторические сведения о славянах, как известно, относятся к середине VI в. н. э. В это время славяне уже занимали обширную территорию Центральной Европы от Эльбы (Лабы) и среднего течения Дуная до нижнего течения Дуная и среднего Днепра и были известны византийским писателям под названием *венетов*, *антов* и *склавинов* (: *склавинов*)⁴⁶, из которых лишь последнее, несомненно, является передачей исторического самоназвания славян. Именно на основании этих данных VI в. отождествляются со славянами и *венеты*: *венеды* греко-римских историков и географов I—II вв. н. э. Отрывочные сведения, с большей или меньшей вероятностью относящиеся к носителям славянской речи, встречаются в источ-

⁴⁵ См.: Зализняк А. А. О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами, — КСИС, вып. 38. М., 1963, в частности выводы на с. 20—22.

⁴⁶ Обзоры этих сообщений с комментариями содержатся во многих публикациях; см., например: Селищев А. М. Славянское языкознание, т. I. М., 1941, с. 3—5; Филин Ф. П. Образование языка восточных славян, с. 53 и далее; Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. МИА, № 152. Л., 1968, с. 10 и далее; Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, № 89. М., 1960, с. 174—179 и т. д.

никах III—V вв.⁴⁷, что не противоречит лингвистическому выводу об оформлении праславянской лингво-этнической общности задолго до появления достоверных свидетельств о славянах в сочинениях Иордана, Прокопия из Кесарии, Маврикия Стратега («Псевдомаврикия»), Феофилакта Симокаты и других авторов VI столетия. Это заставляет исследователей предполагать, что к началу нашей эры носители праславянской речи уже должны были обладать и какими-то из тех культурно-этнографических признаков, которые характерны для славянского населения середины I тысячелетия. Отсюда надежды найти праславян в археологических культурах тех областей, которые были заняты ими к началу исторического периода. И здесь вновь привлекает внимание обширный район от Среднего Поднепровья до Южной Прибалтики, где, судя по данным индоевропейской ареальной лингвистики, могла сформироваться собственно праславянская языковая общность (см. с. 81).

* *
*

Раннеславянским древностям в Среднем Поднепровье (от Днестра до Сев. Донца) предшествует так называемая черняховская археологическая культура, принадлежавшая оседлым земледельцам⁴⁸ (см. карту 12) и отразившая влияние провинциально-римской культуры. Время появления черняховских древностей определяется II—III вв. н. э.; в IV, а в более северных районах — в начале V столетия черняховская культура почти бесследно исчезает⁴⁹.

В археологии давно известно мнение о принадлежности черняховской культуры готам, совершившим, по Иордану, в начале I тысячелетия н. э. переход от Балтийского моря до Черного и основавшим здесь, в Северном Причерноморье, недолговечную,

⁴⁷ См. обзор: Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956, с. 36—38, 52—54 и др. В западноевропейской среде название *венеды*: *венеты* встречается вплоть до IX в. (см.: Гавлик Л. Е. Представление о родственности славянских народов в древней Моравии и Чехии. — «Советское славяноведение», 1969, № 3, с. 28—29).

⁴⁸ См.: Симонович Э. А. Северная граница памятников черняховской культуры. — В кн.: Древности эпохи сложения восточного славянства. МИА, № 116. М., 1964, с. 35—43; новейшие данные об особенностях этой культуры см. в сборнике: «История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры». М., 1967; см. также Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, с. 43—46, 92—93.

⁴⁹ В последние годы высказывается мысль, что окончательное исчезновение памятников черняховской культуры, разгромленной в IV в. гуннами, связано с нашествием аваров (см.: Никитина Г. Ф. Совещание по проблемам черняховской культуры. — СА, 1969, № 3, с. 291; ср. также: Симонович Э. А. Новые работы в селе Черняхове. — В кн.: История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры, с. 4).

но мощную державу⁵⁰. Однако большинство советских археологов до недавнего времени придерживались мнения об «антской» принадлежности черняховцев или во всяком случае об их связи со славянами, поскольку эта культура занимает районы, которые в сочинениях византийских писателей VI в. отводятся «антам»⁵¹. Новейшие археологические открытия заставили по-новому подойти к этнической интерпретации черняховских древностей. После специальной дискуссии 1957 г.⁵² большинство археологов стали склоняться к выводу, что черняховская культура не была этнически однородной, а охватывала ряд племен — поздне скифских, славянских, дако-гетских (фракийских), сарматских, чем и объясняются ее локальные варианты⁵³. Это мнение сейчас является наиболее распространенным⁵⁴.

Пытаясь осмыслить культурно-археологическую общность разнородных групп населения в Северном Причерноморье в начале новой эры, один из крупнейших специалистов по древностям восточно-европейского Юга М. И. Артамонов высказал предположение, что ареал черняховской культуры сложился в пределах готского государственного объединения, в котором сами готы в этническом (собственно — в культурно-этнографическом) отношении не играли заметной роли⁵⁵. Развивая эту мысль, П. Н. Третьяков приходит к выводу, что готы, явившиеся инициаторами культурного и политического объединения населения восточноевропейской лесостепи, не были сами создателями черняховской культуры, ареал которой отражает тот факт, что в «разнородной среде Северо-Западного Причерноморья и его периферии начался тогда процесс формирования единой народности», объединяющим языком которой вряд ли был готский⁵⁶. Перспек-

⁵⁰ См. историко-археологический обзор: Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э., с. 162—164 и далее.

⁵¹ См.: Симонович Э. А. Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье. — В кн.: История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры, с. 237; Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства, с. 28.

⁵² См. отчет: СА, 1957, № 4.

⁵³ См.: Тиханова М. А. О локальных вариантах черняховской культуры. — СА, 1957, № 4, в частности с. 94 и др.

⁵⁴ См.: Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, с. 47—50; Винокур И. С. Лесостепные племена II—IV вв. н. э. и их роль в истории юго-восточной Европы. — СА, 1972, № 4, с. 131—143.

⁵⁵ См.: Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 47 и далее; ср.: Симонович Э. А. Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье, в частности с. 235—236.

⁵⁶ См.: Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, с. 47—50. Подкреплением этого вывода может служить тот факт, что в черняховских захоронениях не обнаруживается антропологических типов, которые могли бы связываться с раннесредневековыми германскими группами (см.: Алексеева Т. И. Антропологическая дифференциация славян и германцев в эпоху средневековья и отдельные вопросы этнической истории Восточной Европы. — В кн.: Расово-генетические проблемы в этнической истории. Сборник памяти Г. Ф. Дебеца. М., 1974, с. 82—84).

тивность этой идеи будет ясна, если напомнить, что в последние годы историческая наука приходит к убеждению, что формирование народности — это языковая и культурная интеграция различных племен в составе единого государственного (территориально-политического) объединения⁵⁷.

Вывод об этнической неоднородности черняховцев активизировал утверждение, что среди них должны были находиться и славяне⁵⁸, с которыми, возможно, связаны разновидности культуры в северо-западных районах ее распространения, где последовательно сменяют друг друга «позднескифские», зарубинецкие (см. ниже), черняховские и раннеславянские древности⁵⁹. Вместе с тем очевидно и то, что славянские группировки исторического периода в культурно-этнографическом отношении не являются прямым продолжением того славяноязычного населения лесостепи, которое могло входить в состав черняховского объединения: сопоставляя особенности сменяющих друг друга лесостепных культур, П. Н. Третьяков отмечает, что бесспорно «славянские древности третьей четверти I тысячелетия н. э., непосредственно предшествующие древнерусским и очень близкие синхронным славянским древностям Средней Европы <...>», существенно, коренным образом отличаются от черняховских»⁶⁰. Возможно, поэтому исследователь этнической истории Восточной Европы Т. И. Алексеева, обнаруживая бесспорную антропологическую преемственность населения в регионе летописных «полян» начиная с эпохи бронзы (скифы лесостепной полосы — носители черняховской культуры — «поляне»), склонна истолковывать этот факт «в плане неславянской принадлежности *полян*»⁶¹.

⁵⁷ Ср.: Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, с. 3—5 и далее; Винокур И. С. Указ. соч., с. 131 и далее.

⁵⁸ См. отчет о совещании по черняховской культуре 1969 г.: СА, 1969, № 3, с. 291—293 (выступления В. Д. Барана и Д. Т. Березовца).

⁵⁹ Ср.: Хавлюк П. И. Исследования на Южном Буге. — АО-1968. М., 1969, с. 256—257. И. С. Винокур полагает, что «основным ядром среди населения II—V вв. на территории юго-восточной Европы, в лесостепном Днестро-Днепровском междуречье, были местные восточнославянские племена» (Указ. соч., с. 143); а по мнению В. В. Седова, именно в черняховский период происходила славянизация иноязычного (скифо-сарматского) населения лесостепи (см.: Седов В. В. Формирование славянского населения Среднего Поднепровья. — СА, 1972, № 4, с. 118 и далее), хотя сохранение здесь иранской речи вплоть до конца первой четверти I тыс. н. э. очень сомнительно (ср.: Артамонов М. И. Некоторые вопросы отношений восточных славян с болгарами и балтами в процессе заселения ими Среднего и Верхнего Поднепровья. — СА, 1974, № 1, с. 248).

⁶⁰ Третьяков П. Н. Зарубинецкая культура и поднепровские славяне. — СА, 1968, № 4, с. 58—59; ср.: Он же. У истоков древнерусской народности, с. 92—96.

⁶¹ Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. МГУ, 1973, с. 256.

В зоне лесостепи черняховским древностям предшествует зарубинецкая археологическая культура (см. карту 13), этническая принадлежность которой также вызывает немало споров.

Зарубинецкая культура фиксируется со II в. до н. э. и охватывает обширную территорию от Западного Буга до Десны, а ее отдельные особенности переходят в Днепровское Левобережье и уходят на север — вверх по Десне, смешиваясь здесь с особенностями предшествующей ей юхновской культуры, видимо, принадлежавшей древним балтам. Ко II в. н. э. (по Десне, возможно, несколько позднее) зарубинецкая культура исчезает, а ее своеобразные «отзвуки» проявляются после III—IV вв. севернее основных районов ее распространения — от верховьев Днепра и Десны до междуречья Оки и Москвы⁶².

В 1960 г. один из крупнейших знатоков зарубинецкой культуры Ю. В. Кухаренко, опираясь на ее заметную связь с пшеворской культурой Южной Прибалтики и построив на основании их близости схему экспансии славян на восток во II в. до н. э.⁶³ (см. схему Ю. В. Кухаренко на карте 13), писал: «По утверждениям польских исследователей, на территории Повисленья, где также известны памятники пражского типа, между этими последними и позднешеворскими памятниками наблюдается прямая генетическая преемственность. <...> Поскольку же пшеворская и зарубинецкая культуры родственны между собой и происхождение их едино, можно полагать, что со временем и у нас будут найдены недостающие звенья между зарубинецкой культурой и памятниками пражского типа»⁶⁴, представленными в VI—VII вв. на Волыни и Житомирщине их восточной разновидностью с керамикой типа Корчак. Однако вскоре, обобщая материал по зарубинецкой культуре в связи с подготовкой к изданию ее наиболее характерных памятников, автор отказался от этих надежд и пришел к выводу, что «группа племен, которым принадлежала собственно зарубинецкая культура, исчезла еще в древности, как исчезли, например, многие древние языковые диалекты, и отождествлять ее с какими-либо конкретными из исторически известных нам на этой территории в более позднее время племенами и народами невозможно»⁶⁵. В самом деле, с конца II — начала III в. н. э. в Среднем Поднепровье зарубинецкие поселения «прекращают свое функционирование. Их место занимают памятники так называемой черняховской культуры... чуждой зарубинецким племенам как по своему происхождению, так и по этнической принадлежности»⁶⁶, а точнее — по основным признакам мате-

⁶² См. обзоры: Кухаренко Ю. В. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. — СА, 1960, № 1; Он же. Зарубинецкая культура. «Свод археологических источников». Д1-19. М., 1964; см. также материалы сборника: «Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье». МИА, № 160. Л., 1969. Иногда в ареал собственно зарубинецких включаются памятники верхнего Днепра, поречья Сожи и Десны, продолжающие функционировать во II—V вв. н. э. (см.: Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа зарубинецкой культуры). Минск, 1973, с. 5—23, включая карту 12).

⁶³ См.: Кухаренко Ю. В. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. — СА, 1960, № 1.

⁶⁴ Там же, с. 300, примеч. 47.

⁶⁵ Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура, с. 5.

⁶⁶ Кухаренко Ю. В. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры, с. 299.

риальной культуры. Правда, в левобережье Днестра — по Десне, в низовьях Сейма и в верховьях Оки — памятники, отражающие зарубинецкие черты, как указывалось, встречаются значительно позднее — в III—V вв. (например, мощинские⁶⁷). Но и они со временем полностью поглощаются культурой, распространяющейся накануне сложения Киевской Руси и закономерно перерастающей затем в древнерусскую. В этой связи даже П. Н. Третьяков, являющийся убежденным сторонником славянской принадлежности «зарубинцев», вынужден признать, что «в области Левобережья в VIII—IX вв. распространялась роменская культура, сигнализирующая, по моему мнению, о появлении здесь новых славянских группировок»⁶⁸.

От связи зарубинецкой культуры со славянами, вслед за Ю. В. Кухаренко, отказался в своих последних работах И. И. Ляпушкин⁶⁹; появились осторожные замечания о том, что этническая принадлежность носителей этой культуры «еще не ясна, но относить их к славянам... по-видимому, преждевременно, так как связующие звенья с достоверно славянскими племенами более позднего времени VIII—IX вв., как известно, отсутствуют»⁷⁰.

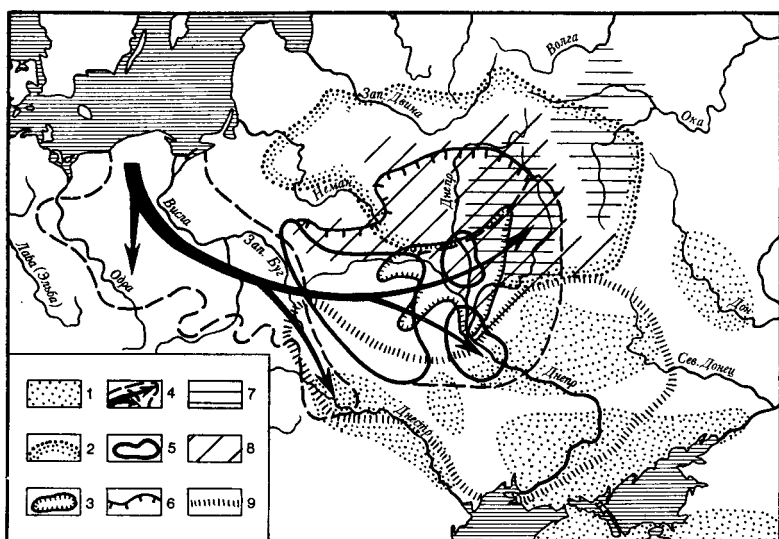
Описанная археологическая картина, охватывающая основные районы формирования восточных славян, в плане восточнославянского этногенеза требует очень внимательного отношения к истории носителей зарубинецких древностей — независимо от решения вопроса об их этнической принадлежности. В самом деле, если доказано, что население, оставившее зарубинецкие памятники, не ушло с территории Восточной Европы и не было здесь уничтожено физически, а, напротив, распространилось на огромных пространствах к востоку от Днестра, смешиваясь здесь с предшествующим населением, которое оставалось на прежних местах поселений вплоть до начала формирования древнерусской народности, то независимо от того, каков был вклад зарубинецкой культуры в формирование культурно-этнографических особенностей восточнославянских группировок исторического времени, существует возможность сохранения диалекта «зарубинцев» в отдельных секторах распространения собственно зарубинецких памятников или памятников, отразивших отдельные зарубинецкие черты, если не забывать о несовпадении культурно-этнографической и языковой преемственности (см. выше, с. 30—31). Иными словами, участие физических потомков зарубинецкого населения в формировании исторических

⁶⁷ См.: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА, № 163. М., 1970, с. 42—44. П. Н. Третьяков, не считая мощинскую культуру результатом эволюции зарубинецкой (см.: Третьяков П. Н. Зарубинецкая культура и поднепровские славяне. — СА, 1968, № 4, с. 62—63), тем не менее признает, что она сложилась «под влиянием зарубинецких племен» (см.: Он же. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. — СА, 1960, № 1, с. 45; ср.: Он же. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге, с. 294—296).

⁶⁸ Третьяков П. Н. Зарубинецкая культура и поднепровские славяне, с. 68.

⁶⁹ См.: Ляпушкин И. И. Некоторые вопросы предистории восточных славян. — КСИИ, вып. 100. М., 1965; Он же. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства, с. 8.

⁷⁰ Алексеев Л. В. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII вв. М., 1966, с. 27.

Карта 13

Зарубинецкая культура:

Археологические культуры раннего «железного века» в Восточной Европе: 1 — разновидности «скифской» и «скифообразной» культур VII—III вв. до н. э. (по Б. Н. Гракову и А. И. Мелюковой); 2 — ареал близкородственных культур I тысячелетия до н. э. — штрихованной керамики, днепро-двинской (или смоленских городищ), верхнеокской и юхновской, приписываемых древним болтам (по А. Х. Моора и П. Н. Третьякову); 3 — ареал милоградских городищ (по П. Н. Третьякову и В. В. Седову); 4 — пшеворская и зарубинецкая археологические культуры и направления их распространения до II в. н. э. по Ю. В. Кухаренко (1960 г.); 5 — локальные разновидности памятников собственно зарубинецкой культуры (по Ю. В. Кухаренко, 1964 г.); 6 — северная граница памятников зарубинецкой культуры с середины I в. до н. э. до конца I — начала II в. н. э. по Л. Д. Поболу (1973 г.); 7 — скопление археологических памятников мощинской, почепской культур и типа Тушемли и Харьевки (первая половина и середина I тысячелетия н. э.), отражающих зарубинецкие особенности (по В. В. Седову); 8 — ареал «сплошной» балтийской гидронимии в бассейне Днестра (по В. Н. Топорову и О. Н. Трубачеву); 9 — ареал черняховской археологической культуры II—IV вв. н. э. (по Э. А. Сымоновичу)

восточных славян не подлежит сомнению, а потому остается актуальным вопрос об их языковой принадлежности, что традиционно приравнивается вопросу об этнической характеристике племен, оставивших памятники зарубинецкой культуры. К решению этого вопроса могут быть привлечены топонимические данные в ареале распространения зарубинецких древностей, что и попытался сделать В. В. Седов, рассуждения которого в некоторых отношениях представляются безупречными⁷¹.

⁷¹ См.: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА, № 163. М., 1970, с. 38—48.

Зарубинецкая культура и памятники, содержащие отдельные зарубинецкие особенности (почепские, типа Харьевки, Тушемли мощинские), следовательно, сложившиеся при том или ином участии зарубинецких племен, охватывают огромную территорию от среднего течения Западного Буга до междуречья Оки и Москвы, опоясывая с юго-запада, юга (поречье Припяти), юго-востока (левобережье Десны) и с востока ареал древнебалтийских поселений, функционировавших на протяжении всего I тысячелетия до н. э. (см. карту 13). В. В. Седов обратил внимание на то, что именно в границах распространения зарубинецких памятников (не только в бассейне Западного Буга, но и на востоке — в Посожье и в Окско-Москворецком междуречье — в северном секторе ареала мощинской культуры) распространены гидронимы западнобалтийского происхождения. Принимая схему Ю. В. Кухаренко о распространении зарубинецкой культуры с запада на восток (см. эту схему на карте 13) и будучи убежденным в том, что исконная область так называемых западных балтов находилась на юго-западе древнебалтийских поселений, где в историческое время жили *прусы* и *ятваги*, В. В. Седов объясняет наличие западнобалтийских гидронимов на восточной окраине ареала тем, что они оставлены племенами, мигрировавшими сюда из Южной Прибалтики. В этой связи особое внимание привлекает тот факт, что в северном секторе мощинского ареала, куда до XI в. не проникают элементы древнерусской материальной культуры, в летописное время продолжало сохраняться неславянское население, известное киевским книжникам под названием *голяди*, которая, судя по топонимическим данным, пользовалась одним из западнобалтийских говоров — родственным прусско-яत्वяжским. Это и дало автору основание предполагать, что появление *голяди* на крайнем востоке ареала древнебалтийских поселений связано с миграцией зарубинецких племен, т. е. предполагать, что зарубинецкие памятники оставлены *голядью*⁷².

Культурно-археологическим и гидронимическим аналогиям соответствует и повторяемость средневековых этнонимов, использовавшихся для обозначения населения тех же областей: *голядь*, балт. *Galindis* — на востоке и *Galindia* — средневековое название Пруссии (см. карту 14). К этому можно добавить и тот факт, что население, оформившееся к VIII—IX вв. в южном секторе мощинского ареала (к югу от *голяди*), было известно киевским летописцам под названием *вят-ич-и*, образованном от корня **vent-* — того же, что и раннесредневековое название южнобалтийских славян *венеты*, нем. *Wend-en* и *Wind-en* (см. ниже).

⁷² См.: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 44—48.

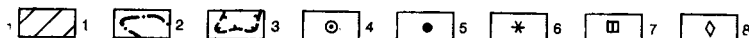
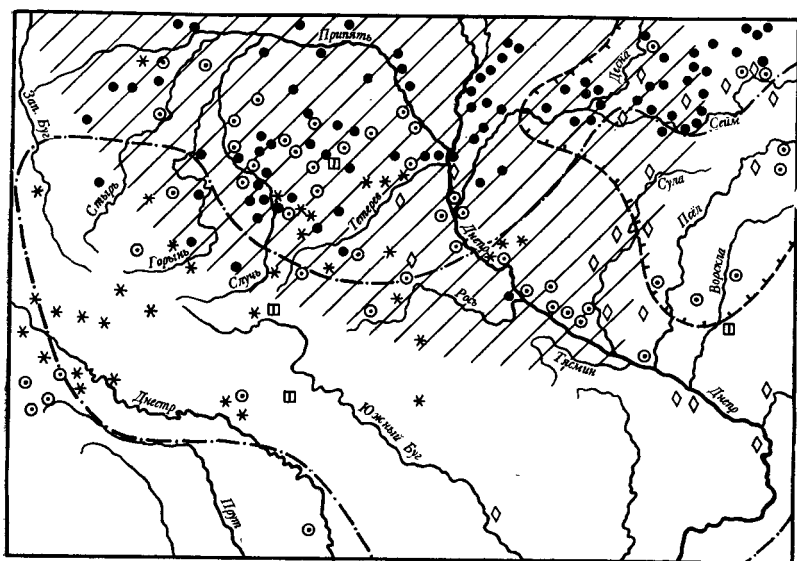
лежит сомнению, то вопрос о регионе формирования собственно зарубинецкого населения нельзя считать окончательно решенным: господствовавшее еще недавно мнение о распространении зарубинецкой культуры с запада на восток — из Южной Прибалтики в Среднее Поднепровье — поколеблено последними исследованиями зарубинецких памятников в районе Киева, где они оказываются достаточно древними⁷³. В более поздней работе В. В. Седов учитывает это обстоятельство и несколько меняет первоначальную схему: зарубинецкая культура сложилась на среднем Днепре, где пришельцы из ареала пшеворской культуры ассимилировали скифо-сарматские племена⁷⁴. В этом случае особый интерес приобретает тот факт, что именно в этом регионе, непосредственно соприкасающемся с границами распространения иллирийских, дако-фрикийских и иранских гидронимов, тесно переплетаются архаические славянские и балтийские гидронимы (см. карту 15). А это, в свою очередь, заставляет особенно пристально присмотреться к подмеченному В. В. Седовым факту «сопутствия» западнобалтийских (точнее — голядско-ятвяжско-пруссских) топонимов зарубинецким реалиям.

Дело в том, что так называемые западнобалтийские диалекты, насколько можно судить по дошедшим до нас сведениям, были настолько близки праславянским, что производят впечатление переходных от восточнобалтийских к праславянским⁷⁵. И если принять распространенный взгляд на формирование праславянского языка в результате трансформации древнебалтийской языковой системы (см. выше, в частности, с. 79—81), то острова голядско-ятвяжско-пруссских говоров должны будут восприниматься как отражение древ-

⁷³ См. сб.: «Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье» (МИА, № 160. Л., 1969), в частности: Максимов Е. В. Хронология древностей зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье (с. 17—24); ср.: Третьяков П. Н. Некоторые данные об общественных отношениях в восточнославянской среде в I тысячелетии н. э. — СА, 1974, № 2, с. 77. По мнению Л. Д. Поболь, в поречье Западного Буга зарубинецкие памятники появляются позднее, чем в бассейне среднего Днепра, включая Припять (см.: Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1973, с. 20 и рис. 1, А—В на с. 10—12).

⁷⁴ См.: Седов В. В. Формирование славянского населения Среднего Поднепровья. — СА, 1972, № 4, в частности, с. 124—125.

⁷⁵ Стремясь объяснить природу этой близости (кстати сказать, в зарубинецкое время не исключавшей возможности взаимопонимания), Б. В. Горнунг выдвинул предположение, что связь западнобалтийских (голядско-ятвяжско-пруссских) диалектов с восточнобалтийскими (литовско-латышскими) обусловлена их более поздними контактами, установившимися после отрыва предков западных балтов от «протославянского» комплекса (см.: Горнунг Б. В. Из пред истории образования общеславянского языкового единства, с. 49 и др.). В данном случае важно не само это предположение, которое принимается далеко не всеми (см.: Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков, с. 9—10), а его языковые основания, связанные с переходным (праславянско-восточнобалтийским) характером так называемых западнобалтийских говоров.

Карта 15

Гидронимия в ареале зарубинецкой культуры:

1 — ареал зарубинецкой культуры; 2 — ареал черняховской культуры II—IV вв.; 3 — роменско-боршевская культура VIII—IX вв. (по И. И. Ляпушкину); 4 — архаические славянские и 5 — балтийские гидронимы в бассейне среднего Днепра, а также гидронимы 6 — балканского (илирийского и дако-фракийского); 7 — германского и 8 — иранского происхождения (см. карту 12)

ней границы соприкосновения праславянских диалектов с восточнобалтийскими. В этом случае и на зарубинецкое население надо будет смотреть не как на *голядь*, как полагал до недавнего времени В. В. Седов (а точнее, видимо, было бы говорить о предках *голяди*), а как на обширный союз, объединявший племена, пользовавшиеся близкородственными говорами праславянского и западнобалтийского (голядско-ятвяжско-прусского) типа⁷⁶. Иными словами, в этот многоплеменный союз, оформившийся на огромных просторах южной окраины древнебалтийского ареала, наряду с предками *прусов* и

⁷⁶ См.: Хабургаев Г. А. Проблемы образования и взаимодействия древнерусских диалектов. АДД. МГУ, 1972, с. 33—34. Одновременно была опубликована статья В. В. Седова, в которой вопреки концепции, развивавшейся в работах 1966—1970 гг., высказывается предположение, что зарубинецкие племена были носителями диалектов, промежуточных между праславянскими и прусско-ятвяжскими, и со временем могли стать как славянами, так и западными балтами (см.: Седов В. В. Формирование славянского населения Среднего Поднепровья, с. 124—125).

ятвягов, закрепившимися в Южной Прибалтике и Бужско-Неманском междуречье, предками *голяди*, продвинувшимися из Среднего Поднепровья в бассейн верхней Оки, и населением, оставшим в Посожье гидронимы с особенностями, содержащими западнобалтийские элементы⁷⁷, должны были входить также и славяноязычные племена, осевшие в бассейне среднего Днепра и в какой-то своей части оказавшиеся в черняховский период в составе Готской державы и усвоившие ряд новых для них культурно-этнографических признаков⁷⁸, по которым они стали отличаться от славянского населения смежных областей.

ЛОКАЛЬНЫЕ ГРУППЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛАВЯН

Древнейшие археологические памятники, постепенно перерастающие в культурные древности исторических славян, как сейчас всеми признано, относятся к VI в. н. э.⁷⁹ Найденные на территории Чехословакии, Польши, Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии, Австрии, Болгарии славянские археологические памятники этого времени, несмотря на локальные различия, обнаруживают бесспорную общность по многим существенным признакам⁸⁰. И это заставляет верить утверждениям Иордана и его современников, что распад праславянского единства — событие весьма недалекого прошлого: память о недавней общности сла-

⁷⁷ Исследователи верхнеднепровской гидронимии, справедливо подчеркивая, что «было бы наивно отождествлять исчезнувшие балтийские диалекты Поднепровья с каким-либо конкретным языком Прибалтики» (Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, с. 240), вместе с тем обращают внимание на то, что по течению Сожи сосредоточены наименования, отражающие черты прусско-голядского типа, и что достаточно богат набор «лексических изоглосс, объединяющих Верхнее Поднепровье с отдельными районами Прибалтики» (там же, с. 239—241).

⁷⁸ Ср.: Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии, с. 21.

⁷⁹ Ср.: Вернер И. К происхождению и распространению *антов* и *склавинов*. — СА, 1972, № 4, с. 102.

⁸⁰ См.: Кухаренко Ю. В. Памятники пражского типа на территории Приднепровья. — «Slavia Antiqua», VII, 1960, с. 111—112; Ляпушкин И. И. К вопросу о культурном единстве славян. — В кн.: Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь проф. М. И. Артамонова. ЛГУ, 1961, с. 203; Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. — В кн.: Славяне накануне образования Киевской Руси. МИА, № 108. М., 1963, с. 347; Третьяков П. Н. О древностях середины и третьей четверти I тысячелетия в южных частях Верхнего Поднепровья. — СА, 1965, № 4, с. 63; Он же. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге, с. 251; Русанова И. П. Карта распространения памятников типа Корчак. — В кн.: Древние славяне и их соседи. Сборник статей в честь П. Н. Третьякова. МИА, № 176. М., 1970.

вян свежа не только в народных преданиях⁸¹, но и в материальной культуре славянских поселений и могильников VI—VII вв.

Можно утверждать, что к VI в. в результате распада праславянского союза выделилось не три племенных объединения, которые названы Иорданом, а значительно больше. Сам Иордан так и пишет: «...На безмерных пространствах расположилось многочисленное племя *венетов*. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются *склавенами* и *антами*»⁸². Кстати, и здесь, и далее *венеты* у Иордана выступают как более древнее и общее наименование (см. еще ниже), которое, видимо, и употреблялось для обозначения раннесредневековых славян их соседями на севере Европы (ср. старое нем. *Wenden* и *Winden*, финск. *venäje*, эст. *vene*, вепс. *вэн'а* и др.)⁸³. *Склавены* же (искаженное самоназвание *словѣне*) и *анты* — это лишь наиболее известные греко-римским писателям из многочисленных племенных групп VI в.

Наличие в рассматриваемый период ряда локальных славянских групп подтверждается и археологическими памятниками: «Наряду со сходством данные памятники имеют и различия»⁸⁴, позволяющие считать, что в VI—VII вв. «однородность славянской культуры была несомненно весьма относительной. В разных областях культура имела свои особенности...»⁸⁵. А потому, определяя области славянских поселений по археологическим данным, «можно с достаточным основанием утверждать, что о тесной экономической связи и о политическом единстве всей очерченной нами территории во второй половине I тысячелетия н. э. говорить не приходится»⁸⁶: единого праславянского союза племен в это время не существовало, а выделившиеся из него группы в разных районах славянского ареала развивались самостоятельно, в разных направлениях, сохраняя память о былом единстве в общем культурном и языковом наследии.

⁸¹ Анализ древнейших исторических источников, содержащих достоверные сведения о славянах, а также наиболее ранних собственно славянских сочинений убеждает, что «существование представления о славянах как большом целом, связанном языковым родством, можно проследить уже в период перехода от античности к средневековью в западноримской и восточноримской среде; в раннем средневековье появляются сообщения, указывающие на возможность существования этого сознания у отдельных славянских народов» (Гавлик Л. Е. Представление о родственности славянских народов в древней Моравии и Чехии, с. 37).

⁸² Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). М., 1960, с. 70—71 (разрядка моя. — Г. Х.).

⁸³ О том, что *венетами* сначала называлось лишь племя (или союз племен), занимавшее район Балтийского побережья, а затем это название было перенесено германцами на остальных славян, см.: Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der mittelalterlichen Gentes. Köln — Graz, 1961, S. 33.

⁸⁴ Ляпушкин И. И. К вопросу о культурном единстве славян, с. 207.

⁸⁵ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, с. 254.

⁸⁶ Ляпушкин И. И. К вопросу о культурном единстве славян, с. 208.

Неоднородность достоверно славянской культуры периода старейших исторических сообщений о *венетах*, *склавенах* и *антах* создает возможности для соотнесения исторических свидетельств с археологическими.

1. «ВЕНЕТЫ»

Прежде всего необходимо напомнить, что когда говорят о *венетах* VI в., имеют в виду замечание Иордана о том, что *венеты* «происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: *венетов*, *антов* и *склавенов*»⁸⁷; еще одно сообщение Иордана о *венетах* было приведено выше (см. с. 94): в нем сказано, что *венеты* — предки современных автору славянских племен, среди которых наиболее заметны *склавены* и *анты* (но не *венеты*!). Совершенно очевидно, что в обоих случаях Иордан не утверждает, будто все три группы (и только три группы!) сосуществуют в его время; смысл обоих сообщений один: народы, часть которых известна автору под тремя названиями, имеют общих предков по имени *венеты*. Вместе с тем Иордан ни слова не говорит о местах поселений *венетов* в VI в.: определены лишь области *склавенов* и *антов*, равно как только о них сообщаются некоторые исторические и этнографические сведения⁸⁸.

Ни у кого из византийских авторов упоминания о *венетах* больше нет (как и у самого Иордана в сочинении о современности под названием «*Romana*»), как полагают, потому, что здесь интересовались лишь теми варварскими племенами, которые были непосредственно связаны с Империей⁸⁹. Гот Иордан, живший в Византии, а затем — на севере Италии и пользовавшийся при создании «*Гетики*» не только греческими, но и римскими источниками⁹⁰, мог либо прочесть о *венетах* в более ранних работах,

⁸⁷ Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с. 90.

⁸⁸ Полную выписку соответствующих мест из «*Гетики*» см.: Скржинская Е. Ч. О *склавенах* и *антах*, о Мурсианском озере и городе Новиетуне (из комментария к Иордану). — «Византийский временник», XII, 1957, с. 4—5. Иордан еще упоминает о *венетах* в связи с походами Германариха; но это уже события IV в. (ум. в 375 или 376 г.). После VI в. имя *венеды*: *виниды* встречается в западноевропейских сочинениях; так, в IX в. оно упоминается в качестве наименования моравян, а дважды — для обозначения «ободритов»; но в этих сочинениях отсутствуют *склавены* и *анты* (анализ употребления славянских этнонимов в трудах античных и средневековых авторов см. в примечаниях Е. Ч. Скржинской к указ. соч. Иордана, с. 209 и далее; см. также: Гавлик Л. Е. Представление о родственности славянских народов в древней Моравии и Чехии, с. 28—29).

⁸⁹ См.: Ляпушкин И. И. Некоторые вопросы из предистории восточных славян. — КСИА, вып. 100, 1965, с. 119; Он же. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства, с. 11; ср.: Гавлик Л. Е. Указ. соч., с. 29.

⁹⁰ Подробно о нем см.: Скржинская Е. Ч. Иордан и его «*Getica*» (предисловие к указ. соч. Иордана), с. 11.

либо воспользоваться преданиями своих соплеменников, некогда соприкасавшихся с *венетами*-славянами (?) на севере, вдали от границ Византии. Связь же этого этнонима со славянами именно северной части Центральной Европы, как указывалось, основывается не столько на сообщениях Иордана, сколько на том, что так называли впоследствии славян именно северные европейцы, подтверждая тем самым, что имя *венеты* не «изобретено» Иорданом, хотя, возможно, и передано с искажениями⁹¹.

Venethae Иордана, нем. *Wenden* и *Winden*, финск. диал. *venät* позволяют реконструировать для этого наименования исходный корень **vent-* > **vēt-*, который у восточных славян мог дать только *вят-*, что и лежит в основе сближения позднеантичного и средневекового этнонима *венеты* с восточнославянским этнонимом *вятичи* (*вят-ич-и*)⁹². Смущающий некоторых этимологов гласный *e* после носового в средневековых передачах термина *венеты*: *венеды* (именно на этом основании М. Фасмер считал невозможным его сближение с *вятичами*) мог быть либо вставочным, либо появиться в результате смещения с наименованием неславянских (кельтских?) племен, на что обратил внимание еще Л. Нидерле, который реконструировал корень **vend-*, используя более обычную для сочинений греко-римских авторов I—II (но не VII) вв. форму *Venedi* (наряду с *Veneti*)⁹³ и не учитывая соответствия живому немецкому *d* (*Wenden*). Вряд ли перспективно этимологизировать этот этноним на славянской почве: он принадлежит, вероятно, к числу тех «древнейших образований», которые пережили не один и не два языка, сменивших друг друга на данной территории. Известна способность этнонимов усваиваться носителями иного языка. Это важно учитывать для таких территорий, которые характеризуются непрерывностью культурной традиции⁹⁴, что относится и к соответствующему региону Центральной Европы⁹⁵.

Если признать, что *венеты* VI в. занимали северную часть Центральной Европы, то им могли принадлежать славянские древности на территории Польши (кроме Южной), отличающиеся от синхронных славянских памятников Чехословакии (и пограничных районов Польши), Украины и других смежных стран⁹⁶. Ус-

⁹¹ Искажения в именах собственных у Иордана (как и у других авторов древности) обычны; даже имя популярного готского предводителя — современника *венетов* Германариха он передает по-разному: *Hermenerig*, *Hermanaricus* и др. (см.: Иордан. Указ. соч., с. 143—144 и др.; там же указатель имен на с. 400).

⁹² См. обзор: Будимир М. *Protoslavica*. — В кн.: Славянская филология. Сб. статей, II. М., 1958, с. 128—129.

⁹³ См.: Нидерле Л. Славянские древности, с. 38—39.

⁹⁴ Трубачев О. Н. Лингвистическая география и этимологические исследования. — ВЯ, 1959, № 1, с. 23.

⁹⁵ Не исключено, «что в древности, на рубеже и в начале нашей эры *венеды* называли не только славян, но и других восточных соседей германцев» (Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, с. 16—17; ср.: Артамонов М. И. *Венеды* и лужицкая культура. — ВЛУ, 1951, № 1, с. 175).

⁹⁶ См.: Ляпушкин И. И. К вопросу о культурном единстве славян, с. 209; Он же. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства, с. 11—12; Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, с. 252; Артамонов М. И. Некоторые вопросы отношений восточных славян с болгарами и балтами... — СА, 1974, № 1, с. 247—248.

ловно эти древности (вероятно, принадлежавшие непосредственным предкам летописных *ляхов*) можно назвать «венетскими»⁹⁷. На западе они пересекают Одру (Одер), а на востоке доходят до правобережья Вислы. Позднее, в VII—IX вв., элементы этой же культуры обнаруживаются на северо-западе Восточной Европы, на территории будущей Новгородчины, где, между прочим, и имя венетов у прибалтийских финнов (финск. суоми *venäje*, диал. *venät*, эст. *vene*, вепс. *вэ́н'а*) закрепилось и до сих пор используется в качестве наименования восточных славян. Если оставить в стороне черты сходства, обусловленные единством происхождения, то необходимо предположить, что «венеты» (**veni-*), появляющиеся с VII в. к югу от Ладоги, могли отделиться от *венетов* Южной Прибалтики (от непосредственных предков лехитов, которых, учитывая отраженную летописью традицию именовать область их поселения *Лядьской землей*, можно условно назвать «*lęd*»-ой — из **lend-*) до того, как в границах «венетского» ареала завершилась диалектная и этнографическая унификация славяноязычных племен.

2. «СКЛАВЕНЫ»

На огромном пространстве от Днепра до Эльбы (славянской *Лабы*), на юге переходя Дунай, известны чрезвычайно близкие по своим важнейшим особенностям безусловно славянские археологические памятники с керамикой, получившей название «пражского типа». Изучение древностей этого ареала, который в основной своей части совпадает с территорией *склавонов* Иордана, не только позволило установить их однотипность, но и выявить локальные различия.

К востоку от Карпат — на Волыни и в верхнем течении р. Тетерева (в Южном Полесье) отмечается культура VI—VII вв., получившая название *житомирской* (или типа *Корчак*), которая явно представляет собой местный вариант культуры *пражского типа*⁹⁸. Высказано предположение, что

⁹⁷ Характеристику «венетских» древностей см.: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 64—65.

⁹⁸ См.: Кухаренко Ю. В. Славянские древности V—IX веков на территории Припятского Полесья. — КСИИМК, вып. 57. 1955, с. 38; Он же. О памятниках раннеславянского времени на Полесье УССР. — КСИА УССР, вып. 4. Киев, 1955, с. 48; Он же. Памятники пражского типа на территории Приднепровья. — «*Slavia Antiqua*», VII, 1960; Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, с. 252; Русанова И. П. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян. — СА, 1958, № 4, с. 38 и далее; Она же. Карта распространения памятников типа *Корчак*, с. 94; Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 63—64. См. новейшее обобщение: Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М., 1976.

житомирско-корчакский регион пражских древностей отражает раннеславянский политический союз, разгромленный аварами, следовательно, существовавший до VII в.⁹⁹ Учитывая, что инициатива в этом объединении, по свидетельству Масуди, принадлежала племени под названием «Валинана» (*вельняне?*)¹⁰⁰, древности житомирско-корчакского типа условно можно назвать «волынскими» — от *волынъ* или *вельнь* (славянского соответствия герм. *Dudleipa* — см. след. главы). По утверждению археологов, житомирско-корчакская культура оказывается со временем (после VII в.) в основе локальных разновидностей культуры всего Среднего Поднепровья¹⁰¹, где в IX в. складывается Русская земля с центром в Киеве.

На запад от Карпат памятники пражского типа, охватывая территорию Чехословакии и Южной Польши (где они постепенно переходят в «венетские»), доходят до Лабы (Эльбы), пересекают Дунай¹⁰² и тоже характеризуются локальными вариантами, которые в исследовании, посвященном восточным славянам, не представляют специального интереса; условно их можно назвать «западносклавенскими», или собственно словенскими, учитывая, что они полностью охватывают ареал *slověnskich* племен — предков словаков, паннонских славян и словенцев. Во всяком случае «племена Моравии накануне объединения их в «государство» Само были носителями именно этой культуры»¹⁰³, которая в данном регионе обнаруживает наиболее древние по времени памятники, относящиеся к концу IV (?) — началу V столетия¹⁰⁴. Здесь же фиксируется древнейшее бесспорное славянское самоназвание *словѣне* (в передаче греко-римских авторов — *Σκλαβηνοί* и *Σκλαβοί*), явно образованное от корня **slou-*. Впрочем, племена, расселившиеся на территории современной Венгрии, к VI в. уже могли получить имя *сербов* (в «Повести временных лет» — *серебъ* и *сърбъ*) от местных сарматов, которые под названием *Sarmatae*

⁹⁹ См.: Седов В. В. О юго-западной группе восточнославянских племен. — В кн.: Историко-археологический сборник. Изд-во МГУ, 1962, с. 197—203.

¹⁰⁰ См.: Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. Спб., 1870, с. 137.

¹⁰¹ См.: Кухаренко Ю. В. Памятники пражского типа на территории Приднепровья, с. 124.

¹⁰² Письменные источники VI в. позволяют предполагать, что западные границы «склавенских» поселений в это время проходили в правобережье Дуная — в Паннонии, по озеру Балатон (см.: Скржинская Е. Ч. О склавенах и антах..., с. 16—17; см. ее же примечания к указ. соч. Иордана, с. 213—218); то же отмечают и чехословацкие археологи (Poulik J. *Jihl Morava země davných slovánů*. Вгпо. 1948—1950).

¹⁰³ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, с. 251.

¹⁰⁴ См.: Кухаренко Ю. В. Славянские древности V—IX веков на территории Припятского Полесья, с. 37; впрочем, многие археологи считают, что бесспорно славянских памятников (в том числе и пражского типа) старше VI в. нет (см.: Вернер И. К происхождению и распространению *антов* и *склаве-нов*. — СА, 1972, № 4, с. 102).

servi, или *servi Sarmatorum*, в качестве населения Венгерской равнины упоминаются в источниках IV—V вв., а затем исчезают, будучи ассимилированы славянами¹⁰⁵.

3. «АНТЫ»

Наконец, заметно отличается от житомирско-корчакских древностей (хотя и принадлежит к тому же общему типу) славянская культура VI—VII вв. в междуречье Днестра и Днепра — в восточной части того региона, который Иордан отвел «антам», а потому условно ее можно назвать «антской». Памятники этой культуры теперь хорошо известны в Надпорожье, по берегам правого притока Днепра — р. Тясмина (и вверх по Днепру до устья р. Роси) и в поречье Южного Буга¹⁰⁶ (см. карту 12). Характерная особенность тясминско-побужских («антских»?) древностей VI—VII вв. — керамические сосуды с биконической (реберчатой) профилировкой (типа Пеньковки), находящие некоторые аналогии в местных памятниках черняховской культуры¹⁰⁷. В этой связи кажется вполне вероятным, что «антская» культура сложилась в среде славян, оказавшихся в составе Готской монархии. Такому предположению не противоречат и антропологические данные, которые дают основание утверждать, «что в Среднем Поднепровье население черняховской культуры в значительной степени вошло в состав ассимилировавших его славян»¹⁰⁸. Возможно, это и обусловило культурно-этнографическое своеобразие славян Днепро-Днестровского междуречья, отразившееся в местных древностях. Во всяком случае становится все более очевидным, что, несмотря на многие черты сходства, обусловленные общностью происхождения, ни в коем случае недопустимо «объединение памятников

¹⁰⁵ См.: Нидерле Л. Славянские древности, с. 53.

¹⁰⁶ См.: Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга, с. 348—349; Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, с. 252; Он же. О древностях середины и третьей четверти I тысячелетия в южных частях Верхнего Поднепровья. — СА, 1965, № 4, с. 63; Он же. О древнейших русах и их земле. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 186; Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 65 и далее. Впрочем, по мнению М. И. Артамонова, тясминско-побужские поселения оставлены не славянами, а болгарами-кутригурами (см.: Артамонов М. И. Этническая принадлежность и историческое значение пастырската культура. — «Археология». София, 1969, № 3, с. 1—9; Он же. Некоторые вопросы отношений восточных славян с болгарами и балтами..., с. 248—250).

¹⁰⁷ См.: Седов В. В. [Рец. на кн.:] Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. — СА, 1967, № 3, с. 312; Он же. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 68—69; Русанова И. П. О керамике раннесредневековых памятников. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 149—150; Хавлюк П. И. Исследования на Южном Буге. — АО-1968. М., 1969, с. 152—158.

¹⁰⁸ Великанова М. С. К антропологии средневековых славян Прутско-Днепровского междуречья. — СЭ, 1964, № 6, с. 44; ср.: Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии, с. 256.

житомирского типа с памятниками Пеньковки и с материалами поселений Южного Буга»¹⁰⁹, как не смешивали *склавен*ов и *ант*ов византийские авторы VI столетия.

Известный в настоящее время ареал тясминско-побужских древностей составляет лишь часть той области, которую, в соответствии с исторической традицией, отводят *антам*, селившимся от Днестра до Истра (нижнего Дуная). По сведениям, например, Прокопия из Кесарии и других его современников, *анты* в VI в. были наиболее активными участниками военных действий против Византии и не раз заходили даже в глубь страны¹¹⁰. И вообще «все то, что говорили византийские хронисты про антское общество, относится к жизни славянского населения поречья Дуная и Балканского полуострова, а не района Среднего Поднепровья»¹¹¹, где локализуются тясминско-побужские памятники. Но это значит, что *анты* византийских историков — это предки восточнобалканских (а не восточноевропейских, как обычно считается) славян, вместе с отдельными группами *склавен*ов составившие «Союз семи (Дунайских) племен», позднее (в 679 г.) подчинившийся хану Аспаруху. Учитывая это, можно утверждать, что языковые особенности достаточно древнего происхождения, известные только восточнобалканским говорам (болгарским и македонским) и нашедшие отражение в языке первых славянских переводов, но не характерные для других южнославянских языков (например, открытый *æ* из **ē* или **oi*, сложные шипящие на месте **tj*, **dj* и **kt*, сохранение фонологической противопоставленности *ъ* ~ *ь* и т. п.), продолжают традиции языка тех раннеславянских племен, которые были известны византийским хронистам под именем *ант*ов, т. е. характеризовали в период распада праславянского единства «антские» говоры.

Авторы многочисленных этимологий названия *анты* (греч. "Αντα)¹¹² не учитывают того, что, в отличие от этнонимов *венеты* и (тем более) *скламены*, этот термин отмечен только в византийских сочинениях второй половины VI в. (554—602 гг. — период деятельности одного поколения писателей), а по-

¹⁰⁹ Плетнева С. А., Русанова И. П. [Рец. на кн.:] В ъ жаро-ва Ж. Н. Славянски и славянобългарски селища... — СА, 1966, № 3, с. 278.

¹¹⁰ См.: Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, с. 297—298 и др. О поселениях *ант*ов по письменным источникам VI в. см.: Скржинская Е. Ч. О склавенах и антах..., с. 18—20 и далее; ср. еще в «Романа» Иордана (конец VI в.): «Таковы бедственные события в Римском государстве, не говоря уже о ежедневном упорном нажиме со стороны *булгар*, *ант*ов и *склавен*ов» (там же, примеч. на с. 4).

¹¹¹ Ляпушкин И. И. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей. — ВЛУ, № 20. Серия истории, языка и литературы, вып. 4, 1956, с. 56.

¹¹² См. обзоры: Филин Ф. П. Образование языка восточных славян, с. 58—62; Он же. Заметка о термине «анты» и о так называемом «антском периоде» в древней истории восточных славян. — В кн.: Проблемы сравнительной филологии. Сб. статей к 70-летию... В. М. Жирмунского. М. — Л., 1964, с. 261—270; ср.: Попов А. И. О термине «анты». — ФН, 1970, № 2, с. 132—135.

тому, скорее всего, имеет один источник — одного византийского автора, где-то услышавшего (вряд ли от самих славян) и передавшего это название (видимо, с обычными для этого времени искажениями), которое его современниками употреблялось по отношению к военным отрядам, представлявшим племена, этнографически (и, надо думать, в диалектном отношении) отличавшиеся от *склавен*ов. После того как *анты*, вероятно, никогда сами себя так не называвшие, смешавшись с некоторыми «склавенскими» племенами, расселились вдоль Дуная и начали колонизацию Балканского полуострова, имя *антов* перестало употребляться византийскими писателями по отношению к новому славянскому объединению.

Итак, раннеславянский ареал от нижнего Дуная до среднего Днепра, принадлежавший, по Иордану и Прокопию, «многочисленному народу» *антов*, в действительности, как и в других случаях, оказывается неоднородным. Имя *антов*, под которым славяне Дунайско-Днепровского междуречья известны нам из источников VI в., может быть распространено на весь ареал лишь условно — как дань исторической традиции. Но эта традиция, если верить археологическим фактам, не должна вводить в заблуждение: тясминско-побужские древности (если они действительно принадлежали *антам*) не тождественны памятникам западнее Днестра. Их носители в период кочевнических вторжений смешиваются со славянами «волынского» происхождения¹¹³ и смещаются к северу, проникая в Днепровское левобережье, где со временем складывается роменско-боршевская культура, тесно связанная с правобережной¹¹⁴ и как будто содержащая отдельные элементы культуры приднепровских *антов* (?)¹¹⁵. Впрочем, памятники славянской культуры в ареале тясминско-побужских древностей известны и после VII в., а потому необходимо полагать, что часть местного населения оставалась в лесостепной зоне среднего Днестра и после аварского нашествия, сохраняя, если верить летописи, имя то ли *уличей*, то ли *угличей* или *улутичей* и т. д. (см. след. главы), — может быть, то самое, которое кем-то из византийских авторов VI в. было услышано и записано как *Ἀνταί* (у восточных славян *a^opt- > *ут*-). Хорошо известные языковые (фонетические, а также лексические) соответствия восточнославянских и болгаро-македонских говоров не исключают того, что днепровские «анты» исторически могли быть связаны с *антами* историков VI в., колонизовавшими Восточные Балканы.

¹¹³ Известны утверждения, что в среднем течении Южного Буга «в конце VII—VIII вв. и частично в IX в. для славянской культуры, в основе своей — антской, характерно преобладание северного, полесского этнического элемента корчакского типа» (Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга, с. 350).

¹¹⁴ См.: Ляпушкин И. И. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей, с. 58 (см. здесь же сводку материала); Кухаренко Ю. В. Памятники пражского типа на территории Приднпровья, с. 11—12; Алихова А. Е. Авдеевское селище и могильник. — В кн.: Славяне накануне образования Киевской Руси. МИА, № 108. М., 1963, с. 84.

¹¹⁵ См. обзор: Горюнов Е. А. Некоторые вопросы истории Днепровского лесостепного левобережья в V — начале VIII в. — СА, 1973, № 4.

Сопоставление археологического материала с историческими свидетельствами VI в. о славянах не дает оснований считать, будто распад праславянского единства имел следствием выделение трех племенных объединений, каждое из которых лежит в основе трех современных славянских групп — западной («венеты»), южной («скламены») и восточной («анты»), как это принято в славистике еще с прошлого столетия¹¹⁶. Если признавать реальность всех трех наименований, встречающихся в сочинениях позднеантичных авторов, то необходимо учитывать, что они могут быть связаны лишь с отдельными славянскими группировками этого времени и попали на страницы сохранившихся сочинений в силу определенных исторических условий. Отчасти авторами VI в., а отчасти современным читателем эти наименования распространяются на ряд близких друг другу племенных объединений, которые впоследствии могли оказаться в составе славянских народов разных групп. Так, например, *скламены* византийских авторов — это население, вторгшееся на Балканы и, следовательно, принявшее участие в формировании южных славян; однако территория, отводимая *скламенам* Иорданом и Прокопием, и распространение на этой территории относительно однородной археологической культуры говорят о том, что племена того же культурно-этнографического облика (в действительности носившие разные названия, некоторые из которых, видимо, продолжали функционировать и в историческое время, но авторам VI в. не были известны) приняли участие и в формировании восточных славян, и в формировании южных групп западных славян (где, кстати сказать, как и на Балканах, сохраняется этноним *slověnsky*). В состав разных славянских группировок более позднего времени вошли и племена, нерасчлененно названные византийскими авторами второй половины VI в. *антами*, и, видимо, племена, населявшие север Центральной Европы, недифференцированно (в силу этнографической и, вероятно, диалектной близости) именовавшиеся соседями именем *венеты*.

Не приходится сомневаться в том, что различные племенные группы славян этого времени пользовались диалектами с противопоставленными не только лексическими, но и фонетико-грамматическими различиями. Однако пытаться реконструировать диалектное членение периода распада праславянского единства во всей его конкретности вряд ли было бы реалистичным. И тем не менее отдельные изоглоссы, охватывающие говоры разных совре-

¹¹⁶ См., например: Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919, с. 11—12; Селищев А. М. Славянское языкознание, с. 4; Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». — В кн.: Советская этнография, VI—VII. М — Л., 1947, с. 78; Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка, изд. 3. М., 1962, с. 62.

менных славянских языков, поразительно совпадают с границами основных культурно-этнографических ареалов середины I тысячелетия, когда, судя по реконструкциям, могли оформляться соответствующие языковые явления.

Прежде всего обращают на себя внимание изоглоссы, отражающие изменения гласных в сочетаниях с плавными в закрытых слогах (типа **tǣrt* и **lort*), которые, «не считаясь» с современным членением славянских языков на восточные, западные и южные (явно оформившимся в более поздний период!), противопоставляют северные диалекты (лехитские и восточнославянские) южным (чешско-словацким и южнославянским). «Поглощение» редуцированного слоговым плавным (см. чешско-словц. *hrdý, brdo, vrba, vl̥na*; сербско-хорв. *gr̥d, br̥do, vr̥ba, v̥una* < *vl̥na*; словн. *gr̥d, br̥do, vr̥ba*; болг. *gr̥d* и *br̥do, vr̥ba* и *v̥l̥na* — явно из **gr̥d, *br̥do, *vr̥ba, *vl̥na*) и удлинение бывшего краткого гласного перед плавным (см. чешско-словц. *bráda, bříza, hláva, mléko*; сербско-хорв. *bráda, brěza, gláva, mléko*; словн. *bráda, brěza, gláva, mléko*; болг. *брада, бреза, глава, мляко*) указывают на последовательное удлинение слогового плавного¹¹⁷ в диалектах «склавенско-антского» этнографического ареала, в то время как в говорах «венетской» группы такого удлинения не происходило, в связи с чем здесь впоследствии обычны отражения (сохранившегося?) редуцированного перед плавным (см. польск. *gardy, bardy, wierzba, welna*; сербо-луж. *gjardy, bardy, wjerba, walma* или *wolma*; русск. *гордый, бёрдо, верба, волна*) и сохранение кратких гласных в соседстве с плавными (см. польск. и сербо-луж. *broda, brzoza, głowa, mleko*; полабск. *brōda, glāva, mtāka*; каш. *bārda, głowa, młoko*; русск. *борода, береза, голова, молоко*). Отмеченные изоглоссы позволяют выделить две зоны общих языковых переживаний накануне окончательного распада праславянского единства: зону долгого слогового плавного (условно — «зону *t̥rt*»), охватывавшую говоры «склавенско-антского» этнографического ареала, и зону краткого (не удлинявшегося) плавного (условно — «зону *tǣrt*»), охватывавшую говоры «венетского» — северного этнографического ареала. В плане относительной хронологии оформление этих зон непосредственно предшествует обособлению славянских диалектов Восточной Европы.

¹¹⁷ Ср.: Фортунатов Ф. Ф. Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка. — В кн.: Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды, т. 2. М., 1957, с. 172 и далее.

IV. Обособление славяноязычных племен Восточной Европы

(Историко-археологический
обзор с позиций диалектолога)

ИСТОКИ СЛАВЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Если с VI—VII вв. археология имеет возможность проследивать развитие и распространение тех культурно-этнографических особенностей, которые постепенно перерастают в древнерусские, следовательно, могут признаваться собственно славянскими, то это значит, что историк языка получает достоверные данные об условиях распространения восточнославянской речи накануне образования Древнерусского государства. Правда, его положение оказывается при этом более сложным, чем положение археолога, ибо языковое развитие, как отмечалось, не обязательно параллельно развитию культурно-этнографическому. Так, если археолог обнаруживает, что культура XI—XII вв. на Псковщине, в бассейне Западной Двины, в верховьях Днепра и в междуречье Волги и Клязьмы относительно однородна, то это дает ему право утверждать, что летописец «не абсолютно точно очерчивает район» расселения *кривичей*, а указывает лишь на «основной» центр их поселений и что в действительности «кривичи» занимали в это время обширную область от Пскова до Суздаля¹. Лингвист же не может проецировать этот вывод на диалектную карту XI—XII вв. И не только потому, что различия в погребальном обряде все же отделяют Смоленщину (где летописец только и помещает *кривичей*) от соседних областей, и этого уже достаточно, чтобы для разных районов колонизации из одного центра, наряду с этнографическими, допускать и диалектные различия. Но и там, где культурно-этнографические признаки для археолога тождественны, языковое развитие могло осуществляться в разных направлениях, отражаясь не только в оформлении диалектных противопоставлений, но и в

¹ См.: Седов В. В. О юго-западной группе восточнославянских племен. — В кн.: Историко-археологический сборник. Изд-во МГУ, 1962, с. 201; Он же. Кривичи. — СА, 1960, № 1, с. 47.

функционировании разных языковых систем в пределах относительно единого культурно-этнографического ареала (ср. выше, с. 31 и далее): процесс распространения славянской культуры не может приравниваться процессу восточнославянского глоттогенеза.

И тем не менее археологические свидетельства чрезвычайно важны в историко-диалектологических разысканиях. В самом деле, на основной территории Восточной Европы на протяжении более тысячелетия распространена славянская речь, между тем как топонимические исследования обнаруживают, что в значительной части ареала ее древнейшего (достоверно известного) распространения основной комплекс географических наименований (даже если отбросить все сомнительные случаи) не является славянским (в зоне леса этимологизируется на базе балтийских и финно-угорских языков). Это позволяет заключить, что в зоне леса славянской речи предшествовала балтийская и финно-угорская речь и что славяне распространялись здесь среди балтоязычного и финноязычного населения. А «Повесть временных лет» подтверждает это, разъясняя, что в составе Древней Руси лишь часть населения говорила по-славянски: «А се суть инии языци. иже дань даютъ Руси. Чюдѣ. Меря. Весь. Муroma. Черемисѣ. Мордѣва, Пермь. Печера. Ямь. Литва. Зимигола. Корсь. Норова. Либь. Си суть свой язык. имущє<...> в странахъ полунощныхъ» (см. ниже). Большинство перечисленных этнических наименований хорошо знакомо исследователю истории Восточной Европы как названия финноязычных и балтоязычных этнических групп, которые, видимо, и являются прямыми потомками местного додревнерусского населения. А перед историком восточнославянских языков встает вопрос: когда и в каких условиях происходило проникновение славяноязычного населения в лесную зону Восточной Европы, приведшее в конце концов к ассимиляции разноязычных автохтонов (когда скоро в древних районах их обитания ныне распространена славянская речь!).

Рассмотренный ниже материал показывает, что элементы той культуры, которая затем эволюционно перерастает в единую культуру великокняжеского периода (т. е. достоверно древнерусскую!), проникают в разные районы лесной зоны неодновременно, наслаиваясь на местную культуру, функционировавшую здесь за столетия до отмечаемого культурно-этнографического взаимодействия. Историко-лингвистические выводы о наслоении славянской речи на неславянскую и о сохранении дославянской топонимии славяноязычным населением дают достаточные основания утверждать, что фиксируемое археологически культурно-этнографическое взаимодействие должно отражать инфильтрацию славяноязычного населения в областях балтоязычных и финноязычных поселений (а не уничтожение автохтонов). При этом для историка языка, в отличие от археолога, не существенно, на какой основе сформировались те или иные местные разновидности древнерусского населе-

ния: ему важны лишь указания на то, когда и откуда проникают в исследуемую область элементы культуры того населения, которое должно было нести с собой славянскую речь и, следовательно, воздействовало на автохтонов в языковом отношении, хотя в ряде случаев и усваивало их культурные традиции. И это обуславливает определенное отношение диалектолога к историко-археологическим выводам: из различных противоречивых археологических гипотез об оформлении славянских поселений в том или ином регионе Восточной Европы внимание диалектолога привлекают лишь те, которые соответствуют достоверным языковым связям.

Таким образом, необходимость археологического обзора в историко-диалектологических разысканиях обусловлена тем, что если в районах распространения хотя бы отдельных культурно-этнографических особенностей, приписываемых славянам, в историческое время обнаруживается славянская (!) речь, то можно предполагать, что именно она и распространялась вместе с этими особенностями.

* *
*

Археологические открытия последних лет позволяют все с большим доверием относиться к давно высказывавшимся отдельными лингвистами и этнографами догадкам о колонизации славянами Восточной Европы из двух центров — «склавенской» (или «склавенско-антской») и «венетской» областей. Языковым выражением двух источников славянской колонизации Восточной Европы могло быть противопоставление $g \sim \gamma(h)$, поскольку из всех общевосточнославянских диалектных противопоставлений оно является относительно наиболее древним², разделяя славянские говоры Восточной Европы на две компактные части — северную и южную³ — и соответствуя качеству задненебного согласного в смежных славянских областях: $g(z)$ — в Северной России, Польше и Нижней Лужице; $\gamma(h)$ — в Южной

² Ср.: Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах. — ВМУ, 1947, № 9, с. 124—125; Он же. Лингвистическая география и история русского языка. — ВЯ, 1952, № 6, с. 44—45 (автор убежден, что здесь отражена древнейшая восточнославянская инновация $g > \gamma$, которую он, однако, относит к XI — началу XII в.); ср. еще: «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров», с. 165.

³ В отдельных районах, занятых говорами северновеликорусского наречия, правда, известей γ ; однако это явление иного рода: он здесь встречается только «в лексически или морфологически ограниченном кругу случаев» и по происхождению не имеет отношения к южному $\gamma(h)$ («Русская диалектология», под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, с. 72).

России, в Белоруссии, на Украине, в Чехословакии и Верхней Лужице. География $g \sim \gamma(h)$, хорошо соответствующая археологическому материалу, отражающему историю славянской колонизации Восточной Европы (см. ниже), заставляет считать $\gamma < g$ явлением, развившимся в дописьменный период, как это и предполагали А. А. Шахматов, Е. Ф. Карский, Н. С. Трубецкой, Р. Нахтигал и многие другие слависты⁴.

Мнение о более позднем развитии $\gamma(h) < g$ (в XI—XII и даже XIII—XIV вв.), как правило, обосновывается материалом севернорусских или чешских говоров⁵, хотя общеславянская география $\gamma(h)$ подсказывает, что ни те, ни другие не являются историческим продолжением диалектов, в которых рассматриваемая черта могла развиваться первоначально, на что обратил внимание уже А. М. Селищев⁶. Впрочем, еще Н. Н. Дурново убедительно показал, что даже в чешском h должен был распространяться до утраты носовых и падения редуцированных⁷.

Составленная С. Б. Бернштейном карта противопоставления $g \sim \gamma(h)$, наглядно демонстрируя компактность ареала $\gamma(h)$ в общеславянском масштабе, заставляет думать о едином центре распространения этой славянской инновации⁸, который должен был находиться в пределах территории, занятой памятниками пражского типа VI—VII вв. (от Припятского Полесья до Моравии), т. е. в границах «склавенского» культурно-этнографического ареала. Если при этом учесть, что диалекты славян, колонизовавших (вместе с *антами*) Балканы в VI в., фрикативного $\gamma(h)$ не знали, в то время как славяне Восточной Европы, начавшие проникать из Среднего Поднепровья в бассейн Десны и за Припять после VII—VIII вв., уже несли с собой эту особенность, то придется предположить, что первоначально $\gamma < g$ оформляется на востоке «склавенского» ареала — в диалекте создателей житомирско-корчакских древностей до VII—начала VIII в. и именно отсюда распространяется затем на смежные говоры Руси и на запад — на говоры Словакии (которые до IX в. составляли единый диалектный массив с будущими словенскими), Моравии и, наконец, Чехии и Верхней Лужицы. В этом случае привлечет внимание

⁴ См. обзор: Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков, с. 245.

⁵ См. еще: Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков, I, с. 393—396.

⁶ См.: Селищев А. М. Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов. — В кн.: Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968, с. 33—34.

⁷ См.: Дурново Н. Н. Несколько замечаний по вопросу об образовании русских языков. — ИРЯС, т. II, 1929, кн. 2, с. 714—715.

⁸ Ср.: Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков, с. 347.

мысль В. И. Абаева о развитии славянского $\gamma(h)$ под влиянием иранских (скифо-сарматских) говоров⁹, ибо центр распространения этой черты локализуется на западной окраине ареала иранской гидронимии (см. карту 12).

**«КРИВИЧИ»
И «СЛОВЕНЕ»
(НОВГОРОДЦЫ)**

Мысль о том, что север Восточной Европы был освоен славянами, вышедшими из «венетского» диалектно-этнографического ареала, высказывалась неоднократно с начала XIX в.¹⁰ и в последние десятилетия привлекает все большее число сторонников. Не повторяя неоднократно упоминавшихся в литературе археологических, исторических, ономастических и структурно-языковых свидетельств, подтверждающих такое предположение¹¹, хотелось бы специально обратить внимание на многочисленные фонетико-фонологические соответствия и тенденции, объединяющие лехитские говоры (а не вообще западнославянские)¹² с восточнославян-

⁹ См.: Абаев В. И. О происхождении фонемы $\gamma(h)$ в славянском. — В кн.: Абаев В. И. Проблемы индоевропейского языкознания. Этюды по ср.-ист. грамматике индоевропейских языков. М., 1964, с. 115—121.

¹⁰ См. обзор: Петровский Н. М. О новгородских словенах. — ИОРЯС, т. XXV (1920 г.). Пг., 1922, с. 365. Следует заметить, что в указанной статье, как и во многих исторических сочинениях, проблема генетического родства лехитов и северных восточных славян трактуется в плане западнославянского (?) происхождения новгородцев, что исторически недопустимо и, между прочим, именно поэтому вызывает резкие возражения и мешает противникам идеи о генетическом единстве славян Южной Прибалтики и восточно-европейского Северо-запада видеть ее фактические основы. Между тем речь идет о периоде, когда никаких «западных» и «восточных» славян еще не было, а потому вопрос может ставиться лишь о происхождении части будущих западных и восточных славян в результате распада единой позднепраславянской диалектно-этнографической группы, отдельные племена которой в середине I тысячелетия и. э. мигрировали в разных направлениях.

¹¹ Соответствующий материал имеется в работах Л. Л. Васильева, Н. М. Каринского, Д. К. Зеленина, А. М. Селищева, П. Я. Черных, А. Х. Моора, С. Б. Бернштейна и многих других исследователей; см. последующие публикации: Горнунг Б. В. Из предистории образования общеславянского языкового единства. М., 1963, с. 4; Роспонд С. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена). — ВЯ, 1965, № 3, с. 6 и др.; Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства, с. 15—16 и др.; Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 70—71, 105—108; Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (К постановке проблемы). — «История СССР», 1971. № 2, с. 50—51.

¹² Уже Н. Н. Дуриово, характеризуя так называемые западнославянские языки, обратил внимание на наличие целого ряда давних языковых особенностей, объединяющих «чехословацкую группу» с «южнорусской» (включая украинские и белорусские говоры) и лехитскую группу — с севернорусской (см.: Дуриово Н. Н. Несколько замечаний по вопросу об образовании русских языков, с. 715).

скими, и прежде всего северновеликорусскими. Это, помимо качества $g(z)$ и рефлексов старых сочетаний типа $*t\acute{e}rt$ и $*tort$ (см. выше), а также начальных rot - и lot -, — изменения, отражающие сложившееся в «зоне $t\acute{e}rt$ » фонологическое противопоставление

шипящих и свистящих согласных; фонологизация лабиовелярности (твердых) согласных, отразившаяся в развитии последовательной корреляции твердых ~ мягких согласных, в противопоставлении рефлексов ʒ (после твердых) и b (после мягких и бывших полумягких согласных), в давней лабиализации e и b перед l ($л$), а затем e перед твердыми (лабиовелярными) согласными, а также целый ряд других особенностей¹³, включая общие тенденции в развитии именного склонения и системы глагольных форм, не говоря уже о многочисленных лексико-словообразовательных соответствиях¹⁴.

В то время как генетическая связь славян Восточноевропейского Севера (по летописи — *кривичей* и новгородских *словен*) с лехитами (*венетами* раннего средневековья) сама по себе становится все более очевидной, пути проникновения славян на север Восточной Европы по-прежнему остаются невыясненными.

Дело в том, что славянские поселения довеликокняжеской поры к северу от Припяти и нижнего течения Десны по существу неизвестны¹⁵. Данные о северно-восточнославянском населении связаны с изучением дохристианских захоронений, которые здесь представлены группами длинных и удлинённых курганов (приписываемых летописным *кривичам*) и круглых сопок (приписываемых летописным *словенам*). Большая часть этих памятников все еще остается нераскопанной и почти не изучена.

Старейшие археологические памятники, инвентарь которых связывается с летописными *кривичами*, локализируются в районе Пскова¹⁶, по соседству с древними балтийскими поселениями. От-

¹³ См.: Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков, I.

¹⁴ В плане лехито-северновеликорусских языковых соответствий очень характерно замечание С. Роспонда, который, обнаруживая несомненную близость древнейших новгородских антропонимов западнославянским, напоминает: «Это еще один факт в пользу гипотезы о северославянской диалектной общности» (Роспонд С. Указ. соч., с. 6); «еще один факт в пользу» этой гипотезы см.: Мокиенко В. М. Об одной псковско-западнославянско-литовской изоглоссе (*багно*). — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Сб. статей памяти проф. Б. А. Ларина. ЛГУ, 1969, с. 278—279; ср. также: Жельская О. С. О лексических связях псковских говоров с западными славянскими языками (слово *скорлупа*). — ВЛУ, 1963, № 14, вып. 3.

¹⁵ См. карту восточнославянских археологических памятников VIII—IX вв. (сводную — № 4) в исследовании И. И. Ляпушкина «Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства». На древнерусском Севере славянские поселения ранее X—XI вв. пока неизвестны (см.: Янин В. Л., Аleshковский М. Х. Происхождение Новгорода, с. 34—35 и далее).

¹⁶ См.: Седов В. В. Кривичи. — СА, 1960, № 1, с. 55 и далее. Новейшую характеристику «кривичских» древностей (и библиографию вопроса) см.: Седов В. В. Длинные курганы кривичей. — «Археология СССР. Свод археологических источников», Е1-8, М., 1974 (подробную аргументацию «кривичской» принадлежности длинных курганов см. на с. 36—41).

сюда, из бассейна р. Великой, и начинается расселение носителей «кривичских» культурно-этнографических особенностей на юго-восток, в Верхнее Подвине и Верхнее Поднепровье, и на восток — на верхнюю Волгу и в поречье Москвы и Клязьмы. На территории будущих Полоцкого и Смоленского княжеств, которая ранее была заселена балтийскими племенами (носителями культуры смоленских городищ, или днепро-двинской), «кривичские» длинные курганы появляются на рубеже VII—VIII столетий¹⁷, тогда как в более южных районах лесной полосы синхронных славянских памятников не обнаруживается¹⁸: они появляются в левобережье Припяти лишь к IX в. (см. ниже).

Обобщая сведения о распространении длинных и удлинённых курганов, В. В. Седов выдвинул гипотезу о появлении *кривичей* в районе Пскова из Повисленья. В основу гипотезы легло отождествление нераскопанных длинных курганов с раскопанными (в частности, псковскими), которые известны как славянские. Здесь достаточно было обратить внимание на то, что длинные курганы отдельными группами тянутся от Восточной Польши через Западную Белоруссию и Восточную Литву к Псковщине — в бассейне р. Великой (см. карту 16)¹⁹, как бы оставляя «следы» продвижения «кривичей» (?) из собственно «венетских» земель на восточноевропейский Север.

В 60-х годах гипотеза В. В. Седова оказалась очень популярной. Пожалуй, лишь представителями старшего поколения археологов были выдвинуты решительные возражения против славянской принадлежности нераскопанных длинных курганов²⁰. И действительно, дальнейшие исследования самого В. В. Седова показали, что вывод о славянской («кривичской») принадлежности курганов Верхнего Понеманья был преждевременным: за курганы нередко принимались естественные неровности местности, а «бесспорные» длинные курганы в бассейне верхнего Немана встречаются исключительно редко; раскопанные же курганы оказались ятвяжскими, а близлежащие поселения датируются IX—XII вв.²¹.

¹⁷ См.: Седов В. В. Кривичи, с. 59 и далее; Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М. — Л., 1963, с. 25—37; Алексеев Л. В. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII вв. М., 1966, с. 34; Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М. — Л., 1966, с. 282; Ляпушкин И. И. Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—IX вв.). — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 127 и далее; Шмидт Е. А. О смоленских длинных курганах. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 223; Седов В. В. Длинные курганы кривичей, с. 35.

¹⁸ См.: Седов В. В. Кривичи, с. 54.

¹⁹ См. обзор археологического материала: Седов В. В. Кривичи, с. 56—59; ср.: Гуревич Ф. Д. Этнический состав населения Верхнего Понеманья по археологическим данным второй половины I тысячелетия н. э. — В кн.: Исследования по археологии СССР. Сб. статей в честь проф. М. И. Артамонова. ЛГУ. 1961, с. 181.

²⁰ См., в частности: Ляпушкин И. И. Археологические памятники славян лесной зоны..., с. 128—131. М. И. Артамонов в посмертно опубликованном отзыве на исследование В. В. Седова продолжал настаивать на том, что длинные курганы не являются памятниками славян и что славянских древностей на севере Восточной Европы ранее VIII—IX вв. вообще нет (см.: СА, 1974, № 1, с. 250—252).

²¹ См.: Седов В. В. Исследования в Гродненском Понеманье. — АО-1968. М., 1969, с. 346—347. В настоящее время В. В. Седов полагает, что обывай сооружать курганы сложились на Псковщине, а потому пути миграции «кривичей» не могут быть восстановлены по курганным могильникам (см.: Длинные курганы кривичей, с. 41).

Археологическая проблема ранней миграции славян на север Восточной Европы остается, таким образом, открытой. Но уже сейчас необходимо отметить, что для решения вопроса о генезисе северно-восточнославянского населения эта проблема не так важна, как может показаться на первый взгляд. Если доказано, что на восточноевропейском Северо-западе носители славянской речи закрепились ранее, чем образовался сплошной славянский массив от Киева до Новгорода (см. ниже), то это может приниматься как факт, заставляющий искать межславянские языковые связи этого населения, — независимо от того, известно или еще (!) неизвестно, какими путями носители славянской речи, выйдя из определенной группы праславян (коль скоро речь может идти лишь о передвижениях не позднее VII в.), проникли на север от центральной лесной полосы Восточной Европы. Более того, именно языковые связи и подскажут направления соответствующих поисков!

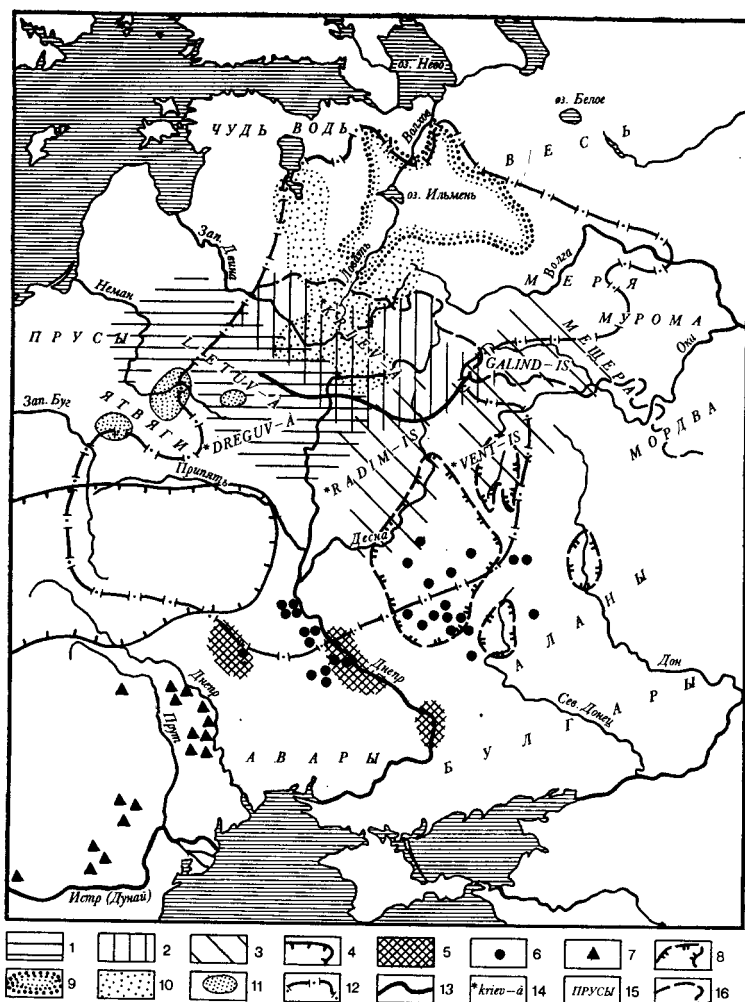
То, что именно предки летописных *кривичей* явились первыми славяноязычными соседями западнодвинских балтов, свидетельствуется не только элементами сходства в погребальном обряде (а это и послужило причиной отождествления «кривичских» и двинско-понеманских балтийских курганов до их тщательного обследования), но и тем, что именно их именем потомки местных балтов до сих пор называют русских: латш. *krieivs* 'русский', *Krievija* 'Россия', лит. множ. ч. *krievai* 'русские'. Это обстоятельство вместе с тем подтверждает и достоверность летописного этнонима *кривичи*, который в период появления славяноязычных колонистов в Подвинье, видимо, еще не имел патронимического суффикса *-ич-* (см. след. главу).

Учитывая «венетский» источник «кривичской» колонизации, можно предполагать, что южная археологическая граница «кривичей» первоначально являлась и южной границей распространения смычного *г* в славянских диалектах Восточной Европы (см. карту 16). Во всяком случае можно считать доказанным, что древнему смоленскому диалекту первоначально был свойствен смычный [*г*], как и типично северное цоканье, которое вряд ли могло развиваться в условиях балтийского субстрата (см. далее).

* *
*

Археологические памятники новгородских *словен* (так называемые круглые сопки) впервые обнаруживаются в Южном Приладжье. Это обстоятельство легло в основу гипотезы о южнобалтийском происхождении славянских предков новгородцев. Предполагается, что они являются потомками славян-мореходов, проделавших путь от устья Вислы (из Поморья) ²² по Балтийскому мо-

²² В этой связи нельзя не напомнить, что именно поморские диалекты (кашубские, а также полабские) до падения редуцированных пережили лабиализацию гласных перед *l*, что отражено и в восточнославянских языках: * *motko* < * *metko*, * *volkz* < * *volkz* (см.: Селищев А. М. Славянское языкознание. с. 306, 314). С. Б. Бернштейн, основываясь на языковых особенностях, оформившихся в период славянских переселений, также высказывает мысль о том,

Карта 16

Старейшие достоверно славянские древности Восточной Европы:

Ареалы дославянских (восточнобалтийских) культур: 1 — штрихованной керамики и 2 — днепро-двинской, или смоленских городищ (по П. Н. Третьякову и В. В. Седову); 3 — районы скопления дославянских (западнобалтийских?) памятников, отражающих отдельные зарубинецкие особенности (см. карту 13);

что восточнославянские диалекты, возможно, были связаны «с теми лехитскими говорами, которые лежат в основе языка поморских славян» (Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков, I, с. 219). Отмеченные соответствия, в свою очередь, заставляют обратить внимание на то, что именно в районе появления «словен» в прибалтийско-финских диалектах сохраняется этноним *vene(t)*- в качестве наименования русских (ср. с южнобалтийскими венетами!).

рю и Неве. Высадившись на южном берегу Ладожского озера (оз. Нево), они основали здесь колонию (в районе *Старой Ладogi*), откуда затем по Волхову поднялись к оз. Ильмень, где и заложили *Новый город (Новъгородъ)*²³. Очевидно, что и в этой гипотезе предположения о путях проникновения славян в Волховский бассейн остаются недоказанными.

Как выходцы из «венетской» зоны славянские предки новгородцев, подобно *кривичам*, должны были знать только смычный *г*, характерный для северно-восточнославянских говоров²⁴.

* *

*

Принято считать, что в ходе колонизации Приильменя новгородцы достигают «кривичских» поселений, а поселения *кривичей*, в свою очередь, распространяются среди новгородских²⁵. Мнение это основано на том, что ранние археологические памятники (VII—VIII вв.) двух северных групп разграничиваются с трудом: В. В. Седов признается, что его попытки разделить северо-западные славянские курганы на «словенские» и «кривичские» дали отрицательные результаты²⁶.

Вместе с тем «Повесть временных лет», употребляя для обозначения новгородцев «общеславянский» термин *словене* и используя какие-то северные предания о «призвании варягов»²⁷, постоянно называет имена *кривичей* и *словен* вместе:

²³ См.: Вилинбахов В. В. Несколько замечаний о теории А. Стендер-Петерсена. — В кн.: Скандинавский сборник, VI. Таллин, 1963, с. 333—334.

²⁴ Именно это последнее обстоятельство не позволяет согласиться с распространенным среди историков мнением, будто новгородские «словене», в отличие от «кривичей», проникли в Приильмень из Среднего Поднепровья (см.: Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода, с. 35).

²⁵ См.: Седов В. В. Кривичи, с. 62.

²⁶ См.: Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода. — СА, XVIII, 1957, с. 193; ср.: Он же. Амулеты-коньки из древнерусских курганов. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 155.

²⁷ См.: Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов. Спб., 1904

4 — ареал житомирско-корчакской культуры VI—VII вв. — восточный вариант культуры пражского типа (по И. П. Русановой, 1970 г.); 5 — скопление тясминско-побужских («антских») поселений VI—VII вв. с керамикой типа Пеньковки (по Д. Т. Березовцу); 6 — клады («древности антов») с вещами VI—VII вв. (по Г. Ф. Корзухиной и И. И. Ляпушкину); 7 — славянские памятники VI—VII вв. на территории Молдавии и Румынии (по Э. А. Рикману и И. А. Рафаловичу); 8 — ареал роменско-боршевских городищ VIII—IX вв. (по И. И. Ляпушкину); 9 — ареалы круглых сопок и 10 — длинных и удлинённых курганов VI—VII вв., а также 11 — скопления длинных курганов в бассейне Немана (по В. В. Седову); 12 — ареал славянских курганов IX—X вв. с трупосожжениями и 13 — южная граница «кривичских» курганов внутри этого ареала (по В. В. Седову); 14 — возможные дославянские наименования балтоязычных племен центральной лесной зоны; 15 — иноязычные соседи восточных славян (по «Повести временных лет» и иным источникам); 16 — современная граница противопоставления *г* ~ *γ*(*h*)

[И]маху дань Варязи изъ заморья. на Чюди и на *Сл(о)вѣне(х)*. на Мери и на всѣхъ *Кривичѣхъ* (859 г.); Рѣша (варягам). Русь. Чюдѣ [и] *Словѣни*. и *Кривичи...* (862 г.); А первѣи насельници в Новѣгородѣ *Словѣне*. [вѣ] Полоцкѣ *Кривичи...* (ib.); [П]оиде Олегъ поимѣ... Чюдѣ. *Словѣни*. Мерю. и [Весь]. *Кривичи*. и приде Смоленську <...> И оустави дани *Словѣномъ Кривичемъ* и Мери (882 г.); Иде Олегъ на Греки <...> поя <...> Чю(дѣ). и *Словене*. и *Кривичи*. и Мерю... (907 г.); И нача (Владимир) ставити города... И поча нарубати мужѣ лучшиѣ. о(т) *Словень* и о(т) *Кривичь*. и о(т) Чюди... (988 г.)²⁸.

Нельзя, однако, не заметить непоследовательности летописца при изложении отношений первых русских князей с «кривичами»: сообщив под 862 г. об участии *кривичей* в «призвании варягов», Нестор под 882 г. рассказывает о том, что приемник Рюрика князь Олег завоевывает (по пути в Киев) «кривичский» центр Смоленск, причем в дружину Олега входили ... *кривичи*! Эта непоследовательность заставляет предполагать, что *кривичи* древних новгородских преданий — это не жители Смоленска или Полоцка, как считал киевский летописец, основываясь на современных ему данных, а, подобно *чуди*, *мери* и *веси*, одна из древних этнических групп Восточноевропейского Северо-запада (балт. **krievā* — в то время еще явно без суффикса *-ич-*!), о «кривичской» принадлежности которой в летописное время уже не было известно (как неизвестно было и действительное самоназвание славянских предков самих новгородцев), но которая в сознании летописцев-киевлян XI—XII вв. связывалась с жителями Смоленщины, известными им под именем *кривичей*: типичный для древних исторических сочинений случай анахронизма — употребления одного имени для этнических групп, возможно, и родственных, но относящихся к разным историческим периодам. Если это так, то нетрудно объяснить невозможность отделить «кривичские» древности от «словенских» на территории Новгородской земли до

(отд. оттиск из ИОРЯС, т. IX, кн. 4), с. 34, 51—53, 67 и др.; О н же. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. Спб., 1908, в частности с. 290 и др. Предположение А. А. Шахматова о том, что в основе легенды о «призвании варягов» лежит северная версия, отражающая какие-то давние новгородские традиции, в настоящее время является общепризнанным и исходным как в рассуждениях «норманистов», так и в построениях «антинорманистов» (см., например: Ловмянский Г. Рюрик Фрисландский и Рюрик Новгородский. — В кн.: Скандинавский сборник, VII. Таллин, 1963, с. 244).

²⁸ В этой и следующей главах все цитаты из «Повести временных лет», не оговоренные в подстрочных примечаниях, воспроизводятся (с указанием года записи, а для введения — столбца) по Лаврентьевскому списку — с некоторыми графическими упрощениями (и с заключением надстрочных букв в круглые скобки в строке), но с сохранением основных особенностей орфографии и пунктуации издания (Полное собрание русских летописей, т. I. Лаврентьевская летопись, вып. 1. Повесть временных лет, изд. 2. Л., 1926). Пропущенные в Лаврентьевском, но восстановленные по другим спискам слова и фразы заключены в квадратные скобки. Если записи этнонима в Лаврентьевской летописи противостоят иная его передача в большинстве старейших списков «Повести временных лет», то в цитатах дается в квадратных скобках именно это последнее написание; разночтения по спискам указываются лишь в тех случаях, когда транслитерация этнонима оказывается предметом анализа.

IX—X вв., поскольку двух славянских этнических групп за пределами Новгорода в это время не существовало (противопоставлялись собственно *новгородцы* сельскому окружению Новгорода!), и попытки археологов, опираясь на этнонимию нашей летописи, найти среди раннеславянских древностей этого региона «словенские» и «кривичские» вряд ли обоснованны²⁹. И если со временем новгородцы как своеобразная древнерусская этнографическая группа (не только собственно Новгорода) выделяется внутри северно-восточнославянского населения, то это может быть результатом специфических условий развития славян в разных районах Восточноевропейского Севера³⁰, а не отражением разных потоков славянской колонизации этого региона. Такое утверждение предполагает генетическое единство северно-восточнославянских говоров, дифференциация которых связана с поглощением неоднородного субстрата. В частности, если в окрестностях Новгорода славяне ассимилировали древнее прибалтийско-финское население, то на территории будущей Псковщины славянские колонисты должны были столкнуться со своеобразным населением балто-финского пограничья³¹ (с *крив-ой?* — откуда летописные *крив-ич-и*), сохранявшим ряд старых балтийских особенностей, включая традицию захоронения покойников в длинных и удлиненных курганах, которые постепенно превращаются в памятники местных славяноязычных племен³².

* *

*

В археологической литературе термин «кривичи» употребляется по отношению к носителям древностей X—XII вв. (а иногда и более позднего времени — вплоть до XIV столетия!), содержащих некоторый набор характерных женских украшений и охватывающих довольно значительную территорию: ареал таких древностей тянется от Псковщины и среднего течения Западной Двины до поречья Клязьмы и Волги в районе Костромы. В результате *кривичи* оказываются самым многочисленным древнерусским «племенем», а их культура распространяется и на территорию, где собственно славянские памятники появляются не ранее X—XI вв. (например, территория Ростово-Суздальской земли) и где Нестор, живший в начале XII в., никаких «кривичей» не знает.

Употребление определения «кривичские» по отношению к археологическим памятникам X—XII вв. может быть оправдано в генетическом смысле — как указание на единство про-

²⁹ Ср.: Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода, с. 42—43 и далее.

³⁰ Ср.: там же, с. 43—45.

³¹ Ср.: Моора Х. А. О древней территории расселения балтийских племен. — СА, 1958, № 2, с. 24—30; Седов В. В. Кривичи, с. 53—54.

³² Ср.: Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, с. 64—65.

исхождения славяноязычного населения от Пскова до Ростово-Суздальской земли³³, что, в частности, должно было отражаться и в комплексе старых языковых особенностей, охватывавших в древнерусский период говоры всей этой обширной области (смычный г, цоканье, лексико-словообразовательные соответствия). Но в летописное время славянское (точнее — древнерусское) население Пскова, Полоцка, Смоленска и Ростова было представлено разными этнографическими группами, безусловно, уже характеризовавшимися и какими-то диалектными различиями, ибо «формирование псковских кривичей связано с прибалтийско-финским субстратным элементом», как и формирование славяноязычного населения Новгородской земли, в то время как «смоленско-полоцкие кривичи как отдельная этнографическая единица восточного славянства сформировались в результате расселения славян на территории одной из племенных групп древних балтов (потомков носителей днепро-двинской культуры) и ассимиляции последних»³⁴, а ростово-суздальские «кривичи», как известно, сложились в процессе славянизации летописной *мери*³⁵ (см. материал карты 6 на с. 43). И если с точки зрения археологической тем не менее считается возможным славянские древности междуречья Волги и Клязьмы, появляющиеся здесь к X столетию, именовать «кривичскими» (подчеркивая тем самым их генетическую связь с древностями летописных *кривичей* Смоленщины)³⁶, то исторически и лингвистически (ср. выше, с. 31 и далее) древнерусское население этого региона, где со временем происходит полная ассимиляция финноязычной *мери*, славянизированные потомки которой органически вошли в состав русского

³³ Ср.: Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930, с. 126; см. характерное сообщение о «кривичских» находках XII в. (!) в Подмоскowie: Векслер А. Г. Жуковское селище под Москвой. — АО-1967. М., 1968, с. 50.

³⁴ См.: Седов В. В. Амулеты-коньки из древнерусских курганов, с. 155—156. Ср. еще: открытые в последние годы в Верхнем Поднепровье памятники середины и второй половины I тысячелетия «сочетают в себе славянские и балтийские элементы, являясь убедительным свидетельством процессов, приведших в конце концов к ассимиляции днепровских балтов более сильными и передовыми славянскими группировками» (Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, с. 69), и, «очевидно, правы были те историки XIX в., которые считали *кривичей* «наполовину литовцами»» (там же, с. 66).

³⁵ Анализ ростовских курганов приводит П. Н. Третьякова к выводу, что даже те из них, которые относятся к XI—XII вв., в значительной своей части оставлены *мерей*, находившейся в это время «на той или иной стадии обрусения» (У истоков древнерусской народности, с. 133). Связь «северо-восточных кривичей» с автохтонным финно-угорским населением Волго-Окского междуречья хорошо прослеживается по антропологическим данным (см.: Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян, с. 50—51, 104, 199, 252 и др.).

³⁶ Впрочем, П. Н. Третьяков, констатируя, что в земли *мери* древнерусское население проникает с конца IX в. (см.: Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, с. 125), подчеркивает, что в значительной своей части колонисты этого региона, «насыпавшие курганы IX—X вв., происходили... не из Верхнего Поднепровья, а с Северо-запада» (там же, с. 128); то же обнаруживают и антропологические исследования (см.: Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян, с. 199).

населения Ростово-Суздальской земли (ср. летописную запись: «А перьвии насельници <...> в Ростовъ *меря...*» — под 862 г.), целесообразнее именовать, следуя летописной традиции, *ростовцами*, или *ростово-суздальцами*, чтобы не смешивать с собственно *кривичами*, являвшимися, согласно древнерусским преданиям, предками *полочан* и *смольнян*.

* *
*

Как явствует из обзора, относительно быстрая колонизация славянами Восточноевропейского Севера явилась следствием не только расселения здесь пришлых славянских племен, но и ассимиляции ими местного автохтонного населения³⁷. Археологический материал достаточно убедительно показывает, что активный процесс смешения славян с прибалтийско-финскими племенами начался не позднее VII в. — до славянской колонизации Подвинья и Верхнего Поднепровья, и «уже в IX—X вв. редкие водские поселения вперемежку располагались со славянскими»³⁸, а местные славяне вместе с *водью* и *весью* (предками современных вепсов) объединяются в единый политический союз, к которому затем присоединяется и *ижора* (одно из карельских племен)³⁹ и с которым тесно связаны племена летописной *мери*⁴⁰. Со временем этот союз становится частью Древнерусского государства, в составе которого разноязычные племена постепенно оформляются в единую лингво-этническую общность — древнерусскую народность⁴¹.

Поскольку *меря* была полностью славянизирована, ее язык нам неизвестен, хотя и можно предполагать, что он был близок языку современных *марийцев* (летописной *черемиси*)⁴². Почти полностью исчез и водский язык: сейчас на нем говорит лишь около 30 человек — только представители старшего поколения⁴³.

³⁷ Ср.: Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, с. 147.

³⁸ Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода, с. 211.

³⁹ См.: Седов В. В. Кривичи, с. 62; Он же. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода, с. 211—212 и далее; Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, с. 142—145; ср.: Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947, с. 32; Он же. Историческая фонетика финского-суоми языка. — В кн.: Советское финно-угроведение, VIII. Петрозаводск, 1948, с. 12—13.

⁴⁰ По мнению А. А. Шахматова, первоначальный текст сказания о «призвании варягов», отразивший северные предания, содержал сообщение о создании на Севере политического союза *словен*, *кривичей* и *мери*; и лишь в более поздних сводах (при переработке первоначального текста) были вставлены *чудь* и *весь* (Сказание о призвании варягов, с. 34—36; ср.: Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода, с. 42—43).

⁴¹ См.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шустарин В. Н., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 88—92.

⁴² Ср.: Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, с. 248.

⁴³ См.: Аристэ П. А. Пути отмирания двух прибалтийско-финских языков. — В кн.: «Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов». М., 1967, с. 115 и далее.

судьбу водского разделяет и ижорский язык. Вепским языком, некогда очень распространенным, по данным переписи 1959 г., владеет около 16,4 тыс. человек, проживающих разобщенно небольшими группами в деревнях на востоке Ленинградской области, в Вологодской области и в Прионежье в Карельской республике⁴⁴; в ряде районов лишь старики 60—70 лет помнят отдельные вепские слова⁴⁵.

Период славяно-финских отношений, предшествующих созданию разноплеменного политического союза (VII—VIII вв.), — это время проникновения древнейших славянских заимствований в прибалтийско-финские языки. А поскольку оформившаяся в ходе смешения славян с местными финнами новая этническая общность оказалась славяноязычной (ибо инициатива здесь принадлежала славяноязычным племенам), то в процессе ее сложения в местной славянской речи под влиянием ассимилированных финских говоров развивались особенности, определившие диалектное своеобразие древнерусского Севера. Самой яркой из них является цоканье, нашедшее отражение в старейших новгородских и псковских текстах и положенное А. А. Шахматовым в основу выделения северно-восточнославянского диалектного ареала (см. выше, с. 10—12).

Развитие цоканья, безусловно, связано с внутривидовыми фонетико-фонологическими отношениями, сложившимися еще в позднем праславянском (после появления мягких шипящих и свистящих)⁴⁶. Однако реализованными эти структурные возможности оказались лишь там, где славянская речь распространялась за счет ассимиляции языков, знавших лишь одну аффрикату⁴⁷, т. е. в той языковой ситуации, которая существовала на Севере; а потому в границах старейших восточнославянских поселений (см. карту 1) первоначальный ареал цоканья должен был совпадать с ареалом славянизации прибалтийско-финских племен⁴⁸. Северно-восточнославянская («кривичско»-новгородская) колонизация

⁴⁴ См.: Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепской речи. Л., 1969, с. 3.

⁴⁵ См.: там же, с. 5.

⁴⁶ См.: Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке в связи с историей образования русских народных говоров. М., 1959, с. 138—139 и др.

⁴⁷ См.: Аванесов Р. И. Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей. — ИАН ОЛЯ, т. XI, 1952, вып. 2, с. 169—170; Бернштейн С. Б. Еще раз о происхождении русского цоканья. — «Romanoslavica», X. București, 1964, с. 191—192.

⁴⁸ В таких же условиях развивается затем цоканье и в русских говорах средней Оки, где были русифицированы финноязычные племена *мещеры* и *мордвы*. Позднее то же отмечается на территориях новой колонизации и ассимиляции иноязычного населения; сибирские диалектологи, в частности, фиксируют развитие цоканья в местных русских диалектах под влиянием угорского или тюркского субстрата (см., например: Романова М. А. К вопросу о формировании сибирских говоров (Фонетическая система русских говоров по нижнему течению Тавды, Тобола и Иртыша). АКД. М., 1967, с. 10—11), т. е. в языковой ситуации, совершенно аналогичной той, которая должна была иметь место в период оформления северно-восточнославянских говоров, а затем — говоров Рязанщины.

Полоцкой и Смоленской земель, а затем и Волго-Клязьминского междуречья отразилась в распространении цоканья (вместе со смычным [г]!) и на эти районы, где его реликты сохраняются вплоть до настоящего времени⁴⁹.

Поскольку «кривичские» памятники на территории Смоленщины появляются не ранее VIII в. и именно они должны отражать проникновение сюда носителей цоканья, то возникновение цоканья (как фонологического объединения двух аффрикат, что фонетически может реализоваться в разных диалектах по-разному) в северно-восточнославянских говорах должно быть отнесено ко времени до VIII в.⁵⁰.

«СЕВЕР» И «ВЯТИЧИ»

До сих пор остаются неизвестными достоверные славянские археологические памятники ранее VIII в. в средnedнепровском Левобережье⁵¹. Правда, в археологической литературе на такие памятники указывалось еще со времен А. А. Спицына, который выделил в Левобережной лесостепи древности VI—VII вв., в основном предметы украшений, обнаруживаемые главным образом в виде кладов и условно названные им «древностями антов»⁵², ибо аналогичные клады того же времени известны и вдоль правого берега Днепра, где византийские историки VI в. локализуют «антские» поселения (см. карту 17). И хотя позднее Б. А. Рыбаков, уверенный в славянской принадлежности кладов, переименовал их в «древности русов» (?), которые якобы представляли собой восточную часть *антов*⁵³, такая этническая характеристика лесостепных находок, строго говоря, до сих пор не может быть доказана.

Поскольку западная часть ареала лесостепных кладов совпадает с районом, который в летописный период известен под названием собственно *Русской земли* (в узком смысле), то в археологической литературе заметно стремление связать эти находки с летописной *русью*. Так, П. Н. Третьяков убежден, что лево-

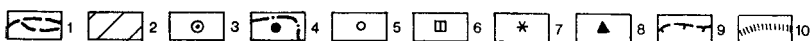
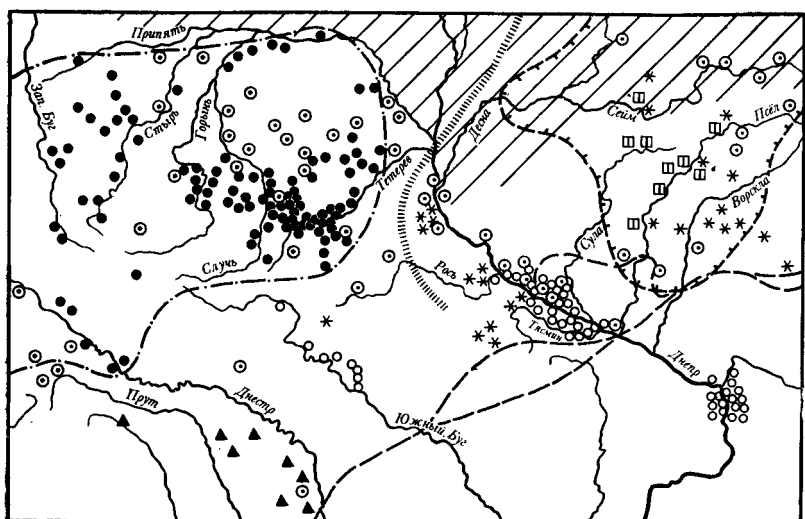
⁴⁹ См.: Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке в связи с историей образования русских народных говоров, с. 105—106; Боровский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, с. 85—86. В 1951 г. ям с Н. Б. Тихомировым пришлось столкнуться с реликтами бывшего цоканья в д. Спицово б. Высоковского (ныне — Клинского) района Московской области (северо-западное Подмосковье).

⁵⁰ Ср.: Филли Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков, с. 263.

⁵¹ См.: Ляпушкин И. И. К вопросу о культурном единстве славян, с. 205; ср.: Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, с. 241; Он же. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки, с. 79.

⁵² См.: Спицын А. А. Древности антов. — СОРЯС, т. CI, № 3 (В честь А. И. Соболевского). Л., 1928, с. 492—496.

⁵³ См.: Рыбаков Б. А. Древние русы. — СА, XVII, 1953, с. 41—42, 94—95 и др.

Карта 17

Среднее Поднепровье в VI—VIII вв.

1 — южная граница лесостепи (по разным источникам); 2 — южная часть ареала «сплошной» балтийской гидронимии; 3 — архайческие славянские гидронимы (см. карту 12); 4 — восточная (волинско-житомирская) часть ареала пражских древностей VI—VII вв. с керамикой типа Корчак и отдельные поселения житомирско-корчакского типа (по И. П. Русановой, 1970 г.); 5 — тясминско-побужские поселения VI—VII вв. с керамикой типа Пеньковки (по Д. Т. Березовцу); 6 — Новооткрытые поселения V—VII вв. в Днепровском Левобережье (по В. А. Ильинской); 7 — клады («древности антов») с вещами VI—VII вв. (по Г. Ф. Корзухиной и И. И. Ляпушкину); 8 — славянские памятники VI—VII вв. на территории Молдавии (по Э. А. Рикману и И. А. Рафаловичу); 9 — ареал роменско-боршевских (северских) городищ VIII—IX вв. (по И. И. Ляпушкину); 10 — западная граница территории, население которой платило дань хазарам в VIII—IX вв. (по летописи)

бережная славянская культура VIII—IX вв. (роменская) «представляла собой не что иное, как вариант антской культуры», названной Б. А. Рыбаковым «древностями русов», а сами русы — «это первоначально одна из восточнославянских группировок, входивших, возможно, в антский союз племен»⁵⁴. Авторитетный специалист по древностям степи и лесостепи М. И. Артамонов выдвинул идею о принадлежности кладов неизвестному нам дославянскому народу Приднепровья «рос» или «рус», разгромленному хазарами, а затем поглощенному славянами, усвоившими имя ассимилированного народа⁵⁵.

Если археологические открытия 50-х годов позволили связать клады вдоль правого берега Днепра с тясминско-побужскими по-

⁵⁴ Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, с. 76—79.

⁵⁵ См.: Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 288—293.

селениями VI—VII вв.⁵⁶, то в лесостепном Днепровском левобережье клады продолжали оставаться единственным видом памятников этого периода, в то время как никаких следов оседлости (кому бы они ни принадлежали) здесь до VIII в. не обнаруживалось⁵⁷. Исходя из того, что клады не закапываются в голой степи и могли быть оставлены только оседлым (а не кочевым!) населением, пережившим на рубеже VII—VIII вв. какую-то катастрофу, заставившую местных жителей покинуть свои поселения, Г. Ф. Корзухина в 1955 г. высказала мысль, что такие поселения V—VII вв. не найдены лишь потому, что они, по-видимому, устраивались в иных условиях, чем селища предшествующего и последующего периодов, следовательно, могут быть найдены, если их искать не там, где они обычно разыскиваются⁵⁸. Предположение это оказалось пророческим: в 1966 г. украинскими археологами В. А. Ильинской и А. А. Тереножкиным лесостепные поселения были, наконец, обнаружены в среднем и верхнем течении рек Псла и Сулы (см. карту 17). Первооткрыватели предварительно датируют их V—VII вв., отмечая, впрочем, что изучение новооткрытых селищ весьма затруднительно, так как почти все они, расположенные в поймах рек и озер, испорчены распашкой или строительством⁵⁹.

Сами первооткрыватели левобережных поселений, заполняющих здесь археологическую лакуну между черняховскими и роменскими памятниками, считают преждевременным определять их этническую принадлежность, хотя и указывают на их возможную близость славянской культуре VIII в. по Десне и Сейму, т. е. роменско-боршевской (этнически — *северской*)⁶⁰. Однако П. Н. Третьяков, ознакомившись с результатами открытия, решительно характеризует новооткрытые древности V (?) — VII вв. как «продолжение в Левобережье» тясминских (восточных «антских») поселений с керамикой типа Пеньковки⁶¹. Нельзя не признать, что такое предположение очень заманчиво: в этом случае можно было бы констатировать, что «антские» поселения продолжались и в

⁵⁶ См.: Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы..., с. 345—349; ср. то же при иной этнической интерпретации: Артамонов М. И. Некоторые вопросы отношений славян с болгарами и балтами... — СА, 1974, № 1, с. 248—249.

⁵⁷ См.: Ляпушкин И. И. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. — СА, IX, 1947, с. 134; Он же. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, № 104. М. — Л., 1961, с. 181—182, 352—353; ср.: Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, с. 241.

⁵⁸ См.: Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. — СА, XXII, 1955, с. 68 и далее.

⁵⁹ См.: Ильинская В. А. Новые данные о памятниках середины I тысячелетия н. э. в Днепровской левобережной лесостепи. — В кн.: Славяне и Русь, М., 1968, с. 55—57 и далее.

⁶⁰ См.: там же, с. 61.

⁶¹ См.: Третьяков П. Н. О древнейших русах и их земле. — В кн.: Славяне и Русь, с. 185—186; Он же. У истоков древнерусской народности, с. 91—92 и далее.

левобережной лесостепи и что именно потомки приднепровских «антов» (ср. выше, с. 99—101) составили основу той славянской этнической группы VIII—IX вв., которая археологически представлена роменско-боршевской культурой, а этнографически — *северянами* (на карте 17 хорошо видно, как архаические славянские гидронимы из ареала потясминских поселений «поднимаются» вверх по Пслу, распространяясь в ареале новооткрытых древностей).

Предположение, высказанное П. Н. Третьяковым, означает, что приднепровское «антское» земледельческое население (прямые предки летописных *северян*) в VI—VII вв. колонизирует левобережье Днепра, в основном продвигаясь на северо-восток — вдоль его левых притоков Сулы, Псла и Ворсклы, не выходя из границ лесостепи, где оно чувствовало себя в относительной безопасности от систематических набегов степных кочевников — аваров и булгар. В VIII в. на левобережную приднепровскую лесостепь обрушивается бедствие, вызвавшее массовую гибель местных поселений. Скорее всего, речь должна идти о хазарской военной экспансии, которая именно в это время устремляется на запад, доходя до поречья Днепра, т. е. как раз до западной границы ареала упоминавшихся выше кладов с вещами VI—VII столетий⁶². Во всяком случае, как позднее сообщают летописцы, славянское население к востоку от Днепра (начиная с *полян*) выплачивало дань хазарам (см. карту 17) вплоть до объединительных походов Олега.

Спасаясь от хазарских погромов, потомки восточных «антов» отходят за Сейм и вступают в зону леса, где смешиваются с выходцами из Правобережья, несшими с собою особенности, которые обусловили значительное сходство левобережной роменско-боршевской культуры VIII—IX вв. с синхронной ей правобережной культурой типа Луки Райковецкой, формирующейся на базе житомирско-корчакской культуры VI—VII вв. Выяснение источников этого сходства (которое настолько значительно, что многие археологи рассматривают обе культуры как разновидности единой славянской культуры Среднего Поднепровья VIII—IX вв.) — задача археологии; но историк языка не может не отметить, что старейшие диалектные различия (фрикативное образование звонкого задненебного согласного, различие аффрикат) объединяют древнерусские говоры по обоим берегам среднего Днепра в единый массив южно-восточнославянских диалектов, противопоставляя его северно-восточнославянскому — со смычным звонким задненебным и цоканьем.

⁶² См.: Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э., с. 78—79 и далее; Артамонов М. И. История хазар, с. 235—239, 288—293 и др. (подтверждая предположения Г. Ф. Корзухиной, автор, как указывалось, полагает, что в Приднепровье хазарами были разгромлены не славяне, а неизвестные нам племена, впоследствии поглощенные славянами).

Выше уже неоднократно упоминалось, что до славянской колонизации вся центральная лесная полоса к северу от Припяти и Сейма — вплоть до водораздела Западной Двины и Волги (за которым начиналось господство финно-угров) — была заселена балтоязычными племенами, которые на востоке достигали верховьев Оки (см. карту 11). Балтийская принадлежность населения этого обширного района настолько убедительно доказывается совпадением археологических и топонимических границ, что сейчас уже ни у кого не вызывает сомнений⁶³.

Спорной пока остается лишь этническая принадлежность населения до-славянских милоградских городищ (геродотовых *невров* — см. примеч. 6 на с. 70), располагавшихся — в пределах ареала балтийской гидроимнии — по среднему течению Днепра между низовьями Припяти и Десны и отличающихся от синхронных древностей Верхнего Поднепровья более высоким уровнем культуры⁶⁴. Сложность этнической интерпретации милоградской культуры заключается в том, что это отличие может объясняться близостью милоградцев к Причерноморью, а не их иной этнической принадлежностью. Позднее, став частью восточнославянской территории, этот район, в пределах которого возникает и развивается Киев, также опережает остальные древнерусские области в экономическом и культурном отношениях.

Характерной особенностью археологических культур лесной полосы является их поразительная устойчивость: они «просуществовали почти без изменений в течение 1000 лет, вплоть до первых веков н. э. Если предыдущее тысячелетие в лесной полосе Восточной Европы ознаменовалось значительными передвижениями племен <...>, то тысячелетие раннего «железного века» не знало никаких существенных перемещений населения и вторжений извне... Границы расселения различных племен в этих условиях стабилизировались»⁶⁵. «Поколение за поколением люди обитали в одних и тех же местностях, на одних и тех же городищах, окруженных лесами... Требовались века, чтобы в культуре появилось что-то новое, не известное раньше. Трудно назвать в Европе какие-либо другие культуры раннего «железного века», которые обнаружили бы такое «долголетие», как культуры лесной полосы европейской части СССР, развивавшиеся в отдалении от важнейших исторических и культурных центров того времени»⁶⁶.

⁶³ См. содержательную справку: Седов В. В. [Рец. на кн.:] *Archaeological research on North-eastern Poland...* — СА, 1968, № 4, с. 297—298; ср.: Русанова И. П. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья. — В кн.: *Славяне и Русь*, с. 146. См. обзор: Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, с. 186; Он же. У истоков древнерусской народности, с. 61 и далее.

⁶⁴ См.: Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, с. 121—124 и далее.

⁶⁵ Там же, с. 124.

⁶⁶ Там же, с. 189. В течение столь длительного времени лесные культуры, разумеется, не оставались неизменными; но отмечаемые здесь изменения опре-

«В результате устойчивости локальных групп населения и их территорий и в результате того, что люди, относящиеся к разным племенам, в пограничных местностях столетиями жили рядом, нередко чересполосно, культура пограничных районов неизбежно приобретала смешанный, переходный характер. Поэтому невозможно провести четкую границу, скажем, между городецкими и дяковскими племенами в Волго-Окском междуречье, между юхновскими, смоленскими (днепро-двинскими. — Г. Х.) и верхнеокскими племенами в области верховьев Днепра, Десны и Угры, между милоградскими племенами и племенами культуры штрихованной керамики к северу от поречья Припяти. Правильнее говорить не о границах, разделяющих племенные группы раннего «железного века», а о широких пограничных полосах с более или менее смешанной культурой. Это относится к границам культур не только родственных, но и этнически чуждых племен. В области водораздела Днепра и Волги и в верхнем течении Западной Двины лежала широкая полоса, в пределах которой на городищах встречаются остатки культуры как финно-угорского, так и восточнобалтийского характера»⁶⁷; замечательно, что эта территория и в гидронимическом отношении является «балто-финской»⁶⁸. Все это говорит о том, что балтийские племена в течение длительного времени были одной из основных этнических групп центральной лесной полосы Восточной Европы⁶⁹, а поселения древних балтов доходили до среднего течения Оки⁷⁰, где их пребывание, возможно, отразилось в загадочной по происхождению топонимии, как будто обнаруживающей едва заметные балтийские черты⁷¹. Во всяком случае регион Волго-Окского междуречья, как и водораздела Волги и Днепра, представляется областью длительного сосуществования племен балтийского и финно-угорского происхождения⁷², хотя ко времени славянской

деленно являются эволюционными, т. е. результатом развития той же культуры, а не результатом какого-либо внешнего воздействия на нее (ср.: Седов В. В. Культура Днепро-Двинского междуречья в I тысячелетии до н. э. — СА, 1969, № 2, с. 125).

⁶⁷ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге, с. 124—125 (разрядка моя. — Г. Х.).

⁶⁸ См.: Седов В. В. Из гидронимии Волго-Окского междуречья. — В кн.: Питание ономастики. Київ, 1965, с. 284—290.

⁶⁹ См.: Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, в частности с. 69 и др.

⁷⁰ См.: Седов В. В. Рязанско-Окские могильники. — СА, 1966, № 4, в частности карту 10; Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, с. 123.

⁷¹ Ср.: Серебренников Б. А. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре европейской части СССР, близкого балтийским языкам. — «Труды АН Литовской ССР». Серия А, 1(2). Вильнюс, 1957; Никонов В. А. Исчезнувшие языки Поочья. — ВЯ, 1960, № 5.

⁷² В поречье Москвы-реки археологические находки VI—VII вв., обнаруживающие балто-финские контакты, обычны (см.: Краснов Ю. А., Краснов Н. А. «Домик мертвых» на городище дяковского времени. — АО-1966. М., 1967, с. 36).

колонизации местное население могло быть и одноязычным. И если для Верхневолжья (по В. В. Седову — ареала верхневолжских городищ) можно лишь предполагать, что непосредственно перед славянской колонизацией здесь была распространена финская речь⁷³, то в отношении междуречья Москвы и Оки (по В. В. Седову — ареал москворецких городищ эпохи «железного века»), где летопись еще в X—XI вв. знает поселения *голяди*, можно не сомневаться в одноязычии местного населения (сохранявшего западнобалтийский диалект) ко времени его славянизации.

Таким образом, из ареала славянизации балтоязычных племен в период формирования древнерусской народности (до X в. включительно) области давних верхневолжских и москворецких городищ, где население либо не было балтоязычным ко времени прихода славян, либо продолжало сохранять язык предков и в древнерусский период, должны быть исключены, как и правобережье Припяти (см. карту 11), где отдельные балтийские гидронимы восходят по крайней мере ко времени до распространения житомирско-корчакской культуры VI—VII вв., если не ранее (см. выше, с. 81).

* *
*

На юго-восточной окраине древнебалтийского ареала в «эпоху железа» неизбежными оказывались контакты балтоязычного населения с носителями степных и лесостепных культур — кочевниками по происхождению, оседавшими на границе леса и лесостепи. Принято считать, что «основным этническим элементом южнорусских степей и частично лесостепных областей Восточной Европы, начиная по крайней мере со второй четверти I тысячелетия до н. э., были ираноязычные племена»⁷⁴. В левобережье Днепра эти племена, видимо, переходили Сейм, вступая в контакт с балтоязычным населением лесной полосы⁷⁵; причем «наиболее тесный контакт между балтийскими и иранскими элементами в Днепровском левобережье осуществлялся в период соседства и взаимодействия зольничной и юхновской археологических культур. Длительность этого контакта равна четырем-пяти столетиям — с V в. до н. э. вплоть до рубежа нашей эры»⁷⁶ — и находит отражение в проникновении гидронимов иранского происхождения далеко на север (см. карту 11), что не исключает участия иран-

⁷³ Ср.: Русинов Н. Д. Очерки по фонетике и морфологии древней угличской письменности в связи с этнической историей Угличского Верхневолжья. АДД. Саратов, 1971, с. 5—6.

⁷⁴ Седов В. В. Балто-иранский контакт в Днепровском левобережье. — СА, 1965, № 4, с. 52 (см. здесь же библиографию вопроса).

⁷⁵ См.: Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, с. 230—232.

⁷⁶ Седов В. В. Балто-иранский контакт в Днепровском левобережье, с. 59 (см. здесь же карты); ср.: Мельникова О. Н. Работы юхновского отряда. — АО-1967. М., 1968, с. 233.

ского элемента в этногенезе юхновцев. В первые века новой эры предполагается ослабление иранского влияния на балтов. Однако во второй половине I тысячелетия, после того как Хазарский каганат на время приостановил вторжение кочевников в Причерноморские степи и лесостепь⁷⁷, в Посемье вновь обнаруживается активное взаимодействие лесной и лесостепной и степной культур, но теперь уже принадлежавших новым народам.

Памятники юхновской культуры, оставленные в междуречье Десны и Сейма, видимо, древнебалтийскими племенами, на рубеже двух эр перекрываются зарубинецкой культурой (см. выше, с. 86—93). Однако есть все основания полагать, что смена культуры не означала здесь ни уничтожения, ни заметного отлива юхновцев, поскольку, по всеобщему признанию, многочисленны «примеры переживания поздних юхновских культурных традиций в комплексах явно раннеславянских»⁷⁸ VIII—IX вв. Скорее всего, оказав определенное воздействие на развитие местного населения, носители зарубинецкой культуры (кто бы они ни были) постепенно в нем полностью растворились в этнографическом отношении, чем и должно объясняться исчезновение их памятников и появление в дославянских древностях Посемья и Подесенья элементов обеих культур, как зарубинецкой, так и позднеюхновской⁷⁹. Иными словами, славяне исторического времени застали в Посемье прямых потомков давних носителей юхновской культуры, переживших серьезные культурно-этнографические изменения (в результате смешения юхновцев с носителями зарубинецкой культуры), которые могли заметно обособить их как в этническом, так и в языковом отношении от остальных (балтоязычных) племен Приднепровья. И хотя, по мнению В. В. Седова, носители юхновской культуры (как и верхнеокской и милоградской) имеют лишь опосредованное отношение к этногенезу восточных славян, так как они смешались с зарубинцами⁸⁰, тем не менее ни в топонимах, ни в местных восточнославянских говорах не содержится никаких признаков того, что между древнебалтийской и восточнославянской речью здесь был распространен какой-либо иной язык — носителей зарубинецкой культуры (коль скоро они не признаются ираноязычными). Поэтому пока можно считать, что ко времени славянской колонизации племени Посемья либо

⁷⁷ Ср.: Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. — В кн.: Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. I. МИА, № 62, 1958, с. 145—146; Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. МИА, № 142. М., 1967, с. 185; Артамонов М. И. История хазар, с. 296.

⁷⁸ Левенок В. П. Юхновская культура (ее происхождение и развитие). — СА, 1963, № 3, с. 94.

⁷⁹ Ср.: Третьяков П. Н. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки. — СА, 1969, № 4, с. 84—90 и др. (автор, считая зарубинцев славянами, констатирует слияние «славянской», т. е. зарубинецкой, культуры с юхновской).

⁸⁰ См.: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 30, 42 и др.

оставались балтоязычными, т. е. сохраняли язык того населения, которое оставило здесь основную массу дославянских гидронимов, либо пользовались иранским диалектом, получившим здесь распространение в период взаимодействия юхновцев с носителями степных культур скифского времени, т. е. к концу I тысячелетия до н. э. усвоили язык этнографического суперстрата, чем и обусловлено распространение иранских гидронимов в бассейне Десны.

Изучение роменско-боршевских поселений VIII—IX вв. позволило И. И. Ляпушкину заметить, что большая часть из них «возникла на местах более древних поселений (скифского времени)»⁸¹. Последующие открытия и детальное изучение известных ранее городищ полностью подтверждают это важное наблюдение⁸², которое должно означать, что, с одной стороны, славяне в ходе колонизации лесной зоны вступали в тесную связь с местным населением, воспринимая какие-то культурно-этнографические особенности аборигенов, с другой стороны, известная часть древнерусского (славяноязычного) населения этого района, как и в других областях, состояла из ассимилированных потомков дославянского населения — тех, кто продолжал жить на землях предков, сменив со временем балтийскую (или иранскую?) речь на славянскую. В результате оказывается, что основной массив роменско-боршевских древностей на границе леса и лесостепи (территория *северян*) по существу полностью совпадает с регионом давних юхновских городищ, в то время как локальная разновидность этой культуры в Поочье (в области будущих летописных *вятичей*) не менее выразительно размещается в границах давних верхнеокских городищ (см. карту 18), где к середине I тысячелетия под влиянием зарубинецкой сложилась мощинская культура⁸³.

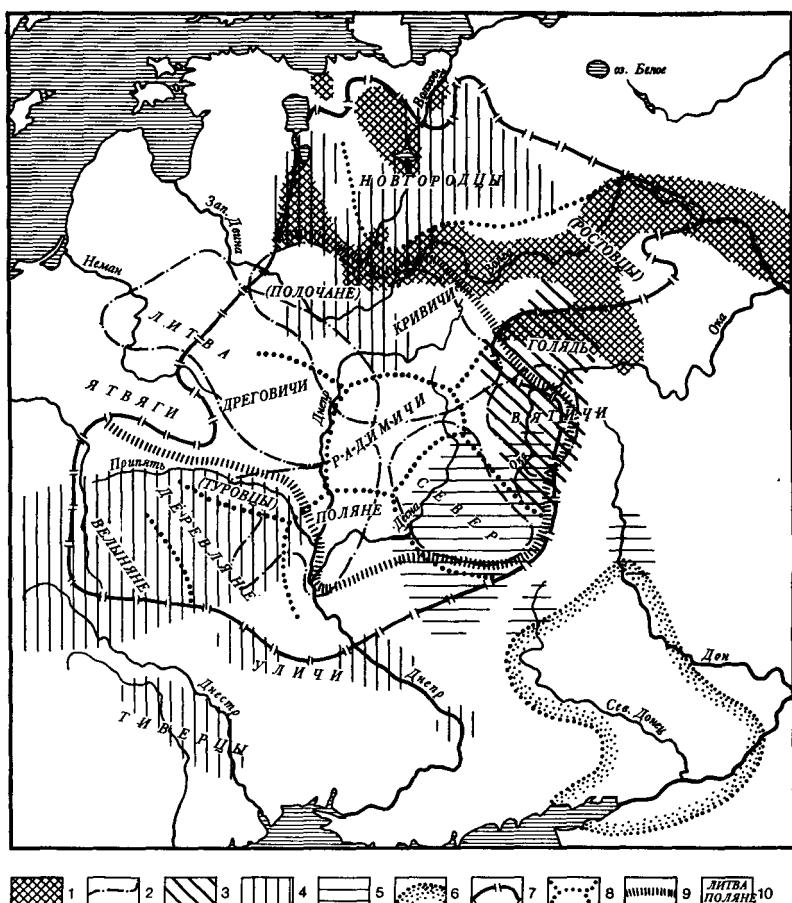
Поскольку славянская колонизация поречья Десны и Верхнего Поочья шла из одного центра, то отмеченные совпадения археологических границ разных эпох могут иметь лишь одно объяснение: те культурно-этнические (и, возможно, диалектные) различия, которые характеризовали восточных славян лесной полосы и отражены в летописной этнонимии Древней Руси, сложились в ходе славянизации разных этнических групп автохтонного населения⁸⁴. Именно так, в частности, могли оформиться племенные объединения Посемья, Подесенья и Поочья, потомков которых летописец называет *се-*

⁸¹ Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное левобережье в «эпоху железа». Археологические разыскания о времени заселения Левобережья славянами. МИА, № 104. М. — Л., 1961, с. 218 и далее.

⁸² См.: Засурцев П. И., Лисицына Н. И. Липинское городище. — В кн.: Славяне и Русь, с. 47.

⁸³ См.: Третьяков П. Н. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. — СА, 1960, № 1, с. 45; Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 43—44.

⁸⁴ Ср.: Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, с. 69—70; Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода, с. 43—45.

Карта 18

Летописные «племена» и археологические культуры «эпохи железа»:
 1 — скопления дяковских городищ, приписываемых западнофинским племенам (по Х. А. Моора и П. Н. Третьякову); 2 — границы археологических культур «эпохи железа», приписываемых восточным балтам: днепро-двинской (или смоленских городищ), штрихованной керамики, верхнеокской, южновской и милоградской (см. карту 11).

Археологические культуры I тысячелетия н. э., наслоившиеся на памятники «эпохи железа»: 3 — ареал памятников мощинского типа; 4 — разновидности славянских памятников VI—VII вв. на территории Восточной Европы; 5 — скопление роменско-боршевских городищ VIII—IX вв.; 6 — ареал салтово-маяцкой (этнически — алано-булгарской) культуры VIII—IX вв. (по С. А. Плетневу); 7 — ареал славянских курганов с трупосожжениями IX—X вв.; 8 — археологические границы восточнославянских «племен» по данным X—XIII вв. (по В. В. Седову) в ареале курганов IX—X вв.; 9 — ареал раннедревнерусской славянизации балтов (см. карту 11); 10 — балто- и славяноязычные этнические группы Восточной Европы по «Повести временных лет».

Следовательно, *северяне* нашей летописи — это прямые потомки носителей роменско-боршевской культуры⁸⁷.

* *

•

Хазарские завоевания были завершены обложением населения, селившегося на восток от Днепра (по летописи — *полян, северя, вятичей* и некоторых неславянских племен), относительно необременительной данью — «по бѣлѣи вѣвериѣ о(т) дыма» (859 г.)⁸⁸, после чего, как уже говорилось, здесь надолго установилось затишье, так как хазары, закрыв в Приднепровье доступ кочевникам, сами были заняты войнами с арабами на Кавказе⁸⁹. Именно в этих условиях политической стабилизации в VIII в. в Подонье возникают поселения так называемой салтово-маяцкой культуры⁹⁰.

Этническая принадлежность «салтовцев» убедительно обоснована И. И. Ляпушкиным: это остатки аланского населения, в орбиту влияния которого в VIII—IX вв. — в период расселения по Дону и Северскому Донцу — втягивались тюркоязычные «черные» (т. е. «северные») болгары (кутригуры) хана Батбая, оторвавшиеся от орд, ушедших на Балканы (булгар-оногуров во главе с Аспарухом) и в Прикамье, и под влиянием аланского населения ставшие переходить к оседлости, сохраняя, впрочем, многие особенности кочевнической культуры⁹¹. При этом, по мнению С. А. Плетневой, основанному на археологическом материале, «именно болгары, смешанные с некоторым количеством аланов, были основными создателями салтово-маяцкой культуры», варианты которой известны не только на территории Хазарии, но и на Балканах и на Волге, т. е. везде, «где письменные или антропологические материалы фиксируют пребывание болгар»⁹².

Опираясь на графику и язык надписей, вырезанных на стенах Маяцкого городища, М. И. Артамонов предположил, что носители салтово-маяцкой культуры даже в том случае, когда они являлись физическими потомками аланов, к VIII в. (т. е. ко времени возвращения в лесостепь после многовекового общения с тюрками — кочевниками Приазовских степей и хазарами) уже были сплошь тюркоязычными⁹³. Правдоподобность такого предположения, помимо

⁸⁷ Хазарскому кагану Иосифу, писавшему в период 954—961 гг., были известны славянские племена *с-в-р* (явно *север/северяне*) и *в-н-н-ти-т* (видимо, *вятичи*), локализованные там же, где их размещает и летопись (см.: Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. — СА, XVIII, 1953, с. 137, 148).

⁸⁸ В записи под 885 г. к списку хазарских данников присоединены также и *радимичи*; однако эта явная интерполяция — после сообщений о единстве происхождения *радимичей* и *вятичей*.

⁸⁹ См.: Артамонов М. И. История хазар, с. 202—232, 288—296 и др.

⁹⁰ См.: Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона, с. 145—146.

⁹¹ См.: там же, с. 146—148; Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 182—185.

⁹² Там же, с. 188.

⁹³ См.: Артамонов М. И. История хазар, с. 313; ср.: Плетнева С. А. От кочевий к городам, примеч. на с. 185 (о чтении упомянутых надписей А. М. Щербаком), с. 189.

тюркского языка маяцких надписей, находит поддержку и в самом факте оседания кочевников-булгар среди аланского салтовского населения: мирное существование тех и других могло быть обусловлено именно языковым единством (возможностью взаимопонимания!) — при наличии заметных этнографических различий, позволяющих выделить в салтово-маяцких древностях памятники, отражающие сохранение частью салтовского населения многих особенностей кочевнического быта⁹⁴ и, как было сказано, находящие аналогии в археологических материалах Балканского полуострова и Прикамья, т. е. собственно болгарских.

Одновременно с возникновением на Дону и Сев. Донце поселений тюркоязычных алано-булгар «начинается продвижение роменской группы славян в лесостепь» из-за Сейма; причем «это движение приобретает такой широкий размах, что часть роменцев отрывается от основной группы и проникает в степные районы», достигая нижнего Дона⁹⁵, а в конце IX в. отдельные группы славян доходят до Тамани⁹⁶, где их пребывание зафиксировано летописью (Тмутороканское княжество)⁹⁷. К этому периоду относятся интенсивные связи левобережных лесостепных славян с алано-булгарами⁹⁸, хорошо прослеживающиеся археологически вдоль всего правого берега верхнего Донца и Оскола (см. карту 19), а также на побережье Днепра — в Надпорожье⁹⁹.

Археологи отмечают, что в левобережной лесостепи в славянских древностях VIII—IX вв. постоянно обнаруживаются салтовские вещи, в то время как «обратное явление, т. е. переход славянских вещей к салтовцам, проследить пока не удастся»¹⁰⁰. Это наблюдение наводит на мысль: не происходило ли в это время такое же ославянивание алано-булгар к югу от Сейма, как и славянизация балтов к северу от зоны лесостепи? С. А. Плетнева, например, полагает, что волынцевская культура VIII—IX вв. в поречье Сейма (см. карту 19), тесно связанная с роменской, но отличающаяся некоторыми своеобразными элементами, которую И. И. Ляпушкин рассматривал как проявление этнической неодно-

⁹⁴ См.: Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона, с. 146—148.

⁹⁵ Там же, с. 146; Он же. Славянское поселение на территории хут. Ближняя Мельница. МИА, № 62, М. — Л., 1958, с. 345—347; ср.: Артамонов М. И. История хазар, с. 288—289.

⁹⁶ См.: Плетнева С. А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв. — СА, 1962, № 1, с. 91.

⁹⁷ Ср.: Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М. — Л., 1930, с. 226—227; Третьяков П. Н. Восточнославянские племена, изд. 2. М., 1953, с. 254; Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа. МИА, № 62. М. — Л., 1958, с. 52, 83.

⁹⁸ См.: Плетнева С. А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв., с. 84—94; Она же. Работа северодонецкого отряда. — АО-1967. М., 1968, с. 63.

⁹⁹ См.: Брайчевская А. Т. Поселение у Балки Яцевой в Надпорожье. — В кн.: Славяне накануне образования Киевской Руси. МИА, № 108. М., 1963, с. 282.

¹⁰⁰ Плетнева С. А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв., с. 93.

родности северского племенного союза¹⁰¹, могла сложиться в результате взаимодействия салтовской и роменской культур в пограничных областях¹⁰²; во всяком случае аналогии волынцевским памятникам прослеживаются в Прикамской Болгарии¹⁰³, население которой было этнически родственно салтовскому. Это взаимодействие, в рассматриваемый период весьма интенсивное, было прервано на рубеже X в. печенегами, разграбившими алано-булгарские и славянские поселения в левобережной лесостепи¹⁰⁴, как были уничтожены здесь на рубеже VIII в. поселения, предшествовавшие роменским.

Впрочем, часть алано-булгар, несомненно, вместе со славянами «отступила в леса, под защиту русских дружин»¹⁰⁵, заселив окраины Черниговского княжества (собственно Северщину). И очень возможно, что знаменитые *куряне* князя Всеволода, хорошо известная характеристика которых в «Слове о полку Игореве» так живо напоминает степных кочевников, могли «этнически принадлежать к потомкам алано-булгарских племен», в языковом отношении к XII в. полностью обрусевшим¹⁰⁶.

В период взаимодействия роменского населения с салтовомаяцким в диалект лесостепных *северян* могли проникать тюркизмы, частью распространявшиеся и на говоры к северу от Сейма (как, например, слово *лошадь* — в качестве обозначения родового понятия¹⁰⁷). Поскольку, однако, роменские поселения лесостепи, подобно салтовским, были разгромлены в X в. печенегами (см. выше), то следует считать, что основная территория *северян* (и соответственно — северских говоров) не простиралась юж-

¹⁰¹ См.: Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках волынцевского тпца. — СА, XXIX—XXX, 1959, с. 79—81.

¹⁰² См.: Плетнева С. А. О связях алано-булгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв., с. 94.

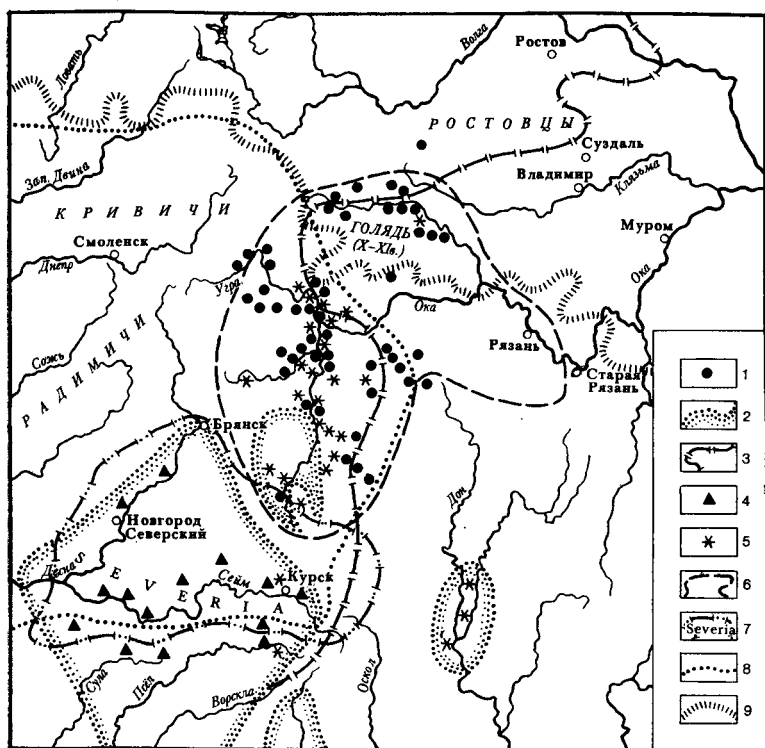
¹⁰³ См.: Смирнов А. П. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962, с. 162—165. Именно на этом основании М. И. Артамонов считал, что волынцевские памятники принадлежали булгарам-кутригурам (Некоторые вопросы взаимодействия славян с болгарами и балтами..., с. 252—253).

¹⁰⁴ См.: Плетнева С. А. О связях алано-булгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв., с. 94; Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. МИА, № 74, М. — Л., 1958, с. 189—192.

¹⁰⁵ Плетнева С. А. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время. — КСИА, вып. 99, М., 1964, с. 28.

¹⁰⁶ Там же, с. 30.

¹⁰⁷ См.: Хабургаев Г. А. *Лошадь — конь* и судьба восточнославянских племенных диалектов. — «Учен. зап. [МОПИ им. Н. К. Крупской]», т. 197. Русский язык, вып. 13. Русский язык в вузе. М., 1967, с. 299—302 и далее. Возможность заимствования слова *лошадь* из болгарского (языка носителей салтовомаяцкой культуры) подтверждается и звуковыми соответствиями (ср.: Добро-домов И. Г. История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет»). АКД. М., 1966, с. 9).

Карта 20

Ареалы севера (северян) и вятичей:

1 — поселения и могильники мощинской культуры IV—VII вв. (по В. В. Седову); 2 — локальные группы роменско-боршевских городищ VIII—IX вв. (по И. И. Ляпушкину); 3 — восточная граница восточнославянских курганов IX—X вв.; 4 — северские курганы IX—X вв. (по Г. Ф. Соловьевой); 5 — захоронения верхнеолдовского типа VIII—X вв. (по Г. Ф. Соловьевой и В. В. Седову); 6 — граница распространения «вятичских» женских украшений XII—XIV вв. — археологический ареал «вятичей» (по А. В. Арциховскому); 7 — Северская земля по данным XII в. и расположение Северщины (*Severia*) на иностранных картах XVI—XVII вв. (по Б. А. Рыбакову); 8 — ареал раннедревнерусской славянизации балтов (см. карту 11); 9 — современная граница противопоставления [γ ~ r]

нее левого берега Сейма, т. е. не выходила за границу леса (см. карту 20). Сохранившиеся в лесостепи поселения (как и возникшие здесь после X в.), продолжавшие роменские традиции и входившие в состав Переяславского княжества, были окончательно разгромлены в XIII в. тюрко-монгольскими ордами Батые, а их население, следовательно, не могло принять заметного участия в формировании великорусской или украинской народности.

Существует мнение, что славяне, оставшиеся после печенежского разгрома в лесостепи, должны были смешаться с нахлынувшими сюда тюрками¹⁰⁸. Не могли принять заметного участия в этно- и глоттогенезе древнерусской народности и славяне Белой Вежи (Саркела) и Тмудорокани — районов, которые до XII в. оставались древнерусскими колониями, где также происходило смешение славян с местным (в основном — алано-булгарским) населением; сохранившееся славяноязычное население этих колоний в основной своей массе переселилось в Русь в 1117 г.¹⁰⁹.

* *

*

Единство происхождения и значительное материальное сходство роменских и боршевских древностей VIII—IX вв. могут служить убедительной иллюстрацией летописного утверждения об этнографической общности *севера* (*северян*) и *вятичей*¹¹⁰, если учесть, что Нестор относит свои этнографические справки к прошлому¹¹¹ — не позднее чем к периоду роменско-боршевских городищ и раннеславянских курганов с трупосожжениями¹¹². Эта общность подчеркивается и диалектным единством «северско-вятичской» территории, являвшейся областью распространения говоров южно-восточнославянского происхождения — с фрикативным [ʏ] и различением аффрикат, что указывает на колонизацию Посемья и верхней Оки из Среднего Поднепровья.

При реконструкции древнего диалектного взаимодействия из числа археологических свидетельств, указывающих на культурно-этнографические связи местного населения, существенны не те, которые оказываются наиболее заметными, а те, которые обнаруживают отношения, соответствующие древним изо-

¹⁰⁸ См.: Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 199.

¹⁰⁹ См.: Артамонов М. И. Белая Вежа. — СА, XVI. М. — Л., 1952, с. 46—49, 74—76; Он же. Саркел — Белая Вежа, с. 48—52, 56—76, 82—84; Он же. История хазар, с. 381, 426—431, 434—437, 438—445; «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. III. МИА, № 109. М. — Л., 1963, с. 6—8 и др.

¹¹⁰ Археология подтверждает, что «в материальной культуре *вятичей* конца I тысячелетия н. э. много сходных черт с культурой соседних им *северян*» (Никольская Т. Н. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, М., 1959, с. 83).

¹¹¹ «И Радимици и Вятичи, и Сѣверѣ, одинъ обычаи и мѣху живях (у) в лѣсѣ, яко же всякии звѣрь, ядуше все нечисто [и] срамословье в ни(х) предѣ отъци, и предѣ снохамъ, [и]брати не бываху в ни(х). [но] игрища межю селы, схожахуся на игрища на плясанье, и на вся бѣсовская [пѣсни]. и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кто съвѣщашеся, и мѣху же по двѣ и по три жены. [и] аще кто оумряше творяху [трызну] надѣ нимѣ, и по семь т(в)оряху кладу велику и вѣложахуть и на кладу мртвца, сожжаху, и посемь собравше кости, вложяху в судину малу, и поставляху на столпѣ на путе(х) еже творять Вятичи и нынѣ» (Введ., ст. 13—14), — формы имперфекта здесь достаточно показательны!

¹¹² По мнению Б. А. Рыбакова, исторические справки Нестора относятся, возможно, даже к периоду до VI в. (см.: Рыбаков Б. А. Нестор о славянских обычаях. — В кн.: «Древние славяне и их соседи.» МИА, № 176. М., 1970, с. 40—41).

гlossным областям. Вот почему для истории русского языка проблема субстратного вклада в особенности роменско-боршевской культуры представляет второстепенный интерес; зато важны те особенности «северских» и «вятичских» памятников, которые «соотносимы со славянскими древностями более южных областей Восточной Европы — роменскими Днепровского лесостепного левобережья, типа Луки-Райковецкой правобережной лесостепи и т. п.»¹¹³ и, таким образом, объясняют диалектное единство всей обширной древнерусской территории от среднего Днепра до средней Оки.

Именно в верховьях Оки обнаруживается своеобразный тип захоронений VIII—X вв. (см. карту 20), географически полностью совпадающий с летописной локализацией *вятичей*¹¹⁴, хотя современная археология обрисовывает ареал *вятичей* иначе. Начиная с классического исследования А. В. Арциховского, признавшего «вятичскими» характерные женские украшения (семилопастные височные кольца и некоторые другие), в территорию «вятичей» включается все поречье верхнего и среднего течения Оки до Рязани, ниже течение Угры, правобережье верхнего течения и поречье среднего и нижнего течения р. Москвы (см. карту 20). В пределах этой территории¹¹⁵ и классифицируются «вятичские» погребальные памятники, обнаруживающие ряд локальных разновидностей (около 6 типов!); причем основные типы погребений связываются с бассейном р. Москвы и средней (а не верхней, как в летописи) Оки¹¹⁶. Нельзя, однако, не отметить, что «археологическое противоречие» летописным указаниям основано на анализе древностей, относящихся... к XII—XIV вв.¹¹⁷, т. е. фактически к послелетописному времени! При чем сам А. В. Арциховский, указывая на условность определения «вятичские» по отношению к памятникам XII—XIV вв., высказывает предположение, что «этноопределяющая» форма височных колец, имеющая явно восточный характер, могла проникнуть к «вятичам» от хазаров примерно в X в.¹¹⁸ (согласно летописи, *вятичи* платили дань хазарам еще во второй половине X в.), т. е. тогда, когда *вятичей* как единого племенного союза (или племенной конфедерации), по всей видимости, уже не могло быть (см. ниже).

¹¹³ Седов В. В. Ранние курганы вятичей. — КСИД, вып. 135. Славяно-русские древности. М., 1973, с. 16.

¹¹⁴ См.: Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. (вятичи, радимичи, северяне). — СА, XXV. 1956, с. 139—144; Седов В. В. Ранние курганы вятичей, с. 10—16.

¹¹⁵ См. описание «вятичской племенной территории»: Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930, с. 115—122; ср.: Седов В. В. Ранние курганы вятичей, рис. 4 на с. 11.

¹¹⁶ См.: Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв., с. 161—165 и далее.

¹¹⁷ См.: Арциховский А. В. Курганы вятичей, с. 129—151; Соловьева Г. Ф. Указ. соч., с. 161 и далее; Седов В. В. Ранние курганы вятичей, с. 10. Пересмотр датировки «вятичских» древностей А. В. Арциховского не дает оснований возводить их ранее, чем к рубежу XI—XII вв. (см.: Равдина Т. В. О датировке вятичских курганов. — СА, 1965, № 1, с. 125—127).

¹¹⁸ См.: Арциховский А. В. Курганы вятичей, с. 151—154.

Если согласиться с возможностью условного применения термина «вятичи» к носителям древностей XII—XIV вв. (в том смысле, что часть древнерусского населения этого времени могла продолжать этнографические традиции летописных *вятичей*), то можно было бы предполагать, что образовавшие относительно самостоятельную лингво-этническую группировку потомки верхнеокских *вятичей* в эпоху походов Святослава (с X в.) начинают спускаться по Оке до Рязани¹¹⁹, вытесняя или ассимилируя местные финноязычные племена¹²⁰ и обеспечивая тем самым славяноязычный состав населения обособляющегося с конца XI в. Рязанского княжества, основное население которого пользовалось говорами южно-восточнославянского происхождения, в то время как территория соседней Муромской земли заселяется «кривичскими» племенами¹²¹, а точнее — *ростовцами* (см. выше, с. 116—117), носителями диалекта северо-восточнославянского происхождения. Поскольку оба колонизационных потока шли из разных диалектных областей, то зоной их соприкосновения следует считать границу $\gamma \sim \text{г}$, проходящую на полпути между Муромом и Рязанью и почти совпадающую с давней границей между Рязанской и Ростово-Суздальской землей (см. карту 1 и др.).

В районе Москвы «вятичская» (по А. В. Арциховскому) территория заходит севернее границы $\gamma \sim \text{г}$, оказываясь при этом периферией Ростово-Суздальской земли; видимо, именно этот регион (вдоль нижнего течения Москвы-реки — см. карту 20) имел в виду Р. И. Аванесов, когда писал, что «вятичские земли, с самого начала вошедшие в состав Ростово-Суздальской земли, в целом заселенной главным образом потомками *кривичей*, не обнаруживают своего исконного южновеликорусского характера» в диалектологическом отношении¹²². И это последнее обстоятельство заставляет думать, что распространение здесь в XII—XIV вв. семилопастных височных колец и некоторых других как будто «вятичских» предметов служит не показателем генетической связи местного населения с летописными *вятичами*, а отражением культурно-этнографического взаимодействия в пограничных районах расселения. Во всяком случае по отношению к периоду развивающейся древнерусской народности трудно воспринимать иначе многочисленные сообщения о том,

¹¹⁹ Сейчас уже можно считать археологически доказанным, что *вятичи* (или племена «вятичского» происхождения) колонизовали среднее течение Оки лишь к концу X в. (см.: Монгайт А. Л. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э. — СА, XVIII, 1953, с. 176).

¹²⁰ См.: Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 115—140; Розенфельд И. Г. Раскопки на северном мысу Старорязанского городища. — АО-1967. М., 1968, с. 59; Зубарева В. М., Краснов Ю. А. Об археологических данных для характеристики мордовско-вятичских отношений. — СА, 1969, № 3, с. 281.

¹²¹ См.: Зубарева В. М., Краснов Ю. А. Указ. соч., с. 285.

¹²² Аванесов Р. И. Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей. — ИАН ОЛЯ, т. XI, 1952, вып. 2, с. 165—166.

что к северу от современной границы $\gamma \sim z$, в юго-западном Подмосковье (в районе от Звенигорода до Подольска), поселения *вятичей* (определяемые на основании реалий, появляющихся в по-слелетописное время!) датируются с XI в.¹²³; а в непосредственной близости от Москвы, в Одинцове, «где при предыдущих работах были отмечены кривичские (! — Г. Х.) захоронения, раскопано женское вятичское погребение XIII в., что подтверждает тесный контакт этих двух славянских племен (? — по отношению к XIII в. явный анахронизм; вероятно, было бы строже: двух древнерусских этнографических групп, наследовавших культурные традиции разных восточнославянских племен. — Г. Х.) в непосредственной близости от первоначальной Москвы»¹²⁴.

* *
*

Вопреки археологическим свидетельствам о единстве происхождения создателей роменско-боршевской культуры VIII—IX вв., летописец утверждает, будто, в отличие от *севера*, «*Радимичи бо и Вятичи о(т) Ляховъ. бяста бо 2 брата в Лясѣ(х). Радимъ. а [други] Вя(тко) и пришедъша. съдоста Радимъ на Съжю [и] прозв[а]шася Радимичи. а Вятъко съде съ родомъ своимъ по Оцѣ. о(т) него же прозвашася Вятичи*» (Введ., ст. 12).

В лингвистической литературе давно доказана несостоятельность попыток А. А. Шахматова обосновать справедливость летописного утверждения ссылками на якобы «ляшское» происхождение некоторых фонетических особенностей восточнославянских диалектов Белоруссии и Рязанщины¹²⁵; и цоканье, и шепелявенье, и дзеканье, и другие своеобразные черты отдельных восточнославянских говоров не имеют прямой генетической связи со сходными явлениями лехитских диалектов и как на западе и северо-западе, так и на территории Рязанщины развились под влиянием субстра-

¹²³ См.: Краснов Ю. А. Раскопки на Успенском городище в 1961—1962 гг. — КСИА, вып. 102. М., 1964, с. 102—103; Векслер А. Г. Раскопки в Западном Подмосковье. — АО-1966. М., 1967, с. 42; ср.: Розенфельд Р. Л. Археологические разведки в Подмосковье. — АО-1966. М., 1967, с. 41.

¹²⁴ Векслер А. Г. Жуковское селище под Москвой. — АО-1967. М., 1968, с. 50. В более позднем сообщении об этих раскопках отмечается, что «вятичские» курганы в Подмосковье известны со второй половины XI в. (см.: Векслер А. Г. Семиверхие курганы вятичей в Одинцове под Москвой. — В кн.: Древние славяне и их соседи. МИА, № 176. М., 1970, с. 122). Курганы XI—XII вв. в районе Можайска также оказываются «типично вятичскими» (см.: Равдина Т. В. Шишимировские курганы. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 227).

¹²⁵ См.: Поржезинский В. К. Введение в языковедение, изд. 3. М., 1913, с. 45; Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах, с. 118—119; Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке..., с. 118—119 и далее.

та ¹²⁶. Вместе с тем становится ясным и другое: признание местной природы якобы «ляшских» особенностей в восточнославянских диалектах не опровергает летописного утверждения о «ляшском» происхождении *вятичей* (как и *радимичей*), ибо в период обособления славяноязычных племен Восточной Европы (VI—VIII вв.) лехитские диалекты еще не знали тех специфических «ляшских» черт, которые имел в виду А. А. Шахматов, и мало отличались от диалектов восточноевропейских славян ¹²⁷.

Учитывая отмечавшуюся выше генетическую общность лехитских диалектов с северно-восточнославянскими, можно было бы считать, что в сообщении Нестора о «ляшском» происхождении *радимичей* и *вятичей* преломились какие-то давние предания об этой общности, может быть, не имеющие прямого отношения к происхождению тех племенных групп, о которых в данном случае говорит летописец ¹²⁸. Однако на стороне летописной версии оказывается ... этноним *вят-ич-и*, образованный от корня **vent-*, т. е. этимологически связанный с прибалтийским этнонимом *венеты*: случайно ли «потомками **вят-и*», т. е. *вят-ич-ами*, именовалась как раз та племенная группа, которую летописцы выводили с западных окраин Руси, заселенных лехитскими («ляшскими») и западнобалтийскими племенами *ятвягов* и *прусов*? В признании реальности летописной версии я вижу сейчас единственную возможность преодолеть противоречия между историческими, археологическими, этнонимическими и диалектологическими показаниями о *вятичах* как одном из приокских объединений южно-восточнославянского ареала. Тем более, что, как показывает история славистических исследований, многие сообщения нашей летописи, основанные на народных преданиях, как правило, имеют реальную историческую основу, хотя иногда и сильно искаженную, приобретшую легендарный характер; более разумным в таких случаях является поиск этой реальной основы, а не отрицание сообщения.

Как уже неоднократно упоминалось, летописные *вятичи* занимали южную часть предшествовавшего им ареала мощинской культуры IV—VII вв., на базе которой формируются их характерные древности (см. карту 20) и которая, в свою очередь, сложилась в результате воздействия зарубинецкого населения на создателей культуры верхнеокских городищ «эпохи железа» ¹²⁹. Именно регионом летописной локализации *вятичей* ограничивается ареал захоронений верхнеокского типа VIII—X вв. (см. карту 20);

¹²⁶ Ср.: Селищев А. М. Соканье и шоканье в славянских языках. — В кн.: Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968, с. 600—602; Аванесов Р. И. Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей, с. 169—171.

¹²⁷ Ср.: Селищев А. М. Славянское языкознание, с. 331; см. обзор: Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке..., с. 119—120 и др.

¹²⁸ Ср.: Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства, с. 16.

¹²⁹ См.: Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, с. 66; Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 43—44.

и лишь позднее разновидности захоронений, признанные «вятичскими», охватывают более обширную территорию — вплоть до поречья Москвы-реки (см. выше, с. 135—136). Однако эта обширная область, оказывающаяся в культурно-этнографическом отношении единой как до появления на ее юге роменско-боршевских городищ (т. е. в мощинский период), так и в позднедревнерусское время («вятичской», по А. В. Арциховскому), не обнаруживает единства в диалектологическом отношении: регион летописных *вятичей*, поразительно совпадающий с областью «вятичских» курганов летописного времени¹³⁰, предстает как генетически южно-восточнославянский (с фрикативным [γ]), а затем включается в ареал распространения типов аканья-яканья, связанных с диссимилиативной зависимостью предупреденного и ударенного гласных (ср. карту 9), в то время как остальная территория археологических «вятичей» XII—XIV вв. явно примыкает к северо-восточной диалектной зоне этого времени и ее говоры никак «не обнаруживают своего исконного южновеликорусского характера». И именно летописные сообщения помогают разобраться в этих «несоответствиях».

Благодаря летописи мы знаем, что часть «вятичского», по А. В. Арциховскому, ареала, которая в диалектном отношении «не обнаруживает своего исконного южновеликорусского характера», в действительности еще в середине XI в. (!) была занята неславяноязычным населением — *голядью*, непосредственные предки которой, пользовавшиеся западнобалтийской речью, и были носителями мощинской культуры. Анализ археологического материала достаточно убедительно обнаруживает сосуществование на верхней Оке в VIII—X вв. собственно «вятичских» и позднемощинских курганов, характерных и для голядской территории, и позволяет утверждать, что в районе летописной локализации *вятичей*, «расселившись в земле *голяди*, славяне постепенно смешались с аборигенами и ассимилировали их, унаследовав элементы их культуры», в то время как «более северные области вятичского ареала в это время, по-видимому, были заняты *голядью*»¹³¹. Иными словами, потомки «мощинцев», разошедшиеся в языковом развитии (в южном секторе — славяноязычные, в северном — балтоязычные), могли сохранять некоторые общие этнографические особенности и даже усвоить новые общие особенности (семилопастные височные кольца, хрустальные и стеклянные шарообразные бусы и др.), которые положены в основу выделения якобы «вятичского» ареала XII—XIV вв., т. е. начиная с того времени, когда существование *голяди* в северной части этого ареала подтверждается летописью! Это значит, что памятники «вятичской» принадлежности XII—XIV вв. в междуречье Оки и Москвы принадлежали не тому населению, прямых предков (!) которого лето-

¹³⁰ Ср.: Седов В. В. Ранние курганы вятичей, в частности с. 16.

¹³¹ Седов В. В. Ранние курганы вятичей, с. 15—16.

писцы знали под именем *вятичей*, а тому, которое было известно им под именем *голяди*, долгое время «сдерживавшей» распространение на восток языковых явлений «общезападного» происхождения (см. выше, с. 35) и русифицированной после XI в., что и зафиксировано фактами, интерпретируемыми в археологии как взаимодействие «вятичей» и «кривичей» в XII—XIV вв. в юго-западном Подмоскowie (см. с. 136—137). Но если археологические «вятичи» междуречья Оки и Москвы были в действительности балтоязычной *голядью*, то естественно, что их взаимодействие с «кривичами» в XII—XIV вв. (фиксируемое археологически) отразило распространение ростово-суздальского диалекта на юго-западное Подмоскowie, в связи с чем север «вятичского» археологического ареала этого времени и «не обнаруживает своего исконного южновеликорусского характера»!

В свете изложенных фактов и предположений следует считать, что имя *вятичей* связано с этнонимом, который в дославянское время характеризовал верхнеокское (южное) объединение носителей мощинской культуры (скажем, **ventis*?), близкородственное объединению *голяди* (балт. *gālindis*). Следовательно, летописная версия могла отразить бытовавшую среди непосредственных физических предков *вятичей* давнюю легенду об их происхождении с запада (см. экспансию носителей зарубинецкой культуры в Подесенье и на верхнюю Оку — с. 86 и далее), что во времена первых летописцев могло находить подтверждение в языковой (?) близости *вятичей* и *радимичей* населению русско-польского пограничья (например, *ятвягам*), а не Поднепровья.

Учитывая тождество славянских памятников VIII—IX вв. по верхней Оке и верхнему Дону, археологи обычно переносят на последние (по особенностям материальной культуры — боршевские) название «вятичских»¹³², хотя летопись придонских славян (?) никогда к *вятичам* не относит. Более того, составители Древнейшего летописного свода вообще не упоминают о славянских поселениях на Дону в эпоху *вятичей* и *севера*; но в описаниях арабских путешественников сведения о славянах Подонья встречаются. Это каждый раз учитывал в своих этногонических построениях А. А. Шахматов, долгое время причислявший придонских славян (?) к *вятичам*, которые, по его мнению, до конца X — начала XI в. под напором степных кочевников (активизировавшихся в связи с упадком Хазарского каганата) могли переселиться в Поочье¹³³, а в последних работах характеризовавший их

¹³² См. обзор: Монгайт А. Д. Рязанская земля, с. 121—124 и далее.

¹³³ См.: Шахматов А. А. Южные поселения вятичей. — ИОРЯС, т. XVI. 1907, с. 715—729; Он же. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Введение, с. XXIII—XXV; Он же. Очерк современного русского литературного языка, изд. 4. М., 1941, с. 232—233.

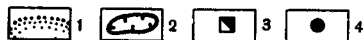
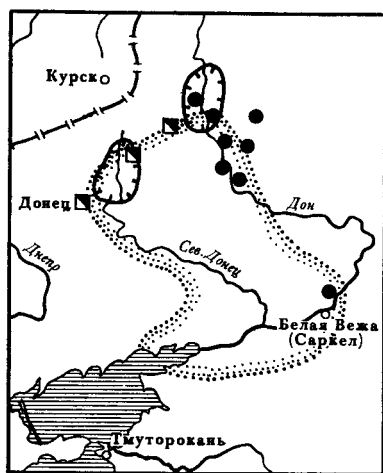
как исторически неизвестную, но многочисленную племенную группу (включая беловежцев) носителей «степного наречия» — будущего южновеликорусского¹³⁴.

В последние годы появилась возможность предполагать, что носители боршевской культуры Подонья — это, возможно, предки бродников летописных сообщений XII—XIII вв. — предшественников будущего донского казачества, оторвавшихся от Руси и тесно связанных с тюркоязычными степными кочевниками, в 1223 г., в битве при Калке, вместе со своим воеводой Плоскыней выступивших против русских князей¹³⁵. Основанием для такого предположения служит открытие славянских поселений XII—XIII вв. на Дону, очень своеобразных по своим культурным особенностям и заметно отличающихся от синхронных славянских городищ Северского Донца (см. карту 21). Основное своеобразие по-

Карта 21

Славянские поселения
на Дону и Донце:

1 — основной ареал салтовомаяцкой культуры VIII—IX вв. (по С. А. Плетневой); 2 — «острова» роменско-боршевских памятников VIII—IX вв. на верхнем Донце и Дону (по И. И. Ляпушкину) — за пределами основного ареала славянских курганов IX—X вв. (см. карту 20); 3 — славянские городища VIII—IX вв. на юго-восточной окраине древней Руси (по С. А. Плетневой); 4 — поселения «бродников» XII—XIII вв. (по С. А. Плетневой)

селений Подонья — полное отсутствие здесь каких-либо укреплений, что, по мнению исследователей, и должно свидетельствовать о тесной связи местного населения со степными кочевниками.

В число «бродников», в значительной степени пополнявшихся бежавшими на Дон представителями различных социальных слоев Древней Руси и использовавшихся русскими князьями и половец-

¹³⁴ См.: Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919, с. 34 и далее, в частности с. 63—64.

¹³⁵ Материал о бродниках XI—XIII вв. см.: Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884. Попов И. А. Кипчаки и Русь. — «Учен. зап. [ЛГУ]». Серия исторических наук, вып. 14, 1949.

кими ханами в качестве наемной силы, по мнению С. А. Плетневой, «безусловно, входили и выходцы из степи: алано-болгары и сами половцы, но они не оставили следа в быте этих далеких русских поселений»¹³⁶, что можно констатировать и для более ранних славянских придонских поселений VIII—IX вв. (роменско-боршевского периода). Последнее обстоятельство позволяет считать, что в диалектном отношении придонские *бродники* (или их предки), если они действительно оставались славяноязычными, должны были быть связаны с «северско-вятичской» изоглоссной областью.

«РАДИМИЧИ»

Как уже отмечалось, археологические исследования последних десятилетий подтверждают свидетельство летописца о том, что «*радимичи, вятичи и съверъ* одинъ обычай имяху»: славянские памятники территорий, отведенных летописью этим «племенам», действительно, очень близки друг другу, хотя и характеризуются различиями, в основном относящимися к периоду более позднему. — XI—XIII вв.¹³⁷ В то же время обнаруживается, что древности славянского облика на территории, которую летописец отводит *радимичам*, появляются не ранее IX в.¹³⁸, т. е. как раз тогда, когда завершается оформление «вятичской» группы носителей роменско-боршевской культуры.

Первые погодные записи о *радимичах* не упоминают. В частности, среди данников Хазарского каганата в записи под 859 г. названы *поляне, север и вятичи*; и лишь в записи под 885 г. *радимичи* упоминаются впервые как население Посожья, якобы также выплачивающее дань хазарам, но явно еще не имеющее собственной политической организации и без сопротивления признающее власть киевского князя Олега. А приуроченный к следующему столетию (под 984 г.) рассказ о покорении *радимичей* Владимиром I настолько живописен (см. сводку цитат в след. главе), что не оставляет сомнений в том, что еще в X—XI вв. так именовалась своеобразная в этнографическом отношении группа поселенцев Посожья, во времена Владимира попытавшаяся заявить о своей самостоятельности. Этот летописный рассказ — последнее упоминание о *радимичах*, постепенно полностью слившихся с со-

¹³⁶ Плетнева С. А. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время, с. 31—32.

¹³⁷ См.: Третьяков П. Н. Восточнославянские племена, изд. 2. М., 1953, с. 238, 242—245; Соловьева Г. Ф. К вопросу о приходе *радимичей* на Русь. — В кн.: Славяне и Русь, с. 355—356.

¹³⁸ См.: Седов В. В. Из истории восточнославянского расселения. — КСИИ, вып. 104. М., 1965, с. 8—10; Он же. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 134; Соловьева Г. Ф. К вопросу о приходе *радимичей* на Русь, с. 352—356.

седним славянским (древнерусским) населением¹³⁹ и не оставивших по себе следов, кроме бытовавшего еще в XII в. названия области *Радимичи* — где-то на полпути между Полесьем и Суздальской землей¹⁴⁰.

Откуда же в самом центре формирующегося Древнерусского государства к исходу IX столетия «появляется» своеобразная этнографическая группа, известная летописцам под именем *радимичей* и не названная Нестором ни среди тех, кто на Руси говорит «по-словенски» (по-древнерусски), ни среди тех, кто говорит на других языках (см. Введ., ст. 11)?

* *
*

Сообщение летописи о том, что *радимичи* — «от Ляхов», как уже не раз разъяснялось в литературе последних лет, не следует понимать в том смысле, будто они непременно были носителями одного из лехитских диалектов. Оно могло означать и то, что на Сожь «пришли» их предки, а не сами *радимичи* как население IX—X вв., и то, что их диалект, не воспринимавшийся соседями как «неславянский» (?), тем не менее достаточно заметно отличался от окружающих восточнославянских говоров. Но тот факт, что в памятниках Посожья культурно-этнографические элементы, признаваемые славянскими, обнаруживаются не ранее IX в., для большинства историков и археологов является вполне убедительным подтверждением летописной версии о приходе *радимичей* «со стороны»¹⁴¹, хотя точно так же обстоит дело и с памятниками летописной территории *дреговичей* (см. далее).

Более вероятным кажется, что *радимичи* ниоткуда не «приходили» и были... аборигентами Посожья! Как уже отмечалось, археологический материал позволяет предполагать, что местное дославянское население оформилось в начале нашей эры при участии зарубинецких племен и, судя по гидронимии Посожья, могло быть носителем диалекта голядско-ятвяжского типа (см. с. 89—93). Последнее обстоятельство было достаточным основанием для летописного сопоставления носителей посожских говоров с пограничным населением *Лядьской* земли, например *ятвягами*. Понятна в этом случае и «неопределенность» языковой характеристики *радимичей* (и *вятчей*) при описании

¹³⁹ На «радимичскую» территорию уже в XI в. последовательно проникают памятники «кривичей» (см.: Соловьева Г. Ф. К вопросу о приходе *радимичей* на Русь, с. 356).

¹⁴⁰ См. в записи под 1169 г.: «Перемета мостъ на Горинѣ и не пусти его к собѣ, ая же уворотся та на *Радимиче* к Андрееви Суждалю» (ПСРЛ, т. II, с. 537).

¹⁴¹ См.: Седов В. В. Из истории восточнославянского расселения, в частности с. 10—11 и др.; Он же. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 142—143; Соловьева Г. Ф. К вопросу о приходе *радимичей* на Русь, в частности с. 352—356.

диалектно-этнографического состава населения Восточной Европы на страницах летописи: нельзя не заметить, что Нестор перечисляет лишь славяноязычные («Се бо токмо словѣнскъ языкъ на Руси...»), финно-угорские и восточнобалтийские группировки, входившие в состав Руси («А се суть инии языци, иже дань даютъ «Руси...» — см. с. 105), но избегает языковой характеристики западных балтов (хотя в разных погодных записях упоминаются и *ятвяги*, и *прусы*, и *голядь*), как не включает ни в одну из выделенных им групп ни *радимичей*, ни *вятичей*.

Оказавшись с IX в. в центре Древнерусского государства, племена Посожья, находившиеся в стороне от основных путей и потому ранее не подвергавшиеся ассимиляции, теперь неизбежно начинают воспринимать древнерусские (!) культурно-этнографические особенности, которые и проявляются в местных памятниках с этого времени¹⁴²; но еще «в радимичских курганах XI—XII вв. балтские элементы обнаруживаются чаще, чем в других областях»¹⁴³.

Таким образом, факты подсказывают, что своеобразие генезиса *радимичей* как славяноязычной этнографической группы (в отличие, скажем, от генезиса *северян*) заключается в том, что это — славянизированные автохтоны Посожья¹⁴⁴, а не результат смешения аборигенов (балтоязычных?) со славянами. И, вероятно, именно поэтому «одним из наиболее значительных скоплений балтийской гидронимии в Верхнем Поднепровье является бассейн Сожи»¹⁴⁵.

«ВЕЛЫНЯНЕ», «ДЕРЕВЛЯНЕ» И «ДРЕГОВИЧИ»

В то время, когда в центральной лесной полосе Восточной Европы еще не звучала славянская речь, на юго-западе будущей Руси — на Волини и южном Припятском Полесье, где древности, эволюционно перерастающие в древнерусские, фиксируются с VI в., славяноязычные племена уже подошли к созданию «конфедерации» или даже раннего государственного объединения (см. выше, с. 97—98). Это объединение, существовавшее, судя по всему,

¹⁴² В. В. Седов признает, что в регионе *радимичей* культурно-этнографическая славянизация балтов происходила позднее, чем в других древнерусских областях (см.: Седов В. В. Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 135).

¹⁴³ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 141.

¹⁴⁴ Ср. выводы антрополога: «Общность физического облика западных *кривичей*, *радимичей* и *дреговичей*, сходство их со средневековым летто-литовским населением <...> могут быть оценены как проявление единого антропологического субстрата» (Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян, с. 252—253).

¹⁴⁵ Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, с. 233.

в VI—VII вв.¹⁴⁶, видимо, было достаточно заметным, если память о нем дошла до наших первых летописцев и отразилась в сочинениях арабских писателей IX—X вв.¹⁴⁷. Авторам нашей летописи, в частности, было известно, что там, где в их время находятся *вельняне* (а до них — *бужане*?), раньше жили *дулебы*, разгромленные аvarами (*обрами*); а Масуди сообщает, что, по его сведениям, «в древности» в этом районе существовало объединение славянских племен, в котором господствовало племя *Валинана*¹⁴⁸.

В соответствии с этимологией Р. Нахтигала, летописный этноним *вельняне* является точным славянским соответствием германскому по происхождению термину *дулебы*: *dudlěba* < герм. *Dudl-eiba* < **Dudleipa* 'страна волынок'¹⁴⁹. Если эта этимология верна, то она требует допущения, что германоязычные поселения, которые могли появиться здесь в период готских войн (II—IV вв.; западногерманское происхождение этнонима не должно смущать, ибо миграция готов могла захватить разноречные племена), застали в верховьях Западного Буга поселения *волыни* (или **вельны* — см. след. главу), имя которой было ими калькировано, сохранившись, однако, в названии местности *Волянь*, послужившем впоследствии производящей основой для образования имени нового славянского населения Волини (*вельняне*), закрепившегося здесь к VI в. Во всяком случае археологам поселения готского времени здесь известны¹⁵⁰, как известны и редкие гидронимы (среди иллирийских, дако-фракийских и балто-славянских) германского происхождения (см. карту 12). Археологически может быть подтверждено и существование самого «Волянского» («Дудлебского») племенного объединения, если принять во внимание, что на Волини и в южном Припятском Полесье славянская материальная культура по крайней мере до X в. не обнаруживает заметных локальных разновидностей, охватывая территории летописных *вельнян*, *древлян* и отчасти *дреговичей*¹⁵¹.

¹⁴⁶ Подробный анализ соответствующих исторических сообщений, сопоставленных с археологическими данными, см.: Седов В. В. О юго-западной группе восточнославянских племен. — В кн.: Историко-археологический сборник. Изд-во МГУ, 1962, с. 197—203.

¹⁴⁷ Именно летописные сообщения, соотнесенные со свидетельствами иноземных (в первую очередь — арабских) путешественников, позволили в свое время В. О. Ключевскому высказать предположение о существовании в VII в. на Волини «Дудлебского государства» (см.: Ключевский В. О. Сочинения, т. 1, М., 1956, с. 109—110).

¹⁴⁸ См.: Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, с. 137—138.

¹⁴⁹ Nahtigal R. *Dudleipa* — *Dudlěbi*. — «Slavistična revija», IV, 1956, 1—2, с. 95—96; Трубачев О. Н. Лингвистическая география и этимологические исследования. — ВЯ, 1959, № 1, с. 23; ср. иную этимологию: Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — ВЯ, 1974, № 6, с. 52—53.

¹⁵⁰ Ср. основные выводы Ю. В. Кухаренко, изложенные в отчете о совещании по проблемам черняховской культуры (СА, 1969, № 3, с. 291).

¹⁵¹ См.: Русанова И. П. Территория *древлян* по археологическим данным. — СА, 1960, № 1, с. 69; Седов В. В. О юго-западной группе восточнославянских племен, с. 198—199.

Указанные данные позволяют предполагать, что летописные «племена», локализованные на территории современной северо-западной Украины, к началу древнерусского периода должны были пользоваться слабо дифференцированными диалектами «склавенского» происхождения (ибо речь идет о территории, охваченной в VI—VII вв. житомирско-корчакской разновидностью культуры пражского типа — см. с. 97—98). А если учесть, что рассматриваемый регион находится в центре современного ареала фрикативного звонкого заднеязычного согласного (см. выше, с. 107), то можно утверждать, что эта славянская инновация оформилась в диалекте летописных *велинян* и *деревян* до проникновения славянской речи за Припять.

* *
*

«Волынское» (территориально — волынско-полесское) объединение племен, если оно действительно существовало, подобно другим раннесредневековым государствам, включало близкородственные этнические группы с еще не стабилизировавшимся хозяйством, в значительной степени сохранявшие родоплеменные отношения. Как и остальные известные раннеславянские государственные объединения VII столетия («Княжество Само», «Союз семи племен» на Дунае), оно распалось при первом же ударе аваров, ибо не имело прочной экономической основы. С аварским нашествием связывает бедственные события на Волыни и наша летопись:

Си же [обр]и воеваху на Словѣнь(х). и примучиша *Дулѣбы*. сущая Словѣны. и насилье творяху женамъ [Дулѣбскимъ] (Введ., ст. 11—12); *Дулѣбы* живяху по Бу(гу) гдѣ ныне *Велиняне* (ib., ст. 12—13).

Если верно, что «сохранение на различных частях славянской территории тождественных этнонимов говорит лишь об их связи и общем происхождении»¹⁵², то известные по средневековым хроникам *dudlěbi* в Чехии и Паннонии могли представлять собой племенные группы, оторвавшиеся от некогда единого союза и ушедшие на запад, спасаясь от аварских погромов. Более того, В. Д. Корольюк остроумно доказывает, что летописное предание об аvaraх отражает их взаимоотношения не с волынскими, а паннонскими *дулебами*; но киевский книжник летописного периода уже не знал о существовании в VII в. каких-либо иных *дулебов*, кроме волинских, а потому и связал с ними дошедшее до него предание¹⁵³. Это предположение представляется очень вероятным; а

¹⁵² Трубачев О. Н. Лингвистическая география и этимологические исследования, с. 23.

¹⁵³ См.: Корольюк В. Д. Авары (*обр*ы) и *дулебы* русской летописи. — «Археографический ежегодник за 1962 г.», М., 1963.

разгром «Волынского» объединения аварами¹⁵⁴ естественно мог привести к обособлению племенных групп, некогда в него входивших, после чего культурное развитие на Волыни и на Житомирщине идет в разных направлениях. В частности, юго-восточное Полесье и Житомирщина — область летописных *деревлян* (по летописи, *Дерева* — как историческое название давнего района расселения племенной группировки с этим названием) становится центром формирования культуры типа Луки-Райковецкой, которая эволюционно продолжает житомирско-корчакскую и основные признаки которой отчетливо проявляются уже в памятниках VIII столетия.

В том же VIII в. культура типа Луки-Райковецкой начинает распространяться на восток и на юг и в поречье Днепра сталкивается с «антской» (тясминско-побужской). Здесь, на границе двух раннеславянских археологических культур, и формируются летописные *поляне*; а древности типа Луки-Райковецкой вплоть до X в. характеризуют не только область летописных «*деревлян*, но и *полян*, *тиверцев*, *волынян*...»¹⁵⁵.

В процессе поглощения выходцами из «волынского» ареала остатков днепро-бужского «антского» (?) населения и должна была оформиться южно-восточнославянская диалектная область — с фрикативным [γ] и особенностями, объединяющими восточнославянские говоры с южнославянскими.

* *
*

Нет сомнений в том, что в южном Припятском Полесье и на Житомирщине славянское население ко времени создания Древнерусского государства было если не единственным, то во всяком

¹⁵⁴ В «Истории» Феофилакта Симокатты под 602 г. сообщается, что аварский каган «послал Апсиха с войсками с тем, чтобы истребить племя *антов*»; летописная легенда о жестоком покорении *дулебов* аварами, перекликающаяся с этим сообщением, дала повод некоторым историкам отождествлять летописных *дулебов* с *антами* византийских авторов (см., например: Брайчевский Ю. М. Антский период в истории восточных славян. — «Археологія», т. VII. Київ, 1952, с. 21—42). Невозможность такого отождествления не вызывает сомнений в свете данных о различном характере славянских культурных памятников VI—VII вв. на «антской» и «дулебской» территориях (см. выше, с. 97—100); географическое же расположение этих районов говорит о том, что именно разгром «Антского» племенного союза и мог открыть аварам путь на Волынь — в землю *дулебов* (ср.: Филин Ф. П. Заметка о термине *анты* и о так называемом «антском периоде» в древней истории восточных славян. — В кн.: Проблемы сравнительной филологии (Сб. статей к 70-летию В. М. Жирмунского). М. — Л., 1964).

¹⁵⁵ Гончаров В. К. Лука-Райковецкая. — В кн.: Славяне накануне образования Киевской Руси. МИА, № 108. М., 1963, с. 315; ср.: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 82; см. указание на специфические особенности киевского варианта памятников типа Луки-Райковецкой: Березовец Д. Т. Поселение *улицей* на р. Тясмине. — В кн.: Славяне накануне образования Киевской Руси, с. 202.

случае единственно заметным: его непрерывное пребывание здесь бесспорно по крайней мере с VI в. (а то и ранее, если зарубинецкая культура действительно принадлежала славянам). Этим и обусловлено отмеченное выше единство материальной культуры восточноевропейского Юго-запада, по существу не знающей каких-либо локальных вариантов¹⁵⁶, на протяжении нескольких столетий — с VI по IX в. Только к концу IX—X вв., по наблюдениям исследователей, на юго-западе начинают выявляться незначительные локальные различия в погребальном обряде. Эти-то различия и позволяют наметить (да и то весьма условно) археологические границы трех племенных групп, как будто соответствующих летописным *вельянам*, *древлянам*, а также *дреговичам*, которые долгое время, по мнению археологов, «занимали сравнительно небольшую часть Припятского бассейна в той его части, где впоследствии был основан племенной центр — г. Туров»¹⁵⁷; поречье Припяти отделяется как в культурно-этнографическом, так и в антропологическом отношении от остальной «дреговичской» территории и позднее — в XI—XII вв.¹⁵⁸

«Начало дреговичской колонизации левобережной части Припятского бассейна датируется курганами с трупосожжениями IX—X вв.»¹⁵⁹; а формирование *дреговичей* как этнической группы, отличавшейся от остальных славянских групп «волынского» (волынско-полесского) происхождения, в значительной степени было обусловлено воздействием на славянских колонистов Припятского левобережья ассимилированного ими восточнобалтийского населения. Нельзя при этом не заметить, что область *дреговичей*, очерчиваемая археологическими исследованиями, расходится с той, какую отводит им летопись, оказываясь, как это наблюдалось и в случаях с *кривичами* и *вятичами*, значительно шире летописной.

Если археологи, опираясь на погребальный материал, включают в область «дреговичей» как центральный район Припятского правобережья, так и междуречье Припяти и Западной Двины¹⁶⁰, то летопись отводит им только этот последний регион, заявляя, что славяне, которые «сѣдоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася *Дреговичи*» (Введ., ст. 6; *Р* и *М.-А.* — *Дреговичи*). При

¹⁵⁶ См.: Русанова И. П. Территория *древлян* по археологическим данным, с. 65—66; Тимофеев Е. И. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв. — СА, 1961, № 3, с. 56; Седов В. В. О юго-западной группе восточнославянских племен, с. 197 и далее; Он же. Дреговичи. — СА, 1963, № 3, с. 114—115.

¹⁵⁷ Седов В. В. Дреговичи, с. 121; Он же. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 84.

¹⁵⁸ См.: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 87.

¹⁵⁹ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 84; Он же. Дреговичи, с. 122.

¹⁶⁰ См.: Тимофеев Е. И. Указ. соч., с. 57—63; Седов В. В. О юго-западной группе восточнославянских племен, с. 198—199; Он же. Дреговичи, с. 112—122.

этом (что особенно важно!) летописец отнюдь не игнорирует Припятское поречье с его правым берегом в районе г. Турова (следовательно, нет оснований считать, будто он и в данном случае «не абсолютно точно» определяет области расселения славяноязычных группировок Восточной Европы); но только летопись отделяет местное население от *дреговичей*, называя его *туровцами* и возводя к роду некоего *Тура*: «Туры (имяше власть свою) [в] Туровѣ. о(т) него же и *Туровци* прозва(шася)» (980 г.).

Тщательный анализ погребальных памятников заставляет разделить археологическую (!) область *дреговичей* на две части: южную — с более ранними славянскими поселениями с центром в Турове, в VI—VII вв. составлявшими часть житомирско-корчакского археологического ареала, и северную — колонизованную лишь после IX в. При этом оказывается, что граница между ними в основном совпадает с южной границей дославянской культуры штрихованной керамики, приписываемой одной из групп восточных балтов (в частности, предкам *литвы*)¹⁶¹, и очень близка южной границе «сплошной» балтийской гидронимии на территории Белоруссии (ср. материал карт 11, 18 и 22). Короче, «картография деталей погребальной обрядности дреговичских курганов XI—XII вв. обнаруживает членение *дреговичей* на две части», чему соответствует и антропологическая граница, проходящая вдоль давней южной границы культуры штрихованной керамики¹⁶².

Отмеченные материалы заставляют думать, что под именем *дреговичей* летописцу и в самом деле было известно лишь население Припятско-Двинского междуречья (которое он отличал от населения собственно Туровщины!) и что сформировалось оно в результате славянизации балтоязычных автохтонов — прямых потомков южной группы носителей культуры штрихованной керамики.

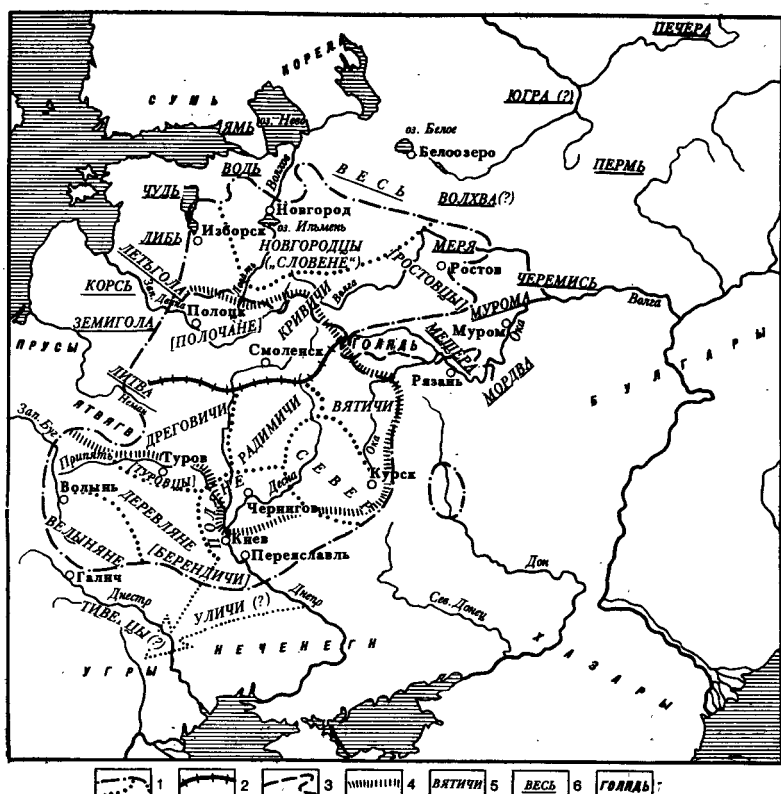

В междуречье Немана и Западной Двины древности X—XI вв. образуют вдоль границ летописных *дреговичей* и *кривичей* (*полочан*) широкую полосу со смешанной «кривичско-дреговичской» культурой¹⁶³, что может интерпретироваться как отражение взаимодействия носителей южно- и северо-восточнославянских диалектов, т. е. как первоначальная граница древнерусских диалектов с $\gamma(h)$ и $g(g)$.

¹⁶¹ См.: Седов В. В. Дреговичи, с. 117—118.

¹⁶² См.: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 87.

¹⁶³ См.: Алексеев Л. В. Полоцкая земля, с. 52.

Карта 22

Этнический состав Древнерусского государства IX—X вв.

(по «Повести временных лет» и археологическим данным):

1 — территория славянских курганов IX—X вв. и области восточнославянских «племен» по археологическим данным (см. карту 18); 2 — южная граница археологических «кривичей», разделяющая области северно- и южно-восточнославянской колонизации (см. стр. 149); 3 — современная граница противопоставления $g \sim \gamma(h)$; 4 — ареал раннедревнерусской славянизации балтов (см. карту 11); 5 — славяноязычные этнические (или диалектно-этнографические) группы древней Руси по «Повести временных лет» (в квадратных скобках указаны названия диалектно-этнографических групп древнерусского населения, упоминаемые летописью, но в историко-археологических исследованиях не закрепленные за носителями каких-либо локальных разновидностей основных культурно-этнографических комплексов); 6 — неславянские этнические группы, входившие, согласно летописи, в состав Древнерусского государства; 7 — восточноевропейские этнические группы IX—X вв., не являвшиеся данниками Киевской Руси

В исторической литературе не раз отмечалась «неуловимость» территории, которая могла бы принадлежать летописным *полян*. В конечном счете оказывается, что это — узкая полоса Днепро-вского правобережья от Киева до Роси¹⁶⁴, где в «эпоху железа» фиксируются милоградские городища (см. карту 18), а на рубеже новой эры находился один из центров средоточия памятников зарубинецкой культуры (см. с. 91); где позднее известны те же «антские» клады VI—VII вв., что и в левобережье (см. карту 17), а в VIII—IX вв. распространяется культура типа Луки-Райковецкой, родственная левобережной роменско-боршевской, и где в IX в. складывается ядро Киевского княжества, ставшего центром обширного Древнерусского государства.

Археологически генетическая связь населения Киевщины с тясминско-побужским¹⁶⁵, с одной стороны, с волыньско-житомирскими и подеснинскими («роменскими») славянами — с другой, достаточно заметна¹⁶⁶; причем поселения с достоверно славянскими особенностями материальной культуры в районе Киева появляются как будто не ранее VIII столетия¹⁶⁷. Последнее, однако, не означает, что памятники летописных *полян* распространяются в незаселенном районе Поднепровья. Открытия последних лет все более убеждают в том, что «место, где позднее возник г. Киев, в зарубинецкое время было густо заселено»¹⁶⁸; а исследователь славянских захоронений этого региона подчеркивает роль «черняховского элемента в сложении антропологического типа *полян*»¹⁶⁹. Более того, констатируя, что «*поляне* по комплексу антропологических особенностей в общем не похожи ни на одну из групп своих ближайших южных соседей»¹⁷⁰, Т. И. Алексеева обнаруживает преемственность летописных *полян* со среднеднепровскими абorigенами, начиная с доскифского времени¹⁷¹.

¹⁶⁴ См. обзор: Рыбаков Б. А. Поляне и северяне (К вопросу о размещении летописных племен на среднем Днепре). — В кн.: Советская этнография. Сборник статей, VI—VII. М. — Л., 1947, с. 95—96.

¹⁶⁵ См.: Третьяков П. Н. О древнейших русах и их земле, с. 186.

¹⁶⁶ См.: Третьяков П. Н. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки, с. 84; Он же. О древнейших русах и их земле, с. 185—186.

¹⁶⁷ См.: Каргер М. К. Археологические памятники древнего Киева. Отчеты и материалы (1938—1947). Київ, 1951, с. 6 и др.

¹⁶⁸ Шовкопляс А. М. Памятники зарубинецкого времени в г. Киеве. — В кн.: Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье. МИА, № 160. Л., 1969, с. 75.

¹⁶⁹ Великанова М. С. К этнической антропологии Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. — КСИА, вып. 105, М., 1965, с. 63.

¹⁷⁰ Алексеева Т. И. Антропологические материалы к этногенезу восточных славян. — СА, 1964, № 3, с. 98; см. также Великанова М. С. К антропологии средневековых славян Прутско-Днепровского междуречья. — СЭ, 1964, № 6, с. 44.

¹⁷¹ См.: Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян, в частности с. 256.

В IX—XI вв., в период образования и развития Киевской Руси, на среднем Днепре под влиянием культуры типа Луки-Райковецкой окончательно оформляется своеобразная местная разновидность древнерусской материальной культуры, охватывающей регион в треугольнике Киев — Чернигов — Переяславль (территорию собственно *Руси* — в узком смысле), с характерной группой могильников¹⁷², где подчас обнаруживаются предметы, которые «находят аналогии в материалах погребальных памятников Руси и Скандинавии»¹⁷³, т. е. содержатся указания на ситуацию, очень близкую той, что можно было наблюдать в Новгороде (ср. с. 221—222). Очевидно, что в районе Киева славяноязычное население, известное летописцу под именем *пол-ей*, или *полян*, сложившись на базе предшествующего, включило в свой состав и славянизированных скандинавских колонистов (возможно, переселенцев с севера, которые могли осесть в узловых пунктах великого торгового пути «из Варяг в Греки», уже будучи славянизированными¹⁷⁴), в результате чего среди «лучших людей» первых киевских князей Олега, Игоря и Святослава, безусловно славяноязычных (!), летопись называет имена по преимуществу скандинавского происхождения (см. хотя бы имена русских послов и киевской знати в текстах договоров Олега и Игоря с греками¹⁷⁵).

С укреплением Хазарского каганата и прекращением кочевнических вторжений в Северное Причерноморье область *полян* вновь оказывается в центре интенсифицирующихся торговых связей Юга и Востока с племенами лесной зоны Восточной Европы — по Днепру и его притокам: Припяти и Десне. Все это вместе с благоприятными природными условиями способствовало бурному экономическому и культурному росту будущей Киевщины (вспомним, что и в «эпоху железа» локализованная здесь же милоградская культура оказывалась выше родственных культур лесной полосы, см. с. 123), которая по уровню и темпам развития далеко опережает остальные восточноевропейские земли.

¹⁷² См.: Рыбаков Б. А. Поляне и северяне, с. 101; Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв., с. 155—156.

¹⁷³ Ширинский С. С. Курганы полян у с. Сиднев. — АО-1967. М., 1968, с. 240; ср.: Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян, с. 265.

¹⁷⁴ Во всяком случае в антропологическом отношении «ни одна из славянских групп не отличается в такой мере от германских, как городское население Киева» (Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян, с. 267). Вместе с тем ближайший *полянам* антропологический тип на территории Древней Руси — это, по определению Т. И. Алексеевой, новгородские *словене*, а также «средневожские кривичи» («Антропологические материалы к этногенезу восточных славян», с. 95), которые, как утверждает П. Н. Третьяков, формировались под влиянием северо-западного населения («У истоков древнерусской народности», с. 125—128 и далее).

¹⁷⁵ См.: Коляда Г. И. К вопросу о носовых гласных в древнерусском языке. — «Труды Среднеазиатского университета им. В. И. Ленина». Новая серия, вып. 69. Филологические науки, кн. 8. Языкознание. 1955.

К сожалению, о **пол-ях* (*полянах*) VIII в. мы не располагаем непосредственными, достоверными свидетельствами, которые позволили бы проверить выводы, вытекающие из знакомства с археологическим материалом. Что же касается тех легендарных сообщений об условиях возвышения *полян*, которые содержатся в «Повести временных лет» (см. подробнее в след. главе) и могли бы быть отнесены к предкиевскому времени, то они ни в чем существенном не противоречат изложенным выше выводам о формировании славяноязычного населения Киева и его окрестностей.

«УЛИЧИ» И «ТИВЕРЦЫ» (Résumé)

Судя по тем же летописным сообщениям, к югу от границы леса в поречье Днепра вплоть до образования Киевской Руси продолжали функционировать славянские поселения, непосредственно с Киевом не связанные. Этому вполне соответствует и археологический материал, фиксирующий на р. Тясмине и лесостепной части Южного Буга поселения, продолжавшие и в VIII в. традиции «антской» (?) культуры типа Пеньковки¹⁷⁶ (см. карты 16, 17 и 18, 19), явно отличающейся от памятников типа Луки-Райковской, и, между прочим, прекрасно иллюстрирующие описания «антских» поселений у Прокопия из Кесарии, Псевдомаврикия и других византийских авторов¹⁷⁷. Совпадение исторических свидетельств с археологическими данными позволяет говорить о среднеднепровской группе славян VIII—IX вв., возможно, «антской» по происхождению, которая в диалектном отношении могла сохранять связи с восточнобалканскими говорами (ср. с. 100).

Принято считать, что среднеднепровская славянская племенная группа, известная летописцу под именем *уличей*, *угличей*, *улутичей* или как-то иначе (см. след. главу), в IX в. подступает к границе леса и, вместо того чтобы слиться с *полями* (поселения *уличей* в это время начинались примерно в 10 км к югу от Киева — по р. Стугне¹⁷⁸), вступает с ними в тяжелую и неравную борьбу, которая заканчивается в 940 г. падением их крепости Пересечена под ударами войск Свенельда и уходом *уличей* из Приднепровья в междуречье Южного Буга и Днестра¹⁷⁹. В этих

¹⁷⁶ См.: Березовец Д. Т. Поселения *уличей* на р. Тясмине. — В кн.: Славяне накануне образования Киевской Руси. МИА, № 108. М., 1963, с. 148 и далее, в частности с. 190; Петров В. П. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э. (по материалам раскопок 1956—1958 гг. в Потясмыне); там же, с. 211 и далее.

¹⁷⁷ См.: Березовец Д. Т. Указ. соч., с. 200—202.

¹⁷⁸ См.: Рыбаков Б. А. Уличи. — КСИИМК, XXXV. М., 1950, с. 7.

¹⁷⁹ Концепция о перемещении *уличей* от Днепра в Поднестровье, разработанная Б. А. Рыбаковым («Уличи», с. 3—17), опирается на сообщения так называемого Комиссионного списка «Повести временных лет», который, по мнению А. А. Шахматова, связан с одним из древнейших летописных сочинений. Эта концепция удачно объясняет целый ряд исторических и археологических «не-

событиях (или во всяком случае в их летописной интерпретации) можно усмотреть подтверждение диалектно-этнографической общности *улицей* от *полян* — представителей иного славянского ареала раннего средневековья.

* *

*

Что касается тех районов, куда, возможно, переместились *улицы* в середине X в., то здесь, в Поднестровье, на территории современной Молдавии и Буковины, славянские поселения VIII—IX вв. известны в большом количестве¹⁸⁰. Жители этих поселений, по крайней мере в Верхнем Поднестровье, по антропологическим данным обнаруживают связь со славянами Полесья (*деревянами*) — населением «волынского» происхождения¹⁸¹, а местные археологические памятники отражают смешение особенностей лесной (волынско-житомирской) и лесостепной («антской») культур¹⁸².

Занимая подступы к «воротам» из причерноморских степей в Центральную Европу и на Балканы, славянские поселения Поднестровья, начиная с аварского нашествия, регулярно подвергаются нападениям кочевников, временами редекуют, но, если верить фактам, которые представляет археология, в основной своей массе сохраняются вплоть до X—XII вв.¹⁸³. Очень вероятно, что здесь,

ясностей», с которыми приходится сталкиваться при изучении этнического развития в Днепро-Днестровском междуречье VIII—IX вв., а потому она безоговорочно принимается всеми последующими исследователями; см., например. Федоров Г. Б. Тиверцы (Из итогов работы Славяно-Днестровской экспедиции ИИМК АН СССР в 1950 г.). — «Вестник древней истории», 1952, № 2 (40), с. 252; Березовец Д. Т. Поселения *улицей* на р. Тясмине, с. 145—146 и другие работы.

¹⁸⁰ Крупнейший знаток древностей этого района Г. Б. Федоров отмечает здесь более 200 обследованных славянских поселений IX—X вв. («Итоги и задачи изучения древнеславянской культуры Юго-Запада СССР» — КСИА, вып. 105. М., 1965, с. 25) и около 30 поселений VI — начала IX в. с культурой, генетически предшествующей местным памятникам IX—X вв. (см.: Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, № 89. М., 1960, с. 233).

¹⁸¹ См.: Великанова М. С. К антропологии средневековых славян Прутско-Днепровского междуречья, с. 49—50; Она же. К этнической антропологии Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э., с. 66—67; Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян, с. 61—64, 201—203 и др. По мнению Г. Б. Федорова, в Прутско-Днестровском междуречье славяне закрепляются с VI в., появляясь здесь с севера и наславаясь на аборигенов («Об обряде погребений как историческом источнике». — В кн.: Историко-археологический сборник. Изд-во МГУ, 1962, с. 157—159).

¹⁸² См.: Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э., с. 233.

¹⁸³ См.: Федоров Г. Б. Население Юго-Запада СССР в I — начале II тысячелетия нашей эры. — СЭ, 1961, № 5, с. 106; Великанова М. С. К антропологии средневековых славян Прутско-Днепровского междуречья, с. 37.

в непосредственной близости от основной магистрали тюркских вторжений второй половины I тысячелетия н. э., как и всюду в подобных случаях, какая-то часть кочевого населения, «отсеиваясь» от основных орд, оседала среди постоянных жителей Среднего и Верхнего Поднестровья, со временем подвергаясь славянизации, что хорошо прослеживается археологически¹⁸⁴. Может быть, поэтому местное население — летописные *тиверцы* в древнерусский период оказываются двуязычными: летописец называет их *толковицами*, т. е. 'толмачами, переводчиками'¹⁸⁵. В этой связи кажется убедительной и даже естественной предлагаемая И. Г. Добродомовым этимология летописного наименования поднестровских славян *тиверцы*, древнерусское *тиверьци*, в результате славянской огласовки этнонима *тюрки*, древнерусск. множ. число *тюрци* или *тиурьци* — из тюркского самоназвания *tüürik*¹⁸⁶ (наименование славянизированных потомков тюркоязычных племен, составлявших значительную часть *тиверцев*?) — с закономерной субституцией *к*→*ц* в конце основы в результате сближения со славянским суффиксом названия лиц по местности, этнической принадлежности и т. д. (см. след. главу), поводом для чего могло послужить чередование *к:ц* в известных формах (ср., с одной стороны, *новъгородьци*, *тиурьци* и т. д.; с другой — исторически засвидетельствованное множ. число *тор(ъ)ци* — вариант того же этнонима, воспринятого киевлянами как *торк-* или *торьк-*).

Составляя в VIII—IX вв. по всем категориям изделий часть единого славянского массива от Правобережной Украины до Румынии¹⁸⁷, древности Поднестровья тем не менее обнаруживают и заметное отличие от более северных — на территории бывшего «Волынского» объединения племен¹⁸⁸. По наблюдениям Г. Б. Федорова, обособление местных славян прослеживается с конца

¹⁸⁴ Регулярное оседание кочевников среди земледельческого населения Поднестровья археологически отмечается начиная еще с черняховского времени (см.: Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э., с. 233; Он же. Итоги и задачи изучения древнеславянской культуры Юго-Запада СССР, с. 27); см. в отношении раннего средневековья: Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян, с. 61—64.

¹⁸⁵ См.: Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в славяно-русском переводе, т. II. Пг., 1922, с. 246; ср.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. IV. М., 1973, с. 71. В исторической литературе, начиная с С. М. Середонина, установилась традиция понимать летописное *толковицы* (по отношению к тиверцам) как 'союзники' (?), а не 'переводчики' (см., например: Федоров Г. Б. Тиверцы, примеч. на с. 253). Еще более фантастична встречающаяся в исторических исследованиях «этимология» этого этнонима, которая связывает *тиверцев* с... *твердь* ('крепость'). В языковом плане оба толкования несостоятельны.

¹⁸⁶ См.: Добродомов И. Г. Два булгаризма в древнерусской этнонимии. — В кн.: Этнонимы. М., 1970, с. 160—161.

¹⁸⁷ См.: Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Материальная культура ранних славян в Карпато-Дунайских землях (VI—IX вв. н. э.). — В кн.: Славяне и Русь, с. 204.

¹⁸⁸ См.: Седов В. В. О юго-западной группе восточнославянских племен, примеч. на с. 200.

VII — начала VIII в.¹⁸⁹ С учетом указанных выше археологических фактов это позволяет предполагать, что своеобразие *тиверцев* (или их непосредственных предков) как славян сложилось в процессе смешения поднепровского славяноязычного населения «волынского» происхождения с «антскими» племенами, продвигнувшимися вверх по Днестру после аварских погромов. Именно в эту зону и переселяются в X в. *уличи*, усиливая «антский» элемент в развитии носителей будущих западноукраинских говоров¹⁹⁰.

Заявления Нестора о том, что «*Оулучи Тиверьци*. сѣдяху по Днѣстру (в *И.* и нек. др. летописях добавлено: «и по Бугу»; *Р.* и *М.-А.* — «По Бугу и по Днепру»). присѣдяху къ Дунаеву» и «суть гради и(х). и до сего дне» (Введ., ст. 13), недвусмысленно указывают на то, что славянских этнических групп с такими названиями в его время не существовало! Об этом говорят и формы имперфекта *сѣдяху*, *присѣдяху* ('сидели, селились', а не 'сели, поселились'; ср. в других случаях формы аориста и наст. времени: «А друзии сѣдоша по Дѣснѣ<...> и перекоша(ся) Сѣверъ» — *ib.*, ст. 6; «Тудѣ бо сѣдять Кривичи» — *ib.*, ст. 10), и ссылка на «гради их», явно связанная с необходимостью убедить современников, что летописец не фантазирует, утверждая, будто вдоль Днестра когда-то жил многочисленный славянский народ. И это не противоречит археологическим данным, свидетельствующим об исчезновении славянских поселений на территории Молдавии на протяжении X—XII вв.¹⁹¹ — как раз ко времени деятельности Нестора. А это значит, что ниже- (?) и среднеднепровские славяне не могли оставить по себе славяноязычного потомства.

* *
*

Историко-археологический обзор материала VIII—IX вв. показывает, что ко времени образования Древнерусского государства в Восточной Европе сформировалось несколько культурно-этнографических ареалов с особенностями, оказывающимися впоследствии типично восточнославянскими. В археологии эти ареалы связываются с названиями восточнославянских этнических (или диалектно-этнографических?) групп, упоминаемых на первых страни-

¹⁸⁹ См.: Федоров Г. Б. Население Прутско-Днепровского междуречья в I тысячелетии н. э., с. 235.

¹⁹⁰ Диалектологические исследования последних лет подсказывают, что до романизации населения Восточной Румынии и Молдавии прикарпатские говоры на территории нынешней Украины начинали полосу диалектов, переходных от восточнославянских к болгарским — восточнобалканским (см.: Бернштейн С. Б. Некоторые проблемы сравнительно-исторического изучения славянских языков. — КСИС, 33—34. Актуальные проблемы славяноведения. М., 1961, с. 183—184).

¹⁹¹ См.: Федоров Г. Б. Население Юго-Запада СССР в I—начале II тыс. н. э., с. 102; Великаева М. С. К антропологии средневековых славян Прутско-Днепровского междуречья, с. 37 и далее.

цах «Повести временных лет» (см. карту 22), хотя постоянно высказываются сомнения в том, что эти названия служили обозначениями синхронных коллективов. Однако в каком именно отношении друг к другу находились группы славяноязычного населения, названные летописцем, соответствовало ли их число реальному числу местных «племенных» группировок — до сих пор остается невыясненным.

Поскольку многие культурно-этнографические ареалы, лишь в силу традиции соотносимые с летописными «племенами» (?), на деле обнаруживают заметные локальные различия (см. замечания о локальных разновидностях в ареалах *кривичей*, *вятичей*, *дреговичей*), иногда высказывается мысль, что летопись сохранила только названия племенных союзов, которые могли состоять из более мелких племенных группировок или объединений родов¹⁹². Между тем памятники смежных территорий, даже если они на основании летописного перечня этнонимов соотнесены с разными «племенными союзами», настолько близки друг другу, что нет уверенности в том, что и носители локальных разновидностей памятников, соотнесенных с одним летописным этнонимом, в действительности составляли единый (!?) союз *кривичей*, *дреговичей* и т. д. (см., например, выше замечания о *ростовцах* и *туровцах*). Короче говоря, в то время как в изучении материальной культуры восточноевропейских славян предкиевского периода за последние десятилетия достигнуты значительные успехи, историческая интерпретация нарастающих археологических данных продвигается вперед слишком медленно. И одна из существенных причин этого отставания — отсутствие надежных указаний на то, что же вообще могли обозначать дошедшие до нас летописные этнонимы, которые, видимо, требуют какого-то нового, не применявшегося к ним прежде анализа, соотнесенного с рассмотренными выше археологическими данными.

¹⁹² См.: Рыбаков Б. А. Поляне и северяне, с. 97. Попытку конкретизировать эту идею в связи с описанием локальных групп погребальных памятников *вятичей* и *радимичей* см.: Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв., в частности с. 166—167.

V. Этнонимия „Повести временных лет“

(Словообразовательная
классификация
и «стратиграфический»
анализ)

СОСТАВ ЛЕТОПИСНОЙ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЭТНОНИМИИ И ПРИНЦИПЫ ЕЕ АНАЛИЗА

Исследователь древнейшего периода русской истории располагает бесценнейшим письменным источником, равному которому трудно найти в анналах других народов, — «Повестью временных лет». Окончательно оформившаяся, как доказал А. А. Шахматов, лишь в начале XII в.¹ и дошедшая до нас в списках XIV—XVI вв., Несторова «Повесть» составлена на основе ранее существовавших летописных сводов и иных письменных источников, как восточнославянских, так и греческих². Одним из основных ее источников был Древнейший Киевский свод начала XI в.³. Вместе с тем в «Повести временных лет» довольно заметное место занимает изложение событий русской истории, предшествующих XI в. и в первую очередь привлекающих внимание в данном случае. Откуда же черпал Нестор (или его предшественник) сообщения об этих

¹ См.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. Спб., 1908, а также ряд других исследований; ср.: Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975, с. 13—24.

² О литературной истории и источниках «Повести временных лет» см.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. — Л., 1947, с. 145—172, а также другие работы, упоминаемые в ходе последующего изложения.

³ См.: там же, с. 39—42. Доводы А. А. Шахматова о составлении Древнейшего свода в 1037—1039 гг. сейчас считаются общепризнанными. Л. В. Черепниным высказана догадка о существовании «наидревнейшего» летописного свода 996 г. («Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие летописные своды. — «Исторические записки», 1948, № 25); нельзя не заметить, что, независимо от степени достоверности этого предположения, даты обеих реконструкций (с разницей в 40 лет!) укладываются в период деятельности одного круга писателей.

событиях? Ответ на этот вопрос очень важен для выяснения степени их достоверности ⁴.

«Повесть временных лет», как известно, начинается с введения, в котором вслед за пересказом библейской легенды о разделе мира между сыновьями Ноя дается довольно подробное этногеографическое описание Русской земли, составляющее основу любого современного исторического исследования о Древней Руси и ее диалектах, поскольку здесь, при изложении сведений о славяноязычных диалектно-этнографических группах восточноевропейского населения, впервые сообщаются их вполне достоверные названия. Являются ли эти названия современными Нестору или его ближайшим предшественникам? Заимствованы ли они из свода более раннего (а как они оказались там?) или целиком почерпнуты из народных преданий, использование которых в летописи сомнений не вызывает? ⁵.

Известно предположение, что уже составитель Древнейшего свода начала XI в. мог пользоваться какими-то существовавшими до него погодными записями, которые в «Повести временных лет» начинаются с 852 (6360) года, т. е. более чем за полтора столетия до составления Древнейшего свода 1037—1039 гг. ⁶. Предположение это очень правдоподобно, ибо даже если согласиться с утверждением, что Нестор проделал колоссальную поистине исследовательскую «работу по уточнению основных хронологических вех русской истории», используя более ранние греческие и какие-то русские юридические источники ⁷ (а так или почти так оно, вероятно, и было), все же остается неясным происхождение целого ряда приуроченных к определенным годам записей, из которых многие, судя по их содержанию, не могли быть извлечены из источников указанного типа и с удивительной «фактографичностью» отмечают события, интерес к которым ни во времена Нестора, ни тем более в последующие столетия, когда создавались позднейшие списки, ничем не оправдан ⁸. Между тем среди этих записей есть, например, и такие: «В лѣто 6367 (859 г.). [И] маху дань Варязи изъ заморья. на Чюди и на *Сл(о)вѣне(х)...* *Кривичѣхъ*», или: «Въ лѣто 6391 (883 г.) Поча Олегъ воевати *Деревляны*», или: «Въ лѣто 6393 (885 г.) <...> И бѣ облад(а)я Олегъ. *Поляны*. и *Деревляны*.

⁴ Ср.: «Повесть временных лет», ч. II. М. — Л., 1950, с. 50—51.

⁵ См. специальное исследование об отражении в летописи народных преданий и устных легенд: Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи, [1963] (без места и года изд.); ср. также: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение, с. 164—165.

⁶ См.: Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен, ч. I. М., 1876, с. 475; ср.: Бодянский О. М. О времени происхождения славянских письмен. М., 1855, с. 125.

⁷ См.: Лихачев Д. С. Указ. соч., с. 156—158; ср.: «Повесть временных лет», II, с. 110—111 и далее.

⁸ Ср.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь, с. 160. Автор пытается обосновать догадку о существовании в Киеве кратких погодных записей IX в. (!) — времен легендарного Оскольда (см.: там же, с. 159—173).

[и *Съверяны*]. и *Радимичи*. а с *Уличи*. и *Тѣверци* имяше ра(ть)» и т. д. — с употреблением славянских этнических наименований. И очень соблазнительно было бы считать, что записи эти сделаны во второй половине IX в. и были синхронны «живому» функционированию дошедших до нас этнонимов, а не составлены на основании старинных преданий, восходящих к разным периодам истории восточных славян.

Вместе с тем можно думать, что какие-то древние восточно-славянские письменные источники были использованы Нестором не только при составлении погодных записей, но во введении, которое обычно целиком приписывается ему самому⁹. Такая мысль возникает при внимательном знакомстве с «авторскими» пояснениями к этнонимам. Так, во введении о древних *полянах* говорится, что «о(т) ни(х) же [суть] *Поляне* в Киевѣ и до сего дне» (ст. 9), в то время как в одной из первых погодных записей, под 898 г., употребление этого же этнонима сопровождается «авторским» пояснением: «*Поляне* яже нынѣ зовомая *Русь*». Трудно здесь видеть непоследовательность одного автора¹⁰, а если он к тому же использовал в записи под 898 г. какой-то ранний документальный материал, то заявление составленного им самим (?) введения вообще оказывается непонятным без предположения, что здесь также воспроизведена какая-то запись, но только еще более ранняя.

Впрочем, если бы существование записей IX в. и удалось доказать, это не объяснило бы ни времени появления целого ряда летописных «племенных» (?) названий, ни тем более времени их исчезновения или перехода в территориальные наименования¹¹. На эти вопросы может дать ответ лишь лингвистический анализ всей этнонимии «Повести временных лет», сопоставленной с историческими и археологическими свидетельствами, синхронными абсолютной хронологии функционирования летописных этнонимов.

⁹ См.: Мордасов В. И. К истории текста введения к «Повести временных лет». — В кн.: Проблемы истории феодальной России. (Сборник статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина). Изд-во ЛГУ, 1971, с. 38.

¹⁰ В последние годы развивается идея, что все ссылки на «современность» в «Повести временных лет» принадлежат Никону — редактору свода 1073 г. (см.: Мордасов В. И. Указ. соч., с. 40—41).

¹¹ В этой же связи находится и проблема социально-исторической характеристики этнических (или диалектно-этнографических) групп, по отношению к которым летописец употребляет наименования *поляне*, *деревляне*, *кривичи* и т. д.: являлись ли они племенами или формирующимися народностями (ср.: Третьяков П. Н. Восточнославянские племена, изд. 2. М., 1953, с. 218—228; Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. — В кн.: Вопросы формирования русской народности и нации. М. — Л., 1958, с. 19—20; Корольюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964, с. 13; Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М. — Л., 1966, с. 3; Хабургаев Г. А. *Лошадь — конь* и судьба восточнославянских племенных диалектов, с. 293—295).

В лингвистической традиции принято искать ответа на вопрос о происхождении летописных этнонимов в этимологическом анализе, хотя давно стало очевидным, что «внутренняя форма» многих из них не поддается реконструкции, а в остальных случаях ничего не дает для решения проблем этногенеза.

Впрочем, ряд этнонимов представляет чисто территориальные наименования, «этимологизированные» уже самим Нестором (или его предшественниками). Это такие термины, как *деревляне* («зане сѣдоша в лѣсѣхъ» — Введ., ст. 6), *полочане* («рѣчки ради яже втечь въ Двину. имянемъ Полота» — там же), *бужане* («зане сѣдоша по Бугу» — Введ., ст. 11). Летописец, правда, «этимологизирует» еще и имя *поляне*, поясняя, будто они «*Полями* же прозвани быша, зане в поли сѣдяху» (под 898 г.). Однако это явный образец «народной этимологии», ибо в вводной части автор уже успел (и не однажды!) сообщить, что жили *поляне* «по горамъ симъ» (ст. 7) и что в этих краях «бѣше... [лѣсѣ] и боръ великъ. и бяху ловяща звѣрь» *поляне* в этих лесах (ст. 9); а в конце введения автор устами хазарских дружинников вновь напоминает, что *поляне* живут «въ лѣсѣ на горахъ над рѣкою Днѣпрскою» (ст. 17). И в свете этих противоречий теряется доверие к остальным «этимологиям» летописи, хотя *деревляне* действительно жили в лесах, а *полочане* — в частности на реке Полоте, где был расположен их административный центр.

Традиционна у Нестора и «этимология» патронимических наименований типа *вятичи* и *радимичи*, которые связываются с легендарными «основателями родов» *Вятком* и *Радимом* (см. Введ., ст. 12). По поводу подобных «этимологий» С. Роспонд справедливо заметил, что «и народный «ономастический» узус, и летописец нередко «антропонимизировал» географические и особенно — «племенные» названия, «стремясь к «отражению» генеалогии, имевшей большую ценность и интерес для народной мифологии и тенденциозно настроенного летописца, чем связь этих названий с местностью или иными признаками»¹². Подобные «этимологии» дают важный материал для характеристики мировоззрения средневековых книжников, но, разумеется, не имеют никакой ценности для решения проблем, связанных с происхождением и языковой принадлежностью соответствующих этнических коллективов.

Из новейших опытов наиболее убедительны этимологии этнонимов *дулебы* (см. с. 145) и *тиверцы* (см. с. 155); остроумна этимология наименования *уличи* (**угличи* (?) < **ongličī*)¹³; достаточно реальны попытки связать этноним *хорваты* (*хѣрвате*) с дав-

¹² Роспонд С. Значение древнерусской ономастики для истории (К этимологии топонима *Киев*). — ВЯ, 1963, № 1, с. 110.

¹³ См.: Трубачев О. Н. О племенном названии *уличи*. — ВСЯ, вып. 5. М., 1961.

ним названием Карпатских гор¹⁴. Вместе с тем нельзя не признать, что этимология этнонима, даже в том случае, если ее достоверность сомнений не вызывает, мало что дает для этногонических выводов. Так, например, вполне «прозрачная» связь этнонима *деревляне* с корнем *-дерев-* < **-deru-* ничего не говорит ни о том, когда могло появиться такое наименование (и действительно ли оно связано с 'лесом?'), ни о том, восходит ли оно к племенному имени или возникло как обозначение населения определенного географического района (лесной зоны), ни о том, являлось ли оно самоназванием или употреблялось только соседями, и т. д.

Дело осложняется тем, что, как обнаруживается (см. предыдущую главу), многие древнерусские диалектно-этнографические группы сложились в ходе славянизации разноплеменных автохтонов Восточной Европы¹⁵ и могли наследовать прежние этнические самоназвания своих физических предков, подвергшиеся, в свою очередь, «славянизации» (в частности, переосмысленные в плане «народной этимологии»), или могли быть известны соседям под теми же названиями, которые прежде использовались для обозначения их физических предков. А поскольку нам обычно не известно, какая из этих возможностей имела место в каждом конкретном случае, то даже установление языка — источника этнического термина дает немного: является ли он языком физических предков поименованной славяноязычной группы населения или языком их соседей, от которых этноним стал известен киевским книжникам?

Высказанные соображения заставляют присоединиться к мнению, что в наше время уже «исчерпал себя как метод этногонических исследований... этимологический анализ географических и этнических названий»¹⁶, и более плодотворной представляется идея анализа пространственно-временных соотношений словообразовательных моделей, который может дать материал для их «стратиграфии» — расположения по хронологическим слоям в связи с историей этнического развития соответствующих коллективов¹⁷. С этой точки зрения и следует подойти к анализу этнонимии «Повести временных лет».

Необходимо при этом подчеркнуть, что в основу славянской этнической номенклатуры должна быть положена эт-

¹⁴ См.: Нидерле Л. Славянские древности, с. 78; ср.: Трубачев О. Н. Лингвистическая география и этимологические исследования, с. 23.

¹⁵ Ср.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 83—92 и др.; Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, с. 4—7, 28—30, 61—62 и далее; Хабургаев Г. А. Этнический состав Древнерусского государства и образование трех восточнославянских народностей. — СЭ, 1972, № 1.

¹⁶ Мартынов В. В. Проблема славянского этногенеза и методы лингво-географического изучения Припятского Полесья. — «Советское славяноведение», 1965, № 4, с. 71.

¹⁷ Ср.: Rospond S. Stratigrafia toponimiczna. Z polskich studiów slawistycznych. «Prace językoznawcze i etnogenetyczne». Warszawa, 1958.

нонимия нашей летописи, ибо это старейший по происхождению источник, где славянские этнонимы переданы славянином, а потому только здесь их оформление может либо полностью совпадать с реальным звучанием (хотя бы ограниченного исторического периода), либо максимально приближаться к нему, в то время как этнонимы в передаче иностранных авторов, безусловно, не свободны от искажений, связанных как с условиями восприятия славянских названий иностранцами, так и с ограниченными возможностями воспроизведения славянских звуков средствами латинской, греческой или арабской азбуки, и нередко «исковерканы» до неузнаваемости. Впрочем, это не отрицает ценности иноязычных источников, ибо в одних случаях они являются единственными, в других — подтверждают реальность функционирования этнонима в тот или иной исторический период; но их корректировка по славянским источникам необходима всегда, когда это возможно.

* *
*

Со времен первых исследователей и до настоящего времени принято считать, что «Повесть временных лет» содержит 15 восточнославянских «племенных» названий: *дулебы, бужане, вельяне, хорваты, тиверцы, уличи, древляне, дреговичи, поляне* (и **пол'-а*), *север(северы, северяне), вятичи, радимичи, кривичи, полочане и словене* (новгородские).

В исторических исследованиях последних десятилетий не раз высказывалось убеждение, что этнонимы летописи «уже не соответствуют племенному делению восточных славян»¹⁸. Это утверждение, безусловно, справедливо; и тем не менее оно слишком абстрактно, если учесть, что летописные записи могли создаваться на протяжении IX—XI вв., а окончательно были обработаны лишь в XII столетии! В самом деле, «как показывают исследования советских археологов, только некоторые из этнических названий, приводимых в «Повести временных лет», действительно обозначают племенные объединения <...>. Другие же названия должны быть отнесены к территориальным объединениям, возникшим в результате распада у славян первобытнообщинного строя»¹⁹; однако остается неясным, что здесь должно приниматься за «точку отсчета»: время не дошедших до нас записей, из которых Нестор почерпнул сведения о «племенах» и территориальных объединениях (т. е. IX или X в.), время составления Древнейшего Киевского свода, положенного в основу «Повести временных лет» (начало XI в.), или, наконец, время самого Нестора, который мог не только обработать сведения предшественников, но и добавить к ним свои, относящиеся к началу XII столетия? А может быть, летописную характеристику славянских «племен» и в самом деле следует относить «не к современникам Нестора и Мономаха, а к отдален-

¹⁸ Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности до XV в., с. 20.

¹⁹ Там же, с. 19; ср.: Третьяков П. Н. Восточнославянские племена, с. 221—224. Известно и предположение, что в летописи все (?) этнонимы обозначают «земли славянской конфедерации», терявшие свою самобытность в разное время (см.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение, с. 84—85).

ным их предкам времен Римской империи», т. е. не позднее, чем к V в.²⁰ Но к какому времени могут тогда относиться записи типа «еже творять Вятичи и нынѣ» (Введ., ст. 14)?

Проблема исторической интерпретации летописных этнонимов осложняется еще и тем, что древнейшие территориальные объединения, безусловно, сложились на базе племенных и, возможно, наследовали их названия²¹. Когда же именно происходил переход от племенных объединений к территориальным и когда, следовательно, наименования племен перерастали в наименования «земель славянской конфедерации», — остается невыясненным²², хотя это очень важно и для этногонического, и для историко-диалектологического исследования. Ведь если окажется, что этнонимия летописи — это отражение (пусть не прямое) прежних племенных названий, то можно предполагать и этнографическое и диалектное единство групп населения, объединяемых общим этнонимом. Напротив, если летописные этнонимы — названия исключительно территориальных групп, не связанных с прежними племенными объединениями, то они могут характеризовать лишь часть более обширных этнографических и диалектных ареалов (если население прежде единого племенного союза «разидошася по розным местам») или, наоборот, объединять неоднородное население (если летописный этноним охватывает область, заселенную выходцами из разных племенных союзов). Между тем вопросы эти продолжают ожидать своего решения, время перехода от племенного к территориальному членению остается невыясненным, как неясна связь новых, территориальных делений с «племенами» (?) «Повести временных лет», а сами летописные этнонимы по-прежнему квалифицируются как «племенные» названия и в многочисленных археологических исследованиях, включая новейшие (см. работы В. В. Седова, Г. Ф. Соловьевой, И. П. Русановой, Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова, А. В. Арциховского, Г. Б. Федорова, Л. В. Алексеева и мн. др., цитированные в пред. главе), с ними связываются локальные восточнославянские культуры с VI по XII—XIV вв., т. е. отделенные друг от друга без малого тысячелетием!

²⁰ См.: Рыбаков Б. А. Нестор о славянских обычаях. — В кн.: Древние славяне и их соседи, МИА, № 176. М., 1970, с. 40—41.

²¹ В. Т. Пашуто, например, полагает, что еще долгое время некоторые этнонимы (например, *кривичи*, *вятичи*) могли обозначать те «земли славянской конфедерации», т. е. мелкие территориальные объединения, «которые старались сохранить свою былую автономию в рамках нового Древнерусского государства» (Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение, с. 84—85).

²² Ср. в этой связи спор о том, какой археологический материал следует связывать с летописными «племенами». По мнению П. Н. Третьякова, — это могут быть лишь древности IV—VI вв. (см.: Третьяков П. Н. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. — СА, IV, 1937, с. 33—51; ср.: Он же. Восточнославянские племена, с. 226—227), в то время как А. В. Арциховский убежден, что этнические особенности летописных «племен» отражены в древностях XI—XIV вв. («В защиту летописей и курганов». Там же, с. 53—61). Спор этот, к сожалению, и сейчас еще нельзя отнести к прошлому археологической науки (см. ниже).

Нельзя сказать, чтобы в советской науке не было попыток ответить на поставленные вопросы, в частности, путем наблюдений над употреблением этнонимов в самих летописных текстах. Эти наблюдения подсказывают, что система летописных этнонимов объединяет наименования, относящиеся к разным историческим периодам²³. Однако осуществленные преимущественно историками, подобные наблюдения, естественно, лишены необходимой лингвистической строгости, в частности в них отсутствует дифференциация различного ономастического материала, что подчас приводит к выводам, искажающим подлинную картину употребления этнонимов в летописи.

Ярким примером неадекватного толкования летописных сообщений является освещение популярного вопроса о времени исчезновения «племенных» названий со страниц летописей. В исторических (а иногда, к сожалению, и в лингвистических) исследованиях дружно отмечается, что в погодных записях *уличи* в последний раз упомянуты под 885 г., *дулебы* — в записи под 907 г., *поляне* и *тиверцы* — под 944 г., *деревяне* — под 990 г., *словене* (новгородские) — под 1036 г., *кривичи* — под 1127 г., *дреговичи* — под 1149 г., *радимичи* — под 1169 г., *северяне* — под 1183 г., *вятичи* — под 1197 г.²⁴, из чего делается вывод о функционировании некоторых «племенных» названий еще во времена поздних летописцев — в период феодальной раздробленности. Между тем приведенный перечень искажает истинное положение дел и основан на недопустимом объединении различных (хотя и однокорневых) ономастических образований — этнонимов и топонимов. Так, о *деревянах* летопись в последний раз сообщает не под 990 г., а под 945—946 гг. — в знаменитом рассказе о мести Ольги, а затем, под 977 г., упоминается *деревянин* — житель *Деревьской* земли; позднее (как и в более ранних записях) используется лишь топоним (а не «племенное» имя!) *Дерева*, *Деревьска земля*²⁵.

Якобы «последнее» сообщение о *северянах* (под 1183 г.?) — это опять-таки запись о том, что Владимир «иде на *Сѣверьскыя* города» — с употреблением географического названия, известного,

²³ Ср.: Третьяков П. Н. Восточнославянские племена, с. 221—224.

²⁴ См.: Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности до XV в., с. 58—59. Во многих публикациях тот же перечень приводится без ссылок на соответствующий летописный материал; ср.: Филин Ф. П. Образование языка восточных славян, с. 10.

²⁵ См. запись под 990 г. (в Лавреитьевском списке — под 988 г.): «Посади[ша] ... С(вя)тослава *Деревѣхъ*»; контекст не оставляет сомнений, что перед нами «чистое» административно-географическое наименование: «...Посадиша Ярослава Новгородѣ, а Бориса Ростовѣ а Глѣба Муромѣ. С(вя)тослава *Деревѣхъ*. Всеволода Володимери. Мьстислава Тмуторокани».

кстати сказать, и после XII в.²⁶ О людях-северянах (или точнее — *севере*) в последний раз упоминается за полтора столетия (!) до этого — в сообщении о завоевании Чернигова Мстиславом Тмутороканским в 1024 г. (см. ниже сводку цитат). То же касается и других «последних» упоминаний о «племенах», относящихся к XII столетию. Так, «позднее» известие о якобы «вятичах» (1197 г.!) — это, на поверку, также сообщение о том, что Всеволод «пойма города *Вятьские*»²⁷, а о самих *вятичах* как древнерусском населении в последний раз говорится в записи под 988 г. (в Никоновской летописи — под 990 г.²⁸); и не случайно многие переписчики протографа «Повести временных лет» считали необходимым при первом же упоминании о *вятичах* пояснять: «иже есть рязанци»²⁹. На первый взгляд, *вятичи* как будто еще упомянуты в автобиографии Владимира Мономаха (рубеж XI—XII в.); но и здесь это топоним, лишь исторически связанный с этническим наименованием (см.: «А въ *Вятичи* ходихомъ по двѣ зимѣ на Ходоту и сына его» — 1096 г.; при использовании собственно этнонимов в аналогичных ситуациях летопись знает только конструкции с предлогом *на*: *на радимичи*, *на козары* и т. д.). Аналогичны «последние» упоминания и о других «племенах», относящиеся к XII в.³⁰ Иными словами, собственно этнические названия — наименования людей (этнических или диалектно-этнографических групп) «затухают» в записях не позднее конца X — начала XI в.; в последующих летописных сообщениях (после составления свода 1037—1039 гг.!) они иногда «обнаруживаются» в исторической территориальной (географической) номенклатуре, возможно, известной еще Нестору.

Ономастика постоянно сталкивается с такими фактами, когда за областью устойчивых поселений какой-либо этнической группы со временем закрепляется имя этой группы, нередко переживающее ее. Современные области, носящие названия *Мещера*, *Пруссия*, *Саксония*, *Тюрингия*, *Ломбардия* (из *Лангобардия*), *Бургундия*, *Нормандия* и т. д. уже давным-давно не населены *мещерой*, *прусами*, *саксами*, *тюрингами*, *лангобардами*, *бургундами*, *норманнами*. При этом новое население таких районов, получая название области «отэтнотонимического» происхождения, как правило, не имеет отношения к ее прежним поселенцам: связь названия такой области и ее современного населения с древними этнонимами — чисто историческая, а

²⁶ См. обзор: Рыбаков Б. А. Поляне и северяне, с. 86—87.

²⁷ ПСРЛ, т. I, вып. 2, ст. 413.

²⁸ «Повесть временных лет», II, с. 345.

²⁹ Там же, с. 226; ср.: Арциховский А. В. Курганы вятичей, с. 125 и др.

³⁰ См. сводку летописных цитат с «последними» упоминаниями «племенных» названий: Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности до XV в., примеч. на с. 59.

не лингво-этническая³¹, и это должно учитываться при анализе летописной ономастики, относящейся к кругу связанных друг с другом этнических и географических наименований. В частности, необходимо допускать, что уже записи XI в. в каких-то случаях могли отражать лишь память о восточнославянских племенных названиях, а не указывать на сохранение в это время реальных древнерусских диалектно-этнографических групп населения, связанных с одноименными славяноязычными племенами Восточной Европы.

Наконец, не следует забывать, что нам неизвестны этнические самоназвания, к какому бы периоду развития восточных славян они ни относились. Мы знаем лишь те славянские этнические наименования, которые были известны киевскому летописцу, и знаем их в той форме, в какой они дошли до Киева (в отдельных случаях — до Новгорода). Это означает, что среди летописных этнонимов могут быть и самоназвания, и термины, которыми пользовались для обозначения каких-то лингво-этнических групп *кияне* или иные соседи обозначаемых этими терминами общностей (ср. славянские названия иноязычных соседей *половцы*, *немцы* и др., заведомо не связанные с самоназваниями, и с другой стороны, *весь*, *сумь* и т. д., явно отражающие самоназвания *vepsi*, *suomi*). А самоназвания не обязательно отражены летописью в той форме, в какой они использовались в качестве племенных наименований: они могли быть зафиксированы только в той форме, которую приобрели ко времени появления в Киеве, когда прежних племен в действительности, может быть, уже и не было.

* *
*

Если обратиться к этнонимии «Повести временных лет» во всей ее совокупности (как к славянской, так и неславянской, исключая, разумеется, начало вводной части, где раздел мира между сыновьями Ноя изложен по библейским источникам и византийским сочинениям — с передачей географических названий, никогда не употреблявшихся в самой славянской среде), то она распадается на две группы: собирательные наименования и «обычные» формы множественного числа.

Все собирательные наименования (исключая *сѣверъ* — 'северяне') представлены двумя словообразовательными типами:

1) Собирательные на -а (-'а): *волѣхва* (Введ., ст. 4 — только в Л., в остальных списках *волхове*), *зимѣгола* — *зимигола* (ib., ст. 4, 11), *лѣтьгола* (ib., ст. 4; в Л. с опиской *сѣтьгола*), *литва* — *литѣва* (ib., ст. 4, 11; на Литву — 1040 г.

³¹ Ср.: Никонов В. А. Этнонимия. — В кн.: Этнонимы. М., 1970 с. 8—9 и др.

и далее), *меря* (Введ., ст. 4, 10, 11; 862 г.; *Мерю* — 882 г., 907 г.; *Мери* — 859 г., 882 г. и др.), *морава* (Введ., ст. 6; 898 г.; там же — *Мораву*, *Моравѣ*; в Л. — *Марава*, *Мараоу*, *Маравѣ*), *мордѣва* (Введ., ст. 4, 11), *мурома* (ib., ст. 4, 11; 862 г.), **норомма* (Введ., ст. 11; в Л. — *Норова*, в других списках — *Нерома*), *печера* (Введ., ст. 4, 11), *угра* (ib., ст. 2), *югра* (1096 г., 1114 г.), *черемиса* (см. ниже); в Новгородской летописи также *корела* (1143 г. и далее) ³².

2) Собираательные на -ѣ (<*ī): *весь* (Введ., ст. 4, 10, 11; 862 г., 882 г. и далее), *голядь* (1058 г. и далее), *корсь* (Введ., ст. 4, 11), *либь* — *любь* — *ливь* (ib., ст. 4, 11), *пермь* (ib., ст. 4, 11), *самоядь* (1096 г., 1114 г.), *серебь* — *сербь* (Введ., ст. 6), *черемись* (ib., ст. 11; в Л. также *черемиси*: в Р. в обоих случаях *черемиса*), *чюдь* (Введ., ст. 4, 11; 862 г., 882 г., 907 г., 980 г. и далее), *ямь* (Введ., ст. 4, 11; 1042 г.); в списках Новгородской летописи встречаются также названия финноязычных народов (только собираательные! — см. выше: *ко-рела*), которые, будучи зависимыми от Новгорода, оказались пропущенными в «общерусском» своде ³³; *водь* (1147 г. и далее), *сумь* (1240 г. и далее). К этому типу относится и центральный этноним летописи *русь*, употребляемый только в такой форме.

Если исключить единичное употребление названия далекого славянского (и неизвестно, какого именно) народа *серебь*, а также образования *морава*, получившее эту форму в летописи явно в результате сближения с названием реки (см. контекст: «Сѣдоша на рѣцѣ имянемъ [*Морава*], и прозвашася *Морава*» — Введ., ст. 6; ниже, однако, встречается и мн. ч. — *моравы*), то все остальные собираательные наименования — это обозначения только финно- и балтоязычных народов с разрушающимися родо-племенными связями, занимавших определенные территории (т. е. не кочевых) по соседству или даже попеременно с восточными славянами в пределах лесной зоны, причем не южнее районов северно-восточнославянской колонизации (см. карту 22) ³⁴, и в летописный период еще не создавших самостоятельных государственных объединений (в большинстве своем входивших или впоследствии вошедших в состав Древнерусского государства).

Все остальные этнонимы летописи, в том числе и все восточнославянские (а, исключая *мораву* и *сербь*, вообще все славянские), являются формами мн. ч. См. (кроме восточнославянских):

³² «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М. — Л., 1950.

³³ Ср.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т. и др. Древнерусское государство и его международное значение, с. 93.

³⁴ Для русского Севера традиция использования «собираательных названий жителей какой-то определенной местности» характерна до настоящего времени (см.: Агеева Р. А. Об этнониме *чюдь* (*чухна*, *чухарь*). — В кн.: Этнонимы. М., 1970, с. 201).

агняне — ангеляне — ингеляне (Введ., ст. 4; 862 г.), болгаре (Введ., ст. 11; 858 г., 915 г., 941 г., 945 г. и далее), варязи — в. п. варягы (Введ., ст. 4, 7; 859 г., 862 г., 882 г. и далее), веньдици (Введ., ст. 4), волохове — в. п. волохы, волхы (Введ., ст. 4 — кроме Л., ст. 6, 11; 898 г.), галичане 'жители Галлии' (Введ., ст. 4), готе — гѣте (ib — кроме Л.; 862 г.), грѣци — в. п. грекы (Введ., ст. 7, 13; 858 г., 866 г. и далее), еюптяне (986—988 гг.), жидове (986—987 гг.), *касози — в. п. касогы (965 г., 1022—1023 гг.), козари — козарѣ (Введ., ст. 11, 17; 859 г., 862 г., 885 г. и далее), корлязи (Введ., ст. 4), корсуняне (945 г., 988 г.), лутичи (Введ., ст. 6), ляхове — в. п. ляхы (ib., ст. 4, 6, 12; 898 г., 981 г. и далее), мазовшане (Введ., ст. 6; 1041 г., 1047 г.), македоняне (941 г.), нѣмьци (Введ., ст. 4; 986 г., 987 г. и далее), обри (Введ., ст. 11—12), печенѣзи — в. п. печенѣгы (ib., ст. 12; 915 г., 920 г., 944 г., 968 г., 980 г., 991 г. и далее), половьци (Введ., ст. 16; 898 г., 1054 г., 1061 г. и далее), поляне 'поляки' (Введ., ст. 6), поморяне (ib.), пруси (Введ., ст. 4), римляне (ib.; 988 г.), свеи — свее (Введ., ст. 4; 862 г.), торѣци — в. п. торкы (985 г., 1054 г., 1060 г. и далее), угре — угри (Введ., ст. 11—12; 898 г., 934 г., 943 г. и далее), урмане (Введ., ст. 4; 862 г.), фракци — в. п. фракы (941 г.), фрягове (Введ., ст. 4), хорвате — хровате — хравате — хрвате (Введ., ст. 6, 12; 907 г., 942 г., 991 г.), хорутане (Введ., ст. 4), чеси — в. п. чехы (ib., ст. 6; 898 г., 969 г. и далее), *яси — в. п. ясы (965 г.), ятвязи — в. п. ятвягы (983 г., 1038 г.) и др. В этой группе оказываются и наименования жителей далеких стран (римляне, веньдици и др.), и названия этнических групп, населявших соседние государства (греци, болгаре, козари и т. д.), и обозначения кочевнических орд, представлявших военно-политические объединения (обри, угри, печенѣзи и др.).

Летописная этнонимия тесно связана с географической номенклатурой — названиями этнических областей, стран, государств. При этом нельзя не обратить внимания на то, что составители летописных сводов употребляют типичные для греко-римских источников наименования областей и государств на -ия только при переводе с греческого, в частности при изложении библейской легенды о разделе мира (Индия, Сурия, Мидия, Аравия, Финикия, Алѣвания, Армения, Скуфия, Далматия и др. — см. Введ., ст. 3—4). Сами же летописцы такими образованиями никогда не пользовались, употребляя в качестве географических соответствующие этнические наименования.

В этом отношении весьма показательно, что летописец, употребляя в пересказе греческих источников название страны Скуфия, в собственном сообщении использует с тем же значением собирательное имя, являющееся этнонимическим по происхождению: «Да то ся зваху от Грекъ. Великая Скуфь» (Введ., ст. 13; то же — 907 г.; ср. Введ., ст. 11). Та же традиция до сих пор сохраняется многими славянскими народами в славянских по происхождению наименованиях; ср., например, современные чешск., словацк., польск. v Čechach

‘в Чехии’, в Нѣмці ‘в Германию’, Wlochy ‘Италия’ и т. п.³⁵. Русский литературный язык под влиянием церковнославянских норм утратил эту традицию, сохранив лишь немногие собирательные, переставшие употребляться в качестве этнонимов (*Литва, Польша*). Однако в диалектной речи этнонимы — географические названия сохраняются; см., например, из моих записей 1955 г. в дер. Курасово I Курской обл.: *Был у Нѣмцах* (‘в Германии’).

В качестве географических наименований в летописи используются как собирательные, так и формы множ. числа, которые могут заменяться прилагательными — определениями к термину *земля*:

... Бѣ путь изъ *Варягъ въ Греки* (Введ., ст. 7), С(вя)тополкъ же бѣжа в *Ляхы* (1016 г.), Прибѣжа в пустыню. *межю Ляхы и Чехы* (1019 г.; ср.: «Оумре Болеславъ. Великий в *Лябѣхъ*. и бы(сть) мятежь в *земли Лядьскѣхъ*» — 1030 г.), Придоша сли из *Нѣмечь* (1075 г.). Приключися некоему новгородцу прити в *Чюдь* (1096 г.) и т. п.

Таковы же и наименования восточнославянских земель:

Держати. почаша родъ ихъ княженъ в *Поляхъ*. [а] в *Деревляхъ* свое (Введ., ст. 10), *Въ Вятчи* ходихомъ по двѣ зимѣ (1096 г.) и т. д.³⁶

Поскольку восточнославянские этнонимы известны только в форме множ. числа, их употребление не отличается от других образований этой группы. Сказанное в значительной степени касается и единственного собирательного *север*; так, при обычном «[И живяху] в мирѣ Поляне. и Деревляне. [и] *Сѣверѣхъ*...» (Введ., ст. 12) и т. п. в списках «Повести временных лет» можно встретить: «А Козари имаху (дань) на [Полянѣ(х)] и на *Сѣверѣхъ* (Л.) и на *Вятчѣхъ*» (859 г.); в Никоновской летописи (под 883 г.): «Иде Олег на деревляны и на *сѣверы*» и под.

Из 15 «традиционных» восточнославянских этнонимов (см. с. 163) лишь один «уникален» в словообразовательном отношении (*тиверьци*); остальные 14 принадлежат к одному из трех типов образований, из которых два — суффиксальные (на -*ан-е* и -*ич-и*) и один — бессуффиксный.

ОБРАЗОВАНИЯ С СУФФИКСОМ -ЫЦ-И (ТИВЕРЬЦИ)

Среди терминов, традиционно причисляемых к собственно этническому, особняком стоит образование *тиверцы* (*тиверь-ыц-и*), встречающееся лишь на первых страницах «Повести временных лет»:

³⁵ См. также: Никонов В. А. Этнонимия, с. 6.

³⁶ При обращении к летописной ономастике можно заметить, что предлоги *из*, а также *в* (в обоих пространственных значениях) возможны только с названиями территорий, но не этнических групп, т. е. только при топонимах, но не этнонимах.

Тиверьци. съдяху бо по Днѣстру, присъдяху къ Дунаѣви бѣ мн(о)жество ихъ <...> суть гради и(х). и до сего дне (Введ., ст. 13; Р. и М.-А. — съдяху бо по Бугу и по Днѣпру); И бѣ облад(а)я Олегъ. Поляны, и Деревляны <...> а съ Уличи, и *Тѣверци* имаше ра(ть) (885 г.); Иде Олегъ на Греки <...> поя [же] множество Варя(г). и Словенъ <...> и *Тиверци*. яже соу(ть) толковины (907 г.); Игорь же совокупивъ вои многи, Вар(я)ги [и] Русь и Поляны <...> и *Тѣверьцѣ* и Печенѣги на(я) (944 г.).

Из летописной номенклатуры, не связанной с библейской космографией, словообразовательную аналогию *тиверцам* среди собственно этнонимов представляют относительно поздние образования, явно не являющиеся самоназваниями, — *немцы* (*нѣм-ьц-и*) и *половци* (*полов-ьц-и*) — наименование тюркоязычного народа, появляющегося в Приднепровье с середины XI в. (см.: «Придоша *Половци* первое на Рускую землю» — 1061 г.). И это несмотря на то, что модель с суффиксом *-ьц-и* в «Повести временных лет» представлена многочисленными образованиями: *бѣлозер-ьц-и*, *чернигов-ьц-и*, *перяяслав-ьц-и*, *володимер-ьц-и*, *ростов-ьц-и*, *рязан-ьц-и* и т. д. — с неограниченными возможностями словопроизводства от названий городов для обозначения населения соответствующих областей (*волостей* или *земель*).

Нельзя, однако, не отметить, что в отдельных случаях авторы «Повести временных лет» не связывают наименования на *-ьц-и* непосредственно с названиями административных центров и употребляют их для обозначения диалектно-этнографических групп древнерусского населения, занимающих соответствующие районы. Так, в вводной части образование *новѣгород-ьц-и* встречается в контексте, указывающем на его равнозначность собственно этническим терминам: «Се бо токмо Словѣнскъ языкъ в Руси. *Поляне*. *Деревляне*. *Ноугородьци*. *Полочане*...» (ст. 11). Не связывается с названием города (от которого он в действительности образован) и этноним *туров-ьц-и*, приравненный летописцем к собственно этническим терминам; более того, автор «Повести временных лет» при первом упоминании этого имени пытается представить его в качестве этнонима генеалогического происхождения: «Рогъволодъ <...> имаше власть свою Полотъскъ. *Туры* [в] Туровѣ. о(т)него же и *Туровци* прозва(шася)» (980 г.).

Совершенно очевидно, что ни одно из отмеченных наименований (включая и *половци*) не может считаться «племенным» или непосредственно связанным с племенным именем. В этой связи и этноним *тиверьци* должен восприниматься либо как территориальное наименование, произведенное от названия административного центра, либо (что более вероятно, так как топоним **Тивер* неизвестен) представляет собой результат аналогического сближения какого-то «непонятного» (диетимологизировавшегося на славянской почве) названия с вполне ясными и продуктивными в летописный период образованиями на *-ьц-и*, которые, будучи в XI—XII вв. широко распространенными, могли связываться с диалектно-этнографическими группами населения (см. *новѣгородьци*, *ту-*

ровъци, а также *половъци*). Эти соображения и заставляют считать наиболее вероятной упоминавшуюся выше этимологию И. Г. Добродомова (см. с. 155); а сам этноним в этом случае должен быть признан «славянизированным» названием поднестровского населения, которое в такой форме употреблялось, скорее всего, не им самим, а соседями — как «переосмысленное» восприятие самоназвания *тюръци* (из **tǔirik-*). Возможно, впрочем, что такое сближение с терминами на *-ъц-и* принадлежит самому летописцу (Нестору или кому-то из его предшественников), пытавшемуся осмыслить дошедшее до него наименование поднестровского населения, которого в его время уже не было (см. выше, с. 156). Во всяком случае население Верхнего Поднепровья, продолжавшее, по свидетельству археологов, сохранять в XI—XII вв. культурно-этнографические традиции славян (?), соответствующих летописной локализации *тиверцев*, в записи под 1138 г. именуется по названию местного политического центра *галичанами*.

ОБРАЗОВАНИЯ С СУФФИКСОМ *-АН-Е*

Это наиболее многочисленная и к тому же наиболее ясная по морфологическому составу группа «племенных» названий, из которой необходимо исключить термин *словѣне*, использующийся также и в качестве общеславянского наименования (см. ниже). Эта группа представлена 6 терминами, т. е. почти половиной из оставшихся 13 (или 7 из 14 — если учитывать и *словене*), и находит словообразовательные соответствия как в инославянской этнонимии «Повести», так и в восточнославянской этнонимии других источников.

Кроме *словен* к рассматриваемой группе относятся следующие наименования, фиксируемые на страницах «Повести временных лет»:

Буж-ан-е *Бужане* зане съдоша по Бугу послѣ же *Вельняне* (Введ., ст. 11); Дулѣби живяху по Бу(гу) гдѣ ныне *Вельнянъ* (ст. 13); у анонимного Географа Баварского (ок. 873 г.): *Busani, Velunzani* (Шафарик П. И. Славянские древности, т. II, кн. 3, прилож. XIX, с. 700); у арабского путешественника X в. Масуди: *Valinapa* (Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, Спб., 1870, с. 137).

Дерев-ян-е А друзии (нарекoшася) *Древяне* (Р. — *Деревляне*) зане съдоша в лѣсѣ(х) (Введ., ст. 6); Се бо токмо Словѣнскъ языкъ в Руси. Поляне. *Деревляне*. [Новгородци]. Полочане... (ib., ст. 11), А [Деревляне] (Л. — *Древляня*) же о(т) Словѣнъ же. и нарекошася [Деревляне] (Л. — *Древляне*) (ib., ст. 12); [И живяху] в мирѣ Поляне. и *Деревляне* (ib.); А [Деревляне] (Л. — *Древляне*) живяху звѣриньскимъ образомъ... (ib., ст. 13); По смрти братѣ сея быша обидимы *Древлями* (Р. — *Деревляни*, М.-А. — *Деревляни*) (ib., ст. 16); Поча Олегъ воевати [на] *Деревляны* (883 г.); И бѣ

облад(а)я Олегъ. Поляны. и Деревляны (885 г.); Иде Олегъ на Греки <...> поя [же] множество <...> Деревляны (907 г.); И Деревляне затвориша(ся) о (т) Игоря (913 г.); Иде Игорь на Деревляны (914 г.); Нача мыслити на Деревляны (944 г.); см. далее легенду о смерти Игоря и мести Ольги, где Деревляне как жители Деревы — Деревьской земли поминаются 24 раза (945—946 гг.); ср. наименование одного лица — жителя Деревьской земли: [Поиде] Ярополкъ... на Деревску землю <...> И посла искать брата своего, искавшие его не обрѣтоша, и ре(че) единъ Деревлянинъ. азъ видѣх(ъ) яко вчера спехнуша с мосту (977 г.); у Константина Порфирогенета (X в.): *Δερβλενί νοι*, а также, вероятно, *Βερβλεννοῖς* (с опиской?); в «Повести временных лет» также: Деревя, Деревѣхъ, Деревляхъ, Деревляхъ (см. ниже).

Полоч-ан-е [Инии съдоша по Двинѣ и нарекоша(ся) *Полочане*] рѣчьки ради яже втечетъ въ Двину нмьянемъ Полота. о(т) сея прозвашася *Полочане* (Введ., ст. 6); А другое (княжение) на Полотѣ иже *Полочане* (ст. 10); Се бо токмо Словѣнскъ языкъ в Руси. Поляне <...> *Полочане*... (ст. 11); Предивно бысть чюдо Полотскъ <...> И тако уязвляху люди полотские и его области <...> яко навѣе биють *Полочаны* (под 1092 г.).

Пол-ян-е Съдоша до Днѣпру, и нарекошася *Поляне* (Введ., ст. 6). *Полянѣмъ* же жившимъ особѣ по горамъ симъ. бѣ путь изъ Варягъ въ Греки (ib., ст. 7); [*Полянѣмъ*] (Л., — Полеми) же жившемъ особѣ и володѣющемъ, и роды своими, иже и до сее братьѣ бяху *Поляне* ... Бяху мужи мудри и смыслени [и] нарицахуся *Поляне*. о(т) них (ж)е [суть] *Поляне* в Киевѣ и до сего дне (ib., ст. 9); Се бо токмо Словѣнскъ языкъ в Руси. *Поляне*. Деревляне... (ib., ст. 11); *Полянѣмъ* же живущемъ особѣ, яко же рекохомъ, суще о(т) рода Словѣнска. и нарекош(а)ся *Поляне* <...> [И живяху] в мирѣ. *Поляне*. и Деревляне... (ib., ст. 12); *Поляне* бо свои(х) оцѣ обычаи имуть, кроток и тихъ... (ib., ст. 13); Съдумаше[же] *Поляне* и вдаша о(т) дыма мечь (ib., ст. 17); А Козари имаху (дань) на *Полянѣ(х)* (859 г.); И бѣ облад(а)я Олегъ. *Поляны*... (885 г.); Их же прияша... *Поляне* яже нынѣ зовомая Русь <...> Аще и *Поляне* звахуся но Словенскаяа рѣ(чь) бѣ (898 г.); Иде Олегъ на Греки <...> поя [же] множество <...> *Поляны*... (907 г.); Игорь же совокупивъ вон многи. Вар(я)ги [и] Русь и *Поляны*... (944 г.). В «Повести временных лет» также (в разных записях по разным спискам): *Полеми*, *Поляхъ*, *Полями* (см. ниже); в иных источниках этот этноним не встречается³⁷.

Сѣвср-ян-е Это чрезвычайно редко встречающийся (не совпадающий в разных списках) вариант более общего в «Повести временных лет» этнонима *сѣверъ* (см. ниже): А Козари имаху (дань) на *Полянѣ(х)* и на *Сѣврянѣхъ* (859 г. — только *Тр*; в остальных списках: на *сѣверѣ*, на *сѣверѣхъ*); Иде [Олегъ] на *Сѣверяне* (Л. — Сѣверы) и побѣди *Сѣверяны*... (884 г.; в Никоновской летописи, Устюжском своде и др. под 883 г.: Иде Олегъ на *деревляны* и на *сѣверы*); И бѣ облад(а)я Олегъ. *Поляны*. и Деревляны. [и] *Сѣверяны*... (885 г.); см. наименование одного лица: Мстиславъ <...> видѣвъ лежачиѣ сѣчены. о(т) свои(х) Сѣверѣ. и Варягы Ярославлѣ. и ре(че) кто сему не радъ. се лежить *Сѣверянинъ*. а се Варягъ... (1024 г.); у Географа Баварского (ок. 873 г.; см. указ. соч. П. И. Шафарика, с. 711): *Zuirenni* ('северяне?').

В «Повести временных лет» с отмеченным суффиксом известны также инославянские этнонимы: *поляне* ('ляхи'), *мазовшане*, *поморяне*; вряд ли следует относить сюда *хорутане* (не «хоручане!»). Термин *словене* необходимо отделить потому, что в обоих значениях ('славяне вообще' и 'новгородцы') летопись знает его

³⁷ Ср.: Рыбаков Б. А. Поляне и северяне, с. 97.

только с восточнославянским суффиксом -ѣн- (не -'ан-), что должно указывать на зависимость от старославянских и греческих источников, куда этот термин попал из диалекта «западных» славян (собственно восточнославянское было бы **словаѣне* — ср. *дереваѣне*, *полочаѣне* и др.).

* *
*

Как было отмечено, именно наименования рассматриваемой группы (исключая *северян*) летописец этимологизирует, связывая с гидронимами (*Буг*, *Полота*) или характером местности (*дереваѣне*, *полчаѣне*); эти же топографические связи обнаруживают и инославянские этнонимы той же модели: помимо ляхских *полян* это — *мазовиане* (от *Мазовиш*, польск. название области *Mazowsze*), *поморяне* (от *Поморье*).

Поводом для «этимологий» летописца, безусловно, служила морфологическая «прозрачность» рассматриваемых образований, которые в тексте летописи отнюдь не ограничиваются собственно этнонимами. В «Повести временных лет» постоянные наименования той же модели: *кыяне* [*кыѣане*] (ср. *Кыевъ* [*Кыѣевъ*]), *галичане* (ср. *Галичъ*), *любчане* (*Любечъ*), *лучане* (*Лучьскъ*), *мѣняне* (*Мѣньскъ*), *пиняне* (*Пиньскъ*), *смолянне* (*Смолянъскъ*) и мн. др.; столь же закономерно в «Слове о полку Игореве» *куряне* (ср. *Курьскъ*), в грамоте Рижского архиепископа 1281—1297 гг. *витьбляны* (ср. *Витьбьскъ*).

Нетрудно заметить, что, соотносясь с названиями городов, атрибутивный характер которых в летописное время еще явно осознавался (древнерусский *Полотьскъ* или *Лучьскъ* — это в живом сознании книжников того времени еще *Полотьскъ* или *Лучьскъ городъ*, как и *Дереваѣскъ* или *Полъскъ* *земля*), названия населения (за которыми можно было бы пока закрепить термин *народо-наименования*³⁸) на -'ане не включали в свой состав суффикса относительного прилагательного: от названия реки *Полоты*, с одной стороны, *Полотьскъ* [*городъ*, *острогъ*] (т. е. 'Полотский город', 'город на Полоте'), с другой — *полчане*; от названия речки *Куръ*, с одной стороны, *Курьскъ* [*городъ*], с другой — *куряне*; от речки *Мины* (или *Мѣны*) — *Мѣньскъ* [*городъ*] и *мѣняне* (см. текст: «И придоша ко *Мѣньску*, и *мѣняне* затворишася в градъ» — под 1067 г.); аналогично: *Луч-*

³⁸ Этот несколько тяжеловесный термин (кстати, являющийся калькой принятого в языкознании термина «этноним» — греческого происхождения) приходится вводить в рабочий порядок, чтобы избежать возможных недоразумений, поскольку в данном случае очень важно отграничить наименования этнических коллективов (племен, племенных объединений, диалектно-этнографических групп) — собственно этнонимы от наименований административно-политического происхождения (по принадлежности к городу и его волости). Эти последние и охватываются более широким по значению термином «народо-наименования».

ьск-ѣ [городѣ] и луч-ан-е («Володимеру же пришедшу Лучьску, и вдашася лучане» — под 1085 г.); Смольн-ьск-ѣ [городѣ] или Смольн-ьск-а [земля] и смольн-ян-е («Он же... приде Смолинъску, и не прияша его смольяне» — под 1096 г.) и т. д. Отмеченное обстоятельство позволяет обнаружить не только словообразовательные, но и хронологические различия между народо-наименованиями на -ьц-и и на -'ан-е: первые, включая в качестве производящей основы название города целиком (вместе с суффиксом!), не обнаруживают никаких иных топографических связей и явно возникли после оформления соответствующих политических центров или территориально-политических объединений (как ростов-ьц-и, суждал-ьц-и, новгород-ьц-и, чернигов-ьц-и, переяслав-ьц-и, туров-ьц-и и т. д.), в то время как вторые производились от названий местностей (см. при отсутствии названий городов: деревл-ян-е — от Дерев-а и Дерев-ьск-а земля; пол-ян-е — Пол-ьск-а земля) и, если связаны с названиями городов, то всегда (насколько это можно заметить) имеющими, в свою очередь, географическое происхождение (от гидронимов или иных названий местности), а исторически должны были создаваться одновременно с названием соответствующего города (и волости), как в случаях луч-ан-е и Луч-ьск-ѣ, кур-ян-е и Кур-ьск-ѣ, мѣн-ян-е и Мѣн-ьск-ѣ и т. д.³⁹

Изложенные наблюдения требуют дополнительной проверки на материале более широкого круга древнерусских письменных источников; а их подтверждение имело бы большую ценность для собственно исторических выводов. Так, например, можно было бы утверждать, что народо-наименование кыяне (не «кыевьци»!) указывает на «топографическое» происхождение названия Кыевъ, подтверждая мифологический характер летописной легенды о некоем родоначальнике местной династии Кие⁴⁰; при этом исторически не кыяне — жители города Кыева, а, напротив, Кыевъ — город кыян! Народо-наименование же бѣлозерьци является свидетельством того, что политический

³⁹ Ср., однако, образованные позднее и очень употребительные в юго-западных великорусских текстах XVI—XVII вв. названия жителей городов (на -ск-) и их уездов, сохраняющие производящую основу (с чередованием): брянч-ан-е (от Брянск), курч-ан-е (от Курск) и т. п. (о возможности обозначения в текстах этого района буквой ч согласного [ш] см.: Хабургаев Г. А. Заметки... (Консонантизм), с. 177—178). Термином курчане (не куряне!) пользовался еще С. Ларионов в своем «Описании Курского наместничества», изданном в Москве в 1786 г. Последнее обстоятельство (если учесть, что образование куряне ни в одном из летописных списков не встречается!), между прочим, лишний раз свидетельствует о том, что текст «Слова» не мог быть создан в XVIII в. (современные куряне стали «искусственно» распространяться после опубликования «Слова о полку Игореве», где это образование, как явствует из разбираемого материала, вполне закономерно). Кстати, река Кур, упоминаемая еще в местных текстах начала XVII в. (см. в курской грамоте 1627 г., хранящейся в фондах Разрядного приказа Центрального гос. архива древних актов. — Столбцы Белгородского стола, столб. 16, л. 443: *вверх по реке Куру*), в устье которой был некогда основан город Курьскъ, к XIX в. полностью пересохла, и даже старожилы деревень, расположенных в прежнее ее русло, как я мог убедиться в 1955 г., не имеют представления о ее существовании.

⁴⁰ Ср.: Роспонт С. Значение древнерусской ономастики для истории (К этимологии топонима Киев). — ВЯ, 1968, № 1, с. 103—110.

центр в Белозерье сложился до славянизации этого края (что в данном случае сомнений не вызывает: «А перьвии насельници ... в Бѣль-озерѣ весь» — под 862 г.): местное славянское население было поименовано тогда, когда актуально было название города-ostroга, вокруг которого оно и формировалось, а потому народо-наименование непосредственно с гидронимом *Бѣло-озеро* не связано (иначе было бы «*Бѣло(о)зеряне*»).

ПОЛОЧАНЕ

Рассказав о *полочанах* в вводной части, летописец, переходя к погодным записям, т. е. как бы возвращаясь назад⁴¹, заявляет: «А перьвии насельници <...> въ Полотьски кривичи» (под 862 г.), утверждая тем самым, что *полочане* — это местное название (якобы по реке *Полоте* — см. выше сводку цитат) той древнерусской диалектно-этнографической группы, которую летописец именует *кривичами* и локализует лишь в границах Смоленской земли (см.: «*Кривичи*, иже съдять верх Волги, и верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, их же градъ есть Смоленскъ» — Введ., ст. 13). Вместе с тем археологический материал, подтверждая культурное единство древнерусского населения Смоленщины и Полотчины даже в X—XI вв. (см. выше, с. 115), достаточно определенно указывает на то, что в районе Полоцка признаки славянской культуры проявляются только с VIII—IX вв.⁴², следовательно, и сам термин *полочане* как наименование славяноязычного населения Подвинья не мог появиться ранее VIII столетия. Скорее всего, за местным населением это имя закрепилось в Древней Руси лишь тогда, когда стало известно их «княжение» — политическое объединение с центром в Полоцке (достаточно хорошо обосновано мнение о том, что имя *полочан* могло попасть на страницы летописи из материалов середины XI в. — периода интенсификации киевско-полоцких связей⁴³), с собственной династией, находившейся со времени убийства Владимиром I полоцкого князя Рогволода в кровной вражде с Рюриковичами (хотя сын Рогнеды, внук Рогволода, полоцкий князь Изяслав и представлен летописью как сын Владимира⁴⁴).

⁴¹ Забывая об особенностях композиции «Повести временных лет», где введение — это как бы «современность», которой предшествуют сведения первых погодных записей, историки и археологи нередко видят в приводимом далее заявлении летописца «противоречие» тому, что было сказано раньше — в этно-географическом обзоре (см., например: Алексеев Л. В. Полоцкая земля, с. 54).

⁴² См.: там же, с. 42. Новейшие археологические исследования подтверждают, что область Витебска (вверх по Зап. Двине от Полоцка) осваивалась славянами («кривичами») в IX—X вв. (см.: Штыхов Г. В. Работы полоцкой экспедиции. АО-1967. М., 1968, с. 255).

⁴³ См.: Кузьмин А. Г. К вопросу о *полочанах* Начальной летописи. — В кн.: Древние славяне и их соседи. МИА, № 176. М., 1970, с. 125—127.

⁴⁴ «Повесть временных лет», II, с. 17, 320—322; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 142—149; Алексеев Л. В. Полоцкая земля, с. 73 и далее; Казакова Н. А. Полоцкая земля и прибалтийские племена в X—начале XIII века. — В кн.: Проблемы истории феодальной России. ЛГУ, 1971, с. 82—83 и далее.

Таким образом, есть все основания считать, что в действительности *полочане* — это не только не «племенное» имя, но, вероятнее всего, наименование, которое летописцы связывали с жителями Полоцка (см. характерный текст под 1092 г.: «Предивно бысть чудо Полотъскъ <...> рищюще бѣси... и тако узявляху люди полотъскыя и его области. Тѣмъ и челоувѣци глаголаху: яко навѣе биють *полочаны*») и лишь через него — с *Полотой*, небольшой речушкой, омывающей ничтожную (и к тому же окраинную) часть летописного археологического района *полочан*, сведения о которой киевский летописец мог получить лишь тогда, когда Полоцк (а точнее — Полоцкая волость) становится заметной политической единицей. А то, что Нестор (или его предшественник) связывает имя *полочан* с *Полот-ой*, а не *Полот-ьск-ом*, говорит лишь об актуальности в летописное время связи народонаименований на *-ан-е* с названиями местности, в частности гидронимами; при этом весь имеющийся к настоящему времени документальный материал свидетельствует о том, что если такое народонаименование соотносимо с названием города на *-ьск-*, то производящей основой обоих образований непременно является название реки, которое именно поэтому и привлекает внимание летописца при этимологизации термина *полочане* (коль скоро, в отличие от образований *деревляне* или *поляне*, ему известно однокорневое название города — *Полотъскъ*).

* *
*

Если обособление полоцких «кривичей», как это очевидно из исторического и археологического материала, относится к VIII—IX вв. и связано с формированием на средней Двине политического объединения с центром в Полоцке, то каким образом оказалось, что летописец называет их имя среди терминов, явно определяющих этнические (диалектно-этнографические), а не административно-территориальные группы населения (хотя, как говорилось, последнее значение также несомненно)?

Выше не раз отмечалось, что в центральной лесной зоне (в том числе и в Среднем Подвинье) славяне колонизовали области, занятые до них балтийскими племенами, в дальнейшем подвергшимся ассимиляции. Многочисленные балтийские поселения, относимые летописью к *литъве*⁴⁵, известны на южной окраине Полоцкой земли еще в XII—XIII вв.; при этом летопись, надо думать, сообщает о них лишь в тех случаях, когда скопления балтоязыч-

⁴⁵ В. В. Седов вероятно, прав, утверждая, что в период раннего средневековья этноним *литъва* на Руси недифференцированно распространялся на все восточнобалтийские племена Верхнеднепровского правобережья, не подвергшиеся к этому времени ассимиляции (см.: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 25), хотя сами балты в различных районах от Днепра до Немана и Западной Двины могли называть себя по-разному.

ного населения (на территории Полоцкой земли, вероятно, и в самом деле близкородственного литовцам) оказывались достаточно заметными. Еще А. И. Соболевским была высказана мысль, что в XII—XIII вв. значительные скопления балтоязычного населения — летописной *литвы* сохранялись «в пределах нынешних Витебской и Смоленской губерний»⁴⁶, что соответствовало и выводам историков конца XIX — начала XX в. Эти выводы подтверждаются новейшими историко-археологическими разысканиями⁴⁷, позволяющими утверждать, что, «очевидно, правы были те историки XIX в., которые считали *кривичей* (западной ветвью которых были летописные *полочане*. — Г. Х.) наполовину литовцами»⁴⁸.

Очевидно, что языковая ассимиляция восточнобалтийского населения Подвинья должна была потребовать длительного времени: и в летописный период, видимо, еще не была завершена, если начало сожителства балтов со славянами в рассматриваемом регионе относится, как говорилось, лишь к VIII в. Результаты хозяйственного и этнографического взаимодействия балтов и славян должны были проявиться достаточно рано; причем в подобных случаях неизбежно усвоение пришлым населением отдельных этнографических особенностей аборигенов, давно приспособившихся к местным условиям жизни и хозяйствования⁴⁹. Это и обусловило культурно-этнографическое своеобразие местного славяноязычного населения, антропологические и диалектные границы которого совпадают с границами дославянских (восточнобалтийских) поселений на территории современной Белоруссии⁵⁰. Летописец (Нестор или кто-то из его предшественников), знавший об этнографическом своеобразии населения Полоцкой земли, должен был видеть в нем особую группу населения, отличную от других восточнославянских групп Древней Руси, известных ему под названиями *кривичей*, *дреговичей* и т. д., а потому и использовал термин *полочане* не только как народно-наименование территориально-политического объединения, но и как собственно этноним — название древнерусской диалектно-этнографической группы.

⁴⁶ Соболевский А. И. Где жила *Литва*? — ИОРЯС, т. XV, 1911, с. 1053 и др.

⁴⁷ См. обзор: Ермолович Н. И. Где была летописная *Литва*? — В кн.: Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, с. 233—238 (с картой).

⁴⁸ Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, с. 68.

⁴⁹ Ср. наблюдения за аналогичными процессами в наши дни: поселившись на новых землях, «пришлое население довольно быстро заимствовало у местного отдельные элементы из сферы материальной культуры и хозяйственной деятельности, так как эти области культуры местного населения были нередко более развитыми и, главное, более приспособленными к местным условиям» (Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. Некоторые аспекты современных этнических процессов в Югославии. — СЭ, 1969, № 1, с. 63; разрядка моя. — Г. Х.).

⁵⁰ См.: Алексеев Л. В. Полоцкая земля, с. 31—33.

Среднего Подвинья; но термин этот, безусловно, не был связан с каким-либо собственно племенным славянским этнонимом, который предшествовал бы времени сложения Полоцкого княжества⁵¹.

БУЖАНЕ—ВЕЛЫНЯНЕ

В исторической литературе не раз указывалось на неясность взаимоотношений между этими двумя наименованиями, хотя летописец как будто не дает повода для сомнений, заявляя, что он называет *бужанами* славян, селившихся по *Бугу* (Западному?), которые ныне именуются *велынянами* (см. выше сводку летописных цитат)⁵². С точки зрения словообразовательной оба термина — топонимического происхождения. Первый — связан с названием реки *Буг* и, как и *полочане*, соотносится с названием города: «И усрѣте и Володарь, брат Василковъ, у *Божьска*. И не смѣ Давыдъ стати противу... Володарю, и затворися в Бужьскѣ, и Володарь оступи и в городѣ» (под 1097 г.); «Шед сяди в *Бужьскѣмъ* въ Острозѣ» (под 1100 г.). Второй термин как будто тоже связан с названием заметного на Западном Буге политического центра, упоминаемого в «Повести временных лет» под 1018 г. («Ярославъ же... приде *Волыню* и стаща оба поль рѣки *Буга*»), следовательно, к XI в. (до составления Древнейшего Киевского свода!) уже существовавшего. Однако производящие основы обоих этнонимов, как и названий соответствующих городов, принципиально различны.

Если наименование *буж-ан-е*, как и *Буж-ьск-ѣ* (ср. *полоч-ан-е* и *Полот-ьск-ѣ*), произведено от гидронима, то название города *Волынь* такой связи не обнаруживает, а соответствующее ему народо-наименование все списки «Повести временных лет» последовательно передают с корневым *е* (*велыняне*), который в чередовании *е*: *о* обычно отражает более раннюю ступень⁵³ и, таким образом, ставит под сомнение словообразовательную зависимость наименования *велын-ян-е* от названия города *Волынь*⁵⁴. Это сомнение усиливается тем обстоятельством, что тот же топоним до сих пор сохраняется как историческое наименование области, не соответствующее каким-либо продуктивным в историческое время словообразовательным моделям (ср. *Новгород-чин-а*, *Смолен-щин-а* и под.), следовательно, образованное в период, для которого слу-

⁵¹ Ср. аналогичный вывод, сделанный в результате анализа летописных сообщений: Кузьмин А. Г. К вопросу о *полочанях* Начальной летописи, с. 125—127.

⁵² Именно поэтому трудно согласиться с П. Н. Третьяковым, когда он считает *бужанами* (в отличие от *велынян*) поселенцев Южного Буга (см.: Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, с. 83).

⁵³ См.: Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1974, с. 119.

⁵⁴ Ср.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1964, с. 347.

чаи производства названий областей от названий городов неизвестны. Поскольку летопись склоняет название города по типу основ на *jō (*Волын-я, Волын-ю*), то можно полагать, что в древнерусский период этот топоним еще сохранялся как притяжательное (а не относительное, как *Буж-ьск-ъ*) прилагательное, образованное от **велын-*, следовательно, связанное с первоначальным значением 'город *велыни*' (!), — видимо, той самой, имя которой сохранилось в наименовании области (первоначально, вероятно, **Велынь* < **Velūn-īs*; современное *Волынь*, — надо думать, под воздействием названия города, образованного с чередованием корневых гласных).

Указание летописи на совпадение области *велынян* с областью древних поселений *дулебов* («Дулѣби живяху по Бу(гу) гдѣ нынѣ Велыняне» — Введ., ст. 13) и упоминавшаяся ранее этимология этнонима *дулебы* (*dudlěbi* — из germ. *Dudl-eipa* 'страна волянок') заставляют предполагать, что производящей основой названия области и города могло послужить давнее собственно племенное имя поселенцев Бужско-Припятского междуречья, где культурные памятники исторических славян фиксируются с VI столетия. А калькирование этого термина германцами (**велынь* — *dudlěba*), которые могли появиться здесь в период готских войн (II—IV вв. н. э.), позволяет думать, что имя *велынь* (**vēlūn-īs*?) принадлежало населению дочерняховского периода, т. е. носителям зарубинецкой культуры (в языковом отношении — носителям говоров праславянского и голядско-ятвяжско-прусского типа, см. с. 86—93), сохраняясь в дальнейшем в качестве исторического наименования области поселений **велын-и* (что характерно и для смежных районов обитания западно- и восточнобалтийских племен⁵⁵), и именно от него было образовано (с помощью посессивного суффикса *-j- и чередования корневых гласных) название «племенного» центра *Волынь* (**Volūn-j-os*; но, может быть, и из **Volūnī-os*) — в период господства жителей **Велыни* — *велынян* над остальными племенами Западного Побужья и южного Припятского Полесья (см. выше, с. 144—147).

Что же касается летописной последовательности народонаименований *бужане*→*велыняне*, то первое, безусловно, не связано с каким-либо самоназванием и, скорее всего, использовалось соседями (например, в Киеве) для недифференцированного поименования побужского населения периода мелких сельских общин, шедших на смену племенным объединениям, когда местное самоназвание в Киеве было неизвестно или не принималось во внимание. Позднее, в период актуализации административно-территориальных связей, когда термин *буж-ан-е* стал соотноситься с названием города *Бужьск-а* (ср. *полоч-ан-е* — *Полот-ьск-ъ, луч-ан-е*

⁵⁵ См.: Отрембский Я. *Dainavá* — название одного из ятвяжских племен. — ВСЯ, вып. 7. М., 1963, с. 3—5.

— *Лучьскъ* и т. п.), он уже не охватывал всей побужской группы древнерусского населения, характеризовавшейся диалектно-этнографическим своеобразием. В это время в среде киевских хронистов⁵⁶ и могло активизироваться использование нового термина *велыняне*, связанного с историческим названием области *Волынъ* — *Волыньск-а земля* (ср. ниже: *деревляне* — *Дерева* — *Деревьска земля*, *поляне* — *Польска земля* и т. д.) и, возможно, с самоназванием местных славян, но в такой форме (!) уже ни в коем случае не являвшегося «племенным» именем.

ДЕРЕВЛЯНЕ

Этот этноним в летописи обнаруживает точно такие же словообразовательные связи с географическими терминами, что и *полочане* или *велыняне*: как *полоч-ан-е* — жители *Полотьск-а [города]* и *Полотьск-ой земли*, а *велын-ян-е* — жители *Волыньск-ой земли*, так и *деревл-ян-е* в летописи — это жители *Деревьск-ой земли* (!):

Рыша же древляне п(о)сла ны *Деревьска земля* <...> А наши князи добри суть. иже рапасли суть *Деревьску* землю. да поиди за князь нашъ за малъ. бѣ бо имя ему Малъ. князю *Деревьску* <...> Се слышавъше Древляне [и]. собрашася лучшии мужи. иже деръжаху *Деревьску* землю (945 г.); Ольга с сыномъ своимъ С(вя)тославомъ... иде на *Деревьску* землю <...> И иде Вольга по *Деревьстѣ* земли (946 г.).

Особенно выразительна запись, содержащая единственную фиксацию названия одного лица и вместе с тем — последнее сообщение о жителях *Деревьск-ой земли*:

[Поиде] Ярополкъ на Олга брата своего на *Деревьску* землю <...> Побѣгыню же Ольгу с вои своими въ градъ. рекомый Вручи. быше чересь гроблю мость ко вратомъ граднымъ... И спехнуша Олга с мосту <...> И послаша искать брата своего. и искавъше его не обрѣтоша. и ре(че) единѣ *Деревлянинъ*. азъ видѣх(ъ) яко вчера спехнуша с мосту (977 г.).

Совершенно очевидно, что термин *деревл-ян-инъ* (как и *деревл-ян-е*) связан с названием *Деревьск-а* [земля], а не наоборот: в противном случае было бы **Деревлян-ьск-а* [земля], что обычно и находим в поздних летописных сводах, редакторы которых воспринимали уже вышедшее к их времени из употребления название этой земли как области *деревлян*⁵⁷ (см. ниже).

⁵⁶ Западное Побужье втягивается в политические события, связанные с Киевом, только с конца X в. (см.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, с. 127 и далее).

⁵⁷ См., например, в Устюжском своде, составленном в XV в., позднее происхождение которого доказывается не только составом источников, но и такими фактами, как замена *варягов* — *немцами* (под 852 и 853 гг.), *половцев* — *татарами* (под 1185, 1197 и 1208 гг.) и т. п.: «Посла нас Древская земля <...> Насѣяли землю *Древлянскую*» (Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М. — Л., 1950, под 945 г.); ср. там же: «И начаша владѣти *Полянскую* землю» (под 863 г.).

Киевский летописец, говоря о жителях *Деревьской* земли — *деревлянах*, указывает на их этнографические особенности: «А [*Деревляне*] живяху звѣринскимъ образомъ. жиюще скотьски. оубиваху другъ друга. ядяху вся нечисто. и брака оу нихъ не бываше. но умыкиваху оу воды двця» (Введ., ст. 13). Глагольные формы (имперфект, следовательно, 'жили', 'убивали' и т. д.) свидетельствуют о том, что это отнюдь не характеристика этнической группы (племени?), своеобразие которой было заметно в период создания «Повести временных лет», а всего лишь изложение преданий о жизни и быте предков летописными *деревлян*, в то время как на какие-либо этнографические особенности жителей *Деревьской* земли летописного периода «Повесть» не содержит и намека⁵⁸ (ср., однако, там же о *вятичах* — после описания характерных для них «обычаев», т. е. этнографических особенностей: «... еже творять Вятичи и нынѣ» — ст. 14). А упоминания о «градах», «лучших людях» (следовательно, о местной знати!) и даже о *деревьском* князе Мале, дерзающем посвататься к Ольге, не оставляют сомнений, что ко времени Игоревых походов *Деревьска* земля представляла собой территориально-политическое объединение, а не «племенную» область; см., впрочем, и прямое свидетельство летописи: «... а в [*Деревѣхъ*] (*Л.* — в *Деревляхъ*) свое» княжение (Введ., ст. 10). В этих условиях народо-наименование с суффиксом *-ан-е* оказывается закономерным и вполне соответствующим остальным аналогичным образованиям; а «этимологический» экскурс летописца относительно связи этнонима с характером местности («зане сѣдоша в лѣсѣхъ»), независимо от реалистичности такого толкования, следует отнести к происхождению того первичного термина, который сохранился в историческом названии области *Дерев-а* (ср. выше — *Волинь*) и от которого произведены названия волости *Дерев-ьск-а [земля]* и ее жителей — *деревл-ян-е*.

Итак, вновь оказывается, что и *Деревьска* земля имеет бессуффиксный (?) синоним явно этнонимического происхождения.

В *Деревѣхъ* (*Л.* — *Деревляхъ*) свое (княжение) (Введ., ст. 10); Послушахъ Игорь. иде в *Дерева* в дань <...> Есть могила его оу Искорьстѣня гра(да) в *Деревѣхъ* и до сего дне (945 г.); Стславъ посади Ярополка в Киевѣ. а Ольга в *Деревѣхъ* (970 г.); Посадиша Ярослава Новѣгородѣ. А Бориса Ростовѣ. а Глѣба Муромѣ. С(вя)тослава *Деревѣхъ*. Всеволода Володимери... (988 г.).

Все примеры употребления рассматриваемого имени не оставляют сомнений, что перед нами наименование волости — территориально-политической единицы, которая уже во времена

⁵⁸ Б. А. Рыбаков полагает, что эти летописные сведения относятся ко времени до VI в. (см.: Рыбаков Б. А. Нестор о славянских обычаях. — В кн.: Древние славяне и их соседи. МИА. № 176. М., 1970, с. 40—41); материал данного исследования также заставляет думать, что речь идет об общественном укладе, разрушающемся на протяжении VII—VIII столетий.

Игоря становится киевской провинцией — без какого-либо заметного административного центра (что вполне объяснимо, учитывая ничтожное хозяйственное и стратегическое значение этого внутреннего лесного края⁵⁹). Вместе с тем наименование области *Дерева* по типу аналогично близлежащим топонимам этнонимического происхождения *Литва* < *Lietuvà*, *Лотва* < *Latuvà*, *Ят(ъ)ва* < **Jatuvà*, *Дойнов(а)* < *Dainavà* и др.⁶⁰, что и позволяет предполагать его первоначальную связь с этнонимом **дерева*, возможно, служившим когда-то собственно племенным именем.

Летопись, кажется, подтверждает высказанное предположение, употребляя, наряду с термином *древляне*, также и «бессуффиксное» образование в этнонимическом значении *древля-ми*. Правда, в этом случае как будто бы следует восстанавливать исходную форму **древля* (из **der-v-j-a*), а не *дерева*; но «вставочный» *л'* здесь, вероятно, появился не фонетически, а в результате контаминации *дерева* — *древляне* — после утраты собственно этнонима как живого образования, что и подтверждается встречающейся однажды, наряду с *Дерева*, летописной формой в *Древлях* — с топонимическим значением (см. ниже).

Учитывая рассмотренный ранее археологический материал *Деревской земли*, который до VIII в. не обнаруживает своеобразие, включая этот район в более обширный (житомирско-корчакский) ареал, объединяющий Южное Полесье и Житомирщину с Волынью, можно предполагать, что местное население в VI—VII вв. входило в состав того раннеславянского объединения, в котором, по утверждению Масуди, инициатива принадлежала воынской знати. В этот период была неизбежной и диалектная нивелировка славяноязычного населения рассматриваемого ареала. Лишь после распада «Воынского» объединения население Южного Полесья и Житомирщины обособляется, переживая окончательное разложение родо-племенных связей и создавая собственное «княжение», которое, кстати сказать, до похода Ольги имело свою династию, не связанную с «варяжской». Соседям население этого района было известно под именем **дерева*, ко времени разложения общинно-родового строя закрепившимся за областью их давних поселений. В период формирования новых социальных отношений прежнее племенное имя, естественно, выходит из употребления, но, как и в других случаях, продолжает сохраняться как историческое наименование области (*Дерева* — *Дерев-ьск-а земля*), жители ко-

⁵⁹ Осмотр *древьских* («древлянских») *градов* показал, что это небольшие городища-укрепления, как правило, расположенные «гнездами» и являвшиеся, скорее всего, замками «лучших людей», т. е. резиденциями местных феодалов, а не торгово-промышленными центрами, подобно поднепровским городам (см.: Третьяков П. Н. Древлянские «грады». — В кн.: Академику В. Н. Грекову ко дню 70-летия. Сборник статей. М., 1952, с. 63—69). Один из таких замков и мог служить резиденцией великокняжеского наместника после превращения *Деревской* земли в провинцию Киевской Руси.

⁶⁰ См.: Отрембский Я. *Dainavà* — название одного из ятвяжских племен, с. 3 и далее.

торой получают название по территориальному признаку — *деревляне* (как жители *Полотской* земли — *полочане*, *Волыни*, или *Волыньской земли*, — *вельняне*). Эта схема вновь заставляет обратиться к VIII—IX вв. как к наиболее раннему вероятному времени появления народо-наименования по территориальному признаку с суффиксом *-ан-е*, ибо именно в это время на территории *Деревьской* земли распространяется культура типа Луки-Райковецкой, свидетельствующая о формировании здесь новых территориальных общин, идущих на смену родо-племенным отношениям.

ПОЛЯНЕ

Употребление этого термина аналогично предыдущему в том отношении, что, наряду с *полями*, летопись знает и бессуффиксное (?) образование *полем(ѣ)*, *полями* и (как топоним) в *Поляхъ* (см. ниже), позволяющее реконструировать собственно этноним **поля*⁶¹ (аналогично **дерева* или **деревля*). Как и в предыдущем случае, местность, населенная *полями*, в период разложения общинно-родового строя и образования территориального (политического) объединения времени легендарного *Кыя* получает название *Польск-ой* земли («...и начаста владѣти *Польскою* землею» — под 862 г.). От этого географического названия естественно образование народо-наименования по территориальному признаку *поляне*, которое в такой форме, как и в других случаях, не может быть «племенным» именем.

С возвышением Киева как торгово-промышленного города и политического центра имя *полян* закономерно уступает место народо-наименованию *кыяне*, что, учитывая современные археологические данные, следует отнести не позднее чем к IX в. Правда, в летописи *кыяне* впервые встречаются лишь в записи под 1036 г. («[И] постави (Ярослав) Варягы посередѣ. а на правѣи сторонѣ *Кыяне*. а на лѣвѣмъ крилѣ Новгородци»); но это может быть связано с особым положением, которое начинает занимать Киевская земля со второй половины IX в., что и заставляет автора «Повести временных лет» значительно раньше разъяснить: «*Поляне* яже нынѣ зовомая *Русь*» (под 898 г.) — термин *кыяне*, в отличие от остальных аналогичных образований этого времени (*куряне*, *мѣняне*, *смольняне* и т. д.), сохраняется лишь за населением города.

Запись 898 г. достаточно ясно говорит и о том, что по крайней мере во времена Нестора, а может быть, и в период создания Древнейшего свода (начало XI в.) сохранялись лишь предания о происхождении славянского населения Киева и его окрестностей от каких-то *полян*, которых в действительности уже не было. А содержащееся во введении утверждение, будто от тех (давних!)

⁶¹ Ср.: Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957, с. 100.

полян «суть Поляне в Киевѣ и до сего дне», является явным анахронизмом, может быть, свидетельствующим о том, что в период гипотетических погодных записей IX столетия (см. с. 159—160) это наименование еще сохранялось в народной памяти.

Если суффиксальное образование *поляне*, как и *вельняне* или *деревяне*, не могло быть племенным или непосредственно связанным с племенным именем и образовано от прежнего наименования Киевщины *Поля* — *Пол-ьск-а* [*земля*], то последнее, как и в предыдущих случаях, вполне могло иметь отношение к названию какого-то племени (или племенного союза), некогда занимавшего район Киевщины. При этом сложная культурно-этническая история *Польской* земли, где памятники исторических восточных славян (типа Луки-Райковецкой) наслаиваются на многочисленные памятники предшествующего населения (см. выше, с. 151), не оставляет серьезных шансов распространенному среди историков предположению о том, что этноним **пол-я* связан с одним из «антских» племен, вторгшихся в поречье среднего Днепра из степной полосы (из *поля* — в нарицательном смысле); более вероятно, что здесь мы имеем дело с сохранением в качестве исторического названия области более раннего собственно племенного названия, которое, может быть, было осмыслено в плане «народной этимологии», а может быть, и в самом деле имело какое-то отношение к апеллятиву *поле*, если только не сохранилось от древнего дославянского населения Среднего Поднепровья (ср. выше, с. 96, 161).

СЕВЕРЯНЕ

Употребление этого образования в летописи является яркой иллюстрацией изложенной выше концепции происхождения народонаименований на *-'ан-е*.

Как было отмечено (см. выше сводку летописных цитат), термин *северяне* лишь изредка встречается в старших летописных списках как явно поздний вариант более распространенного (и дольше, чем в других случаях, сохранявшегося) бессуффиксного (?) этнонима *север* (*сѣверъ*), от которого образовано и атрибутивное наименование *Сѣвер-ьск-[-ая земля, -ии городи]*, доживающее в качестве исторического названия Деснинско-Сейменского междуречья вплоть до XVII столетия (см. в одной из брянских грамот 1620 г., хранящейся в рук. фонде ГПБ им. В. И. Ленина, № 10197: «(по) выво(д)ны(м) *сѣве(р)скимъ* городо(м)») и даже отражаясь в зарубежных сочинениях этого времени — в виде названия области *Severia* (см. карту 20).

Этнографическое своеобразие исторических *северян*, как свидетельствует археологический материал, оформилось в VIII—IX вв. и нашло отражение в материальной культуре роменских поселений, которые в это время уже представляли собой территориальные сельские общины с почти разрушенными родо-племенными

связями⁶². Следовательно, в летописное время термин *север* уже не являлся обозначением племенного объединения (хотя исторически он, несомненно, восходит к собственно племенному времени) и использовался как наименование этнографически своеобразного славяноязычного населения, занимавшего территорию двух политических объединений киевского периода — Переяславского и Черниговского княжеств, что явствует из совпадения летописной локализации *севера* («по Дѣснѣ, и по Семи, и по Сулѣ») и археологического ареала роменских городищ. Народно-наименование с суффиксом *-ан-е*, произведенное от исторического названия области северских поселений, могло иметь хождение уже в IX в., если это оно отражено в описании Географа Баварского (см. выше сводку цитат).

*LENZ' - AN - E

Во всех исторических сочинениях о Древней Руси рядом с летописными фигурирует еще один восточнославянский этноним на *-ан-е*, извлеченный из известного сочинения Константина Порфирогенета, где он встречается дважды (в разных вариантах) рядом с названиями бесспорно восточнославянских этнических групп: ... οἱ Κριβηταῖνοι λεγόμενοι καὶ Λενζανῖνοι (Lenzaninoi), καὶ οἱ λοῖποὶ Σκλαβῖνοι... (гл. 9); ... τοῖς τε. Οὐλτινοῖς καὶ Βερβλενῖνοις καὶ Λενζενῖνοις (Lenzeninoi), καὶ τοῖς λοιποῖς Σκλαβοῖς (гл. 37).

Из трех известных прочтений этого термина (*ляжане*, *лужане*, *лучане*), в равной мере учитывающих и рефлексы носового гласного в корне, и необходимость исконноослабленного согласного перед суффиксом (ср. *полочане*, *деревляне*), более всего соответствует воспроизведению подлинника предложенное Г. А. Ильинским чтение *ляжане*⁶³. Однако это почти безукоризненное соответствие (см. заглавие раздела, где дана точная транскрипция корневой части транслитерации Константина; об употреблении суффикса единичности *-ин-* в славянских этнонимах этого автора см. ниже) в данном случае ничего не значит. Дело в том, что дошедшая до нас запись могла отразить двукратное, а то и трехкратное искажение действительного славянского произношения: сначала — при воспроизведении названия информатором-скандинавом, затем — греком (Константином или его секретарем); наконец, остается вероятность третьего искажения в связи с невозможностью передать воспринятое звучание средствами греческой азбуки. В связи с этим транслитерация Константина не может служить основанием для предпочтения какой-либо одной из трех интерпретаций: они должны быть признаны равноправными.

Поскольку **Lenz'an-e* Константина встречаются вместе с другими восточнославянскими этнонимами (один раз — рядом с *кривичами* «и прочими славянами», другой — рядом с *уличами*, *деревлянами* (?) «и прочими славянами») и оба раза — в ряду хорошо «опознаваемых» терминов, которые летопись употребляет для обозначения этнических, а не административно-территориальных групп населения, утвердилось мнение, что перед нами, возможно, одно из неизвестных племенных названий, которых могло быть достаточно много, но которые не дошли до нас, так как летописец интересовался лишь наименованиями союзов, а не отдельных племен⁶⁴. Против того, что племена, объединявшиеся в союзы,

⁶² См.: Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. МИА, № 74. М.—Л., 1958, с. 224.

⁶³ См.: Ильинский Г. А. Кто были Λενζανῖνοι Константина Багрянородного? — «Slavia», IV, 1925, s. 2, с. 314—319.

⁶⁴ См.: Рыбаков Б. А. Поляне и северяне, с. 97.

могли иметь свои (частные) наименования, ничего нельзя возразить; но к данному случаю это не имеет прямого отношения. Как обнаружилось в ходе обзора, образования с суффиксом *-ан-е*, как правило, непосредственно связаны с географическими, а не племенными названиями, причем древнейшие — с гидронимами или историческими названиями областей. Термин **Lenz-an-e*, услышанный информатором Константином в первой половине X в., подтверждая вывод об активизации таких образований в VIII—IX вв., может относиться лишь к какой-то территориальной группе, не обязательно составлявшей население вполне оформившегося административно-политического объединения: он мог быть связан либо с оставшимся неизвестным летописцу историческим названием какого-то района (восходящим к славянскому или автохтонному (субстратному) племенному имени), либо с каким-то гидронимом, а через него — с названием города, которое, скорее всего, должно быть нам известно по летописи.

Первая возможность соответствует чтению **ляжане* — от названия *ляд- < *lend-*, находящего в летописи отражение в наименовании западнославянской страны — *Ляд-ьск-а* земля (как *Дерев-ьск-а*, *Поль-ьск-а*, *Сѣвер-ьск-а* земля). В этом случае *ляжане* должны были составлять население западных окраин⁶⁵, в диалектно-этнографическом отношении близкое *ляхам*, но в первой половине X в. имевшее какие-то экономические связи с Киевом (Константин сообщает о том, что *ляжане* (?), как и «другие славяне», спускаясь по Днепру в Киев, сбывали здесь свои лодки-однодревки «руским» князьям, а также платили какую-то дань Киеву), что для этого времени вполне вероятно⁶⁶. Вторая возможность предполагает связь рассматриваемого народо-наименования с названием рек *Луга* (и производные) или *Лука* (и производные) и соответствующих городов. Любопытно, что и в этом случае можно вернуться все к тому же русско-польскому пограничью: среди притоков Зап. Буга есть речка *Луга* (от названия которой может производиться наименование **лужане*), а немного восточнее, в юго-западной части бассейна Припяти, — речушка, именем которой назван не раз упоминаемый в летописи город *Луч-ьск- > Луцк* (впервые — под 1085 г.: «Володимеру же пришедшу *Лучьску* и вдашася и *лучане*»).

Учитывая, что ко времени составления Древнейшего свода именно к западу от Днепра активизируются фиксируемые летописью термины на *-ан-е* (*бужане*, *вельяне*, *деревляне*, *полянне*, *полочане*, *галичане*, *мѣняне* и т. д.)⁶⁷, следует считать наиболее вероятным чтение *лужане*⁶⁸, соответствующее народо-наименованию летописи, которая уже во введении (возможно, опиравшемся на материал IX в.) называет население *Лядьской* земли *ляхами*, а не *«ляжанами»*⁶⁹, хотя теоретически последнее образование вполне возможно.

⁶⁵ Впрочем, Г. А. Ильинский, связывая предполагаемое им чтение *ляжане* с *ляхами*, полагал, что речь должна идти о... летописных *радимичах* (см.: Ильинский Г. А. Указ. соч., с. 312—317).

⁶⁶ О связях Киева с русско-польским пограничьем с конца X в. см.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, с. 127—136 и далее; Корольков В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964, с. 75—82.

⁶⁷ К востоку от Днепра пока только в Днепро-Донском же бассейне (!) известны образования *северяне* и *куряне*; но первое, как указывалось, — позднейшая замена собственно летописного этнонима *сѣверъ*, а второе летописью вообще не зафиксировано.

⁶⁸ Ср.: Нидерле Л. Славянские древности, с. 156.

⁶⁹ Необходимо считаться с тем, что источники «Повести временных лет» нередко синхронны и даже предшествуют сочинению Константина; а если иметь в виду почти доказанное существование Древнейшего свода начала XI в., то он отстает от сочинения Константина Порфирогенета всего на несколько десятилетий.

Представленный выше материал во всей его совокупности дает возможность сформулировать выводы относительно восточнославянских этнических терминов на -'ан-е и их возможной связи с собственно племенными наименованиями.

1. Этнические термины, восточнославянское происхождение которых сомнений не вызывает, образованы посредством смягчения конечного согласного производящей основы, что предполагает вариант суффикса локальной принадлежности *jēn- > -'ан-.

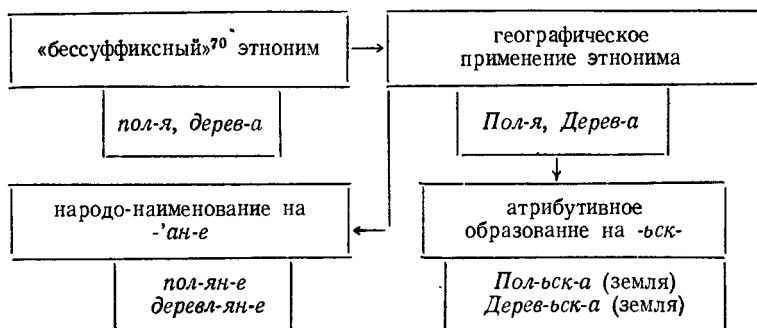
Исторически такой вариант суффикса мог оформиться в результате обобщения образований от основ на *ī — типа *tīeud-ī-s (чудь): *tīeud-ī-ēn- > *tiudiēn- > *tjudjan- > *чужан-е*. Учитывая однако, что некоторые из образований, как обнаруживается, могли появиться не ранее VIII в., когда указанные фонетические изменения уже весьма сомнительны, более вероятно, что чередования согласных при производстве этнонимов типа *полочане* (от основы *Полот-а*) — морфологического происхождения; ср. поздние образования с явно морфологическим чередованием: *воложд-ане* — от *Волод-а*, *волж-ане* — от *Волг-а* и т. д.

Указанный вариант суффикса оказывается типично восточнославянским; но ср. «склавенское» по происхождению образование с тем же (исторически) суффиксом: *слов-ѣн-е* (не «*словяне*»!).

2. В тех случаях, когда исторические и археологические данные позволяют ставить вопрос о времени активизации рассматриваемых наименований, оказывается, что они могли появиться не ранее VIII—IX вв. для поименования населения по территориальному признаку, а не по признаку племенной принадлежности. Более того, их активизация обычно совпадает с разложением родо-племенных связей и оформлением территориальных сельских общин, со временем составляющих основу местных политических объединений — волостей, или земель. При этом производящая основа наименований с суффиксом -'ан-е (даже если она известна в названии местного политического центра и его волости) восходит непосредственно либо к гидрониму (от которого образовано и название местного центра), либо к историческому названию области, которое может быть связано с более старым этнонимом, закрепившимся со временем в качестве географического названия (ср. материал летописного времени на с. 181—186). Эта вторая группа образований производит впечатление более ранних, в то время как народо-наименования, соотносительные с названиями городов, становятся особенно активными в летописное время, почти без исключений охватывая все случаи поименования населения районов, центры которых носят «речные» (образованные от гидронимов) атрибутивные на-

звания на *-вск-*, так же как более ранние наименования населения на *-'ан-е* соотносительны с аналогичными названиями областей (на *-вск-*).

3. В тех случаях, когда возникает возможность предполагать связь этнонима на *-'ан-е* с давним собственно племенным именем, намечается следующая последовательность такой связи:

Предложенная схема, очень характерная для раннего европейского средневековья, ни в коем случае не предполагает, что позднее народо-наименование обязательно используется для обозначения прямых потомков той этнической группы, которая передала рассматриваемой области (земле) свое имя (см. с. 166—167). Ср. то же в Центральной Европе: нем. *Sachse* ('саксы' — древнегерманский племенной союз) → *Sachsen* или *Sachsenland* (историческое название области древнего обитания *саксов* — 'Саксония' или, как и в Восточной Европе, 'Саксонская земля') → *Sachse* ('саксонец' — житель современной земли *Саксонии*); или нем. *Preusse* ('прусы' — древнее западнобалтийское племя или племенной союз) → *Preussen* ('Пруссия' или 'Прусская земля' — немецкая область, некогда занятая пруссами, впоследствии ассимилированными немцами) → *Preusse* ('прусак' — современный немец из земли *Пруссии*).

Возвращаясь к этническому термину *словене*, который во всех летописных списках оформляется только так (*словѣне* — *словене*), нельзя не заметить, что суффикс *-ѣн-* в этом образовании, следующий не после исконнославянского согласного, указывает на его невесточнославянское происхождение и на появление его до VIII в. Сам по себе этот вывод не требовал бы комментариев (термин *словене* известен византийским источникам с VI в. и отражен именно в такой форме!), если бы летопись применяла его только в общеславянском значении. Но «Повесть временных лет» вплоть до записи 1036 г. использует это образование и для обозначения новгородцев. Как могло оказаться, что одна из этнических групп Восточной Европы именуется термином явно невесточнославян-

⁷⁰ Определение «бессуффиксный» в данном случае не следует понимать этимологически: любой этноним, воспринимаемый в историческое время как бессуффиксный, с точки зрения этимологической мог представлять собой суффиксальное образование.

ского происхождения, целесообразно рассмотреть после анализа остальных летописных этнонимов, включая «бессуффиксные», в частности термина *русь*, который, по летописи, впервые появляется как раз там, где жили *словене-новгородцы*.

ОБРАЗОВАНИЯ С СУФФИКСОМ -ИЧ-И

Это вторая из основных словообразовательных групп восточнославянских этнонимов «Повести временных лет», по численности почти не уступающая первой (5 наименований) и имеющая многочисленные соответствия в инославянской этнонимии. К восточнославянским терминам на *-ич-и* в летописи относятся следующие.

Вят-ич-и Радимичи бо и *Вятичи* о(т) Ляховъ. бяста бо 2 брата в Лясъ(х). Радимъ, а [други] Вя(тко) и пришедъша <...> Вяtko сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ. о(т) него же прозвашася *Вятичи*. [и живяху] в мирѣ Поляне. и Деревляне <...> *Вятичи* и [Хорвате] (Введ., ст. 12; в списках, отражающих более поздние своды, добавление: ... и прозвашася *вятичи*, *иже есть рязанци*); И Радимичи и *Вятичи*, и Сѣверъ. одинъ обычаи имяху живях(у) в лѣсѣ. яко же [и] всяки звѣрь. ядуще все нечисто [и] срамословье в ни(х) предъ отъци и предъ. снохами, [и] браци не бываху въ ни(х). [но] игрища межю улы. схожахуся. на игрища на плясанье. и на вся бѣсовская [пѣсни]. и ту оумыкаху жены собѣ. с нею же кто съвѣщашеся. имяху же по двѣ и по три жены. И аще кто умряше творяху трызно надъ нимъ. и посемь т(в)оряху кладу велику и възложакуть и на кладу мртвца. сожъжаху. и посемь собравше кости. вложаку в судину малу. и поставяху на столпѣ на путе(х) еже творять *Вятичи* и нынѣ (ib., ст. 13—14); А Козари нмаху (дань) на Полянѣ(х) и на Сѣверѣ(х) и на *Вятичѣхъ* (859 г.); Иде Олегъ на Греки <...> поя [же] множество Варя(г). и Словенъ <...> и *Вятичи*(чи)... (907 г.); И иде (Святослав) на Оку рѣку и на Волгу. и налѣзе *В(я)тичи*. и ре(че) *Вятичемъ*. кому дань даете (964 г.); *Вятичи* побѣди С(вя)тославъ и дань на нихъ възложи (966 г.); В сем же лѣтъ (Владимир) и *Вятичи* побѣди (981 г.); Заратишася *Вятичи* и иде на ня Володимиръ и побѣди [я] второе (982 г.); И нача (Владимир) ставити города <...> и поча нарубати мужѣ лучшиѣ. о(т) Словенъ и о(т) Кривичъ. и о(т) Чюди. и о(т) *Вятичъ*. и о(т) сихъ насели грады (988 г.; ср. в Никоновской летописи под 990 г.: Нача ставити Володимер грады <...> и насели их словены... и чюдью, и *вятичи*); в письме хазарского кагана Иосифа (X в.): *в-н-н-тит* ('вятичи'); ср. у Владимира Мономаха в географическом значении: «А въ *Вятичи* ходихомъ по двѣ зимѣ на Ходогу и на сына его» (1096 г.).

Дрегъв-ич-и А друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною. и нарекошася [*Дреговичи*] (Л. — *Дреговичи*) (Введ., ст. 6); ...Держати. почаша родъ ихъ княженъ в Поляхъ. [а] в [Деревѣхъ] свое. а [*Дреговичи*] (Л. — *Дреговичи*; Тр. — *Друговичи*) свое (ib., ст. 10); Се бо токмо Словѣнскъ языкъ в Руси. Поляне <...> [*Дреговичи*] (Л. — *Дреговичи*; Тр. — *Друговичи*) (ib., ст. 11); ср. в географическом значении: Глѣбъ бо быше воевалъ *Дрѣговичѣ* и Случескъ пожегъ (1116 г.); (Святослав Ольгович) поча ему молвити. держиши отчину мою <...> и вси *Дреговиче* (1149 г.)⁷¹; у Константина Порфирогенета (X в.): *Δρουγουβιται*).

Крив-ич-и *Кривичи* иже сѣдять на верхъ Волги. [и] на верхъ(ъ) Двины и на верхъ Днѣпра. их же градъ есть Смоленскъ [тудѣ] бо сѣдять *Кривичи* (Введ., ст. 10); Аще кто оумряше... (см. сводку читат «Вятичи») ...Си же творяху обычаи *Кривичи* [и] прочнии погании (ib., ст. 14); [И] маху

⁷¹ ПСРЛ, т. II, с. 384.

дань <...> на всѣхъ *Кривичѣхъ* (859 г.); Рѣша. Русь. Чюдѣ [и] Словѣни. и *Кривичи* <...> да поидѣте княжити в володѣти нами (862 г.); А первѣи на сельници в Новѣгородѣ Словене. [вѣ] Полотѣски *Кривичи*... (ib.); [П]овиде Олегъ поимѣ воя многи Варяги. Чюдѣ Словѣни. Мерю. и [Весь] *Кривичи*. и приде Смоленску съ *Кривичи*. и прия градъ <...> и оустави дани Словѣномъ *Кривичемъ* и Мери (882 г.); Иде Олегъ на Греки <...> поя [же] множество Варя(г). и Словенѣ. и Чю(дѣ). и Словене. и *Кривичи*. и Мерю... (907 г.); Игорь же совокупивъ воя многи. Вар(я)ги и Русь и Поляны. и Словѣни и *Кривичи*. и Тѣверьцѣ... (944 г.); Володимѣрь же собра воя многи. Варяги. и Словѣни. Чюдѣ и *Кривичи* (980 г.); И нача (Владимир) ставити города по Деснѣ. и по Востри. и по [Трубежеви]. и по Сулѣ. и по Стугнѣ. и поча нарубати мужѣ лучшиѣ. о(т) Словенѣ и о(т) *Кривичѣ*. и о(т) Чюди. и о(т) Вятичѣ. и о(т) сихъ насели грады (988 г.; ср. в Никоновской летописи под 990 г.: Нача ставити Володимѣрь грады <...> и насели их словены, сиречь ноугородцы, *кривичи*, сиречь *смольняны*...); у Константина Порфирогенета (X в.): *Κριβιτζοί*; *Κριβιταῖνοι*.

Радимичи бо и Вятичи о(т) Ляховѣ <...> И пришедъша. съдоста Радимѣ на Съзю. [и] прозв(а)шася *Радимичи* <...> [И живяху] в мирѣ <...> Съверѣ и [*Радимичи*] (*Л.* — *Рад(и)мичь*). и Вятичи. и [Хорватѣ] (Введ., ст. 12); И *Радимичи* и Вятичи. и Съверѣ. одинъ обычаи имяху... (см. сводку цитат «Вятичи»)... еже творятъ Вятичи и нынѣ (ib., ст. 13—14); Посла (Олегъ) къ *Радимичемъ*. рѣка камо дань даете. они же рѣша Козаромъ. и ре(че) имѣ Олегъ не дайте Козаромъ. но мнѣ [давайте] <...> И бѣ. облад(а)я Олегъ. Поляны. и Деревляны. [и] Съверяны. и *Радимичи* (885 г.); Иде Олегъ на Греки <...> поя [же] множество Варя(г). и Словенѣ <...> и Деревляны. и *Радимичи*. и Поляны... (907 г.); Иде Володимѣрь на *Радимичи*. бѣ оу него воевода Волчьни Хвостъ и посла и Володимѣрь передъ собою Волчьа Хвоста. сѣрѣе на рѣцѣ Пишанѣ. и побѣди *Радимичѣ* Волчьни Хвостъ. тѣмъ и Русь корятся *Радимичемъ* гл(агол)юще. Пишанѣци волчьѣ хвоста бѣгаютъ. быша же *Радимичи* о(т) рода Ляховѣ. пришедъше ту ся вселиша. и платятъ дань Руси. повозъ везутъ и до сего дне (984 г.; ср. в Тверской летописи: ...Владимира, иже побѣди *радимичи* на Пишанѣ); ср. еще в географическомъ значении: Перемета мостъ на Горинѣ и не пусти его к собѣ, ан уворотятъ та на *Радимиче* к Андрееви Суждалю (1169 г.)⁷².

Уличи А [*Уличи*] Тиверьци. съяху бо по Днѣстру (*Р.* и *М.-А.* — по Бугу и по Днепру; в *И.* и некоторыхъ другихъ спискахъ добавлено: и по Бугу). присѣдяху къ Дунаеву <...> Да то ся зваху о(т) Грекъ. Великая Скуфѣ (Введ., ст. 13); И бѣ облад(а)я Олегъ. Поляны. и Деревляны <...> и *Радимичи*. а съ [*Уличи*] и Тѣверци имяше ра(ть) (885 г.). Передача этого этнонима в разныхъ летописныхъ спискахъ каждый разъ различна: *уличи*, *угличи*, *улучи*, *улучичи*, *улучичи*, *ульци* (*ульчи*), *лутичи*⁷³; у Географа Баварского (IX в.): *Unlici*; у Константина Порфирогенета (X в.): *Οὐλιτινοί* («ульчине?»); в другихъ западноевропейскихъ средневековыхъ источникахъ: *Uglici*, *Ulici*, *Unlici*⁷⁴.

В «Повести временныхъ летъ» с рассматриваемымъ суффиксомъ известенъ также инославянский этнонимъ *лут-ич-и*; а в иностранныхъ средневековыхъ источникахъ славянские этнические наименования этой модели очень распространены: *коледичи*, *житичи*, *налетичи*, *нижичи*, *худици*, *шкудичи*, *лутичи* и мн. др.⁷⁵.

⁷² ПСРЛ, т. II, с. 537.

⁷³ См. обзор: Трубачев О. Н. О племенномъ названии *уличи*. — ВСЯ, вып. 5. М., 1961, с. 187.

⁷⁴ См.: там же.

⁷⁵ См.: Нидерле Л. Славянские древности, с. 112—113; ср.: Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — ВЯ, 1974, № 6, с. 55.

Если учесть, что славянский [ч'] в суффиксе не имел фонетического эквивалента ни в греческом, ни в латинском и его передача средствами соответствующих азбук вызывала затруднения, то к рассматриваемой группе образований следовало бы отнести и ряд инославянских этнонимов, переводимых с греко-римских источников с необычным для славянских этнических наименований суффиксом *-ит-ы* (?) — типа *ободр-ит-ы*, *ваюн-ит-ы*, *езер-ит-ы* и под. Ср. передачу достоверных восточнославянских этнонимов на *-ич-и* (!) у Константина Порфиrogenета (в латинской транслитерации): *Druguv-it-ai*, — несомненно, *дрегов-ич-и*, а не *«другув-ит-ы»*; *Kriv-it-ai-in-oi*, — несомненно, *крив-ич-и* (у Константина, собственно, *«крив-и[t]-ин-е»* — от образования с суффиксом единичности *крив-ит-ин*⁷⁶ или *крив-ич-ин*⁷⁷), но не *«крив-ит-ы»*; *Ul-t-in-oi* — это *уличи* (с сохранением того же суффикса единичности, т. е. *«ульчине»* или *«ул-ьт-ин-е»*), а не *«улиты»*. В этой связи кажется сомнительным, что встречающийся у того же Константина балкано-славянский этноним *Ἐζερῖται* (в латинской транслитерации *Ezer-it-ai* — от поселения *Езер?*) следует читать как *«езериты»*⁷⁸; скорее, это все-таки **езер-ич-и*. Как образования с тем же суффиксом следует воспринимать и многие другие славянские этнонимы греко-латинских источников IX—XI вв.: *Obodrit-i*, — видимо, **ободр-ич-и*, а не *«ободриты»* (даже если одно лицо и именовалось **ободр-ит-ин-ом*), а *Βαιουνῖται* (*Vaiun-it-ai*), — вероятно, **воюн-ич-и* или **воин-ич-и*⁷⁹, а не *«ваюниты»*, как читает Л. Нидерле, и т. д.

⁷⁶ В славянских источниках летописного (и более раннего) времени наименования одного лица, соответствующие этнонимам на *-ич-и*, не встречаются. Они известны лишь великорусским текстам XV—XVII вв., где довольно последовательно оформляются посредством суффикса *-ит-ин*: от *москв-ич-и* — *москв-ит-ин*, *болхов-ич-и* — *болхов-ит-ин*, *вязьм-ич-и* — *вязьм-ит-ин*, *костром-ич-и* — *костром-ит-ин*, *псков-ич-и* — *псков-ит-ин* и т. д. (ср.: Козырев И. С. О названиях жителей. — «Русская речь», 1974, № 5, с. 82—84). Если здесь отражены отношения, сложившиеся еще и период ранней активизации этнонимов на *-ич-и*, то греко-латинская транслитерация суффикса *-ич-* (посредством *-it-*) в образованиях множ. числа оказывается естественной.

⁷⁷ Подобного рода факты являются бесспорным указанием на то, что сведения о Восточной Европе получены Константином от информатора-неславянина (скорее всего, скандинава) и что в обработке этих сведений славянин (восточный или южный) участия не принимал (ср.: Толкачев А. И. О названии днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного «De administrando imperio» (В связи с работой К.-О. Фалька на ту же тему). — В кн.: Историческая грамматика и лексикология русского языка. М., 1962, с. 44). В самом деле, славянин никогда бы не употребил в качестве этнонима образование *Krivitai-in-oi* или *Derulen-in-oi* — с суффиксом единичности в форме множ. числа; напротив, в речи норманна, плававшего по Днепру, это естественно, ибо ему мог быть известен прежде всего тот или иной *кривич-ин* (*кривит-ин?*) или *деревян-ин*, а не *кривичи* или *деревяне* вообще, что при записи непременно было бы исправлено секретарем-славянином, но не греком.

⁷⁸ См.: Нидерле Л. Указ. соч., с. 90; ср. реконструкцию О. Н. Трубачева: **ezeriti* («Ранние славянские этнонимы...», с. 55).

⁷⁹ Именно так реконструирует О. Н. Трубачев: **vojnitji* (там же).

Вообще следует заметить, что повторяющиеся во всех современных исторических исследованиях инославянские этнонимы, в тех случаях, когда они «переводятся» с греческого или латинского (как правило, в соответствии с прочтением Л. Нидерле, отражающим традиции чтения XIX в.), обычно не передают реальных словообразовательных типов, которые можно подозревать в наименованиях средневековых греческих и западноевропейских авторов. Так, например, характеризуя состав славянского союза на территории Сербии, Л. Нидерле, опираясь на известное сочинение Константина, перечисляет следующие «племенные» названия: *наречане*, *захлумяне*, *тервуняне* (или *травуняне*), *конавляне*, *дукляне* (см. указ. соч., с. 81—82). Между тем этнонимы Константина лишь в двух случаях дают повод для реконструкции наименований с суффиксом *-ан-е*: *наречане* или, точнее, — **нареч-ан-е* (*Ναρεντάνοι*, в других источниках: *Narent-an-i*, *Narentini*) и *дукличане* (или **дукл-ич-и?*), но не «дукляне» (*Διοκλητῖανοι*), предполагается связь с *Диоклеей*). В остальных случаях Константин явно передает народо-наименования (но вряд ли для X в. «племенные» названия!), относящиеся к иным словообразовательным типам: *Захлун-и* — это **захлѣмь* или **захлума* (ср. *велинь* и *дерева*); *Тервуннати*, *Тервуннати*, *Травуннати*, *Тервуннати*, если действительно имеет отношение к слав. *Требынь* (*Требынь*), как утверждает Л. Нидерле, то это **требын-ич-и* и **требынь*; *Кавалити* — это явно **конал-ич-и* или **коновл-ич-и*, но никак не «конавляне». То же касается и многих других этнонимов, извлекаемых из средневековых источников; так, «струменцы» или «брзаци» Л. Нидерле (см. с. 88) — это в действительности явно *стрѣмон-ич-и* — *стрѣмонь* (*Стρῆμονῖται* и *Стρῆμωνος*) и *брѣз-ич-и* или *брѣзичи* (*Βερζῆται*) и т. д. Замечательно, что при критическом переводе греческих и латинских записей славянских этнонимов в иностранных источниках обнаруживаются те же три основных типа славянских этнонимических образований, что и в «Повести временных лет»: на *-ан-е* (**нареч-ан-е* и пр.), на *-ич-и* (**езер-ич-и*, **ободр-ич-и* и др.) и «бессуффиксные» собирательные (**захлума*, **требынь*, **стрѣмонь* и под.), соотносительные с суффиксальными образованиями (**требын-ич-и*, **стрѣмон-ич-и*).

Основное значение образований с суффиксом *-ич-и*, которые в летописи многочисленны, — это указание на принадлежность к определенному роду («роду-племени»): *Ярослав-ич-и* — «потомки Ярослава», *Ольгов-ич-и* — «потомки Олега», *Мономахов-ич-и* — «потомки Мономаха» и т. д. Прекрасно «ощущая» суффикс и понимая, что он указывает на наличие какой-то производящей основы, летописец пытается «этимологизировать» образования на *-ич-и*, не смущаясь неясностью «внутренней формы» терминов: так как патронимическое (генеалогическое) значение суффикса для него было очевидным, то его «этимологии», в полном соответствии с особенностями и духом эпохи, приобретают «генеалогический» характер (ср. выше, с. 161) — возводятся к легендарным основателям родов: «Бяста бо 2 брата в Лясьхъ: *Радим*, а други *Вятко*. И пришедъша съдоста *Радимъ* на Съжю, и прозвашася *Радимичи*: а *Вятъко* съде съ родомъ своимъ по Оцѣ, от него же прозвашася *Вятичи*». И хотя сами по себе эти «этимологии» кажутся недостоверными, тем не менее они подтверждают «генеалогическое» значение суффикса *-ич-и* в летописную эпоху, который должен заключать в себе указания на какие-то генетические связи.

Обращает на себя внимание историко-географическое распределение этнонимов на *-ич-и* в «Повести временных лет»: будучи связаны с этническими группами, области расселения которых в

летописи и в историко-археологических исследованиях неоднозначны и непостоянны (см. в пред. главе замечания об ареалах *вятичей, дреговичей, кривичей, радимичей и уличей*), все они, кроме неясных по происхождению и судьбе *уличей* (см. ниже), оказываются локализованными в районах, где славянские археологические памятники появляются не ранее VIII—IX вв., вписываясь в ареал раннедревнерусской славянизации балтов (см. карту 18)⁸⁰.

Поименный анализ терминов должен показать, что же могло служить производящей основой для образования этнических наименований на *-ич-и* летописного времени и когда могла наметиться активизация таких образований.

БЕРЕНДИЧИ

В «Повести временных лет» в качестве этнического встречается термин с суффиксом *-ич-и*, который в исторических исследованиях никогда не включается в число восточнославянских этнических наименований, но который, как представляется, проливает свет на происхождение всех летописных этнонимов рассматриваемой модели. Это термин *беренд-ич-и*, который образован от названия одного из гузских племен *берендеи*, тюркское происхождение которого сомнений не вызывает.

Вместе с другими тюркскими племенами (торками и некоторыми печенежскими родами) *берендеи* со времени образования Киевской Руси (примерно с IX в.) селились на ее южных границах (это население летопись обобщенно называет *черными клобуками*, видимо, калькируя одно из тюркских самоназваний; ср. совр. *каракалпаки* — «черные колпаки»). Здесь, на территории Руси, *черные клобуки*, судя по археологическим данным, постепенно сливались с пограничным славянским населением⁸¹. К XII в. (т. е. на протяжении X—XI вв.) тюркоязычные поселенцы древнерусского пограничья, видимо, уже полностью ославянились (наверное, сохраняя некоторое этнографическое своеобразие?), так как они в это время являются верными дружинниками киевских князей, «умирают за Русскую землю и головы свои складывают», охраняя границы Киевской земли от набегов тюркоязычных (!) кочевников и участвуя в междоусобных войнах⁸². Славянизирован-

⁸⁰ Замечательно, что именно в пределах этого ареала активизируются впоследствии топонимы на *-ичи*, у восточных славян нигде более не встречающиеся, но очень характерные в смежных западнославянских землях (см.: Никонов В. А. Две волны в топонимии Полесья. — В кн.: Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика). М., 1968, с. 201 и карты на с. 194, 195, 200; Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. — В кн. Восточнославянская ономастика. М., 1972, с. 48—49).

⁸¹ См.: Плетнева С. А., Макарова Т. И. Южное городище у с. Витичева. — КСИА, вып. 104. М., 1965, с. 61.

⁸² См.: Рыбаков Б. А. Древние русы, с. 39.

ными тюрками был заселен, в частности, основанный в XI в. южнее Киева город Юрьев; а раскопки на месте г. Святополча под Киевом, заселенного, по летописи, в 1095 г. юрьевцами, обнаруживают в устройстве его укреплений салтовские традиции (ср. выше, с. 130—132) и заставляют предполагать, что местное, безусловно, уже славяноязычное население генетически было связано с *черными клобуками* Поросья⁸³.

Поскольку в летописи термин *берендичи* впервые употреблен в записи под 1097 г., то можно утверждать, что им названо уже славяноязычное древнерусское население, сформировавшееся, как подсказывает производящая основа этнонима, на базе тюркоязычных племен. Это значит, что суффикс *-ич-и* был действительно использован для указания на генетические связи обозначенного соответствующим термином коллектива; но это связи не с легендарным «основателем рода», а с исторически предшествующей этнической группой: *беренд-ич-и* — это ‘потомки *беренд-еев*’ (а не «родоначальника племени» *Берендея*!). Употреблявшийся в XI столетии, производный этноним на *-ич-и* мог появиться не ранее славянизации *черных клобуков*, т. е. мог оформиться лишь в период между IX и XI вв.

История оформления *берендичей* хорошо объясняет, почему все летописные этнонимы на *-ич-и* оказываются в ареале раннедревнерусской (VIII—X вв.) славянизации балтов или (как *улич-и*) — на дальней окраине Руси.

КРИВИЧИ

Если балтийские языки до сих пор сохраняют для обозначения русских термин *krievs* (латыш.), *krievai* (литов.), то это должно означать, что термину *кривичи* предшествовал этноним без суффикса *-ич-и*, которым предки литовцев и латышей называли своих восточных соседей. В этимологических разысканиях, учитывая древние ономастические модели Восточной Прибалтики, широко отражающие формант *-v-* с различными распространителями (*-v-ā*, *-īv-ā*, *-av-ā*)⁸⁴, видимо, надо исходить из **krievā* или **kreiuvā*. Опыт анализа этнонима *берендичи* подсказывает, что этот термин должен был принадлежать дославянскому населению Верхнего Поднепровья, которое в VIII—IX вв. подвергается славянизации

⁸³ См.: Плетнева С. А., Макарова Т. И. Указ. соч., с. 56—57; об оседании на южных границах Руси и славянизации тюркоязычных кочевнических племен см. специально в исследовании (где дана обширная библиография вопроса): Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в Южнорусских степях. — В кн.: Труды Волго-Донской археологической экспедиции, ч. I. МИА, № 62. М. — Л., 1958.

⁸⁴ Ср.: Отрембский Я. *Dainavā* — название одного из ятвяжских племен, с. 3 и далее.

(см. выше, с. 109—111 и карту 16); новое, славяноязычное население в районе водораздела Западной Двины, Днепра и Волги, наследовавшее отдельные культурно-этнографические особенности восточнобалтийского (субстратного) происхождения, закономерно получает от своих славяноязычных соседей наименование *крив-ичей* — 'потомков **крив-ы*', а не мифического «родоначальника племени» *Крива*⁸⁵, в то время как для балтоязычных соседей оно остается все теми же *krievs*, *krievai* — без собственно славянского «генеалогического» суффикса *-ич-и*.

Намеченная схема означает, что этноним на *-ич-и* как наименование славяноязычного населения Верхнего Поднепровья не мог появиться в Восточной Европе ранее IX в., если славянизация местных автохтонов археологически обнаруживается лишь с VIII столетия. Вместе с тем из этого следует, что в среде киевских книжников летописного периода *кривичами* и в самом деле могли называться только жители Смоленщины, ибо к тому времени, когда этот термин начинает функционировать, в западном секторе давнего ареала днепро-двинской культуры, который в древнерусский период остается частью более обширного археологического ареала «смоленско-полоцких кривичей», уже оформилось самостоятельное политическое объединение с центром в *Полотьске*, население которого получает наименование по территориальному признаку — *полочане*.

ДРЕГЪВИЧИ

Этим термином летопись называет славяноязычное население также давней территории восточных балтов — носителей культуры штрихованной керамики, среди потомков которых известна *литъва* (*lietivā*), остававшаяся соседями *дреговичей* и *полочан* еще в XII—XIII вв. (см. с. 177—178). Выше уже говорилось, что летопись так называет лишь ту часть носителей «дреговичских» археологических памятников, которая занимала территорию к северу от Припяти, где элементы собственно славянской культуры фиксируются лишь с IX в. (см. с. 147—149), именуя население южного сектора того же археологического ареала (в Припятском правобережье), где памятники исторических славян известны с очень давнего времени, *туровцами*. Иными словами, здесь обнаруживается та же ситуация, что и в археологическом ареале *кривичей*; и, надо полагать, здесь также летописные сведения вполне соответствуют древнерусскому использованию термина *дреговичи* — в качестве наименования славянизированных потомков носителей культуры штрихованной керамики Припятского левобережья — потомков балтоязычной **dreg-uv-ы*. Хронологически вновь оказывается, что этноним на *-ич-и* не мог быть образован ранее IX столетия.

⁸⁵ Ср.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. II, с. 375.

Восстановить летописное произношение рассматриваемого термина по его отражению в «Повести временных лет» почти невозможно, так как протограф древнейших дошедших до нас списков составлен в XIV в. — после падения редуцированных. Однако, сопоставляя реконструируемый формант производящего, балтийского по происхождению этнонима *-uv-à* (ср. с. 183, 195) с зафиксированной большинством списков формой этнонима *дрегвичи* (регулярно — в *Р.* и *М.-А.*) и топонима *Дреговиче*, который (в отличие от этнонима) мог функционировать не только во времена Нестора, но и в эпоху протографов дошедших до нас летописных сводов, необходимо предполагать раннее древнерусское произношение *дрегъвичи*⁸⁶ (от **дрегъв-а < *dregiv-à* — ср. к корню литов. *dregnas* 'влажный', что вполне естественно в качестве «внутренней формы» дославянского этнонима в районе Припятских болот).

Замечательно, что производящие основы наименований *кривичи* и *дрегъв-ичи* позволяют реконструировать вполне достоверные названия древнебалтийских (дославянских) племенных объединений Днепровского правобережья в зоне леса (с севера на юг: **krievà, lietuvà, *dreguvà* — см. карту 16), которые органически включаются в ряд этнонимов, сохранявшихся балтоязычными группами того же ареала и в историческое время (*latuvà, jatuvà* и др.).

РАДИМИЧИ И ВЯТИЧИ

Утверждение летописи о том, что «*Радимичи* бо и *Вятичи* от *Ляховъ*», независимо от его достоверности, красноречиво свидетельствует о традиции именовать терминами на *-ичи* ассимилируемые «инородческие» этнические группы и вполне соответствует условиям появления этнонимов *берендичи*, *кривичи* и *дрегъвичи*. И если, как говорилось, остается неясным происхождение той племенной группировки, от названия которой произведен термин *вят-ичи* (хотя и можно предполагать, что ее имя **vent-* связано с раннесредневековыми названиями славян *Veneth-ai*, герм. *Wenden* и *Wind-en*, прибалтийско-финск. *vene, venäjä, venät, venätta* и т. д. — всюду без рефлексов суффикса *-ичи*), то генетическая связь летописных *радимичей* с давним балтоязычным населением Посожья сомнений не вызывает (см. выше, с. 142—144). А это не только подтверждает предположение о производстве термина на *-ичи* от исторически более раннего наименования славянизированного племенного объединения (в данном случае, возможно, западнобалтийского по происхождению, родственного *голяди*), но и подтверждает установленную ранее хронологию

⁸⁶ Трубачев О. Н. реконструирует **dregviti/ji/*dręgviti/ji* («Ранние славянские этнонимы...», с. 55).

активизации таких образований в качестве этнических терминов, ибо славянские памятники в Посожье, как и в Припятском левобережье, появляются лишь с IX в.

Как указывалось, физические предки *вятичей* (**vent-is?*) могли быть балтоязычными, но могли быть и носителями архаического славянского диалекта — в отличие от предков *голяди* (**galindis*). Однако в данном случае это не существенно, поскольку при любой их языковой принадлежности не вызывает сомнений ситуация, сложившаяся к IX столетию: племена, некогда отличавшиеся в языковом (или диалектном) отношении от основной массы славяноязычного населения формирующегося Древнерусского государства (что и отражено в их летописной характеристике «от Ляхов» и в исключении из числа древнерусских группировок, говорящих «по-славянски»), впоследствии были полностью ассимилированы в языковом отношении и уже никак не обнаруживают следов «недревнерусской» речи своих физических предков (как не обнаруживают этого и русифицированные потомки *радимичей* и даже *голяди*).

УЛИЧИ (RESUMÉ)

Этот термин, связанный с этнической группой, уже явно не существовавшей во времена киевских хронистов (см. с. 153—156), в многочисленных летописных списках передается по-разному (см. сводку цитат), но всегда — с отражением суффикса *-ич-и*, который, следовательно, характеризовал и этноним первоначального текста «Повести временных лѣт». Неясной остается лишь корневая часть (производящая основа) наименования.

О. Н. Трубачев предложил исходную форму *угличи*, указывая на изгиб Днепра (*угол*) в районе их предполагаемых поселений⁸⁷. Археологические открытия, как известно, не противоречат такому предположению: в хорошо заметном на карте изгибе Днепра древности VII—IX вв., которые могли бы принадлежать (и обычно приписываются) летописным *уличам* (*угличам?*) и их предкам, достаточно многочисленны и устойчивы (ср. карты 14 и 17—18). И все же древнейшие из дошедших до нас списков летописи (Лаврентьевский, Радзивилловский и связанные с ними) варианта *угличи* (или сходных с ним) не знают: он встречается в более поздних летописных сочинениях⁸⁸ и может быть объяснен как попытка

⁸⁷ См.: Трубачев О. Н. О племенном названии *уличи*. — ВСЯ, вып. 5. М., 1961.

⁸⁸ Вариант *угличи* известен Комиссионному списку, отразившему, по мнению А. А. Шахматова, один из наиболее ранних летописных сводов (в связи с чем в разысканиях самого А. А. Шахматова этноним передается как *угличи*); однако предположение о древности протографа (или источника) Комиссионного списка прежде всего следует относить к содержанию его текста, а не к его орфографии или транслитерации древней славянской ономастики.

одного из позднерусских летописцев осмыслить «непонятное» этническое наименование в плане «народной этимологии». Но главное не в летописном оформлении корневой части этнонима: поскольку дошедшие до авторов «Повести временных лет» сведения об «уличах» весьма неопределенны и в значительной степени легендарны, то более или менее обоснованные предположения о происхождении их имени могут быть высказаны лишь с учетом результатов анализа остальных восточнославянских наименований той же модели, ибо наличие суффикса *-ич-и* в названии, которое использовали киевские хронисты, как было сказано, является единственным достоверным в наших знаниях об этом «загадочном» племени.

Если суммировать основные результаты наблюдений над использованием этнических наименований с суффиксом *-ич-и* в «Повести временных лет», то можно заметить, что:

1) термины на *-ич-и* в Восточной Европе, по всей вероятности, были не самоназваниями, а наименованиями, которые использовались соседями для обозначения близкородственных по языку носителей своеобразных этнографических традиций;

2) составители летописных сочинений обычно пользовались этими терминами для наименования древнерусских диалектно-этнографических групп, неславянское происхождение которых отражалось, в частности, в производящей основе (а может быть, и в самоназвании) того имени, под которым они были известны славяноязычным соседям;

3) этнонимы на *-ич-и* по крайней мере в кругу киевских авторов (из произведений которых они нам и известны) активизируются не ранее IX в., когда уже осознается сохранение населением тех или иных «глухих» областей, отстающих в социальном и культурном развитии от Киева, пережитков родоплеменных отношений, что могло приписываться «инородному» происхождению соответствующих диалектно-этнографических групп (являющихся потомками «диких» и «отсталых» неславянских племенных объединений).

В отношении *уличей* эти выводы означают, что производящую основу их имени неперспективно искать в славянской среде. Если бы речь шла о сохранении древнего племенного названия славяноязычных жителей *угла*, то оно либо продолжало бы функционировать как «бессуффиксное» (ср. *сѣверъ*), либо было бы закреплено за постоянной областью их обитания, а сами они к летописному времени получили бы наименование *«угл-ян-е»* (как *деревл-ян-е* или *пол-ян-е*), ибо славянских этнических наименований по территориальному признаку с иными суффиксами (кроме *-'ан-е*) для предлетописного времени неизвестно⁸⁹. Это и позволяет считать более ве-

⁸⁹ Ср.: Хабургаев Г. А. Старославянский язык, с. 195—206.

роятным, что термином *ул-ич-и* в Киеве называли этническую группу, генетически, может быть, и связанную с носителями тясминско-побужских древностей, но впитавшую какие-то неславянские компоненты (в данном районе — иранские или угорские, но вероятнее всего тюркские), передавшие ей свое самоназвание (?), послужившее производящей основой позднейшего образования *на-ич-и*. Иными словами, если летописные *уличи* (?) — непосредственные потомки создателей тясминско-побужских памятников VI—VII вв. (одна из племенных групп «антского» происхождения? — см. с. 153—154), то их имя, попавшее на страницы «Повести временных лет», произведено от наименования этнического суперстрата, наслويدшегося на славяноязычное население к югу от Руси (ср. ситуацию с *тиверцами* — с. 170—172), и можно допускать его связи с этнонимом, отразившимся в византийских сочинениях второй половины VI в. в виде *Ἀντ-αι* (см. с. 99—101) и нередко возводимым к тюркскому корню⁹⁰.

ПЕРВИЧНЫЕ [«БЕССУФФИКСНЫЕ»] ЭТНОНИМЫ

Эта группа этнических наименований представлена в «Повести временных лет» пятью терминами, обычно относимыми к восточным славянам:

***Дерев-а** По смерти братьѣ сея (Кыя с братьями. — Г. Х.) быша (по-
(*Дерев-л-я*⁹¹) ляне) обидимы [*Древлями*]. (М.-А. — *Древлями*; Р. — *Древ-*
ляни) и инѣми околними (Введ., ст. 16); ср. в ряду этнонимов-топонимов: И по сихъ братьи держати. почаша радѣ ихъ княженѣ в По-
ляхъ. [а] в *Древляхъ* (только в Л., в других списках — *въ Древѣхъ*; Тр. —
в *Древлянехъ*) свое... (ib., ст. 10; ср. историческое название области: *Дерев-а*,
в *Древ-ѣхъ* в сводке цитат на с. 182), а также атрибутивное образование:
Древ-ѣск-а [земля] (см. сводку цитат на с. 173, 181); ср. также *древляне* (см.
сводку цитат на с. 172—173).

Дулѣб-и Си же [обри] воеваху на Словѣнѣхъ (Р., М.-А. — на словене-
ны) и примучиша *Дулѣбы*, сущая Словѣны. и насиле творяху женам *дулѣбскимъ* (Л. — *Дулѣпскимъ*). ащ(е) поѣхати будяще обрину-
чу. не дадѣше въпрячи коня. ни вола. но веляше въпрячи 3 ли 4 ли 5 ли женѣ
в телѣгу. и повести [обрину]. [и] тако мучаху *Дулѣбы* (Введ., ст. 12); *Дулѣби*

⁹⁰ См.: Филин Ф. П. Образование языка восточных славян, с. 61. В недавно вышедшей книге И. П. Русановой, напротив, высказывается предположение о том, что создатели тясминско-побужских древностей («анты») были ираноязычными, а с VI в. славянизируются, сохраняя этнографические традиции предков (см.: Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М., 1976, с. 198).

⁹¹ О реконструкции исходной формы **дерев-а* (а не **дерев-л-я*) см. выше, с. 183.

живяху по Бу(гу) гдѣ ныне Вельняне (ib., ст. 12—13); Иде Олегъ на Греки. Игоря остави(в) Киевѣ, поя [же] множество Варя(г). и Словенѣ. и Чю(дь). и Словене. и Кривичи. и Мерю. и Деревляны. и Радимичи. и Поляны. и Сѣверо и Вяти(ч). и Хорваты. и Доулѣбы. и Тиверци. яже соу(тъ) толковныи. си вси звахуть(ся) о(т) Грекъ Великая Скоу(ф) (907 г.); у арабского писателя Масудн (X в.): *Dulaba*.

*П о л - я [Полянѣм] (Р., М.-А. — *Полямѣ*) же жившимъ особѣ по грамъ симъ. бѣ путь изъ Варягъ въ Греки (Введ., ст. 7); [*Полямѣ*] (Р., М.-А. — Полянѣмъ) же жившемъ особѣ и володѣющемъ. и роды своимъ. иже и до сее братѣхъ бяху Поляне. и живяху кождо съ своимъ родомъ (ib., ст. 9); Полянѣмъ (Р., М.-А. — исправлено из *Полямѣ*) же жиоущемъ особѣ, яко же рекохомъ суще о(т) рода Словѣнска (ib., ст. 12); А Козари имаху (дань) на [Полянѣхъ] (Р., М.-А. — на *Полахѣ*) (859 г.); И бѣ облад(а)я Олегъ. Поляны (М.-А. — *Полями*) (885 г.); *Полями* же прозвани быши (Р., Тр. — прозвани быша *Полямѣ*), зане в поли сѣяху (898 г.); см. в ряду этнонимов-топонимов: И по сихъ братѣхъ держати. почаша родъ ихъ княжене в *Полахѣ* (Тр. — Полянѣхъ) (Введ., ст. 10); ср. атрибутивное образование с топонимическим значением: [Асколдѣ] же и Дирѣ. остаѣа въ градѣ семь <...> и иначѣа владѣ(ти) *Польскою* землею (862 г.); ср. выше: *Пол-ян-е*.

С ѣ в е р - ь А друзи сѣдоша по Деснѣ. и по [Сѣми] по Сулѣ и нарекоша(ся) *Сѣверѣ* (Введ., ст. 6); [Тудѣ] бо сѣдѣти Кривичи таже [Сѣверѣ] (Р., М.-А. — *Сѣверо*) о(т) нихъ (ib., ст. 10); Се бо токмо Словѣнскѣ языкъ в Руси. Поляне. Деревляне. [Новгородци]. Полочане. [Дреговичи]. *Сѣверѣ* (Р., М.-А. — *Сѣверо*). Бужане... (ib., ст. 11); [И живяху] в мирѣ Поляне. и Деревляне [и] *Сѣверѣ* (Р., М.-А. — *Сѣверо*) и [Радимичи]. и Вятичи и [Хорвати] (ib., ст. 12); И Радимичи и Вятичи. и *Сѣверѣ* (Р., М.-А. — *Сѣверо*). одинѣ обычан имяху. (ib., ст. 13 — см. сводку цитат «Вятичи»); А Козари имаху (дань) на [Полянѣхъ] и на [Сѣверѣхъ] (Л. — на *Сѣверѣхъ*; Тр. — на *Сѣверянѣхъ*) и на Вятичѣхъ (859 г.); Иде [Олегъ] на Сѣверяне (Л. — *Сѣверы*) и побѣди Сѣверяны (884 г.); Иде Олегъ на Греки <...> поя <...> Поляны. и *Сѣверо* (Тр. — *Сѣверѣ*). и Вяти(чи)... (907 г.); Мьстиславъ же с вечера исполнивъ дружину. и постави *Сѣверѣ* (Р., М.-А. — *Сѣверо*) в чело противу Варягомъ. а са(м) ста с дружиною своею по крылома <...> и сступиѣа чело *Сѣверѣ* съ Варягы [и трудиѣша(ся) Варязи сѣкуще *Сѣверѣ*] <...> Мьстиславъ же о светѣ заоутра. видѣвъ лежачиѣ сѣчены. о(т) свои(хъ) *Сѣверѣ*. и Варягы Ярославѣ и ре(че) кто сему не радѣ. се лежить Сѣверянинѣ. а се Варягѣ. а дружина своя цѣла (1024 г.); ср. в Никоновской летописи: Поиде Олег на деревляны и на *сѣверы* и възложи дань на нихъ (883 г.); в письме хазарского кагана Иосифа (X в.): *с-в-р* ('Север?'); ср. атрибутивное образование с топонимическим значением: *Сѣвер-ьск[а] земля. -ицъ городи*] — вплоть до XVII в. (см. с. 165—166, 185); ср. выше: *Сѣвер-ян-е*.

Х ѣ р в а т - е [И живяху] в мирѣ Поляне. и Деревляне. [и] Сѣверѣ и [Радимичи]. и Вятичи. и [Хорвати] (Л. — *Хрвате*) (Введ., ст. 12); Иде Олегъ на Греки <...> поя [же] множество Варя(г) <...> и Сѣверо. и Вяти(чи). и Хорваты. и Доулѣбы. и Тиверци... (907 г.); Иде [Володимерѣ] на Хорваты. пришедшю бо ему с воины *Хорватъскыя*. и се Печенѣзи придоша (991 г.). Ср. при перечислении южнославянскихъ народов: А се ти же Словѣни *Хорвате* (Л. — *Хровате*) Бѣлли. и [Сербѣ]. и Хорутане (Введ., ст. 6); о событияхъ на Балканахъ: Семеонъ иде на [Хорваты] (Л. — *Храваты*). и побѣженъ бы(сть) [Хорваты] (Л. — *Храваты*). и оумре оставивъ Петра князя сна своего. Болъгаромъ (942 г.).

Из пяти указанных этнонимов лишь два не имеют параллельных образований на -*ан-е*.

Образования «бессуффиксного» типа составляет заметную часть в целом немногочисленных инославянских этнонимов «По-

вести временных лет». Кроме *Хорват* (**xъrvat-*) — это *Сербы* — *Серебы* (**sъrb-*), *Морава*, *Ляхове* (**lenx-*), *Чеси* (**čex-*).

К «бессуффиксным» собирательным относится и ономастический термин *Русь* — *русь*, постепенно становящийся единственным наименованием политического объединения восточноевропейских славян и его основного населения.

ДУЛѢБИ

Употребление этого этнонима в «Повести временных лет» сопровождается пояснением, что в летописное время в Восточной Европе никаких «дулебов» не было («Дулѣби живяху... гдѣ нынѣ Вельняне»). Связь *дулебов* с аварским нашествием достаточно точно указывает на время функционирования этнонима до VII в.; следовательно, он был механически включен в перечень восточноевропейских народов (племенных групп?), якобы принявших участие в первом походе Олега на Византию в 907 г.

Этноним этот интересен тем, что, относясь к периоду до VII в., когда еще не должны были активизироваться наименования на -*ан-е* и -*ич-и* и вместе с тем еще должны были сохраняться общеславянские связи, он повторяется (в варианте без упрощения зубных: *dudlěbi*) в разных районах славянского мира — в Чехии и Паннонии, указывая на распад существовавшего до начала VII в. на Волыни (в «стране волынок») племенного союза (см. выше, с. 144—147). Новое славянское население, оформившееся в том же регионе после падения «Дулебского» («Волынского») объединения, получает и новое наименование — по историческому названию области: *вельняне*.

Хорошо датируемый периодом до VII в. этноним *дулѣби* (исторически, вероятно, **dudlěb-a* — собирательное? Ср.: *дерев-а*, а также *литѣв-а*, *мордѣв-а* и под.) не может рассматриваться как название собственно восточнославянского племени (или племенного союза): по отношению к этому времени можно говорить лишь о славянах и славянских диалектах «склавенской» зоны, часть которых впоследствии вошла в состав восточных славян (если с IX в. оказалась в составе Древней Руси и приняла участие в формировании древнерусской народности и ее языка!), а часть — в состав западных или южных славян.

ХЪРВАТЕ

Сохраняясь в настоящее время в качестве самоназвания одной из южнославянских наций (с центром в Загребе), этот этноним, подобно образованию *дулѣби* — *dudlěbi*, в средневековой литературе используется для обозначения славянских группировок раз-

личных районов Центральной Европы: Силезии, центральной Чехии, современной Югославии и на Карпатах. Константин Порфирогенет утверждает, что это было могущественное славянское племя (племенная конфедерация?), населявшее где-то на севере (от Византии) «Великую Хорватию» и в VI или VII вв. вторгшееся на Балканы, что в какой-то степени подтверждается и арабскими источниками⁹². Если это так, то на западной границе Древней Руси (к X в.) могли сохраняться лишь отдельные поселения тех *хорватов*, основная масса которых еще до образования Древнерусского государства ушла на запад и юго-запад⁹³; причем в культурно-этнографическом отношении жители этих поселений, видимо, не отличались от поселенцев Волыни, так как на восточнославянском юго-западе археологи не обнаруживают локальных разновидностей в местных древностях, которые могли бы быть связаны с летописными *хорватами*⁹⁴.

Так же, как и *дулебы*, *хорваты* в VI—VII вв. не могли еще быть «восточными славянами»; да и в «Повести временных лет» они упоминаются в таких сообщениях, что нет оснований утверждать, будто летописец причислял население, известное ему под этим именем, к этническим (диалектно-этнографическим) группам Древней Руси: включение *хорватов* в число участников похода на Византию в 907 г. в счет не идет (как и упоминание здесь же уже не существовавших в то время *дулебов* — см. выше); а Владимир I воевал с ними в конце X в. (см. выше сводку цитат), когда оформление Русского государства уже было завершено⁹⁵.

ДЕРЕВА, *ПОЛЯ, СЪВЕРЪ

«Бессуффиксные» этнонимы «Повести временных лет», лежащие в основе засвидетельствованных здесь же суффиксальных образований на -'ан-е, безусловно, обозначали племенные группиров-

⁹² См. обзор материалов: Нидерле Л. Славянские древности, с. 77—80, 120 (примеч.), 124, 127, 154—155 и др.; ср.: Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи, изд. 2. Варшава, 1885, с. 94—95. Следует только заметить, что *Велохорвати* Константина, — это, скорее, летописные *Бѣли Хорвати* (т. е. 'западные'; ср. *Белая Русь*, т. е. 'западная'), а не *Великие Хорваты*.

⁹³ Этимологически этноним *хъrvat-е* обычно связывают с названием Карпатских гор, а звуковое оформление термина указывает на его иранское происхождение. Все это как будто подтверждает мысль о генетическом единстве различных групп средневековых славян-хорватов (ср.: Трубачев О. Н. Лингвистическая география и этимологические исследования, с. 23).

⁹⁴ См.: Тимофеев Е. И. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв. — СА, 1961, № 3; Седов В. В. О юго-западной группе восточнославянских племен. — В кн.: Историко-археологический сборник. Изд-во МГУ, 1962.

⁹⁵ Л. Нидерле, опираясь на показания восточнославянских и зарубежных средневековых источников, также не считал возможным включать летописных *хорватов* в состав «русских» племен (см.: Нидерле Л. Славянские древности, в частности с. 155).

ки, предшествовавшие оформлению тех диалектно-этнографических общностей, которые вошли в состав Древнерусского государства. Причины их «перехода» в суффиксальные народо-наименования (через исторические названия областей) уже были рассмотрены выше⁹⁶; здесь же важно обратить внимание на то, что функционирование этих этнонимов (а не географических наименований от этнонимического происхождения!) синхронно функционированию терминов *дулебы* и *хорваты*, т. е. относится ко времени до окончательного распада праславянского единства (до VI столетия!), ибо все они (или производные от них) повторяются в разных районах славянского мира исторического периода.

В грамоте Генриха II от 1004 г. упоминается «большое племя» *Drevani* (явно западнославянский вариант суффиксального образования **deru'-an-e*) — полабское объединение племен на левом берегу Эльбы (от Гамбурга до Магдебурга), потомки которого еще в XVIII в. были известны под названием *Drăwiana*⁹⁷; топоним **Дървляне* (греч. Δουρβουλιανα) известен также и на Балканах⁹⁸. До сих пор сохраняется производное (ставшее названием государства и нации) от первичного термина **пол-я* на Висле (в летописи, как и на Киевщине, — *пол-ян-е*); ср. современное название страны: *Polska*, т. е. *Пол-ьск-а* [земля] — как и летописное название Киевского Приднепровья; этноним *пол-ян-е* известен также и в Македонии⁹⁹. Не только в Посемье известен и этноним *сѣверъ*: так же называлось одно из семи славянских племен нижнего Дуная, составивших здесь старейшее славянское государственное объединение, подчинившееся в 675 г. хану Аспаруху: Σέβερες (Феофан), *Severes* (Анастасий)¹⁰⁰, Σέβεροι (Константин Порфирогенет); предполагается, что к этому же этнониму восходит и название Северинского комитата (*Severin, Zeverino* — XIII в.) на среднем Дунае¹⁰¹. К этому можно добавить, что и реконструиро-

⁹⁶ Необходимо еще раз подчеркнуть, что «такие вторичные этнонимы ошибочно представлять произведенными из этнонимов — это грубое вулгаризаторское упрощение: они образованы из названия территорий, и нет никакой непосредственной связи нового этнонима с прежним (этноним прежнего населения → название страны → этноним нового населения)» (Никитин В. А. Этнонимия, с. 23). Это обязательно должно учитываться при использовании ономастики в этио- и глоттогонических исследованиях.

⁹⁷ См.: Нидерле Л. Славянские древности, с. 114, 118; ср. название доклада проф. Р. Олеша на VII Международном съезде славистов: «Древняно-полабское словесное ударение», который, между прочим, был прочитан на древляно-полабском языке (см.: Хабургаев Г. А. О языковой проблематике на VII Международном съезде славистов. — ВМУ, 1974, № 1, примеч. на с. 84).

⁹⁸ См. резюме и заключительное слово по докладу В. Георгиева в кн.: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. II. Проблемы славянского языкознания. М., 1962, с. 461, 468.

⁹⁹ См.: Роспанд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов, с. 23.

¹⁰⁰ См.: Нидерле Л. Славянские древности, с. 86.

¹⁰¹ См.: там же, с. 92.

ванный как «бессуффиксный» ономастический термин **вельн-* (предшествующий этнониму *вельняне*) также повторяется в польском Поморье: нем. *Wollin*, совр. польск. *Wolin* — из **Volynь* ¹⁰².

Таким образом, оказывается, что во всех случаях, когда летописный восточнославянский этноним может быть возведен (через географическое наименование) к более раннему племенному названию «бессуффиксного» типа, он обнаруживает повторяемость в разных районах славянского ареала — как на юге, так и на западе. Вывод о том, что это указывает на функционирование первичных («бессуффиксных») этнонимов до распада праславянского единства и что функционировали они ко времени закрепления их в качестве географических названий как наименования славянских (праславянских!) племен или племенных объединений, кажется в этом случае бесспорным. Но случайно ли, что в Восточной Европе все первичные этнонимы этого ряда сосредоточены в границах давнего ареала зарубинецкой культуры (ср. карты 13 и 14)?

* *
*

Из числа рассматриваемых наименований на восточнославянской территории наиболее устойчивым (как «бессуффиксный») оказался этноним *сѣверъ*, достаточно последовательно сохраняющийся в качестве собственно этнического термина (а не исторического названия области) в Лаврентьевской летописи 1377 г., протограф которой составлен в начале XIV в., и в ряде других списков, восходящих к тому же протографу. Судя по всему, такая последовательность объясняется жизненностью этнонима в период составления по крайней мере Древнейшего свода.

Если исключить название одного лица (*северянин*), то можно отметить в большинстве древнейших списков «Повести временных лет» употребление образования *север-ян-е* лишь в двух соседних записях: «Иде Олегъ на *Сѣверяне* (но в *Л.* — на *Сѣверы*) и побѣди *Сѣверяны...*» (884 г.); «И бѣ обладая Олегъ Поляны, и Деревляны, и *Сѣверяны...*» (под 885 г.). Нет сомнений, что в источнике свода, отраженного Лаврентьевской летописью, суффиксального образования не было; не отражено оно и в варианте той же записи в так называемой Никоновской летописи, в Устюжском и некоторых других летописных сводах, составленных в XV—XVI вв. и не использовавших протографа Лаврентьевской летописи в качестве источника: «Иде Ол(е)г на древляны и на *сѣверы*» (под 883 г.; вторая запись отсутствует). Составители поздних сво-

¹⁰² См.: Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов, с. 11.

дов уже не знали собирательного наименования *север*, а потому, повторяя текст более древнего источника, придают ему форму множ. числа (ср. еще в записи под 900 г.: «Иде Олг на греки... поим с собою варяг и словенъ, чюдъ, кривичъ, и поляны, и *сѣверы*, и древляны»; однажды подобный случай встречается и в Лаврентьевской летописи: «А Козари имаху дань на Полянѣхъ, и на *Сѣверѣхъ*, и на Вятичѣхъ» — под 859 г.). И это «неправильное» употребление бывшего собирательного наименования стоит в тесной связи со sporadически появляющимся в разных списках «Повести временных лет» образованием *север-ян-е*, красноречиво свидетельствуя о том, что перед нами факты более поздние, в Древнейшем своде (начала XI в.) отсутствовавшие.

Историко-археологический материал хорошо объясняет причины длительного функционирования в качестве этнонима именно этого (*север*) собственно племенного наименования. В то время как племенное объединение **поля* должно было исчезнуть не позднее VIII—IX вв., растворившись в разнородном по происхождению славяноязычном населении Киева и его области (исторически — *Польской земли*), а земли *деревы* до VIII в. являлись частью «Волынского» объединения (где носители этого этнонима могли быть нивелированы в культурно-этнографическом и диалектном отношении), а в середине X в. превращаются в провинцию Киевской земли, сохраняя лишь историческое название *Дерева* (жители которой — *деревл-ян-е*), левобережье среднего Днепра продолжает оставаться земледельческой периферией, политически зависимой от Переяславля (Посулье) или Чернигова (Посемье), но фактически, не втянутой в бурное хозяйственно-политическое развитие домонгольской Руси. Археологам здесь известны только «рядовые» крестьянские погребения с орудиями труда, обычными деревенскими украшениями... Они резко отличаются от богатых княжеских и дружинных погребений Чернигова... и Переяславля»¹⁰³. Со времен Олега население Северщины никто не «воевал»; упоминание *севера* отсутствует в летописи среди названий этнических групп Восточной Европы (славянских и неславянских), представителями которых заселялись в конце X в. пограничные города-крепости¹⁰⁴, а среди участников походов русских князей *север* упоминается лишь однажды — в записи под 907 г., наряду с уже не существовавшими в то время *дулебам* и не входившими в состав Древней Руси *хорватами* (см. сводку цитат).

Создается впечатление, что *север* — это своеобразная и устойчивая диалектно-этнографическая общность древнерусской периферии, заметно отличавшаяся от населения политических центров

¹⁰³ Рыбаков Б. А. Поляне и северяне, с. 93.

¹⁰⁴ «И нача ставити (Володимерь) города по Деснѣ. и по Востри. и по [Трубежеви]. и по Сулѣ. и по Стугнѣ. и поча нарубати мужѣ лучшиѣ. о(т) Словенъ и о(т) Кривичъ. и о(т) Чюди, и о(т) Вятичъ. и о(т) сихъ насели грады» (988 г.).

юго-восточных княжеств — Чернигова и Переяславля¹⁰⁵, которые по крайней мере в X—XI вв. обнаруживают явную близость Киеву; а Северщина в домонгольское время определенно ощущала свое этническое единство внутри обширной Черниговской земли¹⁰⁶, очевидно, продолжая оставаться областью земледельческих территориальных общин с медленно разрушающимися родо-племенными связями, какой она предстает в археологическом материале IX столетия¹⁰⁷. И это могло явиться причиной того, что в летописном рассказе о разделе Киевской Руси в 1024 г. Мстислав Тмутороканский, вступивший с Ярославом в борьбу за обладание Черниговом, возглавил войска *севера*, а не *черниговцев* (см. выше сводку цитат): названо население исторической области, представлявшее своеобразную диалектно-этнографическую общность, а не политического объединения (как в других подобных случаях), поскольку полного совпадения здесь не было.

Если на юго-востоке «замедленное» хозяйственно-политическое развитие в течение длительного времени способствовало сохранению племенного этнонима, который начинает заменяться наименованием географического происхождения *северяне* лишь в более поздних летописных сочинениях, то такая замена для наименования сельского населения Киевской волости, безусловно, происходит до составления Древнейшего свода, т. е. до начала XI в. Колебания в оформлении народо-наименований **поля — поляне и дерева (*деревяля?) — деревляне* известны только Лаврентьевскому и близким ему спискам, в которых «бессуффиксные» варианты встречаются в контекстах, где они могут восприниматься как этнонимы, по два-три раза (см. выше сводку цитат). В списках более поздних сводов «краткие» (как их называют историки) наименования естественно заменены «полными» (суффиксальными) не только в этнонимическом значении¹⁰⁸, но и в топонимическом, т. е. там, где в старших списках последовательно употребляются «бессуффиксные» основы; ср.:

Устюжский свод¹⁰⁹

И начаша владѣти *Полянскую*
землю (под 863 г.).

Лаврентьевская летопись

Начаста владѣ(ти) *Польскою*
землю (под 862 г.).

¹⁰⁵ Ср.: Рыбаков Б. А. Поляне и северяне, с. 91—93 и далее; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, с. 28 и далее, 51 и далее; Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв., с. 155—156 и др.

¹⁰⁶ См.: Хабургаев Г. А. *Лошадь — конь* и судьба восточнославянских племенных диалектов, с. 298.

¹⁰⁷ См.: Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое, с. 224 и далее.

¹⁰⁸ Замену, аналогичную той, что представлена ниже, можно отметить и для этнонимов, относящихся к финским племенам. Например (в Устюжском своде): «Словене свою власть имуще, а кривичи свою, а *меряне* свою <...> Варяги... насилие дѣяху им, словѣном, и кривичем, и *меряном*, и чюди» (под 852 г.; ср. в Лаврентьевской летописи: «Имаху дань Варязи... на Чюди и на Сл(ов)ѣне(х). и на *Мери* и на всѣхъ Кривичѣхъ» — под 859 г.).

¹⁰⁹ «Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец)». М. — Л., 1950.

Аскольд и Дирь княжита в *Полях* (под 881 г.).

И быша роды их обидимы *Древляны* и инѣми около их странами (под 852 г.).

Послуша их Игорь, иде в *Древляны* (под 945 г.).

... В *Древлянех* князь имянем Мал (ib.).

А наши князи добри суть, иже насяли землю *Древлянскую* (ib.).

Святослав посади в Киевѣ сына своего большого Ярополка, Ольга в *Древлянех* (под 970 г.).

Ярополк княже в Киевѣ, а в *Древлянской* же земле Олег (под 973 г.).

Посади... Глѣба Муромѣ, Святослава в *Древлянех*, Всеволода в Володимирѣ (под 988 г.).

(ср.: почаша родъ ихъ княженъ в *Поляхъ* — Введ., ст. 10).

... Быша обидимы *Древлями* и и инѣми околними (Введ., ст. 16).

Послуша ихъ Игорь, иде в *Древля* в дань (под 945 г.).

(ср.: Бѣ бо имя ему Малъ, князь *Дервьску* — ib.).

А наши князи добри суть, иже распасли суть *Деревьску* землю (ib.).

Стславъ посади Ярополка в Киевѣ, а Ольга в *Деревѣхъ* (под 970 г.).

Посади <...> Глѣба Муромѣ. С(вя)тослава *Деревѣхъ*. Всеволода Володимери (под 988 г.).

То, что образования с суффиксом *-ан-е* не являлись принадлежностью старейших летописных текстов, а вводились составителями более поздних сводов, «стихийно» (а потому и непоследовательно) заменяя первоначальные «бессуффиксные», обнаруживается не только в полном отсутствии в древнейших списках образований на *-ан-* в функции топонимов, но и в спорадическом употреблении топонимов с «бессуффиксной» основой в поздних по времени составлении сводах. Так, в том же Устюжском своде, наряду с приведенными выше *Древляне* (как название области), *Древлян-ская земля* (и рядом с ними!), можно встретить:

Устюжский свод

Посла нас *Древская* земля <...>
бояре *древские* (под 945 г.).

Иде княгыни... на *Древскую* землю (под 946 г.).

Поиде Ярополк на брата своего на Олга на *Древскую* землю (под 977 г.).

ср. Лаврентьевскую летопись

Посла ны *Дервьска* земля <...>
лучшие мужи, иже дерьжаху *Дервьску* землю (под 945 г.).

Ольга... иде на *Дервьску* землю (под 946 г.).

Понде Ярополкъ на Олга брата своего на *Деревску* землю (под 977 г.).

Нет сомнений, что здесь отражена попытка сохранить образования более раннего источника, из которого взяты соответствующие записи, хотя сам источник, безусловно, относился не ранее чем к XIV столетию (см. последовательную передачу основы с неполногласным сочетанием, что в текстах киевского периода в собственно восточнославянской ономастике невозможно и в старейших списках «Повести временных лет», выполненных в XIV в., но ориентированных на более ранние протографы, встречается лишь спорадически — как отражение орфографических норм времени переписчиков).

Изложенные наблюдения, подтверждая вывод о том, что образования с суффиксом *-ан-е* предшествовали «бессуффиксные» термины, закрепившиеся в качестве географических названий (которые и послужили производящими основами для поздних народно-наименований), и что именно «бессуффиксные» термины могут восходить исторически к собственно племенным названиям (первичным этнонимам), вместе с тем дают дополнительный материал для суждений об источниках Древнейшего летописного свода и собственно «Повести временных лет». Так, не возникает сомнений, что в тексте «Повести временных лет», как он сложился к XII в., не было образования *северяне*: оно внесено позднейшими редакторами или переписчиками, спорадически заменяя более раннее *сѣверь* как «естественное», «понятное», непосредственно связанное с обозначением жителей *Северской* земли. Это наблюдение вполне соответствует употреблению терминов *древляне* и *поляне* в качестве наименований жителей *Древельской* и *Польской* земель, в поздних текстах закономерно превращающихся в *Древлянскую* и *Полянскую* земли — как области поселений *древлян* и *полян*. Но те же поздние своды одновременно указывают и на то, что, во-первых, не только во времена Нестора, но и в период составления Древнейшего свода (к началу XI в.) ни **деревы*, ни **полей* как этнических терминов уже не было и, во-вторых, что составитель введения к «Повести временных лет» (начала XII столетия?) пользовался какими-то очень ранними записями (в которых этнонимы *деревя*, или *древля*, и **поля* еще встречались), не известными составителям Древнейшего свода начала XI в., и притом именно записями, а не устными преданиями.

В самом деле, авторы поздних сводов, например Устюжского, заменяя «бессуффиксные» образования ранних источников более «ясными» для них суффиксальными, естественно, непоследовательны в таких заменах и время от времени, следуя источнику, переносят из него образования без суффикса *-ан-* (см. выше примеры); естественно и то, что такие «реликты» (например, *Древельская* земля — наряду с поздними *Древлянская* земля и *Древляне* — как обозначение области) обнаруживаются непоследовательно, в разных местах летописного текста. Совершенно иную картину встречаем в тексте собственно «Повести временных лет», как он дошел до нас в Лаврентьевском и близких ему списках: реликты «бессуффиксных» этнонимов-топонимов **поля* и **деревя* (или *древля*) фиксируются здесь только в вводной части и в записях событий IX в.; причем встречающиеся в разных списках формы этнонима **поля* приходят только на те места, которые А. А. Шахматов не считал возможным возводить к тексту Начального свода и приписывал Нестору или авторам последующих редакций начала XII столетия¹¹⁰. Все это заставляет предполагать, что автор «Повести временных лет», составляя свое введение, использовал не только устные предания современников, но и оказавшиеся в его распоряжении записи, относившиеся к тому времени, когда *деревя* и **поля* еще были известны как этнонимы, начинавшие, впрочем, уступать место *древлянам* (под влиянием которых и появляются **древля* — вместо *деревы*, продолжавшей сохраняться в названии области) и *кыянам* — жителям политического центра *Польской* земли. Составители же Древнейшего свода XI в., не располагавшие погодными записями предшествующих столетий, были знакомы лишь с географическими наименованиями *Дерева* и, вероятно, *Польска* (земля), которые текст, предположительно восходящему к этому своду, известны (в отличие от собственно этнонимов **деревя*/**древля* и **поля*).

¹¹⁰ Ср. сводку цитат «**Поля*» с текстом: Шахматов А. А. Повесть временных лет, т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916, с. 6—28.

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
«СТРАТИГРАФИЯ»
И ВОЗМОЖНОСТИ
ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ
ЛЕТОПИСНЫХ ЭТНОНИМОВ**

На основании анализа летописной этнонимии, соотнесенной с историко-археологическим материалом, возникает возможность установления словообразовательной «стратиграфии» этнонимов, функционировавших ко времени образования древнерусской народности в качестве наименований славяноязычных диалектно-этнографических групп Восточной Европы.

1

Наиболее древним слоем этнонимов, безусловно, являются «бессуффиксные» термины, образование которых прекращается (если иметь в виду необходимость наименования собственно славянских этнических коллективов) по крайней мере к VII в. и которые по отношению к славянским ономастическим терминам исторического периода можно рассматривать как первичные.

Дошедшие до нас термины этой группы отражают генетически неоднородный состав праславянской общности периода ее распада. Более того, можно почти не сомневаться, что именно интенсивная ассимиляция дославянского населения Средней и Юго-Восточной Европы (в ряде случаев, вероятно, с сохранением старых этнических названий) и привела к окончательному распаду праславянской общности и экспансии обособляющихся славяноязычных племен по территории Восточной Европы и на Балканы. Вошедшие в употребление до начала широкой славянской экспансии (до середины I тысячелетия н. э.), первичные этнические термины (или производные от них) впоследствии, как правило, повторяются в различных районах расселения славян (**dudlěb-*, **deru-*, **pol'*-, **sěver-*, **xrvat-/xъrvat-*, **sr̥b-/s̥erb-* и др.), что свидетельствует, с одной стороны, о распаде к этому времени более ранних племенных объединений, с другой — о том, что мы имеем здесь дело с самоназваниями, сохранявшимися выходцами из некогда единого объединения родов, мигрировавшими в разных направлениях ¹¹¹.

¹¹¹ Ср. основной пафос статьи: Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — ВЯ, 1974, № 6. Эта работа вышла в свет, когда настоящая книга уже находилась в издательстве, и у меня не было возможности учесть интересные наблюдения автора в тех случаях, когда наши предположения расходятся. Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на совпадение принципиальных выводов О. Н. Трубачева, подошедшего к раннеславянской этнонимии с иной стороны, с основными выводами этой книги, что я рассматриваю как одно из свидетельств их объективности.

В тех случаях, когда племенная группа оседала, постепенно превращаясь в объединение сельских общинников единой этнической принадлежности, ее прежнее (первичное) имя получало значение географического наименования (ср.: *Дерева* — *Деревьска земля*, *Польска земля*, *Волянська земля* и т. д.). Сохранение первичного этнонима после VI—VII вв., как правило, должно означать, что соответствующая группа населения продолжает сохранять по крайней мере пережитки родо-племенных отношений и заметные этнографические особенности как своеобразная лингво-этническая единица, не создавшая собственного политического объединения (ср.: *сѣверъ*, а также *весь*, *меря*, *морьдва* и т. д. периода первых летописных сообщений).

Именно первичные этнические наименования требуют этимологического анализа в традиционном смысле, ибо «этимология» суффиксальных образований определена значением суффикса, присоединенного к предшествующему (по времени функционирования) ономастическому термину. Так, если обычно считается, что летописный этноним *дреговичи* по происхождению связан с названием болотистой местности (сопоставляется с белр. *дрэґва* 'трясина на болоте', укр. *драґва*, *дряговина*, лит. *dregnas* 'влажный' и т. д.)¹¹², то в действительности такую связь можно предполагать не для этнонима *дреговичи/дрегъвичи* (ибо *дрегъв-ич-и* — это 'потомки *дрегъв-ы', а не 'жители болот'), а для первичного этнонима, функционировавшего до активизации наименований на *-ич-и*.

Поскольку первичные этнонимы существовали задолго до оформления на их основе суффиксальных народо-наименований территориального или генеалогического происхождения, то кажущаяся зачастую прозрачной «внутренняя форма» многих летописных этнонимов (таких, как *деревляне*, *поляне*, *северяне* и др.) в ряде случаев может быть результатом позднейших осмыслений ставшего непонятным, но по своему оформлению легко сближаемого с названием (характером) местности термина, созданного по актуальной для данной эпохи модели.

Если время появления «бессуффиксных» этнонимов, насколько удастся заметить, предшествует широкой славянской экспансии, следовательно, связано с периодом, когда еще были актуальны родо-племенные отношения и, напротив, слаба была связь населения с определенной территорией, то собственно славянская географическая терминология (нарицательная или собственная) не могла находить в них широкого отражения (хотя полностью и не должна исключаться). Напротив, кажется очень вероятным, что значительная часть первичных этнонимов могла быть иноязычного (или дославянского!) происхождения. Можно, в частности, считать доказанным иноязычное происхождение «бессуффиксных» (с точки

¹¹² См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I, с. 536—537; ср. также: Никонов В. А. Этнонимия, с. 21; Чеснов Я. В. О социальной мотивированности древних этнонимов. — В кн.: Этнонимы, с. 49.

зрения собственно славянских словообразовательных связей!) терминов **dudlěba* (герм.), **xrvat-* или **x̥rvat-* (иранск.), **srb-* или **serb-* (иранск. или даже индоиранск.); известны предположения об иранском происхождении этнонима *сѣверъ* (ср. авест. *syāva* 'черный')¹¹³; очень вероятно тюркское происхождение этнонима *тиверьци*; почти не вызывает сомнений балтийское происхождение производящих основ этнонимов *крив-ич-и* — **krie-v-a* (ср. лит. **kreiṽas*, латыш. *krieivs* 'кривой, изогнутый' — могло быть связано с названием или особенностями реки) и *дрегъв-ич-и* — **dreg-iṽ-a* (ср. с характеристикой болота: *дрегва* — *dregnas*, — между прочим, только в области давнего соприкосновения праславянских и древнебалтийских говоров¹¹⁴). При этом обращение к иноязычному источнику славянского первичного этнонима не обязательно предполагает, что племя восприняло в качестве самоназвания имя, первоначально данное ему соседями (хотя и это нередко среди наименований объединений близкородственных племен¹¹⁵); для собственно племенных названий возможно сохранение этнонима, ранее служившего обозначением аборигенов, вошедших в состав новой этнической общности.

Поселения племен, пользовавшихся орудиями труда и охоты, археологически фиксируются в Средней Европе на протяжении ряда тысячелетий до начала нашей эры, т. е. задолго до оформления системы праславянского языка. Если учесть, что носители праславянской речи в Европу ниоткуда не «приходили», что праславянский язык оформился здесь на базе индоевропейских диалектов автохтонов (независимо от того, как интерпретируется различными языковедами сам процесс сложения системы праславянского языка), то нетрудно представить, что племена, речь которых мы уже можем считать праславянской и которых именно поэтому мы называем славянами (см. с. 69—70), могли сохранять родовые имена (племенные названия) своих прямых предков, индоевропейская речь которых ныне не может быть охарактеризована как праславянская. Естественно, что этимологизировать такие этнонимы на базе собственно славянского языкового материала нереалистично. А поскольку, далее, «новые народы», а фактически — носители относительно поздних по образованию языков, распространяются прежде всего за счет ассимиляции носителей ранее функционировавших языков и диалектов, зачастую, в свою очередь, продолжавших сохранять прежние племенные названия (ср. с. 214), то кажется бесспорным вывод о том, что в районах, характеризующихся непрерывностью культурных традиций на протяжении тысячелетий,

¹¹³ Сомнительны попытки связать этот этноним с современным названием части света (с предположением, будто предки *северян* некогда занимали северную окраину восточнославянских поселений: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. III, с. 689). Тем более, что летописец, при всем его пристрастии к «этимологизации» славянских этнонимов географического происхождения, таких связей устанавливать не пытается, а для обозначения части света пользуется только терминами *полнощье*, *полнощный*. Следует, впрочем, напомнить, что в древней восточной традиции (например, тюркской) *черный* действительно могло быть связано с этой частью света; но здесь, учитывая время активизации этнонима, приходится думать не о «восточнославянских», а о праславянских географических отношениях.

¹¹⁴ Ср.: Куркина Л. В. Названия болот в славянских языках. — В кн.: Этимология. 1967. М., 1969, с. 137.

¹¹⁵ См.: Никонов В. А. Этнонимия, с. 13—14.

«имеется много древнейших образований, которые пережили не один и не два языка, сменявших друг друга на данной территории»¹¹⁶. В этой связи нельзя поручиться, что имевшее в славянском мире особую судьбу имя *slou- (производящая основа оформившегося к середине VI в. самоназвания, впоследствии ставшего общим наименованием славян) возникло в славянской среде и на базе собственно славянского корня: оно могло быть усвоено группой праславян от автохтонов как географическое название, от которого и произведено наименование топонимического происхождения *слов-ѣн-е*¹¹⁷.

2

Более поздними в Восточной Европе являются образования на -'ан-е, обозначающие территориальные группы населения и активизирующиеся здесь примерно с VIII в., а на территории «прародин», вероятно, и ранее (см. употребление Σκλαβ-ην-οι в византийских сочинениях с VI столетия). Будучи образованными от географических имен собственных — гидронимов или исторических названий областей (нередко происходящих от первичных этнонимов), образования этой модели в начальный период активизации могли использоваться в качестве названий диалектно-этнографических общностей, а не населения территориально-политических объединений (ср.: *вельняне, поляне, деревляне*). Поскольку в «Повести временных лет» нет таких образований этой модели, которые не соотносились бы с именами собственными, то при их этимологизации, даже в тех случаях, когда корневая часть наименования кажется связанной с нарицательной географической номенклатурой (скажем, *пол-ян-е* или *деревл-ян-е*), она не может быть непосредственно возведена к апеллятивам. Иными словами, в летописи *пол-ян-е* — это ни в коем случае не 'жители поля, степи', а только 'жители *Пол-и — Пол-ьск-ой земли' (как затем *галич-ан-е* — 'жители Галич-а, Галич-ьск-ой волости'), даже если само название *Пол-ьск-ой земли* по происхождению и связано, как уверяет летопись, с нарицательным *пол-е*.

Оформление территориально-политических объединений с разлагающимися родо-племенными отношениями вело к расширению сферы функционирования терминов на -'ан-е, которые начинают образовываться для наименования населения политико-административных районов и соотносятся с названиями их администра-

¹¹⁶ Трубачев О. Н. Лингвистическая география и этимологические исследования, с. 23; ср.: Никонов В. А. Этнонимия, с. 11.

¹¹⁷ Следует напомнить, что во всех византийских источниках, наряду с суффиксальным достоверно славянским самоназванием Σκλαβήνοι, употребляется также и «бессуффиксный» этноним Σκλάβοι и т. д. (см. список: Филин Ф. П. Образование языка восточных славян, с. 55), известный еще Константину (Х в.), который пользуется обоими вариантами как этнонимическими дублетами (см. цитаты на с. 186).

тивных центров (см. *смольняне, пиняне, галичане* и т. д.), являясь старейшими в этой группе восточнославянских народонаименований.

3

Отражением неравномерного культурно-хозяйственного и социально-политического развития различных лингво-этнических групп восточноевропейского населения раннего средневековья являются летописные этнонимы на *-ич-и*. В Восточной Европе эти термины начинают функционировать в период образования Киевской Руси (с IX в.), когда внутри складывающейся древнерусской народности обнаруживаются диалектно-этнографические общности, еще сохраняющие пережитки родо-племенных связей, следовательно, заметно отличающиеся от более активных групп древнерусского населения, переходящих к новым, феодальным отношениям. Именно такое восприятие отстающих в социально-политическом развитии групп передовыми слоями формирующегося древнерусского общества отражено в летописной «этимологизации» этнонимов на *-ич-и*, возводимых (в соответствии с мировоззрением раннего средневековья) к именам «основателей родов».

Термины на *-ич-и*, являясь по отношению к «бессуффиксным» вторичными (производными), отражают генетическую связь относительно новых лингво-этнических образований с иноязычными по происхождению, славянизированными племенными объединениями (в ином случае при сохранении родо-племенных отношений в период активизации терминов на *-ич-и* за соответствующей диалектно-этнографической группой продолжало сохраняться первичное наименование типа *сѣверъ*, а также *весь, меря* и т. д.). Иными словами, производящая основа должна указывать на этнический субстрат, от названия которого и произведено наименование на *-ич-и*, использовавшееся восточными славянами для обозначения славяноязычного коллектива. А это значит, что этимологический корень этнонима такой модели вероятнее всего искать в диалектах дославянского (или по крайней мере — додревнерусского) населения соответствующего района.

Активизируясь в начальный период формирования древнерусской народности, этнонимы на *-ич-и*, естественно, сохранялись лишь до тех пор, пока соответствующие диалектно-этнографические группы населения не включались в состав того или иного территориально-политического объединения. В последнем случае наименование на *-ич-и* уступало место новому народонаименованию — по территориальному признаку. Выразительный летописный пример — *кривичи* как название верхнеднепровского славяноязычного населения (впоследствии получающего наименование *смольнян* — по имени местного административного центра), в то время

как этнографически та же группа населения Западной Двины, ранее образовавшая территориально-политическое объединение с центром в *Полот-ьск-е*, уже именуется *полоч-ан-ами*. Впрочем, в периферийных районах расселения таких диалектно-этнографических групп, перерастающих в поселения сельских общинников, не создавших собственных политических объединений, их названия в течение какого-то времени могли сохраняться в качестве географических имен собственных; ср. у Мономаха: «въ *Вятичи* ходихомъ»; в поздних летописных сводах: «держиши вси *Дреговичи*», «на *Радимичи*».

4

В то же время (в IX—X вв.) в Восточной Европе активизируются и наименования с суффиксом *-ьц-и* для обозначения жителей городов и прилегающих к ним областей как единиц административного членения Древней Руси (ср.: *новъгородьци*, *туровьци*, *ростовьци* и мн. др.). Активизация таких образований связана с окончательной победой новых общественных отношений, пришедших на смену прежним родоплеменным связям. К летописному времени (XI—XII вв.) термины на *-ьц-и* оказываются уже синонимичными образованиям на *-ан-е*, являясь наиболее продуктивными среди народо-наименований по признаку территориальной принадлежности, образованных от географических имен собственных.

РУСЬ И СЛОВЕНЕ

Оба рассматриваемых термина занимают в восточнославянской этнонимии «Повести временных лет» особое место, будучи при этом тесно связанными друг с другом.

Термин *Русь* самой летописью объявляется невостоочнославянским по происхождению. И он, действительно, не может быть включен ни в одну из словообразовательных групп собственно восточнославянских этнонимов летописного времени и находит соответствия в северных наименованиях неславянских (балтийских и финских) этнических общностей (ср. выше, с. 168). Этноним *словене*, напротив, летописью противопоставляется термину *русь*, как собственно славянский и употребляется в ней неоднократно (свыше 15 раз) для обозначения славяноязычных жителей Новгородской земли (в последний раз — под 1036 г.: «Ярославъ събра вои [многы]. Варягы и *Словѣни*. приде Кыеву <...> и исполчи дружину. [и] постави Варягы посредѣ. а на правѣи сторонѣ Кыяне. а на лѣвѣмъ крылѣ *Новгородци*»). Однако и он, как выясняется в результате анализа летописной этнонимии, выпадает из системы собственно восточнославянских народо-наименований, обна-

руживая явно восточнославянское происхождение (см. выше, с. 189—190). И это требует своего объяснения.

Этноним и географическое наименование *Русь*, по утверждению летописи, впервые появляется на севере, т. е. как раз там, где локализованы новгородские *словене*¹¹⁸. И это не только требует параллельного рассмотрения возникновения и функционирования обоих терминов в восточнославянских исторических источниках, но и ставит вопрос о том, что, может быть, их особое положение в системе славянских этнонимов «Повести временных лет» можно объяснить только с точки зрения их неразрывной взаимной связи.

Вопрос о происхождении этнонима-топонима *Русь* в последние десятилетия крайне запутан, и прежде всего в исследованиях историков конца 40-х — начала 50-х годов, почему-то решивших, будто признававшееся прежними исследователями иноязычное происхождение термина подрывает идею «самобытности» древнерусской государственности и свидетельствует о «норманистских» устремлениях¹¹⁹. И действительно, рассуждения о происхождении термина и Русского (Древнерусского!) государства в исторических сочинениях переплетаются настолько тесно, что их невозможно отделить друг от друга¹²⁰. А фиксируемые в древних источниках названия, близкие по звучанию к *русь* (*Hros Ros* и т. п.)¹²¹, дают повод для развития идеи о том, что этим термином именовалось какое-то северо-причерноморское племя, возможно, входившее в «антское» объединение¹²², может быть, и не славянское, но впоследствии ассимилированное славянами и передавшее им свое имя¹²³.

Анализ происхождения и первоначального значения этого термина на славянской почве требует забвения всех этих бесчисленных предположений и обращения к самим фактам и собственно славянским (в первую очередь — древнерусским) источникам.

* *
*

Употребление термина *русь* в первых сообщениях «Повести временных лет» весьма своеобразно: авторы ранних погодных за-

¹¹⁸ Северное происхождение термина *русь* (как и летописной «руси» вообще) тщательно рассмотрено в многочисленных работах А. А. Шахматова, посвященных русскому летописанию; кроме серии частных исследований, см. особенно: «Сказание о призвании варягов». Спб., 1904 (отд. оттиск из ИОРЯС, т. IX; в дальнейшем указываются страницы оттиска), в частности с. 34, 51, 67 и др.; «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», гл. XIII. «Сказание о первых русских князьях».

¹¹⁹ Подобная тенденция наиболее последовательно отражена в работах таких крупных исследователей, как М. Н. Тихомиров (см.: Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». — В кн.: Советская этнография. Сборник статей, VI—VII. М. — Л., 1947) и Б. А. Рыбаков (см.: Рыбаков Б. А. Древние русы. — СА, XVII, 1953).

¹²⁰ См. один из последних обзоров: Акопов Г. Б. Этимология названия «рус» в свете теории этнической консолидации. — «Вестник общественных наук [АН Арм. ССР]». Ереван, 1967, № 6 (289), с. 89 и далее.

¹²¹ См., например: Соловьев А. В. Византийское имя России. — В кн.: Византийский временник, XII, 1957.

¹²² См.: Рыбаков Б. А. Древние русы, с. 101 и далее; ср.: Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, с. 76—79.

¹²³ См.: Артамонов М. И. История хазар, с. 290; ср. обзор: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение, с. 363.

писей хорошо ощущали иноязычное происхождение термина, связывали его с норманскими колонистами (по летописи, «находниками») и на этом основании создали (или поддерживали?) легенду об участии скандинавов («варягов») в создании Древнерусского государства, что для их времени, когда слово и обозначаемое им явление воспринимались как нечто единое, вполне естественно¹²⁴.

«Историко-этимологические» разъяснения летописцев как будто находят подтверждение и в синхронных иноязычных источниках, где термин *Русь* (у греков обычно *ῥως*), как правило, служит обозначением скандинавских наемников при дворе Киевского князя. Особенно заметно это обнаруживается в известном сочинении Константина Порфирогенета, который считает «рускими» скандинавские названия днепровских порогов (противопоставляя их славянским названиям) и рассказывает о «русских» князьях в Киеве, которые «со всей *русью*» собирают дань со славян Восточной Европы — *кривичей, дреговичей, уличей* и других¹²⁵. Впрочем, последнее сообщение может быть интерпретировано и таким образом, что информаторы Константина считали *Русью* лишь Киевскую волость, в середине X в. (до завершения процесса формирования единой древнерусской народности!) игравшую роль метрополии по отношению к остальным восточноевропейским районам, населенным заметно отличавшимися друг от друга диалектно-этнографическими группами (см. выше); во всяком случае такая интерпретация вполне соответствует летописным указаниям на то, что во времена договоров Игоря с греками *Русь* — это небольшая территория в Среднем Поднепровье вокруг Киева, Чернигова и Переяславля¹²⁶.

Вместе с тем, как заметил еще А. А. Шахматов, наша летопись, настаивая на связи первоначальной *руси* с *варягами*, тем не менее последовательно отличает ее от варягов; см.:

¹²⁴ Печально, что спустя почти тысячелетие тот же наивный синкретизм обнаруживается в работах некоторых историков, ставящих знак равенства между происхождением термина и обозначаемого им общественного явления. Ср. справедливый упрек Р. И. Аванесова в связи с упомянутой выше работой Б. А. Рыбакова, который, «много внимания уделяя вопросу о происхождении Руси, рассматривает его не расчлененно: он включает в него как вопрос о происхождении термина «русь», так и вопрос о происхождении народности, известной с определенной эпохи под этим названием. Между тем эти вопросы качественно весьма различны, если не сказать, что они имеют между собою вообще мало общего» (Аванесов Р. И. К вопросам образования русского национального языка. — ВЯ, 1953, № 2, примеч. на с. 51).

¹²⁵ Сведения европейских и арабских источников о «русах» в исторической литературе воспроизводились неоднократно; последний по времени обзор и библиографию вопроса см.: Акопов Г. Б. Этимология названия «рус» в свете теории этнической консолидации (1967 г.); см. также: Толкачев А. И. О названиях днепровских порогов..., с. 29—31 и др.

¹²⁶ См.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства, с. 28 и далее (см., в частности, реконструкцию границ *Русской земли* как метрополии на вкладке между с. 32—33).

Русь же възвратишася (после поражения от греков. — Г. Х.) ... и посла по *Варяги* [много] за море. вабя е на Греки (941 г.); Игорь же совкупивъ вои много. *Вар(я)ги* [и] *Русь* и Поляны [и] Словѣни... (944 г.); Ярославъ же совкупивъ *Русь*. и *Варягы*. и Словѣнѣ. поиде противу Болеславу (1018 г.) и под.¹²⁷.

Это «противоречие», дающее повод для самых различных (подчас диаметрально противоположных) предположений, может быть осмыслено только при условии, если история этнического наименования не будет отождествляться с историей Русского (Древнерусского) государства. Решать вопрос во всем его объеме должны историки; в данном же случае представляет интерес лишь этнонимическая сторона дела, связанная с поиском ответов по крайней мере на два вопроса: 1) каковы источники термина *Русь*? и 2) почему именно этот термин закрепился за собственно Киевским княжеством, следовательно (со временем), и за всем обширным восточно-европейским государством со славяноязычным населением?

* *
*

Ответ на первый из поставленных вопросов в значительной степени подсказывается результатами анализа восточнославянской этнонимии «Повести временных лет», где собирательные наименования подобного типа, относимые к IX—X вв., сохраняются лишь за балтийскими и финно-угорскими этническими группами (*корсь*, *либь*, *чудь*, *весь*, *пермь*, *ямь* и т. д.), являясь славянской передачей самоназваний, и географически не выходят за пределы лесной зоны (см. карту 22). Это обстоятельство уже само по себе должно означать, что в Восточной Европе данный этноним в период формирования древнерусской пародности вряд ли мог функционировать как название южного славянского «племени».

Нет для этого этнонима опоры на восточнославянской почве и в плане этимологическом: известные попытки связать *Русь* с названием реки *Рось* (или *Рѣсь*?)¹²⁸ лингвистически несостоятельны — для славянских диалектов рассматриваемого времени чередования *o/u* и даже *ѡ/u* невероятны (учитывая, что термин *русь* появляется около IX столетия!); а сам этноним в славянской среде известен только с *у* в корне (новое *Россия* — книжное образование, исходящее из греческой огласовки 'ρωσ, где соответствие ѡ славянскому *у* закономерно). И вообще этот термин на Киевщине не обнаруживает никаких ономастических соответствий, и его появление здесь явно было связано с необходимостью общего наименования для нового территориально-

¹²⁷ Ср.: Акопов Г. Б. Указ. соч., с. 94—98.

¹²⁸ Ср., например: Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля», с. 79.

политического объединения, которое непосредственно не соотносилось ни с одним из прежних племенных объединений, а потому не могло использовать ни одно из прежних местных наименований.

Напротив, на севере этот термин отразился как в славянских названиях местности (например, *Руса* — Старая), так и в ономастической номенклатуре соседних народов: финск.-суоми *Ruotsi* 'шведы', *Ruotsalainen* 'Швеция'; эст. *Roots* 'шведы', *Rootslane* 'Швеция'; водск. *Rõtsi* 'шведы'; ливск. *Ruot'sli* 'Швеция'. При этом финск. *Ruotsi* славянами могло быть воспринято только как *русь*, подобно тому как финское самоназвание *Suomi* в Новгородской (!) летописи передается как *сумь*, самоназвание *Vepsi* — как *вьсь* и т. д.¹²⁹

Составители летописного свода не имели возможности тщательно проверять каждое сведение, попадавшее в их руки; именно поэтому в летописных сообщениях, особенно относящихся к прошлому (до XI в.), немало легендарного. Однако нельзя не учитывать того, что в основе любого сообщения «Повести временных лет», как постоянно убеждает опыт, лежат какие-то реальные факты восточнославянской истории; легендарным, подчас наивно-мифологическим является осмысление этих фактов, которое не всегда следует принимать во внимание. И в рассматриваемом случае можно не считаться с противоречивыми толкованиями «происхождения» восточноевропейской *руси*; но нельзя полностью отвергать сообщаемые летописью факты. В частности, сейчас, исходя из историко-материалистического понимания исторических процессов, мы не можем представлять дело таким образом, будто появление «русских» князей в Новгороде (откуда они затем перебираются в Киев) и в самом деле явилось результатом добровольного приглашения на княжение *варягов* славяно-финским населением Восточноевропейского Севера (*словенами, кривичами, чудью, весью и мерей*), якобы оказавшимся неспособным без постороннего вмешательства наладить государственный аппарат¹³⁰; в этой летописной версии определенно проглядывают династические интересы киевского двора времен составления летописного свода¹³¹. Но мы не можем игнорировать фактов, на которых основа-

¹²⁹ Ср.: Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов, с. 56—57.

¹³⁰ Ср.: Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода. с. 36, 39, 42—43 и далее.

¹³¹ В этой связи нельзя удержаться от замечания, что авторы ряда «анти-норманистских» работ стоят на тех же философских позициях, что и... последовательные норманисты, ибо исходят из того же идеалистического убеждения, будто появление государственных объединений обуславливается не определенным уровнем социально-экономического развития, а «частной» инициативой «своих» или «чужих» (инородных) предпринимателей. Иное дело, что государственный аппарат в условиях средневековья требует авторитетного и безоговорочного руководителя; и на эту роль неизбежно кто-то выдвигается; и, конечно же, это окажется лицо, откуда-то происходящее, непременно — незаурядное и т. д. А если потомки первого правителя закрепляются во главе государства, то со временем их династия окружается легендарной генеалогией, обосновы-

на эта версия. А факты эти сводятся к тому, что летописному утверждению о появлении *руси* на севере и о ее связи с норманскими поселениями Приладожья соответствуют многочисленные данные ономастики: все не подвергнувшиеся славянизации прибалтийско-финские народы знают (и до сих пор сохраняют) этноним *Ruotsi* (*русь*) для обозначения шведов (а не славян!); а имена первых киевских князей и их приближенных, зафиксированные как в древнерусских, так и в иностранных источниках, в основной своей массе оказываются норманскими (древнешведскими) по происхождению, а не славянскими.

Объяснение этих фактов тесно связано с использованием нашей летописью термина *словене*.

* *

*

Среди многочисленных летописных употреблений этнонима *словене* для обозначения новгородцев некоторые случаи не могут не насторожить. Так, уже при первом упоминании о «словенах» на Восточно-Европейском Севере автор «Повести временных лет» считает необходимым указать «их город», чего не сделано в отношении других восточнославянских диалектно-этнографических групп, включая и *полян*:

Тако же и ти Словѣне ('славяне вообще'. — Г. Х.) пришедше и сѣдоша по Днѣпру. и нарекошася Поляне. А друзии Древляне зане сѣдоша в лѣсъ(х). а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася [Дреговичи]. [инии сѣдоша по Двинѣ и нарекоша(ся) Полочане] рѣчки ради яже втечетъ въ Двину. имянемъ Полота. о(т) сея прозвашася Полочане. Словѣни (Р., М.-А. — *Словене*) же сѣдоша около [озера] Илмеря (Р. — *Ильменя*). [и] прозвашася св(о)имъ имянемъ и сѣдлаша градъ. и нарекоша и Новѣгородъ. а друзии сѣдоша по Деснѣ. и по [Сѣми] по Сулѣ и нарекоша(ся) Сѣверь. [и] тако разидеся Словѣньскій языкъ... (Введ., ст. 6).

Нечто подобное встречается и несколько ниже, когда летописец обращает внимание на образование старейших восточнославянских территориально-политических объединений:

И по сихъ братьи (после Кия с братьями. — Г. Х.) держати. почаша родъ ихъ княженье в Поляхъ (не в Киеве! — Г. Х.) [а въ Деревѣхъ] (Л. — в *Деревляхъ*) свое. а [Дреговичи] свое. а Словѣни свое в Новѣгородѣ а другое на Полотѣ (не в Полоцке! — Г. Х.) иже Полочане... (Введ., ст. 10).

Создается впечатление, что автор «Повести временных лет» не знал «настоящего» древнего названия новгородских славян и, скорее всего, не пользовался термином *словене* по отношению к

вающей именно ее законность и исключительность. Но здесь уже возникает проблема происхождения династии, которую ни в коем случае нельзя смешивать с проблемой происхождения государства хотя бы уже потому, что династия не предшествует, а возникает в связи с оформлением государственного аппарата, а нередко (как в Новгороде — см. ниже) даже после установления государственных отношений.

жителям Новгородской земли в повседневной практике. Он даже не заметил, что для их обозначения употребил, среди других этнонимов, отнюдь не термин *словене*, перечисляя славяноязычные диалектно-этнографические группы Древнерусского государства:

Се бо токмо Словѣнскъ языкъ в Руси. Поляне. Деревляне. [Новгородъци] (Л. — Ноугородъци). Полочане. [Дреговичи]. Сѣверъ. Бужане зане съдоша по Бугу послѣ же Вельняне (Введ., ст. 11).

Отсутствие здесь этнонима *словене*, видимо, обусловлено его книжно-литературным происхождением, что вполне определенно сказывается и на его орфографическом облике: во всех списках «Повести временных лет», начиная с Лаврентьевского, суффикс в рассматриваемом термине (даже тогда, когда он употребляется в общеславянском значении), передается то через *ѣ*, то через *е*, что, как известно, характерно для передачи русскими книжниками старославянского *ѣ* и является одной из типичных особенностей русского извода церковнославянского языка, но никогда не встречается в написании восточнославянских по употреблению слов (ср. в тех же списках *сѣверъ* — только с *ѣ*!).

Зачем же понадобился летописцам заимствованный из старославянских источников «общеславянский» термин *словене* для обозначения новгородцев? Ответ на этот вопрос просматривается в следующем разъяснении редакторов одной из старейших погодных записей:

И о(т) тѣхъ [Варягъ] прозвася Руская земля Ноугородъци ти суть людье [Новъгородъци] (*новъгородъци?* — Г. Х.) о(т) рода Варяжска. *прежде бо бѣши Словѣни* <...> и по тѣмъ городомъ суть находѣ(и)ци Варязи а *первыи насельници в Новѣгородѣ Словѣне*. [въ] Полотьски Кривичи. в Ростовѣ Меря. а Бѣльозерѣ Весь. в Муромѣ Муромы (862 г.).

Эти заявления вполне соответствуют археологическим данным, указывающим на взаимопроникновение славянских и скандинавских древностей в ряде северо-западных поселений, где начало взаимодействия славянских переселенцев с норманскими колонистами относится ко времени до оформления политического объединения с центром в Новгороде¹³². Иными словами, процесс формирования *новгородцев* как своеобразной диалектно-этногра-

¹³² См.: Корзухина Г. Ф. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге. — СА, 1961, № 3, с. 84 и далее; Она же. Новые находки скандинавских вещей близ Торолца. — В кн.: Скандинавский сборник, VIII. Таллин, 1964, с. 312—313; Тухтина Н. В. Об этнической принадлежности погребенных в сопках волховского типа. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 193; Корзухина Г. Ф., Давидан О. И. Раскопки на урочище Плакун близ Старой Ладоги. — АО-1968. М., 1969, с. 16; Корзухина Г. Ф. Курган и урочище Плакун близ Ладоги. — КСИА, вып. 125. М., 1971, с. 63—64. В Старой Ладоге скандинавские погребения относятся к VIII—IX вв. (см.: Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. IX—XIX вв. Сборник статей. Л., 1970, с. 239).

фической группы мог включать и ассимиляцию славянскими поселенцами закрепившихся здесь выходцев из Скандинавии, в результате чего славяноязычное население Волховского бассейна в антропологическом отношении обнаруживает заметную близость жителям Северной Европы, что «объясняется не только географической близостью, но и весьма вероятной варяжско-скандинавской примесью у русских Северо-запада»¹³³; а среди древнерусской знати, как можно понять из летописных показаний и синхронных византийских источников, на первых порах (IX—X вв.) были широко распространены имена скандинавского (древнешведского) происхождения.

Трудно пока представить во всей конкретности процесс смешения славянских колонистов с норманскими поселенцами к югу от Ладоги; но два обстоятельства не вызывают никаких сомнений:

а) в процессе этого взаимодействия в районе Новгорода возобладала славянская речь, на которую постепенно перешли и физические потомки местных скандинавов; следовательно, более инициативным, определяющим в социальном и хозяйственном развитии края было славяноязычное население;

б) ставшие славяноязычными (с точки зрения живого этнического сознания — вполне славянами!) потомки норманских поселенцев Южного Приладожья, которых местные финны продолжали называть, как и прежде, *Ruotsi*¹³⁴ (ибо для них смена отдельными группами местных жителей шведской речи на славянскую была безразлична), долгое время сохраняли какие-то культурные традиции своих физических предков, что дошло до нас, в частности, в виде преданий о происхождении новгородцев от «варягов» («Ти суть людье новгородьски отъ рода варяжьска») и в сохранении норманских имен старейшими вельможами первых русских князей, в то время как никаких намеков на то, чтобы соответствующие лица (как и сами первые князья, носившие имена норманского происхождения) отличались от остального древнерусского населения в языковом отношении, ни в летописях, ни в иных источниках не содержится, а сами деятели Киевской Руси (ранне летописная *Русь*), носившие норманские имена, как указывалось, в летописи всегда отличаются от варяжских наемников.

В процессе складывания своеобразной диалектно-этнографической группы славяноязычного населения, включившей различные этнические компоненты (следовательно, отнюдь не племенного характера!), естественно должно было исчезнуть и давнее племенное имя первых славянских поселенцев Восточноевропейского Севера **vent-*, зафиксированное их финноязычными соседями (ср. с. 97 и 112). В бассейне Волхова складывается политическое объединение, подготовленное социально-экономическими

¹³³ Витов М. В. Антропологические данные как источник истории колонизации русского Севера. — «История СССР», 1964, № 6, с. 97.

¹³⁴ Ср.: Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени, с. 50 и далее.

условиями развития местного населения, а потому включившее разноязычные (славянские и финские) группировки¹³⁵; население этого политического объединения получает наименование по политическому центру — *новгородцы*, под которым оно и становится известным своим соседям, в частности, родственному по языку (и этническому самосознанию!) населению Киева. Почему же киевских книжников времен Ярослава «не устраивало» это народо-наименование и им понадобилось прибегнуть к явно искусственному применению «общеславянского» термина для обозначения славянских предков новгородцев?

Конец X — начало XI в. — это период расцвета единого Русского (Древнерусского) государства, объединившего всех славян Восточной Европы и заявившего свои претензии на самостоятельное славянское представительство в европейском мире. С завершением объединительной деятельности киевских князей было связано, в частности, и принятие единой общегосударственной религии, которая, разумеется, не случайно оказалась греческой, уже получившей распространение среди ряда славянских народов — на Балканах и на Дунае, а потому включала определенные славянские традиции. В годы правления Владимира I и Ярослава Мудрого Русь добивается канонизации «своих» святых Бориса и Глеба, открытия собственной митрополии, требует назначения митрополитом *русина*, а не грека. Во всех этих культурных акциях проявляется развитие «национального» самосознания образованной части и руководящих кругов древнерусского общества, что в условиях средневековья требовало определенных «генеалогических» обоснований: великий народ должен иметь свою историю и «свое» происхождение. Отсюда и появление Древнейшего летописного свода 1037—1039 гг. (!),

¹³⁵ См.: Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода. — «История СССР», 1971, № 2, с. 40—43. Эта логичная и исторически хорошо обоснованная статья содержит ряд неудачных «этимологических» экскурсов (см. с. 42—43): совершенно несостоятельна попытка сближения *Неревского* конца с этнонимом *меря*, тем более, что такое сближение и не требуется для обоснования участия финноязычных племен в создании Новгородской конфедерации (*Неревский* легко сближается с прибалтийскими ономастическими терминами *Норова*, *Нарва* и, вероятно, *нерома*, *норома* — одно из местных племен по «Повести временных лет»); нет надобности и в сближении *Славенского* (на *Слávне*!) конца с летописными *словенами*: авторы сами указывают на то, что в средневековых источниках этот район Новгорода именуется совсем иначе — *Холм* (ср. скандинавское название Новгорода — *Holmgårdri*!), а огласовка корня подтверждает, что топоним *Слав(е)н* — либо не имеет никакого отношения к старому корню этнонима летописных времен *слов-*, либо это новое наименование книжного происхождения (либо огласовка *славяне* и *славенский* оформилась в русской книжно-литературной среде в XVIII в., откуда и была заимствована в конце XVIII — начале XIX в. зарубежной славянской интеллигенцией в качестве обобщенного наименования славянских народов, противопоставленного местным самоназванием *словене*, *словинцы*, *словаки*). Что же касается указания авторов на микротопоним «кривичской» части Новгорода *Прусская улица* (см. указ. соч., с. 51), то оно вполне соотносится с замечаниями, высказанными в настоящей работе на с. 113—115.

излагавшего происхождение и историю русского (восточнославянского) народа на фоне европейской (в первую очередь — византийской) истории¹³⁶.

В силу заметной взаимной близости славянских диалектов X—XI вв. «генеалогические» интересы киевских ученых книжников неизбежно заставляли их обращаться к проблеме славянского единства; славянская книжность, широко распространявшаяся на Руси в период официального крещения и, безусловно, известная здесь и ранее¹³⁷, содержала для этого богатейший материал. Легенды о Константине и Мефодии — первоучителях славян (ср. в той же «Повести временных лет» вставку под 898 г.), давших славянам «*словѣнску* грамоту» (ту самую, которой пользовались киевские книжники и которая определенно отличалась и от греческой, и от латинской), приобщивших славян к «свету» христианства на том самом языке, которым пользовались и киевские книжники, были вполне достаточным основанием, чтобы причислить себя к миру славян и утверждать, что диалекты *полян, деревлян, полочан, новгородцев* и т. д. — это «единъ словѣнскъ языкъ» и что «словенский» и «русский» язык — это одно и то же!

Именно в это время термин *словене* в произведениях киевских книжников и начинает применяться к новгородцам. Об этом свидетельствует сама летопись: данный этноним, как говорилось, в последний раз отмечается в записи под 1036 годом, т. е. в пределах той части «Повести временных лет», которая должна принадлежать авторам предполагаемого А. А. Шахматовым Древнейшего Киевского свода 1037—1039 гг.; Нестор воспринял его как первоначальное название славян Северо-западной Руси, что он и разъяснил в цитированных выше фразах составленного им «Введения» (где он сначала использует термин *новъгородьци*!) и в первых погодных записях, рассказывающих о событиях IX столетия.

Необходимость «местного» использования термина *словене*, видимо, обуславливалась тем, что славянизированные потомки скандинавов сохраняли какие-то предания или легенды о своем «варяжском» происхождении; и эти предания как будто находили подтверждение в распространенных в Киеве и Новгороде «варяжских» именах. Но для живого народного сознания показателем этнической принадлежности и этнического родства является язык (ср. с. 69); а коль скоро новгородцы славяноязычны — значит, в представлении киевских книжников, они *словене* и всегда были *словенами*, по существу — славянами в современном понимании (!). Что же до

¹³⁶ Обстоятельный обзор общественно-политических условий оформления русского летописания см. в превосходной книге: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. — Л., 1947.

¹³⁷ Ср.: Жуковская Л. П. О некоторых проблемах истории русского литературного языка древнейшего периода. — ВЯ, 1972, № 5, с. 66.

скандинавских традиций в Новгороде и других северных волостях, то они, по интерпретации летописи, принесены сюда «находниками» — «от рода варяжска»; а «первѣи насельници в Новѣгородѣ *словѣне*», а не *варяги* (и т. д.).

Сталкиваясь с «варяжскими» традициями в княжеской и боярской среде, киевские книжники совершенно естественно осмысливали их в плане «призвания варягов» новгородцами — *словенами* (славянами!) и их соседями — финноязычными племенами, составившими вместе с славянскими поселенцами Севера единый политический союз, т. е. уже вполне оформившееся государственное объединение, что впоследствии и используется, как это убедительно показал А. А. Шахматов, для обоснования исключительности и законности киевской правящей династии¹³⁸. Замечательно, что только так — как решение вопроса исключительно династического — воспринимали летописную легенду и средневековые книжники. Так, в знаменитой хронике поляка Яна Длугоша (XV в.), явно использовавшего древнерусские источники, недвусмысленно разъясняется, что «некоторые русские народы» пригласили трех варяжских князей, «поскольку не было желательно выбирать кого-либо из своих ради равенства»⁽¹⁾¹³⁹. И здесь угадывается знакомая и политически хорошо обоснованная тенденция, проявляющаяся затем в истории многих европейских государств: приглашать монарха «со стороны», дабы предупредить междоусобную борьбу за власть между представителями знатнейших местных семейств. Эта акция не имеет прямого отношения к проблеме происхождения государства, ибо она возможна лишь при наличии уже сложившегося государственного аппарата (ср. сохраняющуюся на протяжении ряда веков в том же Новгороде и других северных древнерусских волостях традицию избирать князя-президента не из числа коренных местных жителей). Короче говоря, как справедливо отмечает В. Т. Пашуто, «сам по себе факт призвания князя есть следствие внутреннего общественного развития страны, чьей знати на службу он ставится»¹⁴⁰.

Нестор, поддержавший «антинорманскую» концепцию составителей Древнейшего свода 1037—1039 гг., в целях доказательства исконности «словен» в Новгороде (наличия их там ранее *варягов*!) излагает в своем введении легенду о путешествии апостола Андрея, который «приде в словене, идеже нынѣ Новгородѣ» (Введ., ст. 8), подчеркивая этим разъяснением, что термин *словене* как обозначение новгородцев (или их предков) его современникам не был известен. И это еще одно напоминание о том, что введение этнонима *словене* в текст Древнейшего свода (начало XI в.) было вызвано необходимостью доказать, что древнейшее и основное население Новгорода — славяне

¹³⁸ См.: Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов, с. 10 и далее; Он же. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, гл. XIII. Сказание о первых русских князьях.

¹³⁹ Эти разъяснения, между прочим, цитировал М. Н. Тихомиров (см.: Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля», с. 68). Я. Длугош использовал какой-то источник южнорусского происхождения (см.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, с. 340—352 и др.; Лимонов Ю. А. Русские источники Яна Длугоша по истории Киевской Руси. — В кн.: Проблемы истории феодальной России. ЛГУ, 1971, с. 76—81), поэтому можно думать, что примерно так же осмысливалось «призвание варягов» и киевскими книжниками.

¹⁴⁰ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т. и др. Древнерусское государство и его международное значение, с. 86; ср.: Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода, с. 36—39 и далее.

(а не *варяги!*), непосредственно не связанные с местной «русью» (славянизированными норманнами Южного Приладожья?) и именовавшиеся «своим именем», ибо никакого иного древнего названия новгородских славян (кроме термина *новгородцы*) киевские ученые книжники летописного периода не знали.

ДИАЛЕКТНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СОСТАВ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ПОЗДНЕДРЕВНЕРУССКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ЗОНЫ

Установление словообразовательной «стратиграфии» восточнославянских этнонимов «Повести временных лет», их этимологических связей, а также соответствий инославянской средневековой этнонимии и знакомство с культурно-этнографическими особенностями районов летописной локализации восточнославянских этнонимов позволяют говорить о генетической неоднородности славяноязычных диалектно-этнографических коллективов, вошедших в состав древнерусской народности.

Генетическая неоднородность раннеславянских племенных объединений Восточной Европы, зафиксированных в летописи под названиями *полян, деревлян, кривичей* и т. д., обусловлена, с одной стороны, их связью с разными славянскими группировками, выделившимися в результате окончательного распада праславянского объединения родов, с другой стороны, тем, что ряд известных нашим летописцам славяноязычных диалектно-этнографических групп оформился в процессе распространения славянской речи среди автохтонов Восточной Европы, ассимиляция которых началась еще до образования Древнерусского государства, положившего начало формированию древнерусской народности и вместе с тем способствовавшего интенсификации культурно-этнографической и языковой нивелировки разноязычного местного населения. «Славянофинно-угорский, славяно-тюркский и славяно-балтийский симбиоз засвидетельствован археологами <...> как длительный, многовековой процесс..., постепенно приводящий к консолидации народности»¹⁴¹ в границах единого Древнерусского государства, которое «возникло и развивалось как этнически неоднородное»¹⁴². А поскольку инициатива в создании политического объединения разноязычных

¹⁴¹ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т. и др. Древнерусское государство и его международное значение, с. 92; ср.: Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, с. 153.

¹⁴² Новосельцев А. П., Пашуто В. Т. и др. Древнерусское государство и его международное значение, с. 88 и далее; см. также: Хабургаев Г. А. Этнический состав Древнерусского государства и образование трех восточнославянских народностей, с. 87—90 и далее.

племен лесной и лесостепной зон Восточной Европы принадлежала славяноязычным группам населения и именно они играли наиболее активную роль в его хозяйственной, культурной и политической жизни, то и языком этого объединения становится славянский, развивающий в ходе своего распространения ряд специфических особенностей, отличающих его от славянских диалектов Запада и Юга и определяемых как особенности общевосточнославянские, в плане синхроническом (функциональном) — собственно древнерусские.

Сформулированные выводы означают, что языковые особенности, охватывающие все без исключения восточнославянские диалекты и противопоставляющие их диалектам остальных славянских языков (например, полногласные сочетания, сохранение редуцированных перед плавными в известных сочетаниях между согласными, начальный *о-*, шипящие на месте праславянских палатализованных смыхных зубных и другие), не могут интерпретироваться как инновации «прарусского языка» (или «восточнославянского языка-основы») — праславянского диалекта, явившегося предком всех восточнославянских говоров, обособившихся в результате его распада. Если обнаруживается, что колонизация Восточной Европы осуществлялась славянами, вышедшими из разных праславянских группировок, и что единый славянский массив от Среднего Поднепровья до Ладоги складывается не ранее IX в., то из этого следует, что развившиеся в додревнерусское время языковые особенности, оказавшиеся впоследствии общевосточнославянскими, первоначально не могли характеризовать все без исключения восточноевропейские славянские диалекты. Иными словами, общевосточнославянский характер серии известных специфических языковых особенностей — это не результат образования восточнославянских говоров из одного промежуточного праязыка (одного из обособившихся праславянских диалектов), а результат нивелировки диалектов в период формирования древнерусского языкового единства, сложившегося из гетерогенных компонентов. В частности, это значит, что основной тенденцией языкового развития раннего древнерусского периода (IX—XI вв.) была интеграция диалектов тех племенных группировок, которые вошли в состав древнерусской народности.

Зафиксированное летописью и подтвержденное археологически участие автохтонных племен в формировании древнерусской народности¹⁴³ подсказывает неизбежность субстратного воздействия на развитие ряда восточнославянских языковых особенностей, которые, несмотря на давность происхождения, не могут расцениваться как черты «племенных» славянских диалектов. Это отно-

¹⁴³ См. летописную характеристику диалектно-этнографического состава Древней Руси к XI в.: Хабургаев Г. А. Этнический состав Древнерусского государства и формирование трех восточнославянских народностей, с. 89—90.

сится и к известным специфически восточнославянским реализациям общеславянских тенденций языкового развития, получившим в период лингвоэтнической консолидации Древней Руси общевосточнославянское распространение¹⁴⁴, и к таким старейшим древнерусским новообразованиям, как цоканье, развивающееся в районах славянизации финно-угорских племен (а не являющееся диалектной особенностью только «словен» или «кривичей»); фрикативный [γ], оформившийся в зоне поглощения славянами поселений, продолжавших традиции скифского времени, и распространяющийся затем на все области южно-восточнославянской колонизации независимо от того, были ли они заселены *деревлянами*, *дреговичами* или *радимичами*; аканье-яканье, оформляющееся в ареале раннедревнерусской славянизации балтов (см. карту 2) и не являющееся особенностью диалекта какого-либо восточнославянского «племени» (ибо его развитие относится ко времени, когда уже были разрушены родо-племенные связи). В еще большей степени это относится к явлениям более позднего происхождения, распространявшимся в период консолидации населения восточноевропейских городов и сельских общин, а не «племен», память о которых, как выясняется в результате анализа словообразовательных типов восточнославянской этнонимии, в отдельных районах тускнеет уже в эпоху сложения додревнерусских локальных политических объединений (до VIII—IX вв.).

* *
*

То, что границы позднедревнерусских диалектных зон не предопределены ареалами расселения додревнерусских племенных объединений (см. постановку задач исследования на с. 13), а сложились к концу периода феодальной раздробленности в результате локализации языковых переживаний позднего древнерусского периода, особенно наглядно иллюстрируется расположением изоглосс, очерчивающих центральную зону (ср. карты 10 и 22): именно в это время продвигается на север — к нынешней его границе — фрикативный [γ] и «отступает» в том же направлении цоканье, подтверждающее археологический вывод о северно-восточнославянском происхождении летописных *кривичей* Смоленщины (см. материал и комментарии на с. 53—55); в это же время распространяется здесь аканье-яканье, охватывающее ареалы летописных *кривичей*, *радимичей*, *вятичей* и *севера*, которые, судя по историческим условиям их формирования, не могли «исконно» характеризоваться говорами единого происхождения.

¹⁴⁴ Ср.: Хабургаев Г. А. Еще раз о восточнославянском (и русском) начальном о-(*iје*-.). — В кн.: Вопросы русского языкознания, вып. I. М., 1976.

Сопоставляя результаты ретроспективной лингво-археологической реконструкции отдельных этапов развития внутривосточнославянских диалектных отношений, можно заметить, что реальные пути формирования древнерусского языка и затем — образования современных восточнославянских языков были значительно сложнее, чем это представлялось в начале нашего столетия (см. с. 11 и далее), и вместе с тем теснейшим образом были связаны с решающими поворотами социальной истории восточных славян, как это в общих чертах уже представлялось и А. А. Шахматову.

В самом деле, несовпадения диалектно-этнографического членения восточных славян, обнаруживаемые при сопоставлении синхронических «срезов» разных периодов (современного — начального периода формирования трех восточнославянских лингво-этнических общностей — начального периода формирования древнерусской народности и ее языка), убедительно говорят о том, что каждый новый период социально-исторического развития восточных славян определял и новые направления их языкового развития. Образование Древнерусского государства и формирование в его границах единой древнерусской народности обуславливали интеграцию славянских диалектов различного происхождения и поглощение ими иностранных говоров автохтонов лесной зоны Восточной Европы. Ослабление политического и экономического единства в период феодальной раздробленности активизировало локализацию языковых переживаний в границах обособления местных этнографических групп древнерусского населения, впитывавшего разноразличные дославянские группировки Восточной Европы. Наконец, тюрко-монгольское нашествие и последующее сопротивление иноземным поработителям, вызвавшее консолидацию населения разных, по-новому сложившихся районов восточнославянских поселений¹⁴⁵, обусловили развитие новых конвергентных процессов, приведших к сложению трех восточнославянских языков, диалектный состав и границы которых уже не соответствовали центробежным тенденциям языкового развития предшествующего периода.

¹⁴⁵ См.: Хабургаев Г. А. Этнический состав Древнерусского государства и образование трех восточнославянских народностей, с. 96—99.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДД	— Автореферат докторской диссертации.
АКД	— Автореферат кандидатской диссертации.
АО- ...	— «Археологические открытия...» (ежегодник Института археологии АН СССР; сокращение дается с указанием года открытий, например: АО-1967 — «Археологические открытия 1967 года»).
ВЛУ	— «Вестник Ленинградского университета» (журнал).
ВМУ	— «Вестник Московского университета» (журнал).
ВСЯ	— «Вопросы славянского языкознания» (сборники языковедческих статей Института славяноведения АН СССР).
ВЯ	— «Вопросы языкознания» (журнал).
ИАН ОЛЯ	— «Известия Академии наук. Отделение литературы и языка» (журнал соответствующего отделения АН СССР).
ИАН СЛЯ	— «Известия Академии наук. Серия литературы и языка» (то же).
ИОРЯС	— «Известия отделения русского языка и словесности» (то же).
ИРЯС	— «Известия по русскому языку и словесности» (то же).
КСИА	— «Краткие сообщения [Института археологии]» (сборники статей Института археологии АН СССР).
КСИИМК	— «Краткие сообщения [Института истории материальной культуры]» (то же).
КСИС	— «Краткие сообщения [Института славяноведения]» (сборники статей Института славяноведения АН СССР).
МИА	— «Материалы и исследования по археологии СССР» (серия изданий — монографий и тематических сборников — Института археологии АН СССР).
ПВЛ	— «Повесть временных лет». В необходимых случаях списки указываются в соответствии с классификацией, утвержденной авторитетом А. А. Шахматова: Л. — Лаврентьевский, Р. — Радзивилловский, Тр. — Троицкий, М.-А. — Московской духовной академии, И. — Ипатьевский; условные названия остальных списков указываются полностью.
ПСРЛ	— «Полное собрание русских летописей» (серия изданий русских летописных сводов, начатая в середине XIX в.; указывается том).
РЯШ	— «Русский язык в школе» (журнал).
СА	— «Советская археология» (периодический сборник статей, позднее — журнал).
СОРЯС	— «Сборник Отделения русского языка и словесности» (серия изданий отделения Академии наук).
СЭ	— «Советская этнография» (журнал).
СЯ	— «Славянское языкознание» (сборники докладов советских делегаций на Международных съездах славистов).
ФН	— «Научные доклады высшей школы. Филологические науки» (журнал).

I. О задачах и методах исследования	3
А. А. Шахматов и проблемы восточнославянского глоттогенеза	14
Понятия диалекта и диалектной зоны в свете данных лингвистической географии	21
Возможности реконструкции восточнославянского глоттогенеза	21
II. Позднерусские диалектные зоны	
Северо-восточная зона и среднеокские говоры	35
Северо-западная зона	47
Центральная диалектная зона	51
Южная и юго-западная зоны	62
Позднерусские диалектные зоны и современные восточнославянские языки	65
III. Некоторые вопросы предистории восточных славян	
Носители праславянской речи до начала новой эры	69
Поиски праславян на рубеже двух эр	82
Локальные группы раннесредневековых славян	93
IV. Обособление славяноязычных племен Восточной Европы (Историко-археологический обзор с позиций диалектолога)	
Истоки славянской колонизации Восточной Европы	104
«Кривичи» и «словене» (новгородцы)	108
«Север» и «вятичи»	119
«Радимичи»	142
«Вельяныне», «деревляне» и «дреговичи»	144
«Поляне»	151
«Уличи» и «тиверцы» (Résumé)	153
V. Этнонимия «Повести временных лет» (Словообразовательная классификация и «стратиграфический» анализ)	
Состав летописной восточнославянской этнонимии и принципы ее анализа	158
Образования с суффиксом <i>-ьч-и</i> (тиверьцы)	170
Образования с суффиксом <i>-ан-е</i>	172
Полочане	176
Бужане — вельяныне	179
Деревляне	181
Поляне	184
Северяне	185
* <i>Lenz'-an-e</i>	186
Происхождение этнонимов на <i>-ан-е</i>	188
Образования с суффиксом <i>-ич-и</i>	190
Берендици	194
Кривичи	195
Дреговичи	196
Радимичи и вятичи	197
Уличи (Résumé)	198
Первичные («бессуффиксные») этнонимы	200
Дулѣби	202
Хърватѣ	202
Дерева, *поля, сѣверъ	203
Словообразовательная «стратиграфия» и возможности этимологизации летописных этнонимов	210
Русь и словене	215
Диалектно-этнографический состав Древней Руси и позднерусские диалектные зоны	226
Список сокращений	230

*Георгий Александрович
Хабургаев*

ЭТНОНИМИЯ
«ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

в связи с задачами реконструкции
восточнославянского глоттогенеза

Зав. редакцией *М. Д. Поталова*
Редакторы *В. С. Белоусова, Т. А. Золотова*
Художник *В. В. Гарбузов*
Художественный редактор *Л. В. Мухина*
Технический редактор
З. С. Кондрашова
Корректоры *Л. А. Костылева,*
И. И. Кочеткова

Тематический план 1978 г. № 61
ИБ № 6

Сдано в набор 12.12.77. Подписано
к печати 06.03.79. Л-76071 Формат
60×90^{1/16} Бумага тип. № 1. Гарнитура
литературная. Высокая печать. Усл. печ.
л. 14,5 Уч.-изд. л. 17,52 Тираж 2125 экз.
Зак. 299 Цена 2 р. 40 к. Изд. № 2775

Издательство
Московского университета.
Москва, К-9, ул. Герцена, 5/7.
Типография Изд-ва МГУ.
Москва, Ленинские горы